НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ВОЕННОГО ПСИХОЛОГА

А. Г. Караяни

А. Г. Караяни

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ВОЕННОГО ПСИХОЛОГА

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

**Книга доступна на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»**

Москва • Юрайт • 2023

УДК 355.133.4(075.8)
ББК 88.4я73
К21

Автор:

Караяни Александр Григорьевич — доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой психологии военно-психологического факультета Военного университета Министерства обороны Российской Федерации.

Рецензент:

Утлик Э. П. — профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы Росийской Федерации.

Караяни, А. Г.

К21 Настольная книга военного психолога : практическое пособие / А. Г. Караяни. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 332 с. — (Профессиональная практика). — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-534-00263-8

Данное практическое пособие является уникальным собранием военно-психологического опыта выдающихся воителей Древности и новейших достижений мировой военной психологии.

Лейтмотив книги — формирование эффективного бойца, обладающего сверхчеловеческими способностями видения и понимания боя, мобилизации глубинных ресурсов своего тела и психики, эффективного использования энергетики боевого стресса, создания собственного «психологического бронежилета». В ней раскрываются секреты боевой сплоченности и необоримости воинского коллектива, эффективности боевого руководства.

По обширности проблематики издание не имеет аналогов в России и за рубежом. В нем раскрыты психологические природа войны и боя, модель боевых действий, пружины боевого поведения воинов.

Издание содержит научную информацию и в соответствии с пунктом 1 части 2 статьи 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» под действие указанного Федерального закона не подпадает

УДК 355.133.4(075.8)
ББК 88.4я73

ISBN 978-5-534-00263-8

Оглавление

Принятые сокращения

ВС — вооруженные силы
ВС РФ — Вооруженные Силы Российской Федерации
ВВС — Военно-воздушные силы
ВКС — Воздушно-космические силы
ВМФ — Военно-морской флот
МО — Министерство обороны
СВ — Сухопутные войска
СМИ — средства массовой информации
ТВД — театр военных действий

Предисловие

В новой военной доктрине России отмечается, что мировое развитие на современном этапе характеризуется усилением глобальной конкуренции, напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничеством ценностных ориентиров и моделей развития на фоне общего осложнения международных отношений. Воспламеняются очаги ожесточенных, кровавых, крайне опасных конфликтов. Все отчетливее проявляется тенденция к их силовому разрешению, в том числе у самых границ России. Гегемонистская политика США и НАТО, рост агрессивных амбиций турецкого руководства многократно повышают военную опасность для нашей страны.

Современная полномасштабная война в свете доктринальных установок характеризуется массированным применением систем вооружения и военной техники, высокоточного, гиперзвукового оружия, средств радиоэлектронной борьбы, оружия на новых физических принципах, информационно-управляющих систем, широким использованием беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, управляемых роботизированных образцов вооружения и военной техники. Противоборствующие стороны способны оказывать воздействие на противника на всю глубину его территории одновременно в глобальном информационном пространстве, в воздушно-космическом пространстве, на суше и море. Боевое преимущество будет иметь та сторона, которая достигнет сокращения временных параметров подготовки к ведению военных действий, обеспечит избирательность и высокую степень поражения объектов противника, быстроту маневра войсками и огнем, широкое применение мобильных сил, эффективно использует глобальные сетевые автоматизированные системы управления войсками и оружием[1].

Вместе с тем, военные события в Сирии, Украине и других государствах вновь со всей очевидностью показали, что решающим условием обеспечения безопасности государства, боеспособности его вооруженных сил является высокий боевой дух воинов. Знаменитая формула Наполеона, гласящая, что «на войне моральная сила относится к физической как три к одному», действует с беспощадной неотвратимостью.

Отечественная военная психология с первых дней своего появления в ранге самостоятельной науки исходила из того, что война есть явление психологическое. Психологическими являются цель войны («заставить противника выполнить нашу волю»), ее важнейшие задачи (дезориенти-

---

[1] Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976).

ровать, деморализовать, дезинтегрировать, дезорганизовать противника), наиболее ее эффективные средства (военная хитрость, ложь, устрашение, психологическое изнурение и подавление, внезапность) и последствия (паника, отчаяние, психические расстройства) и т.д.

В середине прошлого века русский военный мыслитель Е. Э. Месснер прозорливо указывал на то, что современная война обрела четвертое, психологическое, измерение. Если в прежних войнах ослабление духа вражеской армии и народа было вспомогательным средством, то теперь они стали важнейшими стратегическими объектами. «Разложить дух врага и уберечь от разложения свой дух — вот смысл борьбы в четвертом измерении, которое сделалось более важным, чем три прочих измерения»[1]. В нынешнюю эпоху проще разложить души людей, чем захватить территорию, легче разложить государство, чем покорить его оружием, эффективнее сокрушить психические силы врага, чем уничтожить его живую силу.

Как показывает анализ военно-политических взглядов США и НАТО, они целиком базируются на психологическом понимании войны. Главной стратегий в непрестанно ведущихся ими «гибридных», «асимметричных», «мягких», «4GW» войнах является «месснеровское» «воевание без войск» — воевание партизанами, диверсантами, террористами, массовыми вредителями, подпольщиками, «добровольцами», саботерами, пропагандистами. Это ведет к тому, что «теперь каждый воин и каждый гражданин соприкасаются с враждебно мыслящими, с перебежчиками, провокаторами, с неприятельскими пропагандистами, с попутными, но инакомыслящими людьми»[2].

Новые боевые и психологические грани войны неизмеримо повышают психологическую нагрузку на воинов, могут дезориентировать их, вызвать когнитивный диссонанс, нарушить систему базовых ценностей, снизить боевую мотивацию и активность, существенно затруднить выполнение боевых задач. Мощные психогенные факторы современного боя (опасность, неопределенность, новизна обстановки, внезапность наступления боевых событий, высокая ответственность и т.д.) способны травмировать психику воинов, существенно снижать их боеспособность, вести к масштабным психогенным потерям в воинских частях и соединениях.

Перечисленные обстоятельства возводят в ранг остроактуальных и значимых государственных задач задачу по всемерному укреплению психологических сил и возможностей российских воинов, их всесторонней психологической подготовке к эффективным боевым действиям в экстремальных условиях современных войн.

Важная роль в решении этой задачи принадлежит военной психологии. Именно военная психология призвана показать важность человеческого измерения современной войны, дать воину «психологические стрелы и щит», психологический ресурс, обеспечивающий успешное выполнение боевой задачи и выживание на поле боя.

---

[1] Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. М., 2005. С. 78.

[2] Там же. С. 146—147.

Военная психология будет полезной солдату, если откроет ему его собственные возможности, даст ключ к пониманию психологических явлений боя, покажет, как превратить страх в ярость, нерешительность — в гнев, слабость — в выдержку и героизм, победить себя, чтобы стать непобедимым. Она станет полезной офицеру и генералу, если укажет пути укрепления психических сил своих воинов и подавления психических сил противника, превращения сомнения в обоснованные боевые решения, беспокойство в умелую организацию боя.

Данное практическое пособие призвано выполнить эту миссию — предоставить в распоряжение военнослужащего, защищающего с оружием в руках интересы своей страны, знания, опыт, практические основания для превращения его в эффективного бойца.

Практическое пособие отличается от других подобных изданий тем, что в нем обобщен исторический опыт развития военно-психологического знания за 2,5 тыс. лет развития человеческой цивилизации. В нем впервые широко представлен современный зарубежный опыт военной психологии, наработки военных ученых и психологов США, Китая, Великобритании, Германии, Израиля, Канады и других государств. Российские источники анализируются в той мере, в которой они являются оригинальными и не носят закрытого характера.

Данное практическое пособие — первый подобный труд, выстроенный на основе целостной теоретико-методологической концепции — ресурсного подхода в психологии. Впервые содержание глав практического пособия по военной психологии ориентировано на комплекс профессиональных компетенций психологов, а в его структуре, наряду с теоретическими положениями, присутствуют практикумы, кейсы, задания, литература.

В пособии представлена история, методология, теории и практика военной психологии. Военная психология предстает как отрасль психологической и военной наук, исследующая психику военнослужащего, выполняющего боевые задачи в составе воинского подразделения в конкретной боевой обстановке, как направление специальной практики и как профессия.

Первый раздел ориентирован на изложение теоретико-методологических основ современной военной психологии, психологическое понимание войны и боя; второй раздел раскрывает особенности функционирования психики воина и психологии воинского коллектива в боевой обстановке; третий раздел связан с изложением технологий психологического обеспечения боя (психологической подготовки, психологической помощи и социально-психологической реадаптации воинов); четвертый раздел посвящен анализу направлений, форм и методов работы военного психолога в мирное время.

Практическое пособие предназначено для студентов (курсантов) психологического и психолого-педагогического профилей, аспирантов и преподавателей, а также специалистов психологической работы ВС РФ и других силовых ведомств.

Раздел I
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

ГЛАВА 1
ВОЙНА КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Специалисты посчитали, что за последние шесть тысячелетий люди Земли пережили более 15000 войн, и что на каждый день мира приходится пять дней войны. За всю свою цивилизованную историю человечество наслаждалось миром не более трех столетий. Все остальное время на нашей планете полыхали войны, военные конфликты и инциденты. В этих больших и малых столкновениях погибло около четырех миллиардов человек, т.е. половина нынешнего населения Земли. В этих условиях трудно понять, что является естественным состоянием человеческого сообщества — мир или война. Не случайно одни исследователи называют войну тяжелой патологией общества, социальным заболеванием, другие — скальпелем, удаляющим «раковые опухоли» в международных отношениях, третьи — одним из естественных способов существования мирового сообщества и т.д.

Война на сегодняшний день остается одним из наиболее слабо изученных социальных явлений, несмотря на наличие в этой области военно-научных, философских, социологических, антропологических, исторических трудов и отдельных психологических работ. Безусловно, представителями этих и других наук в анализируемой нами области сделано немало. Достаточно вспомнить интересные, глубокие и, по существу, уникальные работы военного теоретика К. фон Клаузевица «О войне», философа А. А. Керсновского «Философия войны», антрополога Д. А. Коробчевского «Психология войны», социологов Н. Н. Головина «О социологическом изучении войны» и «Наука о войне» и В. В. Серебрянникова «Социология войны», историка Е. С. Сенявской «Психология войны в XX веке: исторический опыт России» и другие. Следует отдать дань уважения людям, взявшим на себя смелость исследовать одно их самых сложных и противоречивых явлений социальной жизни. Очевидно и то, что в целостном феномене войны присутствуют четко выраженные философский, социологический, исторический, собственно военный и другие аспекты, и что война по праву может обозначаться как явление философское, социологическое, историческое и т.д.

Между тем становится все более очевидным, что война — это явление в значительной мере психологическое и без понимания именно ее психологической природы, механизмов, функций, закономерностей, наиболее значимых феноменов нельзя приблизиться к пониманию ее сущности, определить ее социальную роль, выработать эффективные стратегии управления ее процессами.

Практически во всех войнах и локальных военных конфликтах ослабление боевого духа вражеской армии было важным вспомогательным средством достижения победы над ней. Однако в XX в., как отмечает известный русский теоретик войны Е. Э. Месснер, в структурной ткани войны, наряду с тремя ее пространственными измерениями, возникло новое самостоятельное измерение — психологическое. «Душа вражеской армии, душа вражеского народа стали важнейшими стратегическими объектами; мобилизация духа собственного народа стала важнейшей задачей верховного стратега. Разложить дух врага и уберечь от разложения свой дух — вот смысл борьбы в четвертом измерении, которое сделалось более важным, чем три прочих измерения»[1]. Это обусловлено тем, что «в нынешнюю эпоху легче разложить государство, чем его покорить оружием»[2].

О психологическом характере войны свидетельствует преобладание в ее причинности психологических предпосылок и детерминант в широчайшем спектре психологической феноменологии современной войны, в появлении и все более широком применении психологических средств и способов военного противоборства, в богатой психологической палитре драматических последствий войны. Познание этих сторон войны позволяет своевременно обнаруживать признаки надвигающейся войны, правильно оценивать ее масштабы, вид и характер, видеть логику и направления приложения рекомендаций военной науки к практике решения оборонных задач.

Рассмотрим психологическую сущность войны по этим ее характеристикам.

1.1. Психологические детерминанты войны[3]

Разобраться в причинах войны — это значит понимать то, насколько война возможна в данных конкретных условиях.

Народная мудрость гласит: «Война начинается в головах людей». И это положение — не просто красивая фраза, дань моде, конъюнктуре, не порождение амбиций психологов. Это констатация объективного положения вещей. Нельзя не согласиться с тем, что в системе сложной и многообразной детерминации войны ***психологические факторы*** (когнитивные, эмоциональные, мотивационные, волевые и т.д.) являются определяющими. Попытки выделить обстоятельства, порождающие войны, относятся к глубокой древности. На поле научных баталий, посвященных овладению причинами войны, оставили свои следы выдающиеся умы всех времен и народов. Их взгляды различны, часто противоречивы, но интересны и поучительны. Сравнение, группирование, классификация гипотез, идей, концепций, в которых содержатся попытки раскрыть причинности

---

[1] Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 76.

[2] Там же.

[3] См.: *Караяни А. Г.* Психология войны // Ежегодник ИРИ РАН. 2002; *Караяни А. Г.* Психология и война // Психология и война / под ред. А. Г. Караяни, Э. П. Утлика. М., 2003. С. 4–28.

вооруженного противоборства, позволяют выделить по крайней мере пять более или менее сформировавшихся ***подходов к объяснению природы войны***. К ним относятся подходы, которые условно можно обозначить как биоционный, антропоционный, цивилизационный, группоционный, интергруппоционный. Четких границ между данными подходами не существует. Более того, одни и те же ученые нередко объясняли причины войны обстоятельствами, относящимися к разным группам детерминации.

1. Сторонники *биоционого подхода* видят причины войн в действии механизмов естественного отбора, делающего борьбу за выживание и существование универсальным свойством живых организмов как в макро- и микромире, так и на границах их взаимодействия.

В этой борьбе Ч. Дарвин находил одно из средств совершенствования видов и, прежде всего, человека. Предуготованность живых форм к борьбе ради собственной сохранности и сохранения рода, по мнению ряда ученых, определяется специальными генетическими программами.

По убеждению К. Лоренца, агрессия имеет инстинктивную природу и отличается свойством аккумулироваться и «взрываться» под воздействием пусковых стимулов. Причем живой организм не имеет генетических программ торможения агрессии, что создает условия для спонтанного проявления агрессивности — своеобразного бойцовского инстинкта. Именно в отсутствии природного «тормоза» для инстинктивной агрессивности живых организмов сторонникам обозначенного подхода видится причина насилия, имеющего место в животном мире[1].

Таким образом, чтобы выжить в борьбе за существование, живой организм должен вести бескомпромиссную войну с себе подобными и отличными от себя организмами. Однако эта борьба ведется на разных уровнях и не обязательно связана с уничтожением конкурентов. По большей части она происходит в процессе естественного отбора более приспособленных для выживания видов. Более того, в животном мире, как правило, уничтожение себе подобных блокируется природными запретными программами.

2. Сущность *антропоционного подхода* состоит в наделении свойством братоубийства преимущественно представителей человеческого рода. По мнению его сторонников, человек по своей природе агрессивен, воинственен, драчлив. Это свойство он якобы унаследовал от своих животных предков, но превзошел их в масштабах и жестокости насилия, а также его направленности на «себе подобных».

Ярко выраженной антропоционной позиции придерживались величайшие психологи планеты З. Фрейд и К. Юнг. Фрейд считал агрессивность одним из основных инстинктов, определяющих психологические «пружины», направленность и смысл человеческого существования[2]. По его мнению, в бессознательном человека существуют разрушительные импульсы, которые могут быть направлены либо внутрь, любо во вне. Если они направляются внутрь, разрушается личность. Поэтому человек

---

[1] *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 1999. С. 486.

[2] См.: *Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого «Я» // *Фрейд З.* Избранное : в 2 т. М., 1990. Т. 1.

стремится выплеснуть свою агрессивную энергию на внешние объекты. На вопрос А. Эйнштейна «Почему мы воюем?» Фрейд отвечал: «Потому что человек — это то, что он собой представляет». Это его убеждение особенно отчетливо проявилось и оформилось после Первой мировой войны. Исходя из этой позиции, Фрейд даже отказался участвовать в движении борцов за мир, так как считал войны неизбежным следствием периодических вспышек человеческой агрессивности.

В свою очередь Юнг связывал причинность военных конфликтов с существованием в коллективном бессознательном человечества специального архетипа войны. Выражая свое понимание природы войны, он писал: «...подобно тому, как реки весной, наполняясь водами, выходят из берегов, образуя бурные потоки, а на исходе лета высыхают и мелеют, так же и архетипические структуры актуализируют импульсы агрессии, находящие бурное выражение в войне, а затем возвращают человечество к миру»[1].

Продолжая психоаналитическую традицию анализа причинности войны, К. Меннингер отмечал, что война — это отражение многократных, маленьких войн в душах людей и что война между нациями — это продолжение и усиление борьбы человеческих инстинктов и мотивов. Внешнее общественное давление является лишь следствием накопления и организации детского опыта взаимоотношений с родителями.

Истоки агрессивности человека, толкающей его в том числе и к войне, А. Адлер находил в формирующихся у отдельных личностей таких комплексах неполноценности, которые толкают их к гиперкомпенсации своих физических и психологических недостатков.

Опираясь на идею ранней социализации личности З. Фрейда, Т. Адорно разработал концепцию авторитарной личности, в которой показал, что агрессивность, нетерпимость по отношению к окружающим и психологическая готовность участвовать в войне может формироваться системой воспитания, причем как в семье, так и в масштабах общества.

По мнению русского антрополога Д. А. Коробчевского, основной причиной войны является психологическая природа человека и человеческого сообщества, важными компонентами которой являются «дух воинственности» и «инстинкт истребления» как механизмы реагирования на угрозу или оскорбление. «Всякое чувство оскорбления, нанесенное нашей нации, заставляет нас инстинктивно протягивать руку к оружию»[2]. Причем схема реагирования достается человеку в готовом виде от первобытных предков и не изменяется в процессе эволюции человека. По убеждению Коробчевского, «предки передают нам уже готовую организацию мозга, определяющую наши стремления и наклонности». В результате сегодня, как и тысячи лет назад, человек по своей природе «звероподобен», и война позволяет ему утолить «жажду крови». «Воинственность, — утверждал Коробчевский, — не прерывалась в нашей истории, и в области бессознательного

---

[1] *Плотинский Ю. М.* Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. М., 1998. С. 146.

[2] *Коробчевский Д. А.* Психология войны. СПб., 1892. С. 2.

нашей души инстинкты войны залегают прочно и глубоко, с почти первобытной силой»[1].

По мнению Г. Олпорта, причины войн кроются в такой психологической субстанции, как ожидания людей. Он подчеркивал, что большинство людей сожалеют о войне, но ожидают ее. «А то, чего люди ожидают, детерминирует их поведение»[2]. Он подвергает критике концепцию «общего врага», отмечая, что ошибочно полагать, что «внутри каждой нации существует резервуар враждебности — враждебности, которой необходимо как-то высвобождаться, через локальные конфликты, классовые предубеждения и внешние войны. Достаточно странно, но человек не высвобождает агрессию, выпуская ее через один канал вместо другого. У стран с многими внутренними конфликтами отнюдь не меньше конфликтов внешних»[3].

Олпорт отмечает, что одной из причин воинственности человека является существующий у каждого народа образ его «золотого века» — того времени, когда их предки превосходили все другие группы по культуре, процветанию, науке или власти, обладали высокими художественными, материальными или интеллектуальными достоинствами. Этот «золотой век» мог быть в очень давней истории, но побуждаемые личной гордостью, люди легко идентифицируются с ним. Они также легко переходят к оценке того, что заслуживают сегодня, используя в качестве мерила достижения этого века максимального возвышения. В результате они «осознают», что против их группы много грешили, что границы их земель несправедливо узки, что их группа лучше и потому она заслуживает больше благ, чем другие.

По существу, в этих рассуждениях Олпорт предстает как представитель межгруппоционого подхода в трактовке причин войны. Однако его рассуждения завершаются антропоционным выводом. Он утверждает, что агрессивный национализм не может вспыхнуть до тех пор, пока воинственно настроенные индивиды не возобладают в сообществе. Поэтому решающим фактором в вопросах войны и мира является лидер. Самая большая угроза миру — это лидеры, рассматривающие войну как неизбежную и тем самым приучающую людей к мысли о ней. Ибо, «если люди рассматривают войну как неизбежность — она неизбежна»[4].

Сторонники антропоционного подхода пытаются также объяснить побуждения человека к агрессии и войне дисбалансом соответствующих генов (избытком тестостерона и недостатком серотонина).

Безусловно, рассматриваемый подход основывается преимущественно на гипотетических конструктах в объяснении причинности войны. Генов враждебности, также как и инстинктов драчливости, до сих пор не выявлено. Ожидание людьми войны — свойство не универсальное. Скорее, Олпорт говорил о допустимости возможности войны. Однако и ожидание

---

[1] *Коробчевский Д. А.* Психология войны. СПб., 1892. С. 31.

[2] *Олпорт Г.* Ожидания и война // *Олпорт Г.* Становление личности : избранные труды. М., 2002. С. 151–166.

[3] Там же. С. 155.

[4] *Олпорт Г.* Ожидания и война. С. 163.

войны, и ее допустимость легко формируются в процессе специальной деятельности по созданию «мифической реальности».

Американский военный психолог Л. Лешан выделяет два типа реальности, в которых могут существовать люди: «сенсорная» и «мифическая». Сенсорная реальность формируется посредством воздействия объективной реальности на органы чувств человека. Мифическая реальность — это информация о реальности, целенаправленно переработанная, искаженная и замещающая сенсорную реальность. Основными составляющими мифической реальности являются убеждения о том, что: 1) существует нация (группа) — враг, которая является воплощением абсолютного зла; 2) если уничтожить это зло, мир станет раем на земле; 3) меры, предпринимаемые против этого зла, — путь к славе и легендарным высотам мироздания; 4) своя нация избрана избавить мир от зла, и каждый, кто не согласен с официальными взглядами по этому вопросу, является изменником[1].

Эти две реальности — мифическая и сенсорная — отличаются по структуре, и эта разница непреклонно приводит к отличиям в мыслях и поведении. Мифическая реальность характеризует общество во время войны, когда все понятия делятся на белое и черное, и нет промежуточных оттенков. В табл. 1.1 приведены сравнения основных отличий в восприятии людьми сенсорной и мифической реальности, выделенных Л. Лешаном.

Таблица 1.1

Отличия в восприятии сенсорной и мифической реальности

Структура сенсорной реальности	Структура мифической реальности
И у добра, и у зла много промежуточных оттенков. Многие союзы с различными идеями и взглядами — законны. Их взгляды и политика в общем — сравнительно хороши или плохи, удовлетворительны или неудовлетворительны, глупы или разумны	Понятия «добро» и «зло» ассоциируются с нами и с ними. Нет случайных невиновных наблюдателей: есть только те, кто за нас или против нас. Все понятия делятся на черное и белое. Мнения по этим вопросам могут быть либо абсолютно верными, либо наоборот
Настоящее время почти ничем не отличается от других времен	Настоящее время — особенное и качественно отличается от других времен
Есть вещи, которые в большей или меньшей степени отличают настоящее от предыдущих времен, но это качественная разница	Все приведено в баланс; кто выигрывает, тот выигрывает навсегда. Это время решающей битвы между добром и злом — наступление Армагеддона, Рагнарока, Войны, которая должна положить конец злу
Мы почти не спорим о таких величайших силах природы, как Бог или эволюция человечества	«*Gott Mit Uns*» (с нем. — «С Нами Бог»), «*Dieu et mon Droit*» (с франц. — «Бог и мое право»), «Манифест Судьбы», «История сражается на нашей стороне» и другие подобные лозунги свидетельствуют о том, что мы верим, что великие движущие силы космоса с «нами»

[1] *Лешан Л.* Если завтра война? Психология войны. М., 2004. С. 42—43.

Структура сенсорной реальности	Структура мифической реальности
Когда настоящий период завершится, то все будет происходить почти как раньше	Когда эта война закончится, все кардинально изменится: если мы победим, то все будет намного лучше, а потерпим поражение — то намного хуже. Мир глобально поменяется благодаря тому, что мы сделаем. Одержим ли мы победу или потерпим поражение, в любом случае, это изменит значение нашего прошлого и очертания нашего будущего
Нам предстоит решить множество проблем, важность которых меняется изо дня в день. Жизнь достаточно сложна и готовит для нас много сюрпризов	Это наша первостепенная задача — решить эту проблему, а все остальное уходит на второй план. В этом простота жизни. В ней есть одна цель
Все люди руководствуются почти одинаковыми мотивами	Ими управляет жажда власти, а нами — желание защитить себя, человеколюбие, мораль, благопристойность
Проблемы возникают на разных уровнях — политическом, экономическом, личностном — и должны решаться на соответствующих уровнях	Все началось с изъявления воли нашего врага и поэтому должно закончиться победой над ним или возможностью сделать его беззащитным
Нас интересуют причины проблем, которые мы пытаемся решить	Нас интересуют не причины войны, а ее результаты
Мы можем решать спорные вопросы с помощью переговоров	Поскольку враг — это зло, то он лжет, и переговоры с ним невозможны. Этот вопрос можно решить силой. Мы говорим правду (в новостях, образовании), а они лгут (через пропаганду)
Люди в основном похожи друг на друга, разница состоит в качестве	«Мы» и «они» отличаемся качественно настолько, что одни и те же действия могут рассматриваться как зло или добро в зависимости от их исполнителя. Вызывает сомнения, что они могут принадлежать к тому виду, что и мы

По мнению Лешана, структурные элементы мифической реальности являются ***предикторами войны***. Их появление в общественном сознании указывает на то, что данная нация психологически и идеологически готова к войне.

3. Апологеты ***цивилизационного*** (***циклического***) ***подхода*** исходят из того, что развитие любой неживой, живой и социокультурной системы подчиняется циклической логике развития: все на Земле рождается, развивается, стареет и умирает. Этот процесс имеет определенные порядок, ритм, закономерности течения. О циклическом развитии всего сущего говорили мудрецы Древнего Востока, а также Платон, Аристотель, Плутарх и др.

Суть этого подхода ярко выражена в словах Н. Макиавелли: «Переживая беспрерывные превращения, все государства обычно из состояния упорядоченности переходят к беспорядку, а затем от беспорядка к новому порядку. Поскольку уже от самой природы вещам этого мира не дано останавливаться, они, достигнув некоего совершенства и будучи уже не способны к дальнейшему подъему, неизбежно должны приходить в упадок, и наоборот, находясь в состоянии полного упадка, до предела подорванные беспорядками, они не в состоянии пасть еще ниже и по необходимости должны идти на подъем. Так вот всегда, все от добра снижается ко злу и от зла поднимается к благу. Ибо добродетель порождает мир, мир порождает бездеятельность, бездеятельность — беспорядок, а беспорядок — погибель, и соответственно новый порядок порождается беспорядком, порядок рождает доблесть, а от нее проистекают слава и благоденствие»[1].

С позиций цивилизационного подхода объясняет причинность войны английский историк А. Тойнби, разработавший концепцию о 13 цивилизациях и законах повторяемости социального развития. По его мнению, война является одним из «пусковых сигналов» развития цивилизаций и причиной их крушения[2].

«Цивилизационные» тенденции просматриваются в подходе к анализу войны П. Сорокиным. В его известном труде «Социальная и культурная динамика» в качестве главной причины войны указывается ослабление процесса усвоения обществом или его отдельными частями системы основных ценностей и соответствующих норм (религиозных, нравственно-юридических, научных, экономических, политических, эстетических), нарушение их совместимости.

Научная обоснованность цивилизационного подхода достаточно дискуссионна. Цивилизационные циклы зачастую охватывают многие тысячелетия и проверить точность их описания не представляется возможным. Более того, войны имели место не только в период упадка и разложения цивилизаций, но и на других этапах их развития.

4. К *группоционному подходу* можно отнести концепцию пассионарности Л. Н. Гумилева и совокупность представлений о природной воинственности народов.

В концепции пассионарности предпринята попытка преодолеть недостатки цивилизационного подхода, связанные с разделением биологических и социальных факторов и приверженностью к строгой цикличности. По мнению Гумилева, в основе развития человеческого общества и отдельного человека лежит пассионарность — характеристика поведения и психики, проявляющаяся в стремлении индивида к цели и способности к сверхнапряжениям и жертвенности ради достижения этой цели. По существу, речь идет о своеобразной психической энергии отдельного человека и этноса. В разработанной Гумилевым семистадийной модели

---

[1] См.: *Макиавелли Н.* История Флоренции. М., 2015. Кн. 5.

[2] *Плотинский Ю. М.* Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. С. 119; Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1998. С. 289—301.

развития этноса имеют место стадия экспансии и ситуации пассионарного перегрева, способные продуцировать внешние и внутренние конфликты[1].

В рамках группоционного подхода выделяются попытки вывести причины войны из психологии наций и народов. Так, М. Кампеано[2], А. А. Керсновский[3], Д. А. Коробчевский[4] и другие делили все нации на воинственные и не воинственные. Психология первых является, с одной стороны, гарантией высокого боевого духа войск, а с другой стороны, выступает источником агрессивности по отношению к другим народам.

Известный английский психолог В. Мак-Дугалл, анализируя причины ведения войны племенами диких народов, подчеркивал, что она обусловлена действием специального коллективного инстинкта драчливости. Он отмечал, что уже на племенной стадии развития человечества происходит замена индивидуальной борьбы коллективной. Импульс коллективной враждебности находит выражение в постоянной междоусобной войне общин, в которой часто не преследуется никакой выгоды, кроме традиции воевать.

В плане анализа механизмов повышения индивидуальной агрессивности человека в групповом контексте интересны подходы Г. Лебона, Г. Тарда, Н. К. Михайловского и др.

Группоционный подход, апеллируя к категориям пассионарности и групповых инстинктов, на самом деле, постоянно обращается к категории пассионарного лидерства. И пассионарность народа, и пробуждение в нем идей и воли к борьбе, как правило, связаны с появлением лидера, ориентированного на военные способы достижения личных и групповых целей. Причем, чаще всего, целей личных. Македонии не было жизненно важным завоевание Индии, монголо-татары не испытывали нужды в захвате европейских государств, империя Тамерлана не нуждалась в завоевании Китая. Все эти и другие завоевания диктовались амбициями лидеров этих народов. Более того, с их смертью пассионарность возглавляемого ими народа мгновенно «испарялась».

5. Для *формационного подхода* характерно увязывание возможности возникновения войн лишь с общественно-экономическими формациями особого типа, в которых имеет место эксплуатация человека человеком. Наиболее полно этот подход разработан в рамках марксистско-ленинского учения о войне и армии. Его сторонники отмечают, что с возникновением антагонистических классов основным источником самодвижения общества становится классовая борьба. Классовая борьба — это, по существу, борьба за лидерские позиции своей социальной группы в решающих сферах экономики и политики более широкой социальной общности. Эксплуататорские классы стремятся к безграничному обогащению и господству, в качестве одного из средств достижения этой цели используют организо-

---

[1] *Плотинский Ю. М.* Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. С. 119.

[2] *Кампеано М.* Опыт военной психологии, индивидуальной и общей. СПб., 1902.

[3] *Керсновский А. А.* Философия войны // Философия войны. М., 1995.

[4] *Коробчевский Д. А.* Психология войны.

ванное вооруженное насилие как неотъемлемый элемент своей политики. Считается, что война — неизбежный спутник всякого антагонистического классового общества. Любая война — результат глубинных социально-экономических процессов, происходящих в недрах эксплуататорского общества. Экономика же отражает специфику психологии этнической группы, строится на основе национального характера, уклада, традиций, хотя имеет на них решающее влияние[1].

Война между двумя социалистическими государствами — Китаем и Вьетнамом — весной 1979 г. показала несостоятельность данного подхода.

6. В рамках *межгруппоционного подхода* приоритет в системе причин конфликтов и войн отдается социально-психологическим явлениям, связанным с межгрупповыми отношениями.

Для сторонников данного подхода характерна следующая позиция. Для выживания на планете, в регионе необходимо овладеть ресурсами, наличие которых чаще всего ограничено. Конкурирующие за ресурсы группы подвергают опасности существование и выживание своих ближних и дальних соседей.

Американский психолог С. Тэйлор[2] в качестве главного мотива войны называет желание руководителей одной группы, а нередко и всего племени, этноса, страны преумножить свою власть и богатство. Группа пытается сделать это, порабощая другие группы, захватывая их территорию и ресурсы, беря под контроль полезные ископаемые, нефть, чтобы построить империю, повысить престиж и богатство, отомстить за прошлые унижения. Человеку свойственно идентифицировать себя с группой, а затем всячески удерживать свою социальную идентичность. Высокая идентичность со своей группой автоматически создает ощущение конкуренции и вражды с другими группами. Большинство конфликтов в истории нашей планеты, по мнению Тэйлора, были конфликтами групповой идентичности: христиане и мусульмане в крестовых походах, евреи и арабы, индусы и мусульмане в Индии, католики и протестанты в Северной Ирландии, израильтяне и палестинцы, сербы, хорваты и боснийцы и т.д.

В конфликтах идентичности может возникать эффект «морального исключения», т.е. исключения других групп из «морального сообщества», лишения их права на мораль и правосудие. Исключение создает условия для того, чтобы эксплуатировать, угнетать и даже убивать представителей других групп.

Существенный вклад в развитие межгруппоционного подхода внес З. Фрейд. В известной работе «Массовая психология и анализ человеческого "Я"»[3] он сформулировал три основные позиции:

---

[1] См.: Марксистско-ленинское учение о войне и армии. М., 1984.

[2] *Taylor S.* The Psychology of War: Why do human beings find it so difficult to live in peace? // Psychology today [сайт]. URL: https://www.psychologytoday.com/blog/out-the-darkness/201403/the-psychology-war (дата обращения: 21.01.2014).

[3] См.: *Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого «Я».

— во-первых, он доказывал неизбежность и универсальность враждебности в межгрупповых отношениях;

— во-вторых, выделял основную функцию этой враждебности, заключающуюся в регулировании внутригрупповой сплоченности социальной группы;

— в-третьих, описывал механизм формирования враждебности к социальному окружению.

Как отмечал Фрейд, что легко сплотить большое количество людей, если найти других людей, на которых можно будет направить агрессию первых. Психологическим механизмом формирования этой враждебности, по мнению Фрейда, является «эдипов комплекс». Амбивалентность чувств детского возраста трансформируется в любовь и привязанность к лидеру и членам своей группы и враждебность к чужим группам.

Эвристичны для анализа причинности межгрупповой агрессии концепции агрессии Дж. Долларда, Л. Берковица, А. и Р. Роузелайн, А. Бандуры, М. Шерифа, Г. Тэджфела и др.

Особый интерес представляют результаты исследований, полученные Г. Тэджфелом, автором теории социальной идентичности, который на солидном экспериментальном материале доказал, что единственной настоящей причиной межгрупповой дискриминации является *факт осознания своей принадлежности к определенной группе*. Причем этот феномен отмечается даже в тех случаях, когда факт группового членства крайне незначителен, условен и даже случаен, когда сами группы, между которыми возникают конфликтные отношения, практически не существуют, когда интересы личности практически не затрагиваются, и отсутствует предшествующая враждебность между группами. Другими словами, само наличие социальных групп, племен, народностей, наций, конфессий является обязательной и основной предпосылкой возникновения вражды между ними.

Таким образом, проведенный анализ научных подходов к пониманию причин войн позволяет сделать вывод о том, что ***для возникновения войны необходимы и достаточны следующие обстоятельства***:

— человек должен допускать возможность войны и своего участия в ней;

— человеческий мир должен быть разделен на социальные группы;

— хотя бы одну из данных групп должен возглавлять лидер, считающий, что его личные амбиции (жажда славы, благ, наживы, мести и т.д.) и групповые цели могут быть достигнуты в данный конкретный момент исключительно военными средствами;

— противник должен оказывать сопротивление;

— международные институты обеспечения мира должны быть слабыми.

Анализ современной военно-политической обстановки в мире показывает, что сегодня сложились все необходимые условия для возникновения ряда войн. Американский народ и многие европейцы сегодня живут в мифической реальности, считая Россию источником многих невзгод человечества. Наряду с этим существует ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта) и его действующие лидеры, избравшие в виде вселенского зла иноверцев и поставившие перед собой цель построить великое исламское государство на развалинах разрушенного мира, в том числе и на террито-

рии нашей страны. Международные организации (ООН и др.) разобщены, не проявляют необходимой воли, служат интересам отдельных стран.

Таким образом, угроза возникновения войны, в том числе с участием России, в современных условиях весьма высока.

1.2. Психологическая характеристика войны

Проведенный анализ психологических подходов к пониманию причин войн позволяет представить общую психологическую модель войны. В качестве теоретико-методологической основы для построения такой модели можно взять психологическую модель конфликта[1]. Война рассматривается нами как вид социального конфликта, осуществляющегося с радикальными целями с использованием средств военного насилия.

В этой модели основными элементами являются:

— противоборствующие стороны с их интересами, потребностями, рангами;

— предмет конфликта;

— конфликтные действия;

— средства овладения предметом конфликта;

— среда конфликта (социальная и экологоэргономическая).

1. Первым элементом психологической модели войны являются *противоборствующие стороны* — этнические и конфессиональные группы, нации, государства, ожидающие войну и возглавляемые лидерами с выраженными установками на ведение войны. Если до недавнего времени войной называлось исключительно состояние государств, то сегодня все чаще в качестве противоборствующей стороны появляются иррегулярные силы, международные террористические организации и религиозно-боевые организации типа ИГИЛ. Еще большую неразбериху в определение статуса военных событий привносит появление на полях современных сражений частных военных компаний (ЧВК) (формирований) типа *Blake Water*, SADAT и др. Сегодня сотни таких компаний участвуют в боевых действиях в разных регионах мира. Их услугами могут пользоваться не только государства, но и компании и даже отдельные люди. Возможен наем таких формирований и террористическими организациями. Легко предположить, что такие компании вполне способны провоцировать военные события с целью повышения спроса на свои услуги. Бойцы ЧВК, противостоящие друг другу на поле боя, могут быть гражданами одного и того же государства. Одни и те же государства могут объединять усилия для решения одних военных задач (например, борьба с терроризмом) и одновременно посылать свои ЧВК на войну друг против друга в борьбе за достижение других целей. В соответствии с новой военной доктриной США, XXI в. становится временем новых войн — мятежевойн (термин Е. Э. Месснера). Их суть состоит в том, чтобы возбудить недовольство, протест, мятеж среди населения противника, поднять его на борьбу против руководства своего собственного

[1] См.: *Караяни А. Г.* Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах : монография. М., 1998.

государства, сделать мятежное население главным субъектом войны. В этой ситуации возникает новое состояние общества — «не мир и не война» или «полувойна», упраздняющая грань между мирными и военными международными отношениями. Нет больше смены: мир — война — снова мир. Мир переплелся с войной, война с миром, стратегия с дипломатией[1].

Таким образом, противоборствующие стороны в современной войне могут проявляться неявно, они могут быть представлены как конкретными государствами, нациями, движениями, так и ЧВК, выполняющими заказ анонимного заказчика. Все это, безусловно, может повлиять не только на стратегию и тактику ведения боевых действий, но и на морально-психологическое состояние военнослужащих и населения страны.

2. Центральным элементом психологической модели войны является *предмет конфликта*. Проблема *предмета войны* дискутируется на протяжении многих веков. Известный авторитет в области исследования войны К. фон Клаузевиц определял войну как «продолжение политики иными средствами», считал ее средством достижения политических целей с помощью оружия. Эта цитата принимается многими специалистами в качестве своеобразной формулы и определения войны. Хотя нет никаких оснований принимать ее в качестве такого определения, так как в ней отсутствуют противоборствующие стороны и само противоборство, а словосочетание «иными средствами» может означать что угодно. В данном определении определяемое («война») не равно определяющему («продолжение политики иными средствами»), потому что продолжением политики иными средствами для конкретного государства в разное время могут быть мир, нейтралитет, аншлюс, добровольная утрата своего суверенитета и т.д.

Следует отметить и то, что сама политика по отношению к войне является величиной переменной, причем зависимой переменной. Она, говоря ленинским языком, есть «концентрированное выражение экономики». Однако мы впали бы в вульгарный материализм, если бы признали механическое господство экономики над человеческой жизнью. Экономика также является величиной переменной и обусловливается характером реальных потребностей и интересов отдельных людей, социальных групп, наций и государств. Категории потребностей и интересов являются ведущими в психологии личности, малых и больших социальных групп. Именно их применение во многом позволяет дифференцировать социальные классы, слои, группы. Социальные потребности и интересы не представляют собой совокупность индивидуальных потребностей членов группы, а являются скорее «присвоением» разработанных элитой (партией, лидерской группой и др.) той или иной социальной группы эмоционально окрашенных образов интересов и потребностей.

Осознание членами социальных групп того факта, что их социальные потребности и интересы могут быть реализованы исключительно военными средствами (путем отражения агрессии или, напротив, путем агрессии), является важнейшим условием вовлечения их в войну. Следовательно, по существу, войны являются средством удовлетворения интере-

---

[1] Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 90.

сов и потребностей элит (партий, лидерских групп, лидеров) социальных групп, разделенных членами этих сообществ. История войн и военного искусства свидетельствуют о том, что для победы в войне необходимо, чтобы как можно большая часть населения страны (социальной группы) осознала необходимость ведения войны с врагом.

Таким образом, в системе детерминации войны психологические переменные (потребности и интересы) играют как роль «пусковых пружин», так и обязательных условий.

Другим обстоятельством, в связи с которым войну можно отнести к явлениям психологическим, является то, что, в конечном счете, *психологическими являются цели вооруженного противоборства*. Клаузевиц подчеркивал, что «физическое насилие является *средством*, а *целью* будет — навязать противнику нашу волю. Понятие о цели собственно военных действий и сводится к последнему. Оно заслоняет цель, с которой ведется война, и до известной степени вытесняет ее как нечто непосредственно к самой войне не относящееся»[1].

Действительно, все факты истории войн и военного искусства свидетельствуют о том, что целевые установки вооруженной борьбы не могут ограничиваться захватом вражеской территории, разгромом и даже физическим уничтожением армии противника, изменением формы управления государством или насаждением марионеточного правительства. Об этом прямо свидетельствуют конечные результаты войн Александра Македонского, Наполеона, боевых действий американских войск во Вьетнаме, наших войск в Афганистане и др. Единственным результатом войны, позволяющим «праздновать победу», является *слом воли противника к сопротивлению и создание таких социально-психологических условий, при которых стремление к сопротивлению не воспроизводилось бы в масштабе, достаточном для возрождения вооруженного противоборства*.

Подтверждая эту мысль, В. Н. Полянский еще в начале XX в. на обширном статистическом материале доказывал, что достаточно в среднем вывести из строя 17—20% солдат противника, чтобы заставить оставшихся в живых отказаться от продолжения борьбы. Следовательно, 80% участников боевых действий терпят исключительно психологическое поражение.

Американские специалисты, исследуя зависимость поражения войск от уровня их потерь в 80 наиболее значимых боевых операциях и сражениях Второй мировой войны и последующих военных событиях, пришли к еще более парадоксальному выводу: в среднем войска терпят неудачу при физических потерях, равных 6% от их численного состава[2]. Таким образом, победа в войнах более чем на 90% является величиной психологической и главной целью военных действий является не уничтожение, а устрашение противника, подавление, слом его воли к сопротивлению.

Таким образом, *целью войны* является стремление одной противоборствующей стороны изменить поведение другой, т.е. заставить ее отказаться

---

[1] *Клаузевиц К.* О войне : в 2 т. М., 1941. Т. 2. С. 25—26.

[2] См.: *Караяни А. Г.* Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах.

от своей свободы, идеологии, от прав на что-либо; подчиниться воле противной стороны; отдать ей требуемые национальные богатства, территорию, акваторию и др.

В этом отношении, несмотря на всю свою необычность, весьма близкой к психологическому пониманию войны является позиция известного американского специалиста по психологической войне П. Лайнбарджера. Война, по его мнению, — это своего рода убеждение, дорогостоящее, опасное, кровавое и неприятное, но эффективное, если другие меры не дают желаемых результатов.

3. Подобное «убеждение» осуществляется конфликтующими сторонами в ходе *конфликтных действий*, которые становятся в наше время все более психологическими. Удары авиации и артиллерии, огонь танков и стрелкового оружия, безусловно, наносят большой ущерб противнику, но сегодня гораздо больший ущерб наносится массовой паникой сотен тысяч и миллионов людей, оставляющих свои дома и пускающихся в отчаянные, смертельно опасные походы за выживание. Тысячи беженцев из различных «горячих точек» мира погибли за последние годы в процессе этого, по существу, планетарного переселения народов. Возникли целые «горячие линии» взрывоопасного социального напряжения между беженцами и населением многих европейских государств. По существу, искусственно создан межконфессиональный и межцивилизационный конфликты, выигрыш от которых на руку лишь США, ведущим борьбу за свою исключительность и мировую гегемонию.

4. В войнах современности все более психологическими становятся *средства овладения предметом конфликта*. Тотальное информационно-психологическое воздействие, беспрецедентное моральное давление на противника, устрашение, ложь, провокации, террористические акты, подкуп элит, экономические санкции, которые нацелены на психологическую изоляцию, слом воли неприятеля к активному сопротивлению, инициация недовольства, сепаратизма, бунтов, «цветных» и «цветочных» революций в непокорных странах с целью свержения самостоятельных лидеров, психологического и экономического истощения, морального разложения и разобщения неугодных народов — эти и другие средства изменяют политический ландшафт на огромных территориях и, по существу, являются оружием массового информационно-психологического поражения.

5. Существенно меняются и *среды конфликтов* (*современных войн*). Из традиционных сред противоборства (земля, воздух, акватории) война все активнее перемещается в космос (в интересах войны действуют мощнейшие космические группировки), в средства массовой информации, киберпространство, искусство, культуру, религию. В этом отношении сегодня чуть ли не каждая война на деле является войной мировой.

Все сказанное позволяет рассматривать современную войну как напряженнейшее противоборство интеллекта, убежденности, воли, выдержки, духа, опыта, мировосприятия, стиля мышления, хитрости враждующих сторон. *Психологическая феноменология войны* чрезвычайно богата. Война целиком захватывает человеческую личность, создает условия для высочайших взлетов человеческого духа, таких как героизм, стремление к под-

вигу, самопожертвование, преодоление страха смерти, боевое братство, дружба, любовь и, одновременно, для проявления низменных порывов, девиаций и аномальных проявлений человеческой психики. Война затрагивает все важнейшие составляющие групповой психологии: потребности, интересы, общественное мнение, настроение. В войне отчетливо проявляются национальный темперамент, характер и традиции.

На сегодняшний день немало споров ведется вокруг *законов и закономерностей войны*. Часто делаются ссылки на авторитеты, относительно того, что война — явление стихийное и выискивать в ней устойчивые, повторяющиеся связи также бессмысленно, как искать кошку в черной комнате, когда ее там нет. Однако вся история войн и военного искусства свидетельствует о наличии вполне конкретных закономерностей вооруженного противоборства. Более того, их игнорирование не раз ставило под сомнение не только успех той или иной стороны в конкретном сражении, но и само существование государств, цивилизаций, планеты.

На наш взгляд, война как процесс регулируется рядом вполне конкретных *социально-психологических закономерностей*. К числу наиболее явных и четко зафиксированных в жизненных экспериментах из них на сегодняшний день можно отнести следующие:

— зависимость хода и исхода войны от морального духа и психологической готовности нации и ее вооруженных сил к вооруженному противоборству; усиление этой зависимости при затягивании войны;

— зависимость морально-психологического состояния воюющей армии от морального духа общества, от места ведения боевых действий (на своей или чужой территории); от превосходства в оружии и боевой технике над противником;

— зависимость морального духа нации от сформировавшегося в общественном сознании образа войны (образа целей, статуса, своих войск, противника, хода и др.);

— невозможность достижения тотальной психологической победы над народом, нацией и др.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что война есть психологический феномен в силу того, что имеет психологические природу, цели, феноменологию, развивается по психологическим закономерностям, определяется психологическими возможностями противоборствующих сторон, ведется преимущественно психологическими средствами, и ее результаты определяются психологическими последствиями.

1.3. Психологические эффекты современных средств и способов войны

Вся история войн и военного искусства свидетельствует о том, что человечество с упорной настойчивостью не усваивает военно-исторические уроки и готовит свои армии к прошлым, а не к будущим войнам. Разработчики новых боевых уставов более пристально всматриваются в недостатки и ошибки прошлых войн, чем в актуальные и перспективные изменения в области эволюции средств противоборства. Более того, из образа про-

шлых войн вытравливаются неудобные и уходят на задворки человеческой памяти неприятные, не до конца понятые сюжеты. Так было после Первой и Второй мировых войн, когда во всех армиях основных их участников были «забыты» принципы информационно-психологического противоборства, принципы, схемы и методы психологической помощи участникам боевых действий, психологические аспекты партизанской борьбы и контрпартизанских действий.

Реальностью наших дней является то, что на полях современных сражений могут одновременно сосуществовать элементы войн третьего, четвертого поколения и так называемые гибридные войны. С одной стороны, нельзя исключать применения крупных высоко технологически оснащенных воинских соединений в классических схемах мобильной обороны и наступления войн третьего поколения. При этом следует ожидать широкого применения средств дистанционной разведки и поражения. Действительно, следует ожидать, что все стратегическое пространство боевых действий будет просматриваться с боевых спутников. Такие спутники с оптико-электронной аппаратурой высокого разрешения (до 15 см), работающие в инфракрасной области спектра, «прочесывают» пространства сражений, «высматривают», «выискивают» все, что подает хоть какие-то признаки боевой жизнедеятельности. Они способны передавать разведывательную информацию в режиме реального времени до самых низших звеньев управления, а иногда и до отдельного солдата. Вековые мечты человечества о дальновидении, ясновидении и прочих способностях заглядывать «за тридевять земель» нашли свое воплощение в этих боевых средствах.

Чуть ближе к линии фронта на высоте до 20 км будут барражировать тяжелые беспилотные летательные аппараты (БПЛА), способные в течение суток непрерывно «подсматривать» за перемещением боевой техники и личного состава противника. Ближе к земле (на высоте 9—10 км) — зона наблюдения «миди»-беспилотников. Срок их непрерывной работы — до 12 ч. Еще ниже (на высоте 3—5 км) будут использованы «мини»-беспилотники, пытающиеся «разглядеть» каждого солдата неприятеля. Практически над самыми головами (до 1 км) будут совершать короткие (до 1 ч) разведывательные налеты «микро»-БПЛА. И, наконец, для «заглядывания» в ходе боя за угол здания, проверки лестничного марша и конкретных помещений атакуемых зданий предназначены «нано»-беспилотники.

Все это способно вызвать у рядовых участников боевых действий (которые не знают об использовании своими войсками подобных средств) *ощущения «нахождения под колпаком», незримости и недосягаемости врага, постоянной тревоги, превосходства противника в оружии, неуверенности в собственных силах* и т.д[1].

В нейтральном пространстве между противоборствующими силами, на путях выдвижения войск противника, перед линией обороны своих войск будут устанавливаться портативные видеокамеры, дистанционные

---

[1] *Караяни А. Г.* «Превентивно-адаптивные» технологии в психологической подготовке военнослужащих // Юридическая психология. 2015. № 3. С. 11—15.

микрофоны, распылять флуоресцентные красители, а вокруг охраняемых объектов использовать электронные и лазерные охранные периметры. Для контроля над опасными участками обороны будут активно использоваться боевые роботы, оснащенные видео-, аудио- и одоро-системами обнаружения противника. Действие в таких зонах будет порождать у военнослужащих повышенное *беспокойство*, *напряжение*, *прогрессирующее перцептивное и когнитивное утомление*.

Возможное использование оружия массового поражения создаст предпосылки для развития у участников боевых действий таких грозных явлений, как *радиофобия* и *ядерный невроз*. Военнослужащие, страдающие таким расстройством, будут пугаться обычных вещей (росы на траве, пожелтевших листьев на деревьях, тумана над рекой и т.д.), принимая их за признаки применения противником ОМП. Некоторые из них откажутся от пищи, другие — от контактов с сослуживцами, боясь получить от них дозу радиации (см. подробнее в гл. 3).

С другой стороны, в современном вооруженном противоборстве проявятся элементы и черты войн четвертого поколения. По оценкам специалистов, боевые действия в рамках такой войны будут вестись мелкими подразделениями высокопрофессионально подготовленных боевых специалистов. Они «будут в высшей степени рассредоточенными и по большей части неопределенными. Война будет нелинейной в такой степени, что, вполне возможно, в ней будут отсутствовать поддающиеся идентификации поле боя и линии фронта. Действия будут одновременно направлены на всю "глубину" участвующих сторон, включая все их общество, понимаемое не только в его физическом, но и в культурном аспекте»... «Малые высокомобильные подразделения, состоящие из обладающих высоким интеллектом солдат, которые вооружены высокотехнологичным оружием, будут перемещаться по большим территориям в поисках критически важных целей. Может оказаться так, что эти цели чаще будут гражданскими, чем военными. На смену терминам «фронт — тыл» придут термины «является целью — не является целью». Это, в свою очередь, может коренным образом изменить то, каким образом организованы и структурированы виды вооруженных сил[1].

Такие действия будут создавать благоприятные условия для проявления таких психологических факторов, как неопределенность, новизна обстановки, внезапность наступления неблагоприятных событий, дефицит, избыток или ошибка информации, способных существенно снижать и даже парализовать боевую деятельность.

Еще более драматические психологические эффекты могут проявляться в так называемой гибридной войне, интегрирующей, во-первых, элементы войн третьего и четвертого поколений, во-вторых, — черты обычных войн и революций, в-третьих, включающих участие регулярных и иррегулярных формирований.

Еще в середине XX в., анализируя тенденции в способах, средствах и принципах военного противоборства, Е. Э. Месснер отмечал: «Теперь

---

[1] Меняющееся лицо войны: четвертое поколение / У. С. Линд [и др.] // Marine Corps Gazette. 1989. October. P. 22–26.

нет различия между легальными и незаконными способами войны — все способы узаконены, если не конвенцией, то явочным порядком. Теперь нет разделения на войско и население — воюют все с градуированием напряженности и постоянства: одни воюют явно, другие тайно, одни непрерывно, другие — при удобном случае. Теперь регулярное войско лишилось военной монополии: наряду с ним (а может быть даже больше, чем оно) воюет иррегулярное войско, а ему секундируют подпольные организации»[1].

Месснер выделял основные способы иррегулярного воевания (неповиновение, вредительство, диверсия, террор, партизанство, восстание) и предупреждал, что воевание без войск — воевание партизанами, диверсантами, террористами, вредителями, саботерами, пропагандистами примет в будущем огромные размеры. Специфическими видами противоборства станут радиобои, агитсражения, психобитвы. Подтверждением его прозорливости являются события «арабской весны», начавшейся зимой 2010 г., и военные события в Украине и Сирии.

В системе способов и средств иррегулярных сил происходит замена: долга — фанатизмом, храбрости — лукавством, благородства — жестокостью, традиции — импровизацией, порядка — своеволием, иерархии по старшинству — выдвижением энергичнейших, государственной идеи — оппортунистическими лозунгами, унаследованной этики — учетом полезности, слов разума — криком буйства[2].

Важным моментом этого инновационного взгляда на войну стала констатация того факта, что «в мятежевойне психология мятежных масс отодвигает на второй план оружие войска и его психологию и становится решающим фактором победы или поражения», что в ней главным становится не завоевание территории, а завоевание душ во враждующем государстве, не уничтожение живой силы, а сокрушение силы психической, что в четырехмерной войне победа одерживается в ее четвертом, психологическом измерении.

Из этого следует вывод, что основная нагрузка в такой войне ложится не на физическую организацию воинов, а на их психику.

Участие мятежных масс, тайноополчения и повстанческого ополчения в войне, по мнению Месснера, может снизить в регулярном воинстве сознание ответственности перед родиной. Солдат перестает быть единственной надеждой, единственным мечом и щитом народа. Всенародность мятежной войны порождает и всенародность ответственности за ее исход[3].

Идея и способы ведения повстанческой войны заразительны, если не принять серьезных защитных мер, они могут проникнуть в армию и превратить ее в толпу. Это особенно опасно, когда схватка приобретает черты гражданской войны. В такой войне врагом может быть соплеменник, а союзником — иноплеменник. Во внешней (обычной) войне солдаты воюют без особой ненависти, скорее по долгу, чем по злобе. В гражданской войне дерутся беспощадно. И хотя схватки обычно краткотечны и мало

---

[1] Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 86.

[2] Там же. С. 119.

[3] Там же. С. 158

кровопролитны, расправы после боя нередко становятся кровавыми. Злоба, накапливающаяся десятилетиями, вырывается наружу в дни гражданской войны; нервный подъем доводит ненависть до пароксизма — отсюда жестокость и зверство междуусобиц[1]. Это еще выше поднимает психологическую «цену» каждого решения и действия.

Таким образом, современная война, наряду с тремя пространственными измерениями, обрела четвертое, психологическое измерение. Это обусловлено тем, что она имеет психологическую причинность, феноменологию, закономерности, средства и способы военного противоборства. Она зарождается в умах людей, осуществляется их волей, мотивацией, интеллектом, глубоко отражается в их душах. Целью современного вооруженного противоборства является не захват территории и разгром живой силы противника, а слом его воли к сопротивлению, подчинение своей воли. Война оказывает мощное давление на психику людей (прежде всего, ее участников) и психологию социальных групп, что требует организации системы их всесторонней психологической поддержки.

Необходимыми и достаточными условиями для возгорания войны являются деление человечества на различные социальные группы, наличие у одной из этих групп авторитетного лидера, обуреваемого военной идеей, бессилие международных организаций в обуздании его военных амбиций. В настоящее время в мире сложилось несколько очагов возгорания вечных конфликтов. Главным признаком приближающейся войны является переход членов данной социальной группы от сенсорного восприятия мира к мифическому.

Психологический взгляд на войну позволяет отвлечься от закостенелых представлений о тактике и стратегии военных действий, увидеть новые, значимые тенденции в силах, способах, принципах ее ведения, эффективно сражаться в ее главном измерении, используя огромный арсенал военных и невоенных средств и способов.

Рекомендуемая литература

Душа армии: русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. — М. : Изд-во ВУ, 1997.

Караяни, А. Г. Психология войны / А. Г. Караяни // Ежегодник ИРИ РАН. — М., 2002. — С. 38—50.

Клаузевиц, К. О войне : в 2 т. / К. Клаузевиц. — М., 1941.

Плотинский, Ю. М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов / Ю. М. Плотинский. — М., 1998.

Сенявская, Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сенявская. — М., 1999.

Сравнительное изучение цивилизаций. — М., 1998.

Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. — М. : Изд-во ВУ, 2005.

[1] Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 289.

ГЛАВА 2
ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ БОЯ

Бой представляет собой не только вооруженную борьбу, столкновения, обмен огневыми ударами, маневры. В значительной мере это — ожесточенное противоборство интеллектов, воль, мотивов, характеров, выдержки противников, силы их сплоченности, дисциплины, доверия командирам и т.д. Напряжение и накал бескомпромиссной схватки противодействующих психик нередко выходит далеко за пределы человеческих возможностей. В пылу кровавой боевой работы в сердце каждого солдата идет свой собственный бой, бой между всеохватывающим страхом и чувством долга, между высоким и низменным, между верой и неверием в себя. На заре становления военной психологии Г. Е. Шумков писал: «В громадных битвах, в которых принимают участие тысячи воинов, каждый из них в самом себе переживает душевную войну, душевную драму. И из этой личной борьбы каждый воин выходит победителем или побежденным»[1].

Бой — явление в значительной степени стихийное, не поддающееся точным расчетам и прогнозам. Вместе с тем в хитросплетении боевых событий имеют место тенденции, закономерные соотношения и связи, познание которых позволяет «видеть» и понимать важнейшие явления боя. Выявление этих тенденций и закономерностей открывает возможность учитывать их при планировании и ведении боевых действий, активизировать и усиливать те из них, которые способствуют эффективному решению боевых задач, и блокировать те, которые препятствуют боевой эффективности.

2.1. Структурно-функциональная характеристика психологической модели боя

В психологии сложилась своеобразная траектория познания и управления психическими явлениями. Она включает два основных этапа: 1) этап понимания явления; 2) этап управления явлением[2].

На *этапе понимания явления* его психологическое содержание должно быть замечено и выделено из наблюдаемой реальности, описано в психологических терминах и представлено в виде психологической модели. В этом отношении показателен следующий пример. В начале Великой Отечественной войны в отечественном военном искусстве доминировало представле-

[1] *Шумков Г. Е.* Рассказы и наблюдения из настоящей Русско-японской войны. Киев, 1905. С. 2.

[2] См.: *Караяни А. Г., Сыромятников И. В.* Введение в профессию военного психолога.

ние об обороне как о системе отдельных ячеек («ячеистая оборона»). Каждый военнослужащий выкапывал себе узкую ячейку и действовал в ней в ходе боя как одиночный боец. Эта система имела вполне понятное боевое обоснование. Противник имел большое количество танков и артиллерии, и нужно было в первую очередь защитить воинов от них. Узкая ячейка достаточно хорошо защищала бойцов от гусениц танка и осколков снарядов. Но ячеистая оборона оказалась крайне неустойчивой. Причина ее слабости оставалась долгое время не выясненной. Лишь когда командарм К. К. Рокоссовский лично заинтересовался этой проблемой, на себе испытал ощущения от пребывания в ячейке, выяснилось, что причина неустойчивости ячеистой обороны кроется в том, что воины, находясь во время боя в ячейке, не видят своих боевых товарищей, не знают, живы ли они, продолжают ли ведение боевых действий, придут ли они на помощь в случае ранения и т.д. Стало понято, что ячеистая оборона элиминирует важнейший психологический ресурс боевой активности воинов — горизонтальную и вертикальную сплоченность воинского коллектива, «чувство локтя» товарища и порождает ощущение одиночества на поле боя. Это чувство одиночества модельно можно было представить как отсутствие возможности видеть боевых товарищей, взаимодействовать с ними и ожидать от них поддержки в экстремальной обстановке боя.

На ***этапе управления явлением*** может быть реализована одна из двух (или обе одновременно) схем деятельности: 1) выработка научно обоснованных рекомендаций командирам по созданию условий, контролирующих явление и (или) 2) работа специалиста-психолога по его коррекции.

В описанном выше случае была реализована первая стратегия. Командирам было приказано перейти к траншейной обороне, в которой все ячейки соединялись между собой и с важнейшими элементами обеспечения боя (пунктом боепитания, запасными позициями, медицинским пунктом и т.д.) траншеями и ходами сообщений. Теперь воины лучше видели друг друга в бою, могли, при необходимости, оказать друг другу боевую, медицинскую и психологическую поддержку, легче контролировались командирами и т.д. Все это существенно снизило чувство одиночества воина на поле боя и повысило эффективность обороны.

Таким образом, важнейшим условием познания и управления психологическими явлениями боя является построение его психологической модели.

Под моделью обычно понимается любой образ, аналог (мысленный или условный — изображение, описание, схема и т.п.) какого-либо объекта, процесса или явления, используемый в качестве его «заместителя», «представителя». Исходя из общего понимания модели, можно представить психологическую модель боя.

Психологическая модель боя — мысленный образ (аналог, карта, схема) психических явлений, имеющих место в реальном бою, отражающий реальные функциональные связи и отношения, существующие между этими явлениями.

Построение психологической модели такого сложного явления, как бой, — дело не простое. *Бой* — это противоборство подразделений и частей, направленное на достижение тактических целей. Однако термином «бой» обозначаются явления, внешне очень непохожие друг на друга. Современный бой может быть краткотечным или длиться на протяжении долгого времени, вестись дистанционно (в виде обмена авиационными и ракетными ударами) или в форме рукопашного боя. «Полем боя» могут быть горы, пустыни, леса, воздушное и космическое пространство, акватории морей и океанов, морские и океанские глубины и т.д. Боевые действия могут проходить в условиях чрезвычайно низких или экстремально высоких температур, днем или ночью. В боевом противоборстве могут участвовать как регулярные, так и иррегулярные формирования, как мелкие подразделения, так и многочисленные воинские объединения. Бой может вестись в виде наступления, обороны, засады, боевого рейда, разведки боем и т.д.

В связи с вышесказанным, содержание психологической модели каждого вида боя будет иметь качественную специфику. Поэтому речь может идти лишь о самой общей, схематической, психологической модели боя.

В методологическом плане бой, так же как и война, рассматривается нами как частный случай конфликта между социальными субъектами, протекающий в форме вооруженного противоборства, сопровождающегося негативными эмоциями и чувствами, переживаемыми ими по отношению друг к другу (см. параграф 1.2). Бой может быть как элементом войны, так и самостоятельным событием, протекающим в форме вооруженного инцидента, контртеррористических действий и др. Это позволяет использовать психологическую модель конфликта в качестве основы для построения психологической модели боя[1]. В этом случае рассматриваемая модель будет включать следующие элементы (рис. 2.1).

Из рис. 2.1 видно, что системообразующим элементом психологической модели боя выступает ***предмет противоборства***. Как было показано выше, таким предметом является воля противника к сопротивлению. Цель боя состоит в том, чтобы сломить сопротивление противника и заставить его выполнить нашу волю. В отличие от войны, где противник, как правило, принуждается к выполнению политических требований, в бою речь чаще всего идет об оставлении занимаемых позиций, сложении оружия и прекращении боевых действий.

От степени готовности противника к сопротивлению зависят все остальные элементы боя и его психологической модели: привлекаемые силы, используемые средства и способы принуждения противника, уровень напряжения психических сил отдельных воинов и мобилизованности групповой психологии, степень задействованности социальной среды (например, общественного мнения) и т.д. Иными словами, предмет определяет качественно-количественные параметры всех остальные элементов модели.

---

[1] См.: *Караяни А. Г.* Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах : монография. М., 1998.

Рис. 2.1. **Психологическая модель боя**

По-видимому, воля к сопротивлению имеет этно-, культурно- и исторически обусловленную природу. На определенных этапах исторического развития представители конкретного этноса могут обладать различной выраженностью этого качества. Известный отечественный военный ученый и деятель Н. Н. Головин в начале XX в. изучал такое свойство войск, как «предел моральной упругости», т.е. максимального уровня боевых потерь, при котором они еще сохраняют способность к сопротивлению. Он установил, что армии разных стран имели разную выраженность этого свойства. Так, итальянская армия прекращала сопротивление в среднем при потерях, равных 1,2—5%, русская армия — при 15—43%. Средний же предел моральной упругости в XIX в. составлял 25%.

Ошибки в оценке способности противника к сопротивлению, как правило, влекут трагические последствии. Примером тому могут служить ошибки в оценке волевых и боевых качеств противника военно-политическим руководством России в Русско-японской войне (1904—1905), командованием Красной Армии в войне с Финляндией (1939), руководством фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945),

военно-политическим руководством США в войне во Вьетнаме (1965–1973) и т.д. История свидетельствует о том, что почти традиционным является недооценка командованием регулярных военных сил воли к сопротивлению бойцов иррегулярных воинских формирований. Классическим примером такой недооценки является военная история Афганистана. В боях с афганскими повстанцами в разные исторические эпохи остались нереализованными военные амбиции таких мощных в военном отношении государств, как Англия, Советский Союз и Соединенные Штаты Америки.

Учитывая, что в XXI в. отмечается широкая распространенность гибридных войн, «мятежевойн», «цветных» и «цветочных» революций, других видов военного противоборства с участием иррегулярных формирований и гражданского населения, необходимо выработать четкие критерии и технологии оценки психологических и боевых возможностей такого противника.

В отличие от войны, в бою *противоборствующими сторонами* выступают воинские соединения, части, подразделения, иррегулярные формирования и отдельные воины, обладающие конкретными психологическими возможностями. В этом отношении бой является противоборством индивидуальных и групповых психологических качеств, состояний и возможностей: образов боя, боевых установок, целей, мотивов, навыков эффективных действий в конкретных боевых, природно-географических, погодно-климатических, социальных условиях, адаптационных потенциалов, уровней психологической совместимости, сплоченности и т.д.

Противоборствующие стороны ведут боевые действия, используя различные *способы* и применяя разнообразные *средства*.

Исходя из системного представления о бое и учитывая психологический характер предмета противоборства, для достижения целей боевых действий могут использоваться любые средства, не запрещенные правилами ведения войны. Опыт показывает, что в последние годы, наряду с боевыми средствами (обычным оружием и оружием массового поражения), широкое распространение получают оружие несмертельного действия, информационные, психологические, финансовые и другие средства.

Так, из авторитетных источников известно, что перед началом вторжения в Ирак американские военнослужащие из частей специального назначения, проникшие на иракскую территорию, с помощью взяток «убедили» иракских генералов не воевать. Один из высокопоставленных американских чиновников заявил: «Взятка – это высокоточное оружие. Оно достигает цели, но при этом бескровно».

Широкое вовлечение гражданского населения (как страны противника, так и своей страны) в архитектонику боевых событий (например, блокирование мест дислокации или передвижения войск) закономерно диктует необходимость использования различных видов оружия несмертельного действия (тепловых, импульсных, лазерных и акустических пушек, электрошокеров, запаховых заграждений, дымов и аэрозолей и т.д.).

Боевые цели в современном бою могут достигаться различными способами. Среди них как традиционные («уставные») способы (наступление, оборона, засада, рейд и т.д.), способы ведения гражданской войны (борьба

за завоевание лояльности населения, лидеров общественного мнения, дискредитация противника, переговоры с противником по вопросам обмена пленными и другим вопросам, осуществление программ поддержки и культурных программ), так и способы ведения мятежевойны (партизанские действия, террористические акты, неповиновение, саботаж и др.).

Планируя современный бой, командир должен предусмотреть возможность использования противником различных средств и способов боевых действий, определить способы и средства, наиболее подходящие для выполнения конкретной боевой задачи.

Сегодня уже не просто ошибочно, но и просто преступно не учитывать особенности влияния *среды боевых действий* на боевые и психологические возможности противоборствующих сторон. Отношение общественного мнения к боевым действиям и настроение, привычность природно-географических и погодно-климатических условий, состояние военно-полевого быта и т.д. нередко являются важнейшими факторами боевой активности военнослужащих и эффективного выполнения боевых задач.

Таким образом, ***в структурном плане*** психологическая модель боя состоит из качественно различных феноменов, оказывающих прямое или опосредованное влияние на психику воинов. Совокупность психологических явлений может называться моделью лишь тогда, когда она включает все основные явления, имеющие место в реальном бою. «Выпадение» любого элемента ведет к нарушению взаимосвязи между составляющими модели, изменению их характеристик и характера функционирования.

Так, при планировании боевых действий в Грозном зимой 1995 г. из психологической модели предстоящих боевых действий «выпали» несколько важнейших элементов, что не позволило командирам целостно представить предстоящие действия и предпринять адекватные меры для целевой психологической подготовки подчиненных. В частности, не был сформирован и оценен боевой настрой военнослужащих. В результате сознание некоторых из них не было переведено на «военный режим функционирования». Очевидцы рассказывают о том, что колонны некоторых воинских подразделений, направляющихся на выполнение боевых задач, подчинялись действиям светофоров в Грозном. Из прогностической картины боевых действий «ускользнул» и такой элемент, как социальная среда, в частности возможность сопротивления федеральным войскам со стороны местного населения. В ряде случаев женщины и дети блокировали передвижение войск. Опыта действия в подобных ситуациях и средств их предотвращения у них просто не было.

В данном случае социальная среда непосредственно вплелась в процесс решения боевых задач. В результате организаторами боевых действий были неправильно представлены такие элементы модели боя, как способы и средства решения боевых задач, неверно рассчитаны временные характеристики боевой операции и т.д.

Приведем другой пример: в ходе боевых действий в Сирии правительственные войска длительное время не знали об использовании повстанцами средств визуального контроля над полем боя (например, видеокамер, спрятанных в рваной обуви, банках из под напитков или замаскированных

под камни). Это позволяло боевикам наносить точные удары по регулярным правительственным подразделениям, вовремя избегать нежелательных боестолкновений и т.д. Психологическим следствием отсутствия в модели этого элемента было приписывание противнику сверхосведомленности, вездесущести, боевого мастерства и превосходных свойств оружия противника.

Однако простая совокупность перечисленных элементов не может быть названа моделью. Модель должна отражать *функциональные связи между этими элементами*: изменение любого из ее элементов должно вызывать точно такие же изменения, какие имеют место в реальном бою.

Например, переход от использования обычного оружия к применению ядерного оружия влечет за собой изменение тактики действий войск, их рассредоточение, использование специальных средств защиты, специфические состояния психики военнослужащих и взаимоотношений между ними. Применение тактики засадных действий обусловливает выбор оружия, специальную психологическую подготовку военнослужащих и т.д. Изменение общественного мнения о войне способно повлиять на вид используемых средств вооруженной борьбы, на тактику действий и психологическое состояние войск и т.д.

Психологическая модель боя позволяет понять, чем обусловливается широкий спектр поведения воинов в бою, объединяемых общей категорией «*боевой стресс*» (см. подробнее гл. 4). Использование психологической модели боя позволяет прогнозировать изменение каждого элемента в бою. Например, зная боевые качества и этнопсихологические особенности противника и своих войск, можно предвидеть колебания их боевой активности в процессе выполнения боевой задачи в зависимости от изменения тактической обстановки, социальных и погодно-климатических условий.

По убеждению Г. Е. Шумкова, «военная психология только тогда явится наукой необходимой для полководца, когда она откроет ему секрет боевой силы или работоспособности бойца во всех фазах боевой обстановки... выработает свои научные положения о моментах, понижающих и повышающих работоспособность бойца, укажет совместное действие различных моментов на боевую силу; укажет средство борьбы с наступающим понижением силы в своих войсках и наметит моменты, способствующие угнетению и ослаблению своего противника»[1]. Психологическая модель боя позволяет учитывать «совместное влияние» всех обстоятельств боевой обстановки на психику воина и создавать действенные системы психологического обеспечения боевых действий. Она наглядно показывает, что на повышение эффективности боевых действий можно влиять посредством снижения морально-боевых качеств противника, оптимизации среды, расширения боевых и психологических возможностей военнослужащих, повышения коллективизма, дисциплины и организованности в воинских коллективах. Следовательно, использование модели дает возможность на практике осуществить *системный подход* к планированию боя, определяя меры по оптимизации каждого его элемента.

---

[1] *Шумков Г. Е.* Психика бойцов во время сражений. Вып. 1. С. 18.

2.2. Факторы, определяющие боевую активность воинов

Представленная выше психологическая модель боя позволяет оценить характер влияния на психику воинов широкого комплекса факторов — причин, существенных обстоятельств, движущих сил процессов, определяющих их общий характер или отдельные черты. В бою психика воина подвергается воздействию множества самых различных обстоятельств. Одни и те же факторы действуют на воинов различным образом. У одних воинов они вызывают боевой азарт, здоровую злость, ярость, решительность, прилив энергии, мобилизацию физических сил, психологических ресурсов, боевую активность, у других, напротив, — апатию, пессимизм, неверие в собственные силы, астению, расстройство в работе нервной системы и психики, дезорганизацию деятельности.

Военной психологии важно знать, что́ определяет те или иные психологические реакции, состояния и действия военнослужащих в бою. Помочь в этом может анализ психологической модели боя. Каждый из ее элементов содержит конкретные факторы, влияющие на боевую активность воинов. Изучение этих элементов и результатов психологических исследований боевых действий воинов в войнах прошлого, настоящего и будущего позволяет выделить следующие группы факторов: боевые, эколого-эргономические, социально-психологические, психофизиологические и психологические.

1. **Боевые факторы.** Среди боевых факторов наибольшее влияние на психику и поведение воинов оказывают интенсивность, продолжительность и вид боевых действий, вид применяемого оружия, степень изолированности от основных сил, использование военной хитрости и методов информационно-психологического противоборства.

Интенсивность боевых действий рассматривается нами как плотность и сила боевых событий, обусловливающие затраты физической, нервной и психической энергии воинов в единицу времени. Влияние интенсивности боя на боевую активность и психические состояния воинов наиболее пристально исследуют израильские военные специалисты. По их мнению, важнейшими показателями интенсивности боевых действий войск являются специфика боя (использование противником артиллерии, атак с воздуха, засад, минных полей) и степень сопротивления противника (сильное, адекватное, слабое). В исследованиях Г. Л Беленки, Ш. Ноя, З. Соломона показано, что в зависимости от выраженности этого показателя уровень психотравматизации (психологических потерь) может колебаться от 0 до 86 пунктов и составлять по отношению к физическим потерям значения от 0 : 100 до 86 : 100[1].

Американский военный психолог Ч. В. Хой установил, что психологические последствия интенсивности боевых действий линейно связаны с количеством боестолкновений (перестрелок), в которых участвуют военнослужащие. По его данным, уровень посттравматического стрессового

[1] *Беленки Г., Ной Ш., Соломон З.* Стресс на поле боя: опыт Израиля // Милитари ревю. 1985. № 7. С. 28–37.

расстройства у американских военнослужащих, воевавших в Ираке, составлял: 4,5% — при отсутствии перестрелок, 9,3% — при участии в одной-двух перестрелках, 12,7% — при участии в трех-пяти боестолкновениях, 19,3% — при участии более чем в пяти перестрелках. Уровень ПТСР у солдат, воевавших в Афганистане, соответственно был равен 4,5, 8,2, 8,3 и 18,9%[1].

Интенсивность боевых действий тесно связана с *величиной кровавых потерь*. Специалистами установлено, что объемы потерь убитыми оказывают существенное влияние на боевую активность войск. Как упоминалось ранее, исследование крупнейших военных событий XX в. показало, что потери убитыми, составляющие 4% в наступлении и 8% в обороне (в среднем 6%), являются пределом моральной упругости, т.е. тем рубежом, после которого войска прекращают сопротивление.

На боевой дух воинов существенное влияние оказывает ***длительность пребывания в непосредственном соприкосновении с противником***, которое характеризуется наличием: 1) постоянной опасности быть убитым, раненым или захваченным в плен; 2) сниженным качеством военно-полевого быта; 3) существенным ограничением возможности для отдыха, сна и т.д. Немецкий исследователь Е. Динтер установил, что процесс адаптации к боевым действиям длится примерно 15—25 суток. За это время военнослужащий достигает пика морально-психологических возможностей. После 30—40 суток непрерывного пребывания в непосредственном соприкосновении с противником, по данным исследователя, наступает их быстрый спад, связанный с истощением духовных и физических сил. Исходя из этого Динтер сделал вывод, что пребывание воинов на передовой не должно превышать 40 суток. Аналогичной точки зрения придерживаются американские психиатры Р. Свонк и У. Маршан. По их данным, у 98% военнослужащих, участвующих в боевых действиях непрерывно в течение 35 суток, возникают те или иные психические расстройства[2].

Установлено, что высокоинтенсивные боевые действия способствуют быстрому нарастанию переутомления военнослужащих и общему росту психотравматизации примерно в 1,2 раза по сравнению с низкоинтенсивными действиями.

Однако не только нахождение в непосредственном соприкосновении с противником, но и *общая продолжительность пребывания в боевой обстановке* конкретного солдата является важной переменной его боеспособности. Во время Второй мировой войны Дж. Аппель и Г. Бибе обнаружили, что средний американский пехотинец в Италии психологически «изнашивался» за 6—8 месяцев. Мощное психологическое давление войны вело к слому человеческой способности сопротивляться неблагоприятным внешним воздействиям за пределами этого временного периода[3]. Безусловно, указанные временные пределы пребывания американских солдат

---

[1] *Campise R. L., Geller Sch. K., Campise M. E.* Combat Stress // Military psychology: Clinical and Operational Applications / ed. by C. H. Kennedy, T. A. Zillmer. N. Y. ; L., 2006. P. 215—241.

[2] См.: *Габриэль Р.* Героев больше нет.

[3] *Horn B.* The worm revisited: An examination of fear and courage in combat // Canadian Military Journal [сайт]. URL: http://www.journal.dnd.ca/vo5/no2/doc/leadership-direction-eng.pdf (дата обращения: 22.01.2016).

в зоне боевых действий были в значительной степени обусловлены отсутствием у них широких социальных мотивов, ведением боевых действий вдали от своей страны, отсутствием опыта участия в высокоинтенсивных боевых действиях. Однако изучение показывает, что такие временные пределы существуют для воинов любой армии. Так, сражавшиеся «за свои дома и семьи» британские солдаты сохраняли свою боеспособность в течение 400 суток.

Степень изолированности действующих на поле боя соединений и частей от основных сил оказывает существенное влияние на боеспособность воинов. По оценкам специалистов, боевые возможности изолированного от своих войск подразделения снижаются наполовину в течение 48 часов из-за усиливающегося страха.

Важнейшими психологическими факторами, влияющими на боевую активность воинов, являются ***способ ведения боевых действий*** и ***вид используемого военнослужащими оружия***. Степень их соответствия решаемым боевым задачам, освоенности воинами, вера в их надежность являются кардинальными условиями боевого духа войск (подробнее см. параграф 2.2).

Мощным психологическим потенциалом влияния на боевую деятельность войск является использование противоборствующими сторонами приемов ***военной хитрости и маскировки***. Они позволяют застигнуть противника врасплох, вынудить его неподготовленным вступить в бой (сражение, войну), т.е. парализовать его волю и лишить возможности оказывать организованное сопротивление.

По своей сущности военная хитрость, маскировка, внезапность — это сугубо психологические феномены, достигаемые с помощью тактических и технических средств. Они входят в систему мероприятий, обозначаемых как «рефлексивное управление противником». Управлять противником рефлексивно — значит активно влиять на процессы восприятия им боевой обстановки, дезориентировать относительно ее пространственно-временных и событийных элементов, придавать нужную направленность его мышлению с целью принятия априори проигрышных решений.

С помощью военной хитрости и маскировки достигается эффект внезапности, который стал главным фактором победы над противником более чем в 65% сражениях, имевших место в человеческой истории.

Военная хитрость составляет ядро ***информационно-психологического противоборства***, являющегося важнейшим компонентом современных войн. С его помощью достигаются эффекты дезориентации, деморализации, дезинтеграции противника. Рассмотрению вопросов информационно-психологического противоборства будет посвящена гл. 12.

2. **Эколого-эргономические факторы** отражают специфику влияния внешних (природно-географических, погодно-климатических, эргономических) обстоятельств и режима боевой деятельности (продолжительность, режим, частота столкновений с противником), степень изолированности от главных сил и т.д.) на психологическое состояние противоборствующих сторон. Они обусловливают степень задействованности психики военнослужащего в процессе выполнения боевых задач. Знакомые условия

и привычная деятельность, хорошо освоенные способы боевого поведения позволяют воинам действовать на поле боя с преимущественным использованием подсознания (автоматизмов, навыков, закрепленных в подсознании моделей) с минимальным привлечением сознания и эмоций. И наоборот, незнакомые обстоятельства и неосвоенные приемы боевой деятельности обусловливают необходимость постоянного включения сознания, возникновение негативных эмоциональных переживаний, что снижает эффективность действий военнослужащего.

Природно-географические и ***погодно-климатические факторы.*** Длительное пребывание военнослужащих в неблагоприятных климатических условиях способствует развитию у них как соматических, так и психических расстройств. В Афганистане советские войска находились в условиях неблагоприятного жаркого климата и горно-пустынной местности. Экстремальные природно-географические условия, боевая деятельность в которых сопровождалась истощением компенсаторных ресурсов, увеличивали риск развития психических нарушений. Негативно действовали на психическое состояние воинов пониженное давление воздуха и содержания кислорода в нем, частые и резкие колебания погодных условий, высокая температура воздуха летом и низкая зимой в районах высокогорья, повышенное ультрафиолетовое и тепловое излучение, низкая влажность воздуха и пыль[1].

В условиях неблагоприятного климата возникают расстройства функциональных систем организма, обеспечивающих тепловую регуляцию, истощение водно-солевых ресурсов, снижение физической работоспособности и психофизиологических возможностей, существенное снижение массы тела (иногда за день боя воин терял 4—5 кг веса), а в тяжелых условиях — тепловое поражение. Эти симптомы характеризуют развивающийся у военнослужащих в неблагоприятных климатических условиях *«синдрома хронического эколого-профессионального перенапряжения»*[2].

Кроме этого, горные условия Афганистана и Чечни были более привычными в психологическом (в плане умения ориентироваться, обнаруживать противника, определять расстояния до целей, рассчитывать силы и время) отношении повстанцам, чем нашим войскам.

Гипоксия. На высоте более 3500 м над уровнем моря солдаты, неадаптированные к условиям высокогорья, могут ощущать хроническую усталость. У них отмечается потеря способности к сосредоточению, резкие перепады настроения; возникают проблемы как с кратковременной, так и с долговременной памятью, снижается общая боеспособность. Так, меткость стрельбы на больших высотах над уровнем моря снижается почти на 50%. Особенно страдает кучность огня[3]. Для акклиматизации в горной местности солдата требуется до двух недель.

Гипоксия ведет также к функциональному перенапряжению органов и систем, управляющих кислородным обеспечением организма. В результате около 50% военнослужащих, не адаптированных к условиям горно-

---

[1] *Литвинцев С. В., Снедков Е. В., Резник А. М.* Боевая психическая травма. М., 2005. С. 51.

[2] См.: Там же.

[3] *Макнаб К.* Психологическая подготовка подразделений специального назначения. С. 52.

пустынной местности в Афганистане, утрачивали работоспособность на седьмые-восьмые сутки боевых действий[1].

Температура воздуха. Экстремальные температуры окружающего воздуха, как высокие, так и низкие, могут быть смертельными. Психологическими последствиями чрезвычайно высоких или низких температур воздуха являются нарушение ощущений (потеря чувствительности) и восприятия (возникновение иллюзий, зрительных, слуховых, обонятельных и осязательных галлюцинаций), снижение умственных способностей, качеств внимания, памяти, нарушение логики действий, резкие перепады настроения, безволие, рассеянность, неспособность принимать решения и совершать действия.

Жара провоцирует быстрое нарастание усталости, апатии, безволия, страха смерти от жажды. Сочетание жары, ветра и пыли в условиях Афганистана было крайне труднопереносимым, астенизирующим фактором и совершенно изматывало военнослужащих. Воины подвергались также прямому влиянию пыли: раздражение слизистых оболочек глаз, носа, загрязнение одежды, техники, приборов, аппаратуры[2].

Эргономические факторы отражают степень соответствия условий микросреды требованиям деятельности, исходя из физических и психических особенностей человеческого организма. Сюда прежде всего следует отнести то, насколько боевая техника, средства индивидуальной и групповой защиты, условия повседневной жизни и деятельности воинов способствуют эффективности решения ими боевых задач, сохранению боевой активности, физического и психического здоровья.

Эргономичность боевой техники. Экипажи бронемашин работают в условиях замкнутого пространства, что значительно повышает риск развития психических расстройств. В бою эти условия становятся причиной появления чувства собственной уязвимости и страха перед огневым поражением. Во избежание стрессовых нагрузок следует постоянно поддерживать связь с другими экипажами.

Боевая техника должна удовлетворять хотя бы минимальным требованиям комфорта и гигиены. Результаты исследований показывают, что при неудовлетворительном микроклимате в боевой машине скорость ее вождения снижается на 19%, время на выполнение огневых задач возрастает на 35%, число промахов — на 40%, каждый день наступательной операции ведет к снижению боеспособности личного состава на 7—10%. Ограничение подвижности человека в течение трех суток снижает его работоспособность на 30%. Частота вибрации боевой техники может совпадать с частой колебаний важнейших органов человека, что может привести к нарушению в их функционировании и разрушающе влияет на деятельность нервной системы[3].

Малавуа сводит все эргономические факторы, способствующие развитию утомления боевых экипажей, в три группы: анатомические, физиологические и психологические. К *анатомическим факторам* он относит, прежде

---

[1] См.: *Литвинцев С. В., Снедков Е. В., Резник А. М.* Боевая психическая травма.

[2] См.: Там же.

[3] См.: *Калинчук Л. В., Караяни А. Г., Логинов И. А.* Технологии морально-психологического обеспечения: теория, методология, практика.

всего, позы и движения, которые военнослужащий вынужден использовать при действиях в боевой обстановке. Состояние (напряжение, расслабление, блокирование) различных мышечных групп оказывает заметное влияние на протекание процессов дыхания, кровообращения, пищеварения, мочеотделения, самочувствие и уровень активации человека. Известна закономерность: «Чем менее удобна поза и чем более мышечных усилий требуется для ее сохранения, тем сильнее будет утомление»[1]. Это необходимо учитывать: 1) при проектировании боевой техники и оружия, строительстве боевых сооружений и позиций; 2) обучении военнослужащих действиям в соответствии с их функциональным предназначением; 3) осуществлении контроля за деятельностью личного состава.

К числу эргономических причин, способствующих нарастанию утомления, относят температуру и состав воздуха, уровень шумового фона и вибрацию. В составе воздуха, циркулирующего в боевой технике, наихудшее влияние на работоспособность экипажей и десантов оказывает окись углерода, содержащаяся в выхлопных газах. При превышении ее концентрации в 1,5 единицы на 1000 единиц воздуха смерть наступает в течение одного часа[2]. При отравлении сублетальными концентрациями этого газа наблюдается существенное снижение боеспособности военнослужащих, проявляющееся в нарастании чувства усталости, снижении интеллектуальной активности и нарастании числа перцептивных и других ошибок, замедлении реакций, усилении вялости, сонливости вплоть до развития коматозного состояния. Особенно интенсивно отравление военнослужащих происходит при выполнении ими интенсивной работы. По Малавуа, во время работы интоксикация наступает в три раза быстрее, чем во время покоя[3].

В исследовании Малавуа показано, что шум, сопровождающий работу двигателей боевой техники, оказывает не только травмирующее влияние на слуховой аппарат человека, затрудняет общение экипажей и десантов, но и разрушающе воздействует на нервную систему военнослужащего. Так, шум вызывают острое болевое ощущение, когда достигает громкости 140 децибел при кратковременном воздействии и всего 85 децибел — при длительном воздействии звука. При громкости звука в 100 децибел происходит нарушение слуха. Последствия влияния шума на деятельность организма во многом сходно с воздействием окиси углерода. Наряду с этим могут наблюдаться нарушения зрения, цветоощущения, потеря памяти, рост психической неустойчивости.

Неблагоприятное воздействие на психическое состояние и действия военнослужащих в бою оказывает вибрация. Особенно пагубное влияние на человека оказывает вибрация, сочетающаяся с толчками. В этом случае имеют место непроизвольные мышечные сокращения, сбои в ритмике диафрагмы, нарушения обменных процессов и др. Установлено, что различные отделы и системы организма человека резонируют при разной частоте

---

[1] *Малавуа*. Бронированные машины и «человеческий фактор» // Современная буржуазная военная психология. М., 1964. С. 222.

[2] Там же. С. 223.

[3] Там же. С. 223.

вибрации (голова при 10—25 герц, глазное яблоко при 25—45 и 60—90 герц, брюшные органы — при низких частотах колебаний)[1].

При длительных действиях в боевой технике и в укрытиях у военнослужащих могут возникать *агорафобия* (навязчивый психоневроз, при котором человек испытывает страх перед открытыми пространствами, и военнослужащие оказываются не в силах выйти из машины, блиндажа) и ее противоположность — *клаустрофобия*, проявляющаяся в страхе перед замкнутыми пространствами.

Надежность индивидуальных и групповых средств защиты (например, противогазов, защитных комплектов, приборов радиоактивного и химического контроля и т.д.) оказывает существенное влияние на психические состояния, взаимоотношения, воинскую дисциплину военнослужащих.

Война — это не только беспрерывная череда боев, но и огромная часть человеческой жизни. И эта жизнь не может обойтись без человеческого общения, дружбы, любви, отдыха, расслабления. Все эти потребности должен удовлетворять ***военно-полевой быт*** войск. Отсутствие возможности для полноценного безопасного сна и отдыха, условий для соблюдения военнослужащими личной гигиены, засилье вшей, мух, клопов, «витринность» повседневной жизнедеятельности, отсутствие возможности уединиться даже на короткое время, постоянное нарушение личного пространства негативно влияют на стрессоустойчивость участников боевых действий, унижают человеческое достоинство, воинскую гордость. Трудно побудить вшивого и засыпающего на ходу солдата к героическому подвигу.

3. **Социально-психологические факторы.** Вся история войн и военного искусства свидетельствуют о том, что социально-психологические факторы выступают основой для формирования широких социальных мотивов боевого поведения и прочных боевых установок воинов.

Морально-боевой дух воинов в значительной степени зависит от ***отношения народа к войне***, от популярности войны в сознании масс. Популярность, в свою очередь, определяется понятностью для людей и внутренним принятием ими целей войны, представленностью социальных, экономических, национальных, религиозных интересов в структуре вызвавших ее причин. Образ войны в сознании людей приобретает ту или иную эмоциональную окраску в зависимости и от того, насколько успешно и на чьей территории ведутся боевые действия, а также от того, какая часть населения страны физически и психологически принимает в них участие.

Анализируя итоги Первой мировой войны, Н. Н. Головин отмечал, что существовавшее до войны представление о «духе войск» как о чем-то неисчерпаемом и самодовлеющем привело к такому «расточительному расходованию крови, которое не могли выдержать даже самые лучшие войска в мире». Социальные и политические условия, в которых живет страна, по его мнению, «являются первыми данными, влияющими на "дух" войск»; вот почему в современную эпоху «вести войну, непопулярную в массах, есть предприятие ненадежное»[2].

---

[1] *Малавуа.* Бронированные машины и «человеческий фактор». С. 225, 227.

[2] *Головин Н. Н.* Мысли об устройстве будущей Российской Вооруженной Силы. Белград, 1925. С. 15.

Посредством работы механизмов психического заражения, внушения, подражания военнослужащие усваивают господствующий в обществе настрой, формируют соответствующие установки и мотивы боевого поведения. Еще в начале века военные психологи России отмечали, что «воин, будучи сколком своего народа, верно и точно отражает как доблести, так и немощь своего народа», что «никакой энтузиазм в армии невозможен, когда не будет его в Отечестве»[1].

Изучение опыта вооруженных конфликтов последнего времени убедительно подтверждает психологическую закономерность: *победоносные войны имеют в своей основе идеи, понятные и близкие сердцу бойца и всего народа.*

Морально-психологическое состояние воинов в значительной мере зависит от ***отношения народа к своей армии***. Эта закономерность выявлена военными психологами еще в прошлом веке. Так, М. В. Зенченко подчеркивал, что для мощи войск необходимы симпатии всего населения, а А. С. Агапеев на примере отношения народов Германии и Франции к своим армиям показал, что оно является существенным фактором достижения победы в бою. Действие этой закономерности отчетливо ощущалось в ходе войны США во Вьетнаме, боевых действий наших войск в Афганистане и Чечне.

Не менее важным фактором боевого духа воющей армии зависит от ***отношения народа к противнику***. Опыт войны убедительно показывает, что в сражениях чаще побеждает та армия, воины которой видят в противнике лютого и ненавистного врага, посягающего на свободу и достояние их Родины. Великая Отечественная война еще раз подтвердила верность выявленной военными психологами закономерности: необходимо уже в мирное время прививать воинам ненависть к армиям тех стран, которые проявляют в своих действиях агрессивные устремления и являются потенциально опасными. Это означает, что всякая война требует длительной работы по формированию военного сознания людей.

Таким образом, в условиях войны действует своеобразный социально-психологический закон, отражающий взаимосвязь между состоянием психологии общества и его армии. Он гласит, что *основной источник морально-психологического состояния воюющей армии находится не внутри нее, а в обществе, интересы которого она защищает.*

В ряду социальных переменных велика роль ***фактора отношения населения в регионе боевых действий*** к противоборствующим сторонам. Это отношение может быть: 1) лояльным (население может поддерживать одну из сторон психологически, материально, деятельностно); 2) нейтральным (бесстрастно выполнять требования, предъявляемые военным командованием); 3) оказывать пассивное и активное противодействие одной из сторон или обеим из них. Враждебно настроенное население в регионе боевых действий может дезинформировать и дезориентировать военных руководителей путем распространения ложной информации и слухов, запугивать, стыдить, винить военнослужащих, создавать препятствия на путях перемещения отдельных военнослужащих и движения войск, блокировать важнейшие военные объекты, разоружать и захватывать военнослужащих в заложники, избивать и убивать их, совершать диверсии на важных объектах и т.д.

[1] См.: *Энгельман И. Г.* Воспитание современного солдата и матроса. СПб., 1908.

Анализ боевого опыта показывает, что самым мощным мотиватором боевых действий и наиболее эффективным «психотерапевтом» для воинов является воинский коллектив. *Отношения коллективизма, сплоченность воинского подразделения* выступают своеобразным основанием для поддержания высокой психологической устойчивости и активности отдельных военнослужащих. Боевой опыт ведущих армий мира свидетельствует о том, что отделения, экипажи, расчеты, состоящие из хорошо знавших друг друга военнослужащих (родственников, земляков и т.д.), как правило, проявляют бóльшую активность, инициативу, стойкость. Изучая эту закономерность, немецкий военный психолог Е. Динтер подчеркивает, что страх потерять доверие группы, оказаться в моральной изоляции из-за трусости действует сильнее всего, позволяет совершать смелые поступки.

На боевые стрессоры накладываются также уныние и тревога из-за долгого *отрыва от семей*, дефицит информации о близких, изолированность от общества, отсутствие положительных эмоций, ностальгические переживания[1].

Доверие к командирам. Опыт боевого применения войск в локальных военных конфликтах конца XX – начала XXI в. свидетельствует о том, что военнослужащие, испытывающие доверие и уважение к своему командиру, могут активно выполнять даже те задачи, существо которых не понимают или нравственно отвергают.

Воинская дисциплина – главное условие возникновения синергии – дополнительной силы воинского коллектива, порождаемой согласованностью функционально-ролевых отношений военнослужащих, формированием внутренних и коллективно-групповых регуляторов активности, четкой управляемостью воинского подразделения (части). Аргументируя важнейшую роль воинской дисциплины и организованности в вопросах победы и поражения в войне, Наполеон утверждал: «Два мамелюка безусловно превосходили трех французов; 100 мамелюков были равноценны 100 французам; 300 французов обыкновенно одерживали верх над 300 мамелюками, а 1000 французов уже всегда разбивала 1500 мамелюков»[2].

4. **Психофизиологические факторы**, влияющие на боевую активность воинов, – боевая (физическая) нагрузка, усталость, недосыпание (задолженность сна), обезвоживание (дегидратация), голод, монотония и т.д.

Мощным фактором, определяющим боевое поведение воинов, являются ***чрезмерные физические нагрузки***. Боевые действия, особенно в локальных военных конфликтах, против иррегулярных формирований часто ведутся в труднодоступных местах (в горах, пустынях, разрушенных городах). Передвижения осуществляются на пересеченной местности, в условиях резких перепадов высот и атмосферного давления. Применение техники в таких условиях ограничено. В результате, например в Афганистане, нашим военнослужащим приходилось нести на себе экипировку весом

---

[1] *Литвинцев С. В., Снедков Е. В., Резник А. М.* Боевая психическая травма. С. 32.

[2] Мамелюк (мамлюк) – каста египетских воинов, воспитывавшихся в закрытых военизированных лагерях-интернатах из числа детей-рабов из тюркских и кавказских народов на протяжении всей жизни и являвшихся одними из лучших одиночных воинов своего времени.

56—63 кг. Энергозатраты в таких условиях достигают 4500—6000 ккал/сут. и более, что при высоких физических нагрузках приводило к состоянию боевого истощения и боевой усталости[1].

В традиционном общевойсковом бою воин выполняет работу, которая по уровню энергозатрат значительно превосходит работу землекопа или шахтера. Это связано не только с оборудованием боевых позиций для себя и боевой техники, построением укрытий и блиндажей. Анализ показывает, что иногда участники боевых действий несут на себе вдвое больше груза, чем им необходимо для выполнения конкретной боевой задачи. Все это способствует не только аккумуляции и нарастанию усталости, быстрому физическому истощению, но и снижению общего фона настроения воинов.

Утомление — состояние, сигнализирующее о степени израсходования энергетических запасов организма и необходимости их восполнения. Утомление субъективно воспринимается воином как ***усталость*** — ощущение слабости, бессилия, вялости, дискомфорта, сопровождающееся негативными эмоциональными реакциями, потерей интереса и мотивации боевой деятельности. Усталость возникает как следствие сильных и продолжительных физических нагрузок; перцептивного, интеллектуального, эмоционально-волевого и мотивационного перенапряжения; нарушения привычного ритма жизнедеятельности (чередования и качества деятельности, отдыха, сна, питания и т.д.); сбоев в системе психической саморегуляции и физического здоровья человека и т.д.

Усталость отрицательно сказывается на эффективности действий военнослужащих, ведет к нарушению чувствительности, внимания, памяти, мышления. Так, например, в состоянии усталости у людей могут возникать различные иллюзии восприятия объектов боевой обстановки и галлюцинации, появляется болезненная чувствительность к определенным раздражителям, повышается конфликтность во взаимоотношениях с сослуживцами. Усталость порождает апатию, пассивность, массовые галлюцинации, безволие, неуверенность в собственных силах, способствует развитию панических настроений и действий, дезертирству и сдаче в плен.

У воинов, длительно действующих в условиях кумулятивного действия факторов напряжения, происходит утрата оперативности, снижение сопротивляемости неблагоприятным воздействиям. В результате менее напряженные ситуации могут восприниматься как травматические, и потребуется больше усилий для преодоления воздействия в последующем. Как следствие повышается риск появления упадка сил, истощения, потери способности к сопротивлению, когда человек попадает в неожиданную опасную ситуацию. В связи с этим у военнослужащих в боевой зоне могут развиваться психические расстройства даже при отсутствии существенного травмирующего события[2].

Продолжительность и качество сна оказывает существенное влияние на боевую активность воинов и могут становиться основной причиной боевого стресса. Недостаточный и некачественный сон в боевой обстановке —

---

[1] *Литвинцев С. В., Снедков Е. В., Резник А. М.* Боевая психическая травма. С. 52.

[2] Там же. С. 44.

одна из главных причин перенапряжения механизмов адаптации к боевым стресс-факторам и условие психотравматизации военнослужащих.

Накопление задолженности сна крайне неблагоприятно влияет на психическую деятельность и боеспособность военнослужащих. Так, специалистами установлено, что за каждые сутки, проведенные без сна, военнослужащий утрачивает примерно 25% эффективности когнитивной деятельности (способности воспринимать боевую обстановку, обнаруживать и идентифицировать противника, принимать обоснованные решения, оперативно мыслить, импровизировать, объективно оценивать свои возможности и т.д.) (рис. 2.2).

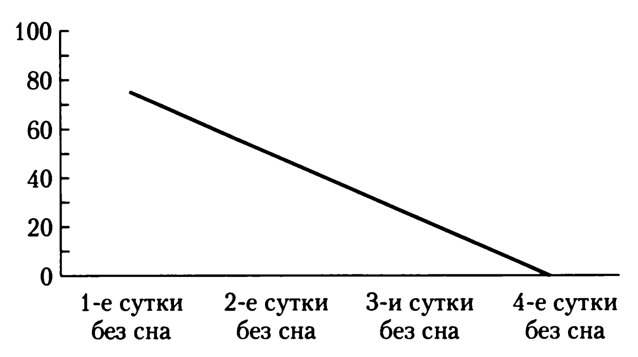

Рис. 2.2. **Снижение когнитивных возможностей воинов с ростом дефицита сна**

Из рис. 2.2 следует, что после 48—72 часов без сна военнослужащие становятся неэффективными в боевом отношении[1].

В ряде полевых экспериментов выявлен характер влияния на боеспособность военнослужащих различных «доз» дефицита сна[2] (табл. 2.1).

Таблица 2.1

Зависимость работоспособности военнослужащих от продолжительности сна

Продолжительность сна, ч/сут.	Состояние боеспособности личного состава
0 ч	Сохраняется боеспособность к выполнению боевых задач в течение трех дней. На четвертый день весь личный состав выходит из строя
1,5 ч	50% боеспособности военнослужащих сохраняется в течение шести дней. К седьмому дню из строя выходит 50% личного состава
3 ч	91% боеспособности воинов сохраняется порядка девяти дней

[1] *Campise R. L., Geller Sch. K., Campise M. E.* Combat Stress // Military psychology: Clinical and Operational Applications. C. 215—241.

[2] *Данилов А.* Профилактика боевых психологических травм в ВС США // Зарубежное военное обозрение. 1991. № 9. С. 11—16.

Из табл. 2.1 следует, что дефицит сна является существенным фактором снижения боеспособности военнослужащих.

Специалистами установлено, что пять-шесть ночей с продолжительностью сна не более четырех часов дают тот же эффект, как ночь, проведенная без сна или присутствие в крови 0,1% алкоголя. После такого уровня депривации сна у военнослужащего не возникает проблем с координацией, и он способен пройти по прямой линии, однако его способность мыслить существенно снижается. После пяти-семи дней неполноценного сна снижение бдительности и эффективности достигает того же уровня, как и после двух дней полной депривации сна. В ряде исследований показано, что депривация сна существенно повышает уровень гнева, импульсивности, агрессии, делает более яростными реакции на любой раздражитель. Снижается способность к рефлексии, выбору и принятию решений. Повышается рискованность, снижается эмпатия, способность просчитывать долгосрочные последствия действий. Возникают серьезные ошибки восприятия и мышления, называемые «когнитивными искажениями»[1]. Затрудняется понимание словесной, письменной и кодированной информации, обнаружение позиций противника, интерпретация изменений схемы огня противника, оценка простых тактических ситуаций. У военнослужащих может существенно снижаться бдительность, возможность вспомнить то, что они видели, слышали, о чем читали. Повышается раздражительность, вспыльчивость, конфликтность. Возникают трудности с выполнением рутинных задач, таких как соблюдение личной гигиены, сушка обуви, смена носков и др.[2] Отмечается, что задолженность сна способствует повышению скорости распространения слухов среди участников боевых действий[3].

Российские, китайские, израильские военные психологи сходятся на том, что военнослужащим, непосредственно принимающим участие в боевых действиях, необходимо, по меньшей мере, четыре часа непрерывного сна в сутки. Для военнослужащих, чья деятельность связана с умственным напряжением, принятием и оперативным обеспечением боевых решений, продолжительность сна должна составлять не менее 6 ч в сут., так как умственная работоспособность восстанавливается гораздо дольше, чем физическая. Однако такой боевой режим жизнедеятельности не может продолжаться более пяти-шести суток.

Пагубное влияние на боевую активность воинов оказывает ***обезвоживание (дегидратация)***. По данным специалистов, потеря 5% воды в организме воина вызывает чувство жажды, тошноту, слабость и раздражительность. Потеря 10% организмической воды ведет к головокружению, головным болям, затруднениям в ходьбе, покалыванию в конечностях; 15%-ное обезвоживание сопровождается снижением четкости зрения, рез-

---

[1] *Hoge Ch. W.* Once a warrior always warrior. P. 57.

[2] См.: Field Manual FM 6—22.5. Combat and operational stress control manual for leaders and soldiers. Washington, 2009.

[3] *Караяни А. Г.* Слухи как средство информационно-психологического противодействия // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 6. С. 47—54.

кости слуха, кожной чувствительности, распуханием языка, более чем 15%-ное обезвоживание способно вызвать смерть[1].

Нарушение биоритмов жизнедеятельности. Известно, что вследствие соблюдения человеком привычного ритма жизни, распорядка дня у него формируется суточный ритм физиологических процессов или «биологические часы». Под этот ритм подстраиваются важнейшие организмические процессы, динамика нервно-психической деятельности и т.д. В частности, меняется температура тела, скорость обменных процессов, частота сердечных сокращений, емкость легких. От этих процессов напрямую зависит работоспособность военнослужащего, его физическая выносливость, эмоциональное состояние, способность сконцентрироваться, осуществить волевое усилие.

При переброске войск с помощью транспортной авиации с преодолением нескольких часовых поясов происходит временное нарушение суточных биоритмов военнослужащих. Включение в боевую деятельность неадаптированных по биоритмам военнослужащих существенно снижает возможности их внимания, памяти, мышления, ухудшает самочувствие, уменьшает физические возможности. Авиапереброска воинов через несколько часовых поясов может потребовать до 12—14 суток адаптации.

5. **Психологические факторы.** В системе психологических факторов боевой активности воинов можно выделить первичные и вторичные факторы.

Первичные психологические факторы — это явления, выполняющие роль своеобразного «адаптора», трансформирующего смысл и энергию боевых, эколого-эргономических, социальных, физиологических и вторичных психологических факторов в боевое поведение воинов.

К первичным психологическим факторам относятся *психологическая готовность к бою* и *психологическая устойчивость к боевым стресс-факторам*, включающие выстроенные в разной иерархии знания, боевые мотивы, эмоционально-волевой настрой, боевое мастерство воинов, преобладающие копинг-стратегии в экстремальных ситуациях, владение воинами способами психической саморегуляции.

Из военного опыта

Один из организаторов обороны Волоколамского шоссе в 1941 г. Б. Момышулы писал, что командиры и бойцы Красной Армии часто не имели четкой картины боя, так как пользовались картами 1920-х гг. За прошедшие 20 лет в Подмосковье выросли новые населенные пункты, изменилась конфигурация дорог, появились различные элементы инфраструктуры. Отсутствие точного представления о местах предстоящих боевых действий пагубно сказывалась не только на планировании боя и управлении боевыми действиями, но и на психологическом состоянии военнослужащих. В данном случае неотвратимо срабатывала закономерность — «Чего не знаю, того боюсь».

Исследования показывают, что в преодолении неблагоприятных стресс-факторов (в том числе и боевых) значительная роль принадлежит копинг-

[1] Field Manual FM 3—05.70. Survival. Washington, 2002.

стратегиям в поведении воинов. Копинг-стратегии — это способы актуализации знаний, умений и навыков воина, мобилизации и использования целевого психологического ресурса для эффективной адаптации к изменяющейся обстановке боя.

От состояния психической готовности и устойчивости зависит характер реакции воина на ***вторичные психологические факторы***:

— эмоционального ряда (опасность, осознание вины за участие в жестоком насилии, ответственность за результаты своей деятельности, переживание собственных ран, смерти и ранений боевых товарищей);

— информационного ряда (новизна, неопределенность обстановки; неожиданность, внезапность наступления боевых событий; информационная перегрузка, недогрузка, ошибка).

Итак, боевые, эколого-эргономические, социально-психологические, психофизиологические и психологические факторы боевого поведения воинов действуют в разное время с разной силой, в различных комбинациях. Реально угрожающая жизни обстановка по-разному воспринимается воинами, обладающими разными образами войны (представлением о целях войны, противнике, сослуживцах, командирах), участвующими в разных видах боя, отличающимися боевым опытом, типом нервной системы и т.д. Очевидно, что если воин знает привычки и тактические схемы действий противника, набор его ухищрений, то действия неприятеля не станут для него неожиданными или новыми. Это означает, что не будет места удивлению, информационным перегрузкам и недогрузкам и, как следствие, ситуация не будет ощущаться как избыточно опасная. В данном случае срабатывает принцип — «Предупрежден — значит вооружен».

Перечисленные факторы могут стать непреодолимой преградой на пути воина, причиной его психотравматизации, а могут составить психологический ресурс, расширяющий его боевые возможности. Например, бой в ночных условиях для плохо подготовленного к ночным действиям воина может стать настоящей драмой, а для мастера ночных действий — условием боевого и психологического превосходства над противником.

Военные руководители всех уровней, психологи должны предвидеть специфику влияния факторов боя на поведение воинов и стремиться придать им положительный мобилизующий, активизирующий характер.

Психологическая модель боя позволяет глубже понять закономерности боевых действий, характер действия различных факторов на поведение воинов, и, следовательно, выстраивать эффективную систему их психологического обеспечения. Психологическая модель боевых действий показывает: чтó является побудителем боевой активности воинов; какие факторы влияют на боевое поведение; какие изменения в психике участника боя происходят под воздействием стрессогенных факторов; какие психологические явления должны подвергаться коррекции в боевой обстановке для достижения эффективности боевых действий. Она позволяет системно влиять на боевую активность воинов путем воздействия как на их внутренние психологические возможности, так и на окружающую их социальную, боевую и эколого-эргономическую среду.

Рекомендуемая литература

Бархаев, Б. П. Психология и педагогика профессиональной деятельности офицера / Б. П. Бархаев [и др.]. — М. : Воениздат, 2006.

Караяни, А. Г. Введение в профессию военного психолога / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — М. : Академия, 2007.

Караяни, А. Г. Прикладная военная психология / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — М., 2006.

Караяни, А. Г. Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах / А. Г. Караяни. — М., 1998.

Литвинцев, С. В. Боевая психическая травма / С. В. Литвинцев, Е. В. Снедков, А. М. Резник. — М. : Медицина, 2005.

ГЛАВА 3
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ БОЯ И УСЛОВИЙ ВЕДЕНИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Новые тенденции в развитии военного искусства, стирание граней между войной и миром, боевыми действиями и акциями сопротивления населения значительно разнообразили арсенал способов (видов) боевых действий. Боевые события все чаще перемещаются в населенные пункты, локализуются на стратегически важных военных, административных и социальных объектах, на узловых транспортных магистралях. При этом стратегическое значение нередко определяется не их боевой ценностью, а психологическим, символическим значением (историческая, религиозная, политическая ценность). Участие в боевых действиях «сильных сторон» все чаще осуществляется в дистантных формах, с использованием авиации, ракет, реактивных систем залпового огня, дистанционного минирования и т.д.

Несмотря на это, опыт войн XXI в. показывает, что традиционные виды боевых действий (наступление, оборона, встречный бой) сохраняют свое значение.

Отечественная военная наука выделяет два ***вида боя*** — наступление и оборону. Учет психологических особенностей видов боевых действий — важное условие их целесообразной организации, психологического обеспечения и, как результат, достижение психологического превосходства над противником.

3.1. Психологические особенности наступления и обороны

С психологической точки зрения наступление и оборона — два вида боевой деятельности, различающиеся по целям, способам, средствам, когнитивным, эмоциональным и поведенческим аспектам.

Наступление имеет целью разгром (уничтожение) противника и овладение важными районами (рубежами, объектами) местности. Оно заключается в поражении противника всеми имеющимися средствами, решительной атаке, стремительном продвижении войск в глубину его боевого порядка, захвате вооружения, техники и намеченных районов (рубежей) местности.

Психологические особенности наступательного боя отражены в табл. 3.1.

Таблица 3.1

Психологические особенности наступления

Преимущества	Недостатки
Ощущение боевого и морального превосходства	«Витринность» действий (открытость для наблюдения и для противника)
Владение инициативой (выбор времени, места, способа, масштаба действий)	«Закрытость», невидимость противника, страх неизвестности
Наличие значительного числа степеней свободы (возможность изменять направление, темп и ритм боевых действий)	Психологическая сложность выхода из укрытия под огонь противника
Возможность создания единого наступательного порыва, эффекта «эжекции» (втягивания воинов в активную деятельность)	Возникновение эффекта «притяжения земли»
Возможность использования силы примера как модели для подражания	Возможность возникновения эффекта «туннельного» зрения
	Наличие значительного количества «зайцев» (лиц, избегающих участия в атаке)
	Ощущение у командиров ощущения «потери подразделения» (снижение возможности управления подчиненными)

Из табл. 3.1 следует, что наступление, с психологической стороны, имеет как сильные, так и слабые стороны.

История войн и военного искусства свидетельствуют о том, что наступление, как правило, ассоциируется с боевым и духовным преимуществом, преобладающей волей наступающей стороны. Так, М. В. Фрунзе обращал внимание на то, что «нападение действует на психологию противника тем, что уже одним этим обнаруживается воля более сильная... Надо пережить и перечувствовать всю тяжесть положения атакуемого, чтобы понять, какое преимущество имеет наступление перед обороной»[1].

Наступательные боевые действия оказывают особенно мобилизующее и активизирующее влияние на военнослужащих, когда они предпринимаются после затяжных и неуспешных боев. В этом случае наступление связывается с надеждами на перелом в боевых событиях, с возможностью захватить инициативу, значительно приблизить победу над врагом. Переход к наступлению вызывает у воинов надежду на то, что командиры все тщательно оценили, выявили слабые места в боевом состоянии противника, сделали выводы из прошлых неудач, создали превосходящие силы, правильно выбрали время и место наступления, что, безусловно, обеспечит успех боя.

[1] *Фрунзе М. В.* Избранные произведения. М., 1950. С. 543.

Вызывая боевое возбуждение, азарт, наступательный порыв, наступление притупляет у воинов страх, колебания, мобилизует все возможности воинов, их волю. Многочисленные задачи по подготовке боевой техники, оружия, снаряжения, стоящие перед воинами, на какое-то время отвлекают их от психотравмирующих переживаний. Энергия наступательного движения способствуют развитию массового героизма, творческой боевой инициативы воинов. Этому в значительной мере способствуют процессы психического заражения и подражания. В результате на фоне общего боевого энтузиазма даже нерешительные люди проявляют активность и включаются в боевые действия. Народная молва гласит, что даже раны, полученные в наступлении, заживают быстрее, чем в обороне.

Известный отечественный военный психолог Г. Д. Луков отмечал, что в психологическом отношении наступление является «самым трудным на войне делом. Чтобы воину заставить себя идти навстречу ураганному огню противника, необходимо максимальное напряжение всех его духовных сил. Но если наступление развивается успешно, внутренне напряжение у воина находит разрядку в активных боевых действий, поэтому наступающим управлять поведением несколько проще, чем обороняющимся»[1].

Из опыта войн также известно, что переход к наступлению сопровождается заметным усилением и активизацией социально-психологических связей между военнослужащими, сплочением воинских подразделений, повышением их «управляемости», дисциплины. Отношения коллективизма, взаимопомощи, взаимовыручки психологически как бы «втягивает» воинов в решение сложных и опасных задач, с меньшими психологическими издержками, создавая для этого дополнительную мотивацию.

Специалисты также отмечают ряд тактико-психологических особенностей наступления. Так, у атакующего перед обороняющимся есть ряд преимуществ, которые значимо влияют на его психическое состояние: стрелять с высоты своего роста вниз удобнее, чем обороняющемуся из окопа вверх; гранатой проще поражать противника сверху, чем попасть ею по бегущему солдату; у находящегося сверху значительно больше свободы маневра, чем у обороняющегося в окопе; наступающий, при налаженной и эффективной разведке, знает, куда обрушивать свой огонь, чтобы уничтожить главные силы противника[2].

В наступлении существенно снижается «вес» боевых потерь в достижении победы над противником. Результаты исследований военных специалистов показывают, что в среднем атакующие войска прекращают наступление лишь тогда, когда их потери вдвое превышают потери обороняющихся, тогда как обороняющиеся часто испытывают поражение, если их потери составляют лишь 25% от потерь наступающих.

Вместе с тем с психологической точки зрения наступательные действия характеризуются рядом психологических сложностей. Так как наступление ведется на территории, занимаемой противником, немалое значение имеет

---

[1] *Луков Г. Д.* Воспитание воли у советских воинов. М., 1961. С. 66.

[2] *Маркин А. В.* Основы тактической подготовки современного солдата. Минск, 2006. С. 77, 88.

фактор неизвестности. Наступающим не всегда удается предугадать, с чем они столкнутся в глубине обороны врага. Поэтому каждый куст, холмик, разрушенный объект воспринимаются воинами как источник опасности. Особенно сложными в этом плане являются боевые действия в населенных пунктах, горах, лесу.

В наступлении также есть несколько критически сложных с психологической точки зрения моментов. Прежде всего, момент выхода из окопа (укрытия) и перехода в атаку. В своей книге «Психология войны» Б. Момышулы проводит анализ героизма и героев. Он пишет о том, что есть герои, совершающие яркие подвиги, которые становятся символами и воодушевляют сотни и тысячи людей. Есть герои другого типа, те, кто первыми поднимаются в атаку под ураганным огнем врага. Без их подвига были бы невозможны многие победы и подвиги-символы.

Поднимаясь в атаку, каждый военнослужащий должен однозначно сделать выбор идти навстречу риску, опасности. Как свидетельствуют участники боевых действий, момент выхода из укрытия и вступления в бой многократно проигрывается в сознании, что обусловливает его существенное сужение и сосредоточение на одном-двух объектах боевой обстановки.

В этих условиях большая психологическая нагрузка ложится на командиров подразделений: они призваны не только принять решение о том, чтобы послать людей навстречу опасности и всеми способами побуждать их к активным боевым действиям, но и самим демонстрировать пример самообладания. Иллюстрируя сложность задачи вести подчиненных в бой, Л. Л. Байков пишет о том, что в «сердце человека происходит долгая, тяжелая борьба двух противоположных стремлений, положительного — “победить” — и отрицательного — “отказаться от боя”. Под Ваграмом из 22 тыс. французов наполеоновской армии 12 тыс. растаяли, не дойдя до позиции, под разными предлогами, как то: изнеможение, вынос раненых и т.д., а некоторые притворялись даже мертвыми. Во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. отмечались случаи, когда под предлогом выноса раненого, группируясь около него, с поля боя уходило по 10 человек»[1].

Во время Второй мировой войны американским военным психологом С. Л. А. Маршаллом было установлено, что «из бойцов, которые в каждый момент боевых действий могут и должны пускать в ход вверенное им оружие, всего 15% ведут огонь по неприятельским позициям. Если к этой ничтожной части непосредственно действующих бойцов присоединить тех, кто проявляет какую-либо личную инициативу... то процент реальных участников боя может быть доведен до 25%»[2]. Эта тенденция в той или иной мере присуща всем армиям мира.

Изучая состояние воина в момент атаки, русские военные психологи К. М. Вольф, Н. В. Полянский, Г. Е. Шумков установили, что она совершается в особом нервном состоянии, которое можно назвать *«шоком»*. Вместе с тем шок — это не полное выключение сознания, потеря чувстви-

---

[1] *Байков Л. Л.* Свойства боевых элементов и подготовка войск к войне и бою. С. 31.

[2] *Маршалл С. Л. А.* Американцы в бою // Офицер вооруженных сил : пер. с англ. Вашингтон, 1991. С. 50.

тельности и заторможенность нервной системы, а специфическое чувство, похожее на опьянение, всецело поглощающее существо человека[1]. Воины участвуют в атаке без четкого контроля сознания, автоматически и практически неуправляемы. Их ориентировка в обстановке боя может быть неадекватной, что вызывает усиление внутренних трудностей, рост числа ошибок в действиях. Участники боевых действий указывают на возможное проявление в ходе атаки такого явления, как «притяжение земли». Его суть состоит в том, что у отдельных военнослужащих после очередной перебежки и падения на землю практически утрачивается способность оторваться от земли и совершить новый бросок вперед.

Приближение к противнику увеличивает ощущение опасности, воин все более превращается в субъекта массовых действий, постепенно снижается его сознательная деятельность, повышается внушаемость, человек «превращается в автомат»[2]. По оценкам Г. Е. Шумкова, когда на расстоянии примерно 200 шагов до противника бойцы бросаются бегом, у них развивается сила, которая движет их вперед, преодолевая любые препятствия, они уже не отступят[3].

Оборонительные боевые действия имеют целью отразить наступление превосходящих сил противника, нанести ему максимальные потери, удержать важные районы (объекты) местности и тем самым создать благоприятные условия для перехода в наступление. Оборона в современной войне может носить позиционный и маневренный характер, осуществляться преднамеренно и вынужденно, готовиться заблаговременно и в ходе боя, в условиях соприкосновения с противником и в условиях отсутствия соприкосновения. Несмотря на большие различия в тактике ведения той или иной разновидности оборонительного боя, в условиях перехода к ним имеются общие закономерности проявления психики и поведения воинов в обороне (табл. 3.2).

Таблица 3.2

Психологические особенности обороны

Преимущества	Недостатки
Ощущение большей безопасности (укрытие, маскировка) — «иллюзия закрытия»	Ощущение утраты инициативы, возможность формирования «психологии поражения»
Ощущение «локтя товарища»: снижение страха одиночества, страха остаться на поле боя раненым	Уменьшение степеней свободы, возникновение страха окружения, подверженность негативному психическому заражению
Лучшие возможности для управления	Снижение воинской дисциплины

В ряде исследований показано, что оборонительные боевые действия связываются воинами с утратой боевой инициативы, наличием у против-

[1] *Вольф К. М.* Из дневника командира полка // Военный сборник. 1908. № 6. С. 46.

[2] См.: *Полянский В. Н.* Иллюзия закрытия // Русский инвалид. Приложение. 1909. № 272; *Его же.* Моральный элемент в области фортификации. СПб., 1910.

[3] *Шумков Г. Е.* Рассказы и наблюдения из настоящей Русско-турецкой войны. Киев, 1905. С. 5.

ника боевого и морально-психологического превосходства. «...ибо обороняющийся знает, что противник сильнее его, что он диктует ему свою волю»[1]. При этом возможности противника (его оружия, боевой техники, тактических приемов, действий) нередко преувеличиваются.

Пропорционально продолжительности времени нахождения в обороне возрастает неуверенность воинов в своих боевых возможностях, развивается ощущение собственного бессилия, безысходности. Это сопровождается снижением авторитета военных руководителей, что еще более усугубляет неуверенность в возможности благоприятного изменения боевой ситуации, способствует развитию общей подавленности, раздражения, пессимизма. У обороняющихся может формироваться «бункерное мышление», когда солдату кажется, что в окопе безопасно, и поэтому у него возникает желание не покидать окопа. Не готовясь к активным действиям вне позиций, обороняющиеся сами загоняют себя в психологическую ловушку. Общий уровень психологической готовности к бою снижается[2].

На первый взгляд обороняющиеся в окопах и траншеях имеют все преимущества перед наступающими. Они практически полностью закрыты бруствером, в отличие от видимого, как на ладони, противника. У них пристреляны секторы обстрела, что повышает эффективность огня. Перед самим боестолкновением обороняющиеся физически устали намного меньше, чем атакующие. Однако по мере приближения атакующих обороняющиеся утрачивают свое психологическое превосходство. Их психологическое напряжение становится предельным, что резко снижает эффективность огня.

Специалисты указывают на проявление в обороне «феномена неуязвимости противника». Наступающие ведут бой мелкими перебежками: они поднимаются, совершают перебежку, падают, перекатываются и поднимаются уже в другом месте. Обороняющиеся видят, что то в одном, то в другом месте появляется атакующий его противник. Поскольку все обмундированы одинаково, то определить, сколько атакующих ведут наступление, затруднительно. Со страха количество противника преувеличивается. К тому же обороняющемуся трудно отслеживать эффективность своего огня, поскольку атакующие постоянно падают и поднимаются. Ему кажется, что он все время промахивается, а его враг, несмотря на потери, неуклонно приближается. Он видит противника и практически не видит своих сослуживцев[3]. Возникает ощущение одиночества на поле боя, способствующее развитию панического настроения.

Сравнивая психологическую специфику наступательного и оборонительного боя, Г. Д. Луков использовал в качестве критерия соотношение «состояния воина» и «внешней активности». Если в наступлении формирующееся высокое внутреннее напряжение воина находит разрядку в активных внешних действиях, то в обороне такой разрядки не происходит. В наступлении внутренняя психологическая напряженность представ-

---

[1] *Дружинин К. И.* Исследование душевного состояния воинов в различных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904—1905 гг. С. 25—26.

[2] *Маркин А. В.* Основы тактической подготовки современного солдата. С. 69.

[3] Там же. С. 76.

ляет собой естественное боевое возбуждение, увеличивающее моральные и физические силы воина, способствует преодолению в бою, казалось бы, непреодолимых препятствий. В обороне же, нередко, внутреннее напряжение воина как бы ищет выхода и побуждает его к активным практическим действиям, а обстановка препятствует этому и требует внешне пассивного поведения. «Опытные воины знают, что бездействие в бою, ожидание или пассивное приспособление к обстановке являются наиболее тяжелым испытанием и требуют большого волевого напряжения»[1].

Атакующий не ждет, он практически действует, а обороняющийся пока бездействует (ожидает приказ на открытие огня), испытывая огромное напряжение. «Не он движется к цели, а цель движется к нему. Вот почему в обороне необходимо, прежде всего, проявлять упорство и стойкость, а в наступлении — смелость и отвагу»[2].

Оборона создает условия для повышения эффективности психологических диверсий противника (распространение листовок, звуко- и радиовещания и т.д.), циркуляции панических слухов и настроений. Это особенно характерно для тех случаев, когда оборона организуется вынужденно, поспешно, в условиях сильного огневого воздействия и психологического давления противника, при ведении боя в изоляции от своих войск, зараженной местности.

В поведенческом отношении оборонительные боевые действия характеризуются некоторым снижением управляемости, воинской дисциплины военнослужащих, сплоченности воинских подразделений.

Вклинение противника, расчленение обороняющихся на части ведет к потери связи между подразделениями, росту изолированности отдельных групп воинов, к появлению лиц с *«синдромом окруженца»*[3]. Как подчеркивал еще К. И. Дружинин, «психика бойцов, при современных условиях продолжительности и упорства боя, может вынести какое угодно требуемое от нее напряжение, но только до тех пор, пока есть надежда на победу и армия стоит лицом к противнику»[4].

Рассмотренные выше психологические особенности наступления и обороны необходимо тщательно учитывать при организации боевой и психологической подготовки военнослужащих.

3.2. Психологическая характеристика различных способов и условий ведения боевых действий

Кроме двух видов боевых действий, существует множество различных способов ведения боя, которые широко используются в локальных военных конфликтах, боевых действиях с иррегулярными формированиями, в гибридных войнах.

---

[1] *Луков Г. Д.* Воспитание воли у советских воинов. С. 64.

[2] Там же. С. 68.

[3] Социальная и военная психология / под ред. С. И. Съедина. М., 1990.

[4] *Дружинин К. И.* Исследование душевного состояния воинов в различных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904—1905 гг. С. 25—26.

Боевой опыт показывает, что наиболее ***эффективными способами действий*** являются засады, налеты, диверсии, поиск, рейд, т.е. методы, характерные для войск специального назначения. По оценкам специалистов, такие способы вооруженной борьбы в локальном военном конфликте имеют целый ряд существенных преимуществ по сравнению с традиционными (табл. 3.3).

Таблица 3.3

Психологические особенности засадных боевых действий

Организаторы засады	Попавшие в засаду
Возможность выбора противника, подлежащего атаке, места, времени, оружия, способа действий, достижение эффекта внезапности	Внезапность наступления боевого события
Невидимость для противника	Неизвестность, невидимость противника («Чего не вижу, того не знаю, чего не знаю, того боюсь»)
Видение всего поля боя, возможность ведения прицельного огня	Открытость для противника, возникновение ощущения нахождения «под колпаком»
Защищенность	Нарушение управления
Владение инициативой, возможность закончить бой в любое время	Нарушение единства

Из табл. 3.3 следует, что *засадные боевые действия* создают диаметрально противоположные психологические условия для противоборствующих сторон (для стороны, организовавшей засаду и стороны, попавшей в засаду).

Достаточно сказать хотя бы о том, что эффективность поражения огнем стрелкового оружия в налетах и засадах повышается в четыре-семь раз, гранатометов и огнеметов — в 16—30 раз, мин и минно-взрывных заграждений — в 60—75 раз. Борьба с диверсионными подразделениями требует значительно больше сил и средств, чем ведение боевых действий с равными по численности общевойсковыми подразделениями[1]. Это объясняется тем, что действия таких групп не связаны с удержанием каких-либо объектов, рубежей, районов.

Главными психологическими факторами засадных действий является внезапность, невидимость противника и открытость для противника. Если устранить хотя бы один из этих факторов, положение военнослужащих, попавших засаду, может значительно улучшиться. Например, если во время совершения марша перед каждым опасным участком местности подавать команду «Приготовиться к бою!» или иметь в каждой машине лиц с дымовыми шашками с единственной задачей — поджечь и бросить шашку в сторону нападающего противника. Каждое подразделение перед совершением передвижения в условиях опасности засад должно специ-

[1] См.: *Григорьев С.* Чеченская операция в свете ей подобных // Независимая газета. 1995. 21 июня.

ально готовиться к схватке с противником как в тактическом, так и в психологическом отношении.

С психологической стороны чрезвычайно сложными являются *боевые действия в населенном пункте* (*уличный бой*). В эпоху гибридных войн и широкого вовлечения гражданского населения в боевые действия, населенные пункты становятся главными полями сражений. Наибольшие психологические сложности ведения уличного боя связаны со следующими обстоятельствами:

1) со сложностью ориентирования в городских (особенно разрушенных) кварталах;

2) с трудностью точного определения границы между своими войсками и противником, что может приводить к поражению своих войск ударами авиации и артиллерии, огневым схваткам с сослуживцами;

3) с затруднением в эффективном использовании танков, артиллерии и других средств;

4) с невысокой специальной тактической подготовкой для действий в городских условиях;

5) с опасностью поражения мирных граждан. Такая опасность усугубляется тем, что на стороне врага могут действовать гражданские лица, и сам противник может маскироваться под гражданское население. Участники боевых действий в Чечне рассказывали о случаях, когда чеченские пацаны поджигали намоченные в солярке подушки и бросали их на трансмиссии танков на глазах парализованных от изумления военнослужащих. Что нужно делать в подобных случаях, военнослужащие не знали;

6) со значительным ухудшением возможности управления подразделениями (наблюдения за действиями подчиненных, подачи команд, отдачи распоряжений и т.д.). Подразделения дробятся на мелкие, часто не связанные между собой группы. Некоторые командиры подразделений испытывают ощущение «утраты» собственного подразделения. Бой в городе требует организации филигранного взаимодействия между разведывательными, мотострелковыми, танковыми, артиллерийскими, авиационными и другими подразделениями. Достичь такого взаимодействия крайне сложно;

7) с абсолютным преимуществом стороны, занявшей наиболее удобное положение для боя в населенном пункте. Огромное значение приобретают снайпера и мелкие, мобильные боевые группы, использующие методы партизанской борьбы, террора, засад, молниеносных рейдов. Это затрудняет не только перемещение воинов другой стороны по полю боя, но и осуществление снабжения их боеприпасами, пищей, оказание медицинской помощи.

Безусловно, для ведения боевых действий в населенном пункте необходима специальная тактическая и психологическая подготовка войск.

При планировании и осуществлении боевых действий необходимо всесторонне учитывать психологические особенности используемых сторонами ***видов оружия***.

Как отмечалось выше, современный бой может вестись с использованием как обычного оружия, так и ОМП. Используемые в вооруженном

противоборстве средства отличаются выраженными особенностями влияния на человеческую психику. Знание этой специфики позволяет подготовить людей, предупредить действие фактора новизны, неожиданности, внезапности, быстро преодолевать психологические последствия их применения.

Обычное оружие — огневые и ударные средства, применяющие артиллерийские, зенитные, авиационные, стрелковые, инженерные боеприпасы, ракеты в обычном снаряжении, зажигательные боеприпасы и огнесмеси и др. Оно способно производить не только уничтожающий и разрушающий, но и психологический эффект. Вид огневых валов, вздымающихся в небо столбов земли и дыма, массовых разрушений, искореженной боевой техники, тел убитых, грохот взрывов, свист пуль, крики и стоны раненых, жар от очагов возгорания и т.д. оказывают мощное психологическое воздействие на воинов.

Психологические последствия могут вызываться и непосредственными факторами применяемых боевых средств. Так, взрывная волна, возникающая после взрыва снаряда, мины или бомбы, может травмировать внутреннее ухо и вызвать невротическое последствие, получившее название «контузия» («военный невроз»). Потеря крови или кислородная недостаточность во время боя могут стать причиной психических нарушений, проявляющихся как замешательство, агрессивность, неспособность сосредоточиться[1].

Психологический эффект ОМП обусловлен прежде всего спецификой действия его основных поражающих факторов: ударной волны, светового излучения, электромагнитного импульса, радиоактивного заражения местности.

Так, в результате специфического действия *светового излучения* возможны временная или длительная потеря зрения у большого количества людей, а иногда и у целых воинских подразделений. Психологические реакции, вызываемые ослеплением, известны с древних времен. Отмечалось, что частично или полностью ослепленные солдаты поддавались панике, переставали отличать своих сослуживцев от солдат противника, подчинялись неконтролируемым защитным реакциям, поражали своим огнем сослуживцев.

Световое излучение вызывает многочисленные возгорания. Человек легко поддается панике, если ему угрожает огонь, так как смерть в огне многие считают самой мучительной. Из-за врожденного страха перед огнем можно ожидать развития у военнослужащих так называемых *«термических неврозов»*[2].

Ударная волна, распространяясь от эпицентра взрыва, производит мгновенное изменение картины поля боя. Вместе со световым излучением она в считанные секунды до неузнаваемости изменяет боевой пейзаж. По суще-

---

[1] *Макнаб К.* Психологическая подготовка подразделений специального назначения. С. 49.

[2] См.: *Сторм У.* Психологический эффект массовых потерь // Современная буржуазная военная психология. М., 1964; *Берк Я.* Разум против ядра // Современная буржуазная военная психология. М., 1964.

ству военнослужащий, очнувшись после секундного замешательства, обнаруживает, что находится в другом мире. Перед его взором может возникнуть пейзаж, похожий на лунный, дополняемый картиной невиданных разрушений, завалов, очагов пожаров, большого количества выведенной из строя боевой техники, пораженных военнослужащих. Воины увидят жуткую картину горящих лесов, строений, боевой техники, людей. Эта картина поля боя не может не вызвать у военнослужащих ошеломления, ужаса, дезориентации, так называемого *«шока новизны»*. В таких условиях следует ожидать нарушений восприятия, внимания, ориентировки в пространстве, во времени, в боевой ситуации. На основе физических травм (особенно головного мозга), ожогов, ранений возможно развитие психических расстройств различной тяжести.

Проникающая радиация может оказывать воздействие на психические состояния воинов как непосредственно (через поражение жизненных процессов в нервных клетках и расстройство условно-рефлекторын связей в коре головного мозга), так и своим устрашающим эффектом.

Психологический эффект проникающей радиации и радиоактивного заражения местности обусловлен определенными факторами.

Во-первых, воздействие радиации ни с чем не сравнимо. Большинство воинов не имеет опыта действий на зараженной местности. В результате срабатывает известная психическая закономерность «Чего не знаю, того боюсь», т.е. действует известный в психологии восприятия «эффект новизны».

Во-вторых, радиация не имеет цвета, запаха, звука, вкуса и обнаруживается только с помощью специальных приборов. При их отсутствии или выходе из строя наличие радиоактивного заражения может предполагаться всегда, преувеличиваться или, напротив, игнорироваться. Это ведет к формированию у военнослужащих неверия в собственные силы, недоверия к людям, ответственным за контроль над радиоактивным заражением местности и людей.

Перечисленные факторы могут породить такое особое психологическое явление, как *атомобоязнь* или *индивидуальный ядерный невроз* (*«невроз радиации»*). Ядерный невроз характеризуется тем, что даже опытные воины, страдающие этим расстройством, будут повсеместно «обнаруживать» признаки выпадения радиоактивных осадков (роса, туман, лужи, бурые пятна на почве и деревьях, пыль и др.); рассматривать обычные нервно-психические реакции (головокружение, головную боль, тошноту, слабость в мышцах, жажду и др.) как симптомы лучевой болезни; отказываться от воды и пищи; сторониться товарищей; жаловаться на симптомы радиоактивного поражения; будут особенно подвержены слухам и панике; испытывать парализующее чувство тревоги, смертельной опасности, повышенную чувствительность к слухам о радиации, о полной невозможности защититься от нее. Особенно травмирующе действуют на людей страхи, связанные со способностью радиации вызывать импотенцию и раковые заболевания[1].

---

[1] См.: *Сторм У.* Психологический эффект массовых потерь...; *Берк Я.* Разум против ядра...

Развитию негативных переживаний воина будет способствовать применение защитных комплектов. Действия в таких комплектах оказывают неблагоприятное влияние на психику и поведение воинов: нарушается теплообмен в организме (температура воздуха под прорезиненным костюмом может достигать 65 градусов); нахождение в костюме в течение трех часов снижает боеспособность воина на 50—80%; маска противогаза затрудняет обзор, так как очки запотевают от дыхания; существенно снижается способность военнослужащих слышать друг с друга; возникает ощущение физической изолированности от товарищей; некоторые реакции организма на действия в таком костюме (учащенное сердцебиение, усиленное потоотделение, затрудненность дыхания и т.д.) похожи на симптомы радиационного поражения[1].

Применение военнослужащим, заподозрившим радиоактивное заражение, атропина сопровождается обезвоживанием организма, расстройством двигательного аппарата, нарушением мышления. Все это многократно усугубляет состояние психологически неподготовленного военнослужащего.

Сильное психологическое воздействие на воинов окажет применение противником *отравляющих веществ* (ОВ). Психологическая симптоматика отравления характеризуется сужением сознания, возникновением беспокойства, безотчетного страха, стремлением убежать, депрессией, манией преследования, подозрительностью, быстрой утомляемостью.

Многие виды ОВ представляют собой химические соединения без цвета, вкуса и запаха и обнаруживаются только с помощью специальных приборов. Порой единственным способом определения наличия ОВ является снятие противогаза.

Информация о применении ОМП, умышленно инсценируемая противником или распространяемая посредством слухов, способна вызвать *панические настроения* больших групп людей. Проникновение психотравмированных военнослужащих в расположение и боевые порядки войск, не пострадавших от ядерного взрыва, будет способствовать их деморализации.

Опыт показывает, что при угрозе применения ядерного, химического и бактериологического оружия возможно возникновение ложных групповых и массовых поражений («психических инфекций»), развивающихся по механизму психического заражения и подражания.

Так, в годы Первой мировой войны в английской и французской армиях было ошибочно эвакуировано с поля боя 25 тыс. солдат, у которых отмечались симптомы поражения ОВ, хотя они не находились в зоне применения газов.

На Западе разработана статическая модель возможных реакций военнослужащих на ядерный взрыв. Предполагается, что 12—25% личного состава сохранит способность выполнять боевую задачу, 75% временно и 10—25% на длительный срок утратит ее. Считается, что многие солдаты, не получившие физические повреждения, окажутся в состоянии психического шока: одни из них будут бесцельно бродить по полю боя, другие

[1] См.: *Сторм У.* Психологический эффект массовых потерь...; *Берк Я.* Разум против ядра...

будут находиться в состоянии ступора, третьи откроют беспорядочный огонь по всему, что покажется им подозрительным, четвертые потянутся в тыл[1].

Психологические особенности ведения боевых действий ночью. Ночь является весьма сложным условием для ведения боевых действий и обусловливает существенные психологические особенности вооруженного противоборства. По мнению Н. А. Корфа, «успех ночного боя основан почти целиком на духовных данных»[2]. Психологическая характеристика ночного боя отражена в табл. 3.4.

Таблица 3.4

Психологические преимущества и недостатки ночных боевых действий

Психологические преимущества	Психологическая уязвимость
Возможность достижения внезапности	Нарушение ориентировки, снижение чувствительности зрения и точности огня
Возникновение «иллюзии закрытия»	Новизна, неопределенность
Купируется действие некоторых фобий (снайперофобия, агорафобия)	Затруднение взаимодействия
Снижение страха перед «визуально грозным» противником	Ощущение изолированности и одиночества, страх остаться на поле боя раненым
	Повышение подверженности паники

Из табл. 3.4 следует, что для подготовленных в боевом отношении подразделений ночь содержит положительные психологические предпосылки боевой эффективности. Если воины чувствуют себя ночью «волками этого леса», они используют условия плохой видимости для незаметного приближения к противнику, просачиванию в его боевые порядки, внезапной, деморализующей врага атаке, совершения диверсий в его тылу, захвата «языков» и т.д. Для компенсации ухудшающейся возможности ориентации в боевой обстановке используются современные приборы ночного видения, действующие на различных принципах. В целях снижения своей видимости для противника могут применяться специальные маскировочные костюмы, невидимые для тепловизоров. Наблюдатели и снайперы противника могут ослепляться лазерными винтовками и пушками.

Действия ночью дают возможность снизить страх перед численно и технически превосходящим противником, а также предотвратить возникновение у воинов снайперобоязни, агорафобии и других фобий.

Применение таких современных гаджетов, как объединенные в «микросоциальную» сеть воинского подразделения мини-планшеты, позволяют видеть на экране перемещение «иконок», обозначающих боевых товарищей, отдавать боевые указания подчиненным, предупреждать товарищей об опасности, избегать возникновения чувства одиночества и страха остаться раненым на поле боя.

---

[1] См.: Социальная и военная психология.

[2] *Корф Н. А.* О воспитании воли военачальников. С. 41.

Благодаря активным ночным действиям может достигаться эффект внезапности — важное условие для деморализации и дезорганизации противника и решающее обстоятельство достижения победы над ним.

Вместе с тем ночной бой имеет и негативные психологические стороны. Среди них нарушение ориентировки в пространстве, действие эффекта новизны, неопределенности; снижение воинского мастерства воинов; затрудненность слаженных совместных действий; ухудшение управления подразделениями; возрастание тревоги и чувства изолированности от своих войск; усиление подверженности панике и др. Эти негативные эффекты могут усиливаться в случае применения противником современных средств ночного видения (видеокамер, биноклей), инфракрасных датчиков и сигнализаторов, чувствительных микрофонов, флуоресцентных красителей, «высвечивающих» приближающего противника, боевых роботов, снующих по нейтральному пространству и т.д. Применение противником трассирующих пуль может вызывать страх, так как каждому солдату противника кажется, что они летят именно ему в лоб.

При организации боевых действий необходимо предусмотреть характер влияния на психику и боевую активность воинов факторов, связанных с природно-географическими и погодно-климатическими условиями (табл. 3.5).

Таблица 3.5

Психологические факторы особенностей среды ведения боевых действий

Преимущества	Недостатки
Боевые действия в горах	
Возможность обеспечения скрытности и достижения внезапности; возможность надежного укрытия и развития уверенности; возможность (при занятии господствующих высот) контроля за деятельностью противника	Нарушение ориентирования на местности вследствие динамичного изменения образа среды при перемещении; нарушение ориентировки в бою вследствие возникновения эха; возможность возникновения синдрома абстиненции вследствие гипоксии; снижение точности прицеливания и эффективности стрельбы; повышенная утомляемость из-за большой физической нагрузки и повышенного расходования энергии (большой вес снаряжения, потери веса тела); повышение возможности попадания в засаду (тревога, неуверенность, страх); ощущение дискомфорта из-за сложности привыкания к резким колебаниям температуры, изменения вкуса продуктов и т.д.
Боевые действия в пустыне (в условиях жаркого климата)	
Возможность дальнего обнаружения противника	Затруднение ориентировки (отсутствие ориентиров); угнетающее психологическое воздействие высокой температуры воздуха и песка (до 60 °С), пыли, вызывающих апатию, безволие; опасность перегрева;

Преимущества	Недостатки
	негативное воздействие колебания температур (от 55 °С днем до 10 °С ночью); преимущественное перемещение ночью порождает трудности ночных действий; нарушение водно-солевого обмена, опасность обезвоживания; открытость противнику, трудность маскировки; сложность устройства укрытий, боевых позиций и военно-полевого быта; большие физические нагрузки; возможность возникновения песчаных бурь; галлюцинации, миражи; высокие требования к волевым качествам воина
Боевые действия в условиях холодного (арктического, антарктического) климата	
Возможность дальнего обнаружения противника	Сложность ориентировки; угнетающее психологическое воздействие низких температур воздуха (апатия, безволие); опасность обморожения и замерзания; большие физические нагрузки (перемещение по снегу в тяжелой зимней одежде); большой расход энергии; сложность устройства укрытий и военно-полевого быта (постройка иглу); сенсорная депривация; высокие требования к волевым качествам воина; возможность развития «снежной слепоты»

Таким образом, различные виды и способы ведения боевых действий, используемые виды оружия, разные средовые факторы обладают различной степенью влияния на психические кондиции участников боевых действий, их боевую эффективность. Их целенаправленный учет при планировании боя, организации боевой и психологической подготовки с личным составом позволит снизить их негативные эффекты.

Рекомендуемая литература

Военная психология / под ред. А. Г. Маклакова. — СПб. : Питер, 2004.

Военная психология: методология, теория, практика : в 2 ч. / под ред. П. А. Корчемного. — М., 1998.

Караяни, А. Г. Введение в профессию военного психолога / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — М. : Академия, 2007.

Караяни, А. Г. Прикладная военная психология / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — М. : Питер, 2006.

Корчемный, П. А. Военная психология : учебник / П. А. Корчемный. — М., 2005.

Макнаб, К. Психологическая подготовка подразделений специального назначения / К. Макнаб. — М., 2002.

Раздел II
ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПСИХИКИ ВОИНА И ПСИХОЛОГИИ ВОИНСКОГО КОЛЛЕКТИВА В БОЕВОЙ ОБСТАНОВКЕ

ГЛАВА 4
СУЩНОСТЬ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БОЕВОГО СТРЕССА

Война — самое суровое испытание психологических и физических возможностей человека, его плоти и духа. Можно с полным основанием утверждать, что никакое из самых драматических природных явлений и техногенных катастроф по мощи своего психологического воздействия на людей несравнимо с войной и боем. Такая психологическая особенность войны определяется исключительной мощью, многообразием и чрезвычайной травматогенностью боевых событий. В гл. 2 дан анализ боевых, эколого-эргономических, социально-психологических, психофизиологических, психологических факторов, определяющих боевую активность воинов в бою. Каждый из них может стать как ресурсом для эффективного решения разнообразных боевых задач, так и обстоятельством, дезорганизующим боевую деятельность и травмирующим психику воина. Почему эти факторы действуют различным образом на разных воинов? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно исследовать такое явление, как стресс.

4.1. Сущность боевого стресса

Для того чтобы эффективно решать сложнейшие боевые задачи в обстановке неизвестности, новизны, смертельной опасности, нехватки, избытка или ошибки информации, гибели боевых товарищей, выжить на войне в экстремальных условиях природно-географических, погодно-климатических, голода, дефицита сна, солдат должен кардинально перестроить свою психику и поведение, превратиться в эффективную боевую машину, способную надежно функционировать за пределами человеческих возможностей.

К счастью, природа дала человеку механизм мобилизации всех имеющихся телесных и психологических возможностей для того, чтобы активно противостоять самым неблагоприятным условиям жизнедеятельности. Этот механизм — формирующийся в процессе жизнедеятельности человека адаптационный синдром или стресс.

Термин «стресс» был предложен американским психофизиологом У. Б. Кенноном в рамках его концепции гомеостаза и реагирования живых существ на опасность «бей или беги». Позже он был использован канадским физиологом Г. Селье для обозначения общего адаптационного синдрома. Селье предложил понимать под ***стрессом*** неспецифический (универсальный) ответ организма на любые предъявляемые ему требования.

По его мнению, все воздействующие на нас агенты, кроме специфического эффекта, вызывают также неспецифическую потребность осуществить приспособительные функции и тем самым восстановить нормальное состояние. Эти функции независимы от специфического воздействия. Неспецифические требования, предъявляемые воздействием как таковым, — это и есть сущность стресса.

Стрессовый процесс разворачивается, проходя три стадии:

1. *Стадия тревоги* продолжается от нескольких часов до двух суток и включает две фазы: шока и противошока. На фазе противошока происходит мобилизация защитных сил организма.

2. На *стадии сопротивляемости* (*резистентности*) повышается устойчивость организма к различным воздействиям. Эта стадия либо приводит к стабилизации состояния и выздоровлению, либо к третьей стадии адаптационного синдрома — стадии истощения.

3. *Стадия истощения* характеризуется расходованием энергии и истощением возможностей организма, повышением тревоги, появлением *дистресса*, перенапряжения.

Селье выделил положительный стресс — «эустресс» (хороший, настоящий стресс) и отрицательный стресс — «дистресс» (расстройство, истощение).

Чтобы внешние или внутренние агенты вызвали реакцию стресса, они должны преодолеть определенный барьер. Агенты, вызывающие стресс, принято называть ***стрессорами***.

Классификация стресса может быть произведена по различным основаниям.

По виду порождающего его стрессора выделяют:

— *физиологический стресс* (стрессоры — экстремально высокая или низкая температура окружающей среды, сильный шум, вибрация, нестерпимые запахи, болевые ощущения, химические вредности, гипоксия, голод, жажда, пыль, плохая видимость (ночь, туман, дым), задолженность сна, физическое перенапряжение и т.д.);

— *психологический стресс* (информационный, вызываемый нехваткой, избытком, сложностью или сшибкой (конфликтом) информации, сенсорной перегрузкой или недогрузкой);

— *эмоциональный стресс* (опасность для себя и своих близких, потери боевых товарищей, высокая ответственность, участие в жестоком насилии и убийстве, изоляция, одиночество, бездеятельность, скука, конфликты на различной почве, проблемы у родных и близких, тоска по дому и т.д.).

По времени проявления стресс может быть *острым* (до 72 часов), *хроническим* и *отсроченным* (проявляющимся после скрытого периода)[1].

Американские специалисты выделяют *боевые стрессоры* (личное ранение, убийство солдат противника, свидетельство гибели человека, смерть сослуживца, ранение, вызвавшее потерю органа (конечности)) и *операциональные стрессоры* (продолжительное пребывание в экстремальных географических условиях, таких как жара пустыни или арктический холод;

[1] См.: *Караяни А. Г., Сыромятников И. В.* Прикладная военная психология. СПб., 2006.

снижение качества жизни и уровня коммуникации на протяжении длительного времени; длительная изоляции от важнейших обеспечивающих систем. в том числе от семьи; наблюдение смерти нескольких сослуживцев на различных этапах боевого развертывания)[1].

Сущность и содержание боевого стресса целесообразно рассмотреть в единой связке с теорией функциональных систем П. К. Анохина.

Экстраполируя положения теории стресса и теории функциональных систем на психологическую реальность боя, можно выделить следующую траекторию реагирования военнослужащего на неблагоприятные обстоятельства боевой обстановки.

На военнослужащего в бою действует огромное количество разнокачественных факторов, отражающих боевые, экологоэргономические, социальные, физиологические и психологические стороны боевых событий. Эти стимулы, как это показано на рис. 4.2, составляют обстановочную афферентацию. Они запускают сформировавшиеся у военнослужащего функциональные системы, обеспечивающие выживание и эффективные действия в боевой обстановке.

Когда воспринимаемые стимулы интерпретируются воином как знакомые, включается конкретная функциональная система, и он действует по уже готовой программе, совершая привычные действия в автоматическом режиме. Если стимул оказывается неизвестным (нет аналогов в памяти) или человек не успевает распознать его, он переживает ситуацию как *новую* (неизвестную), *неожиданную* (неожидаемую вообще), *внезапную* (ожидаемую в другое время, в ином месте, в иных масштабах), *неопределенную* (нехватка информации для принятия решения; отсутствие акцептор результата действия; избыток информации; ошибка информации).

В случае, когда стимул известен и, по оценке воина, несет угрозу его жизни, здоровью, социальному статусу, жизни и здоровью значимых для него людей, он интерпретируется воином как *опасный*.

Если при принятии решения на действие оно (акцептор результата действия) будет противоречить мотивации, ценностным смыслам воина (например, необходимость стрелять в ребенка, пытающегося поджечь танк), ситуация может квалифицироваться им как нравственно неприемлемая, *угрожающая его личностной целостности*.

Во всех случаях, когда боевая ситуация квалифицируется как новая, неожиданная, внезапная, неопределенная, опасная, угрожающая его личностной целостности, «срабатывает» *инстинкт самосохранения человека*, лимбической системой мозга подается сигнал тревоги и запускается генетически обусловленная программа «бей или беги».

Лимбическая система, как известно, соединяет области мозга, отвечающие за важнейшие физиологические функции организма, такие как сердечная деятельность, кровяное давление и циркуляция, дыхание и гормональный баланс. Гормон и нейромедиатор адреналин, вырабатываемый клетками мозгового вещества надпочечников, вызывает повышение уровня

---

[1] Field Manual FM 6—22.5. Combat and operational stress control manual for leaders and soldiers.

тревоги, беспокойства, внимания, ориентации, бодрствования, психической мобилизации, психической энергии и активности, частоты сердцебиений, артериального давления, сужение сосудов органов брюшной полости, кожи и слизистых оболочек, повышение свертываемости крови, расслабление гладкой мускулатуры бронхов и кишечника, улучшение функциональной способности скелетных мышц, расширение зрачков и сосудов головного мозга. Он также способствует усвоению тканями глюкозы, распаду жиров, имеет выраженный противоаллергический и противовоспалительный эффект. Адреналин может вызывать сердечную аритмию и брадикардию.

В ряде перечисленных процессов принимают участие гормон и нейромедиатор норадреналин (сужение кровеносных сосудов, повышение кровяного давления), кортизол (накопление энергетических ресурсов организма), химические соединения эндорфины (обезболивание организма, создание эмоционального настроя, состояния и мобилизация резервов). Повышение концентрации кортизола в крови способствует росту устойчивости организма к неблагоприятным обстоятельствам.

Американский военный психолог Ч. Хой указывает на то, что тревожная система мозга «выключает» сознательные области мозга для того, чтобы сосредоточить все внимание воина на выживании. Первичная эмоция лимбической системы — гнев. Страх присутствует также, но воин контролирует его, включая свои боевые навыки. Гнев помогает контролировать страх. Другие эмоции, как правило, отключаются. В то время как скорость переработки информации возрастает, способность самосознания и осознания вещей на рациональном уровне снижается. Во время опасности момент осознания может определять разницу между жизнью и смертью. Рефлекс, отточенный во время боевой учебы и боя, является одним из самых сильных рефлексов, которые личность может когда-либо развить у себя — рефлекс, который становится условием выживания на войне.

Лимбическая система регулируется другой частью мозга, называемой средней префронтальной корой. Эта важная часть коры, соединенная с глубочайшими лимбическими нервами, вовлеченными в рефлекс «бей или беги», осуществляет контроль над лимбической областью. Лимбическая система обеспечивает немедленную реакцию на опасность, а средняя префронтальная кора организует процессы понимания событий, планирования, принятия решений и мышления в ходе действий, поддержание баланса: умеряет рефлекс «бей или беги» и пытается удержать от импульсивных реакций типа стрельбы без разбора, когда опасность отсутствует[1].

Взаимодействие лимбической системы и средней префронтальной коры можно иллюстрировать на примере взаимодействия собаки (лимбическая система) и человека (префронтальная кора). Собака просыпается от шума, начинает лаять, «бить тревогу», чтобы разбудить хозяина. Человек просыпается, подходит к двери, прислушивается, смотрит в глазок двери, спрашивает: «Кто там?» В результате он может: а) успокоиться сам и успокоить собаку; б) испугаться, запаниковать, бежать, позвонить в полицию; в) при-

[1] См.: *Hoge Ch. W.* Once a warrior always warrior : Navigating the Transition from Combat to Home Including Combat Stress, PTSD, and mTBI. Guilford, Connecticut, 2010.

готовиться к самозащите и т.д. Если собака не проснется, человек может быть застигнут врасплох, пострадать, погибнуть. Если собака не успокаивается, она начинает мешать человеку эффективно действовать.

Все вышесказанное позволяет дать следующее определение боевого стресса.

Боевой стресс — многоуровневый процесс адаптационной активности человеческого организма в условиях боевой обстановки, сопровождаемый напряжением механизмов реактивной саморегуляции и закреплением специфических приспособительных психофизиологических изменений[1].

Здесь важно обратить внимание на каждую из составляющих. Боевой стресс — это процесс адаптации воина к изменяющимся условиям боевой обстановки, ответная реакция организма на внешние и внутренние стимулы, проявляющиеся в бою. В этом отношении стресс — это важнейшее условие выживания человека на войне. Без своевременной и полноценной адаптации, без мобилизации всех сил организма человек на войне был бы простой мишенью или «пушечным мясом».

Боевой стресс выполняет функции, придающие бойцу свойства, в обычных условиях считающиеся запредельными (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Функции боевого стресса

Процессы стресса	Функции
Повышение тревоги, выделение в кровь адреналина и других гормонов	Приведение в состояние бдительности, боевой настороженности, бодрствования, активности
Повышение частоты сердцебиений, перераспределение кровотока (от внутренних органов к скелетным мышцам)	Лучшее снабжение мышц энергией для осуществления адаптивной реакции «бей или беги»
Увеличение объема легких, уровня дыхания	Увеличение объема кислорода, поступающего в кровь для питания мышц энергией
Ускорение распада жиров, усвоения глюкозы, увеличение сахара в крови	Получение «топлива» для быстрой энергии, необходимой для «аварийной» активности
Отток крови от внутренних органов, кожи, слизистых оболочек, «перчаточно-носочной» зоны; повышение сворачиваемости крови	Предупреждение больших кровопотерь в случае ранения или травмы
Выделение в кровь эндорфинов	Обеспечение тотального обезболивания организма в случае ранения или травмы; повышение эмоционального настроя
Усиленное потовыделение, появление эффекта «гусиной кожи»	Сохранение температурного баланса в организме

---

[1] *Снедков Е. В.* Боевая психическая травма : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 1997. С. 32.

Окончание табл. 4.1

Процессы стресса	Функции
Повышение температуры тела	Подавление патогенных процессов в организме в случае ранения, травмы, заболевания
Повышение уровня кортизола	Рост устойчивости организма к неблагоприятным стрессорам

Таким образом, как следует из табл. 4.1, боевой стресс является уникальным и важнейшим механизмом превращения человека в бойца. Благодаря стрессу происходит тотальная мобилизация всех ресурсов организма, активизация и боевая настройка сердечно-сосудистой, эндокринной, мышечной, нервной систем, психики, личностного потенциала человека. В результате этой мобилизации воин обретает порой качества сверх-бойца. Многие участники боевых действий нередко вспоминают о том, что испытывали в бою ощущение исполинской силы, гибкости, скорости, необычайной зоркости, чувствительности слуха и обоняния, интуиции, понимания боевых товарищей почти на телепатическом уровне, осознания событий, происходящих за многие километры от места схватки.

В военной истории содержится немало историй, когда воины лишь после окончания боевых действий обнаруживали то, что были многократно ранены в бою. Среди них встречались и те, кто в пылу схватки потерял руку, но не успел осознать этого до самого ее конца. Стрессовый механизм тотального обезболивания позволяет воину продолжать борьбу даже в тех условиях, когда его организм получил серьезные повреждения. Вот как об этом вспоминает один из ветеранов боевых действий в Чеченской республике: «Мы атаковали противника, продвигаясь за БМП, как за щитом. Огонь противника был шквальным. Вдруг я споткнулся и упал на землю. Быстро вскочил, двинулся вперед, но опять упал, как подкошенный. Что-то заставило меня посмотреть на ногу. Я увидел, что она перебита. Бандиты научились стрелять рикошетом от земли под днище БМП». Такими сюжетами пестрят воспоминания раненых воинов.

Боевой стресс можно сравнить с действиями гарнизона древней крепости. При получении сигнала о приближении врага, защитники крепости повышали бдительность, усиливали дозоры и составы дежурных сил, проверяли прочность стен, ворот и засовов, готовили к бою оружие и боеприпасы, запасы воды и продовольствия, устанавливали особый режим жизнедеятельности, правила поведения на время осады. При нападении противника они мобилизовывали все силы на отпор ему. Гарнизоны хорошо готовых к обороне крепостей выдерживали самые мощные и продолжительные осады.

Однако было бы ошибкой думать, что боевой стресс имеет лишь описанную выше полезную для воина ипостась. К сожалению, порой боевой стресс из средства мобилизации и умножения морально-боевых возможностей воина превращается в средство угнетения, блокировки и дезорганизации его физических и психических сил. Понять причины такой транс-

формации — значит найти пути формирования высокоэффективного воина с поистине безграничными возможностями.

4.2. Виды и симптомы боевого стресса

Сегодня под боевым стрессом понимают континуум приспособительных реакций и поведенческих паттернов военнослужащего, которыми он отвечает на стрессоры боевой обстановки. Критически анализ существующих подходов к пониманию стресса позволяет выделить следующие его виды (рис. 4.1).

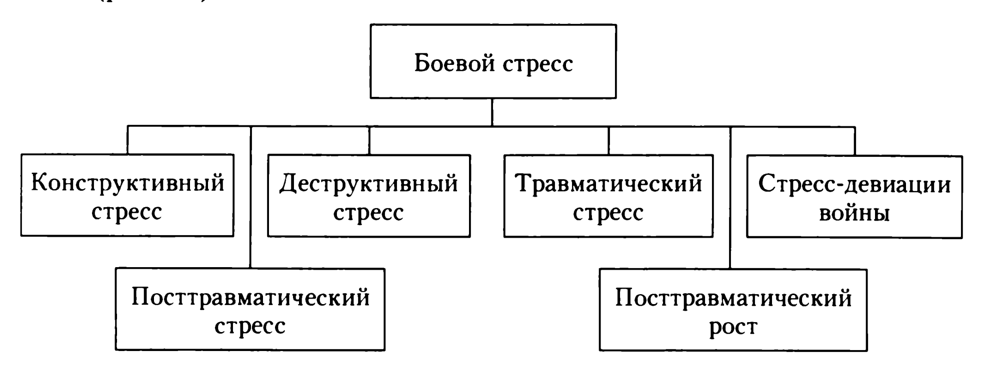

Рис. 4.1. **Виды боевого стресса**

Из рисунка 4.1 видно, что выделяются конструктивный, деструктивный, травматический стресс и стресс-девиации. Такая градация боевого стресса может отражать как возможную отрицательную динамику стресса от конструктивного до травматического стресса и стресс-девиаций, так и конкретные стрессовые состояния отдельных воинов.

Почему воины по-разному реагируют на одни и те же боевые стресс-факторы? Этот вопрос достаточно сложный. Сегодня можно сказать о том, что в основе этого различия лежит разный уровень *психологической устойчивости* воинов, т.е. их способности активно противостоять воздействию стресс-факторам боевой обстановки, не утрачивая боеспособности и боевой активности. Такую устойчивость можно сравнить со своеобразным «психологическим бронежилетом», защищающим воина от внешних неблагоприятных воздействий, дающим ему множество степеней свободы, позволяющим действовать бесстрашно и самоотверженно. Подобно тому, как существуют бронежилеты различного класса, защищающие человека от холодного оружия, от осколков, пуль, огня и т.д., «психологический бронежилет» конкретного человека так же рассчитан на защиту от вполне конкретных психологических неприятностей. Один из них позволяет переносить поистине нечеловеческие испытания, другой не способен устоять перед незначительными трудностями.

Наиболее надежные бронежилеты композитны, т.е. состоят из нескольких разнокачественных слоев. Обобщение результатов ряда военно-пси-

хологических исследований позволяет выделить основные защитные слои «психологического бронежилета» — компоненты психологической устойчивости воина.

Компонентами психологической устойчивости участника боевых действий являются: мотивационный, когнитивный, эмоционально-волевой, операциональный, регулятивный.

1. ***Мотивационный компонент психологической устойчивости*** включает мотивы и личностный смысл участия воина в боевых действиях.

Психологом М. И. Дьяченко были выделены основные группы мотивов боевой деятельности[1]:

— широкие социальные мотивы (любовь к родине, развитое чувство справедливости, вера, чувство воинского долга, ненависть к противнику, стремление уберечь родных и близких от смертельной опасности и т.д.);

— коллективно-групповые мотивы (коллективизм, традиции боевого товарищества, месть за боевых товарищей, страх подвести боевых товарищей, прослыть в их глазах трусом и т.д.);

— индивидуально-личностные мотивы (желание познать себя и свои возможности, отличиться и достичь заветного социального статуса, улучшить свое финансовое положение, личные счеты к противнику и т.д.).

У каждого воина формируется своя уникальная система боевой мотивации, которая дает человеку возможность обрести *смысл боевого бытия* и своей миссии как ценности в контексте сложившейся жизненной ситуации, реальных потребностей и самосохранения.

Именно личностный смысл участия в борьбе с врагом составляет самый мощный слой «психологического бронежилета». Австрийский ученый В. Франкл, высвечивая смысл как главнейший регулятор сохранения эмоциональной целостности личности, предложил своеобразную формулу, которая отражает характер связи смысла с такими глубокими негативными переживаниями человека, как отчаяние и страдание[2]:

$$О = П - С,$$

где О — отчаяние, П — негативное переживание (страдание), С — смысл.

Из этой формулы видно, что чем более осмысленна деятельность воина, тем меньше вероятность возникновения у него отчаяния, тем меньше его подверженность разрушительным психологическим воздействиям, даже при высоких уровнях переживания страдания, страха и т.д. Эта формула выведена из известной идеи Ф. Ницше: «Тот, кто знает, *зачем* жить, может вынести почти любое *как*».

Именно высокий смысл, который вкладывали наши воины в победу в Великой Отечественной войне, способствовал развитию массового самопожертвования и героизма. Важность наделения смыслом участия воинов в смертельных сражениях была осознана и в других армиях. Так, Дж. Аппель и Г. Бибе, изучая пределы боевых возможностей воинов

---

[1] См.: *Дьяченко М. И.* Психологический анализ боевой деятельности советских воинов. М., 1974.

[2] См.: *Франкл В.* Человек в поисках смыла. М., 1990.

в годы Второй мировой войны, установили, что британские солдаты были в состоянии сохранять боевую устойчивость и находиться в зоне боевых действий более чем в два раза дольше американских (400 и 180 дней соотвественно), потому что они, в отличие от американцев, «боролись за выживание»[1].

Таким образом, выраженная мотивация и осмысленность участия в боевых действиях являются первым слоем «психологического бронежилета воина». Они позволяют отсеивать огромное количество внешних воздействий боевой обстановки как незначимых, а значимым придавать нетравматический смысл.

2. ***Когнитивный компонент психологической устойчивости*** включает:

— точное и детальное представление каждого воина о том, какого противника (с его сильными и слабыми сторонами, особенностями тактики, боевыми ухищрениями), каким оружием, каким способом, во взаимодействии с кем уничтожить. Суворовское требование о том, что «каждый солдат должен знать свой маневр» также является своеобразной формулой психологической устойчивости: чем точнее у воина образ боевых действий, чем в более привычной обстановке он действует, тем меньше боевых стрессоров могут вызвать у него ощущение новизны, неожиданности, внезапности, неизвестности.

В свое время еще И. П. Павлов указывал на то, что не сила стимула, а его новизна вызывает охранительную реакцию. Это положение можно проиллюстрировать с помощью информационной теории П. В. Симонова. Автор теории доказывает, что для удовлетворения актуальной в каждый момент времени потребности человек должен совершать вполне определенные действия, поэтому ему нужна информация о предметах и условиях, удовлетворяющих эту потребность. Эти положения Симонов облек в своеобразную формулу:

$$Э = П\ (Ис - Ин),$$

где Э — эмоция, ее сила и знак, П — сила и качество актуальной потребности, Ин — информация о средствах, прогностически необходимых для удовлетворения существующей потребности, Ис — информация о средствах, которыми человек располагает в данный момент.

Из данной формулы видно, что если Ис равна или больше Ин, то эмоциональная реакция будет положительной или нейтральной. Чем меньше будет Ис по сравнению с Ин, тем сильнее будет выражена негативная эмоция. Эмоции будут сильнее выражены и тогда, когда потребность, удовлетворяемая деятельностью, остра[2].

Действие данной формулы можно проследить на следующем примере. Группе военнослужащих предстоит действовать в тылу противника. Потребность в решении боевой задачи и знании обстоятельств ее выполне-

---

[1] *Horn B.* The worm revisited: on examination of fear and courage in comba. URL: http://www.journal.forces.gc.ca/vo5/no2/leadersh-directio-eng.asp (дата обращения: 12.02.2016).

[2] См.: *Симонов П. В.* Мотивированный мозг. М., 1987.

ния очень высока. Следовательно, военнослужащие должны хорошо знать особенности тактики действий, психологии и уровень боевой выучки противника, конкретные характеристики местности, порядок, силы и средства выполнения задачи. Если эти знания достаточны для эффективной деятельности, негативных эмоций у воинов не возникает. Если же информации недостаточно, то у воинов может возникать беспокойство, тревога и страх.

Не случайно в ряде исследований отечественных и зарубежных психологов отмечается, что солдаты больше всего боятся врага, которого они не могут видеть. Незримый враг кажется сильнее, наделяется не присущими ему качествами. Этот феномен зафиксирован в знаменитых суворовских афоризмах: «Удивить — значит победить», «У страха глаза велики». Специалисты указывают на то, что быть удивленным врагом — значит утратить средства контроля над страхом;

— эффективные копинг-стратегии — способы совладания с неблагоприятной ситуацией. В соответствии с теоретическими положениями рационально-эмоциональной терапии А. Эллиса, между стимулом и эмоциональной реакцией лежит мысль: «Людям мешают не вещи, а то, какими они их видят». Это значит, что правильный взгляд на объекты и события, правильные решения определяют правильные эмоции.

Следовательно, знания о бое, о стресс-факторах боя, о своих реакциях на них, формирование прочной связи между правильными знаниями и правильными эмоциями — важнейшая защита воина от психотравматических воздействий боевой обстановки, составляющая второй слой его «психологического бронежилета».

3. ***Эмоционально-волевой компонент психологической устойчивости*** манифестируется в виде боевого настроя, мобилизованной и направленной на решение боевой задачи эмоциональной энергии, решительности, твердости, настойчивости, выдержки. Установлено, что благоприятное эмоциональное состояние повышает эффективность деятельности приблизительно на 20%, мышечную силу — до 90%, чувствительность зрения и слуха — на 35—65%, снижает число ошибок и неточностей у некоторых специалистов в 5—10 раз, способствует усилению внимания, сообразительности, снижению утомляемости. Низкий психологический настрой снижает эффективность деятельности на 15%[1].

Отсюда следует, что высокий боевой настрой дает возможность воину достичь превосходства над противником в силе мускулов, интеллекта, воли, защищает от ошибок и упадка сил, обеспечивает достижение конечной цели боевой деятельности, что составляет третий слой его «психологического жилета».

4. ***Операциональный компонент психологической устойчивости*** состоит в боевом мастерстве воина, уверенности владения им оружием и боевой техникой, способности ориентироваться на местности, осуществлять наблюдение, «читать» и слушать поле боя, оказывать первую помощь и самопомощь при ранениях, выживать на поле боя. Опыт войн свидетель-

---

[1] *Столяренко А. М.* Психология боевого дежурства и корабельной вахты. М., 1972. С. 31.

ствует о том, что чем лучше подготовлены в профессиональном отношении воины, тем меньше они подвержены боевому стрессу даже в высокоинтенсивных боевых действиях.

Точность, быстрота, надежность действий позволяют воину достигать поставленной цели (акцептор результата действия), что сопровождается дальнейшим повышением морального духа и боевых возможностей.

5. ***Регулятивный компонент психологической устойчивости*** представлен тренированностью аппарата стрессового реагирования, способностью военнослужащего оперативно регулировать свои психические состояния, быстро приводить себя в оптимальные эмоциональные состояния, создавать необходимое волевое напряжение, повышать уверенность в собственных силах, купировать болевые ощущения немедикаментозными методами, быстро входить в состояние бодрствования и сна, получать полноценный сон в течение короткого времени.

Это особенно важно в тех случаях, когда факторы боевой обстановки проявляются внезапно, сверхсильно, кумулятивно, когда промежуточные результаты действий не соответствуют намеченной цели, когда конечная цель не достигнута. В этом случае психическая саморегуляция может стать важнейшим фактором психологической защиты и предупреждения развития у военнослужащего фрустрации, страха, отчаяния.

Сформированный у каждого воина уровень психологической устойчивости, уникальное сочетание ее компонентов выступают своеобразным «трансформатором» высокого накала боя в энергию боевой деятельности воина.

Если воин обладает активной боевой мотивацией, считает свое участие в боевых действиях делом своей чести, долгом перед своей страной, если у него сформирована точная картина предстоящих боевых действий, создан высокий боевой настрой, развиты боевые навыки и средства самоуправления своей психикой и поведением, он реагирует на стресс-факторы боя *конструктивным боевым стрессом*. Характеристика конструктивного стресса, в основной своей части, дана выше. Главная его функция — создание оптимального боевого напряжения воина, позволяющего ему эффективно решать боевые задачи и выживать на поле боя.

В этом случае, по свидетельству боевых практиков, воздействие боевой обстановки может способствовать появлению ощущения смысла миссии, веры, повышению бдительности, росту силы и выносливости, повышению терпимости (к трудностям, дискомфорту, боли и ранам), геройских поступков, храбрости и самопожертвования, повышению сплоченности военнослужащих, укреплению боевого товарищества, боевых традиций подразделений и частей.

Если компоненты психологической устойчивости в достаточной степени не сформированы, и внешних ресурсов, помогающих совладать с неблагоприятными обстоятельствами, не хватает, воин реагирует на стресс-факторы боя *деструктивным стрессом* (*дистрессом*), который обеспечивает определенный уровень адаптации к боевой обстановке посредством перенапряжения механизмов реактивной саморегуляции, интенсивным расходованием энергии, снижением эффективности в функционировании

организмических систем и психической деятельности. Такой запредельный режим функционирования может превышать возможности этих механизмов, вести к истощению организма. Сформировавшаяся боевая мотивация, смысл воинской деятельности удерживают воина на поле боя, побуждают проявлять боевую активность, но инстинкт самосохранения и страх начинают противодействовать им. Механизмы адаптации функционируют на пределе, перенапрягаются.

Это можно проиллюстрировать, вновь обратившись к стрессу, используя метафору осажденной крепости, нужно констатировать, что возможности ее защитников не безграничны. Запасы воды, продуктов, боеприпасов постепенно иссякают, ряды защитников редеют, силы истощаются, вера тает, надежды гаснут. Враг все еще снаружи, за крепостными стенами, но справиться с ним можно лишь путем сверхусилия.

Дистресс проявляется в оной из следующих *форм дезадаптивного поведения*:

— импульсивный тип дезадаптивного поведения: резкое снижение организованности поведения, импульсивные, преждевременные и несвоевременные действия, утрата сформированных навыков, повтор ответной двигательной реакции, снижение надежности из-за повышения общей чувствительности;

— тормозной тип дезадаптивного поведения: торможение действий и движений, их замедление вплоть до ступора, подавление процессов восприятия и мышления, ведущее к нарушениям приема и переработки информации (пропуск значимых сигналов), а также принятия решений.

Среди *симптомов (субсиндромов) деструктивного стресса*[1] *принято выделять*:

— физические симптомы: дыхание частое (более 32 тактов в минуту) и поверхностное, головокружение, тяжесть в груди; частота сердечных сокращений достигает более 130 ударов в мин, артериальное давление становится более 140 единиц, температура тела превышает 39°С; со стороны пищеварительной системы отмечаются тошнота, судороги, рвота, запор, диарея, потеря аппетита; выделительная система работает гиперактивно, что проявляется в учащенном мочеиспускании, позывах к испражнению, «подмачивании» и «пачкании» белья; дрожь, нервозность; нарушение сна (бессонница, кошмары); головокружение; постоянное возбуждение;

— когнитивные симптомы: гипернастороженность; гипер- или гипореакции (на звук, движение, свет, и т.д.); нарушения внимания (проблемы концентрации); размытое видение; нарушения мышления — трудность в рассуждении или решении проблем; ошибочные умозаключения, принятие неверных решений: нарушение воображения, снижение логичности, критичности мышления; проблемы мотивации — потеря уверенности, надежды, веры, ощущение собственного бессилия; текущие навязчивые мысли; нарушения восприятия элементов боевой обстановки, снижение

[1] См.: *Шумков Г. Е.* Психика бойцов во время сражений. СПб., 1905. Вып. 1; *Маклаков А. Г.* Военная психология. СПб., 2004; Field Manual FM 6—22.5. Combat and operational stress control manual for leaders and soldiers.

объема, ясности, точности восприятия размеров, форм, расстояний; восприятие второстепенных элементов (громких, ярких) в ущерб жизненно важным; перенос восприятия с внешних на внутренние стимулы; вздрагивание от сильных звуков, вспышек света, движения; слезы, плач; злость, утрата веры в себя и своих товарищей. Когнитивные симптомы могут проявляться в том, что солдат не может совместить мушку с целью; оператор не видит цели на экране локатора; штурман неправильно читает показания приборов; внимание пехотинца «прилипает» к объектам; возникает эффект «туннельного видения»; у летчика возникают иллюзии пространственного положения; у моряка появляются иллюзии ожидаемых объектов;

— поведенческие симптомы: беспечность (приводит к опасности для себя и других), импульсивность; неспособность расслабиться, низкий уровень энергии, неустойчивое поведение, невыполнение своих обязанностей, снижение боевых навыков, ухудшение заботы о себе (личная гигиена, профилактическое лечение, иммунизация, защита кожи), снижение согласованности и точности действий. Примерами поведенческих симптомов являются: ощущение «лишних мышц»; нарушение соразмерности движений — дергание курка, «вырывание рычагов»; снижение волевого потенциала; «предстартовая лихорадка», «боевая апатия», перенапряжение; нарушение эффективности взаимодействия;

— эмоциональные симптомы: диапазон эмоций воинов в состоянии дистресса может включать страх, ужас, тревогу, раздражительность, конфликтность, негодование, гнев, вину, стыд, ошарашенность.

Дистресс — транзиторная форма стресса. Аккумуляция симптомов дистресса может достичь «критической массы» и вывести состояние военнослужащего на уровень травматического стресса.

4.3. Характеристика боевой психической травмы

Травматический стресс представляет собой форму аварийного приспособления военнослужащего к стресс-факторам боевой обстановки. Он имеет место тогда, когда боевой гиперстрессор или накопившиеся до критического уровня симптомы деструктивного стресса превосходят адаптивные возможности (уровень психической устойчивости) военнослужащего. Американские специалисты выделяют такие стрессоры, которые можно рассматривать как ***потенциально травматические события***, т.е. такие события, которые вызывают у индивида или группы интенсивные чувства страха, ужаса, беспомощности и безнадежности[1].

Используя опять метафору осажденной крепости, можно представить, что мощный удар противника, обманный маневр или изнуряющая осада сломили волю физически истощенных защитников к сопротивлению и ворвались за крепостные стены, сея смерть и страдания. Среди защитников крепости возникает отчаяние, паника, хаос. Противник внутри крепости! Ее защитники теперь одержимы лишь одним желанием — спастись.

[1] Field Manual FM 6—22.5. Combat and operational stress control manual for leaders and soldiers.

Основной *функцией травматического стресса* также является приспособление к изменяющимся условиям боевой обстановки, но уже не для того, чтобы выполнить боевую задачу, а для того, чтобы спасти организм. Такое спасение невозможно теми же ресурсами, которыми осуществляется обычная боевая адаптация, поэтому человеческий мозг изобретает самые изощренные способы самоспасения. Самый кардинальный среди этих способов — *боевая психическая травма.*

Для того чтобы понять сущность боевой психической травмы, целесообразно кратко рассмотреть основные подходы к пониманию психотравмы.

Например, З. Фрейд, в рамках *психоаналитического подхода*, представлял психическую травму как прорыв некоего гипотетического защитного слоя психики внешним травматическим агентом, проникновение его в психическую структуру человека и дезорганизацию психической деятельности изнутри. При этом Фрейд полагал, что событие может стать травматическим лишь тогда, когда человек:

— придает ему травматический смысл;

— не реагирует на событие активными действиями (не отреагирует событие);

— не получает социальной поддержки со стороны окружающих[1].

Рони Янофф-Булман рассматривает психотравму с позиций *когнитивного подхода.* Она отмечает, что в процессе жизни у человека формируется система базовых ценностей, касающихся понимания окружающего мира и себя в нем. В число этих ценностей входят представления о том, что неперсональный мир и окружающие люди преимущественно доброжелательны; человек может контролировать происходящие с ним события; мир устроен преимущественно справедливо, в нем есть место случайности и удаче; человек может контролировать свои действия[2].

Под воздействием гиперстрессоров боевой обстановки эта система может в одночасье разрушиться. Военнослужащий однажды обнаруживает себя в крайне враждебной обстановке, где смерть поджидает его на каждом углу в виде ракет, бомб, снарядов, мин, огня, радиации, отравляющих газов, боевых лазеров и т.д. Он осознает, что большое количество людей, обозначаемых общим словом «враг», целенаправленно разыскивает его с единственной целью — убить. Оказывается, что управлять своими побуждениями, эмоциональными состояниями, поступками можно далеко не всегда, а контролировать внешние события практически невозможно. Для того же, чтобы верить в удачу, нужно быть отчаянным оптимистом. Распад системы базовых ценностей, сопровождающийся аварийным расходованием энергетических, психологических, духовных ресурсов адаптации, сломом системы психологической устойчивости воина, и является психической травмой.

В рамках *анатомо-физиологического подхода* психическая травма представляется как формирующийся в центральной нервной системе очаг патологической регуляции адаптивной активности. Главная функция этого моз-

---

[1] См.: *Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого Я. Тбилиси, 1991.

[2] *Падун М. А., Котельникова А. В.* Психическая травма и картина мира: теория, эмпирия, практика. М., 2012. С. 52.

гового механизма — самоспасение путем бегства от страха и ужаса войны в болезнь, в неспособность продолжать участие в боевых действиях[1].

Военнослужащий может погружаться в спасительную болезнь на разное время и на разную «глубину».

На глубине *невротического уровня расстройства* военнослужащий может страдать остро проявляющимися астеническим, депрессивным, истерическим и другими синдромами, сопровождающимися заметным снижением критической оценки происходящего и возможностей целенаправленной деятельности.

К *симптомам боевой психической травмы* можно отнести следующие: бессмысленная активность воина («бег по кругу»), вздрагивание или вскрикивание от внезапного движения, тремор, озноб, невозможность управлять частью своего тела (частичный или полный паралич), неспособность видеть, слышать, чувствовать (слепота, глухота, амнезия), физическое истощение, плаксивость, замирание или полная обездвиженность, паника, бегство под огнем, изоляция от сослуживцев, нарушение речи (заикание, невнятность, быстрота), конфликтность, необдуманные действия, нечувствительность к опасности, потеря памяти, зрительные и слуховые галлюцинации, апатия, истерические взрывы, неистовство, странное поведение[2].

Синдромы могут стабилизироваться и усложняться, обретать форму неврастенического, истерического, депрессивного синдромов, невроза навязчивых состояний. На этом уровне военнослужащий может утрачивать ориентировку в окружающей действительности и способность управлять своей деятельностью.

Так, при истерическом неврозе у военнослужащего могут случаться истерические припадки, сопровождающиеся возбуждением, истерической лихорадкой, судорожными припадками с судорожными психорефлексами (плач, хохот, вздохи, дыхательные судороги, лающий кашель; икота; судорожные движения конечностей, изгибание туловища в пояснице, затуманенное сознание). Могут отмечаться:

— анестезия кожи и слизистых оболочек, ограничивающаяся не системой иннервации, а топографическими схемами («обывательскими представлениями о частях тела»);

— расстройства органов чувств, чаще всего на той же стороне тела, на которой проявляется анестезия: концентрическое сужение поля зрения («туннельное видение»), понижение остроты зрения, раздвоение предметов, «истерическая слепота»; истерическая глухота;

— двигательные расстройства: «истерические параличи» органов, конечностей топографически ограниченных, утрата произвольных движений с сохранением автоматизированных, сведение органов, мышц (контрактуры), спазмы голосового аппарата («истерическая немота», афония, мутизм); каталептические припадки (впадение в сон, летаргию, гипноидное состояние, замирание в приданном положении);

---

[1] См.: *Литвинцев С. В., Снедков Е. В., Резник А. М.* Боевая психическая травма. М., 2005.

[2] Field Manual FM 6—22.5. Combat and operational stress control manual for leaders and soldiers.

— «нозофилия» — тенденция сохранять и усугублять свою болезнь; притворства: искусственная болезнь (членовредительство, самоотравление, самозаражение, самообморожение), симуляция (демонстрация симптомов соматических и психических болезней), аггравация (преувеличение симптомов), диссимуляция (скрывание болезни) и др[1].

Более глубокое бегство участника боевых действий в болезнь может привести его на психотический уровень психотравматизации, где проявляются реактивные и затяжные психозы. Воин может впадать в *острые аффективно-шоковые реакции* с длительным возбуждением или заторможенностью, впадать в полную обездвиженность, страдать нарушениями сердечно-сосудистой, эндокринной, дыхательной систем, желудочно-кишечного тракта и т.д. Тревога, страх, депрессия, грубые нарушения интеллекта, зрительные и слуховые галлюцинации, бред и другие симптомы могут на короткое или длительное время лишать военнослужащего возможности правильно отражать действительность и вызывать полную утрату боеспособности.

Благо, что описанный процесс подчиняется действию своеобразной закономерности: чем глубже психопатология расстройства, тем меньшее количество военнослужащих страдает от него.

Рассмотрение феноменологии боевой психической травмы и основных научных подходов к ее пониманию позволяет нам дать ее обобщенную рабочую дефиницию.

Боевая психическая травма — прорыв боевым стресс-фактором защитного слоя психики (слом психологической устойчивости), сопровождающийся разрушением базовых ценностей личности и формированием патологических механизмов регуляции поведения.

4.4. Стресс-девиации военного времени

В континууме паттернов приспособительной активности военнослужащих к боевым условиям жизнедеятельности отдельное место занимают *стресс-девиации военного времени*. Их включение в стрессовую проблематику активно дискутируется в военно-психологической литературе. Мы включили девиации в стрессовый континуум реакций и поведения военнослужащего в бою, руководствуясь следующими обстоятельствами:

— во-первых, девиации на войне носят приспособительный характер и в связи с этим они входят в реестр стрессовых феноменов. Одни из них являются способом самоутверждения испытывающего страх перед противником и утратившего уверенность в собственных силах военнослужащего посредством символической победы над объектом-заместителем противника (способ компенсации трусости, неуверенности в себе, неудовлетворенности собой). К этой группе можно отнести такие девиации, как насилие над женщинами и детьми; издевательства над трупами солдат противника;

[1] См.: *Хаханьян Г. Д.* Основы военной психологии. М. ; Л., 1929.

пытки, жестокое обращение и убийство военнопленных и некомбатантов; грабеж, мародерство и т.д. Другая группа девиаций связана с использованием асоциальных, антисоциальных и извращенных способов поведения для снижения психологического давления боя или прекращения участия в боевых действиях (самоубийство, нанесение себе самоповреждений (членовредительство, самоотравление, самозаражение, самообморожение), самовольное оставление воинской части, дезертирство, предательство, убийство командиров и сослуживцев, алкоголизм, наркомания, симуляция, небрежное отношение к своей болезни или ранению и др.)[1];

— во-вторых, девиации на войне являются продуктом работы патологических механизмов регуляции адаптационной активности и в этом они сродни боевой психической травме;

— в-третьих, девиации на войне наносят огромный ущерб моральному духу войск, боеспособности воинских частей, сплоченности воинских подразделений, авторитету армии, отношениям военнослужащих с гражданским населением. Это требует их познания и учета в процессе психологического обеспечения боевых действий.

Чаще всего военные девиации являются результатом извращенной работы психики отдельного военнослужащего, столкнувшегося с ужасами войны и страхом смерти. Среди них обнаруживается широкий круг различных способов уклонения от участия в боевых действиях: симуляция соматических и психических заболеваний, выхода из строя боевой техники и оружия, лжесанитария, лжеманевр и др.

Симуляция соматических заболеваний заключается в постоянном воспроизведении выученных симптомов, составляющих целостную картину заболевания, дающего возможность симулянту на время или навсегда прекратить свое участие в боевых действиях или в выполнении наиболее опасных боевых задач. Такие военнослужащие регулярно жалуются на боли различной локализации, на неимоверную слабость, на головокружение и другое. Они практически «прописываются» в батальонных и полковых медицинских пунктах, требуют глубокого обследования, направления в госпиталь и т.п. У сослуживцев создается образ такого воина как хронически больного человека. Ему постепенно перестают доверять ответственную, потом и сложную работу, и, в конечном итоге, исключают из числа участников активных боевых действий.

Дивизионный врач 15-й германской пехотной дивизии в своей докладной от 15.08.1942, когда германская армия победоносно рвалась к Сталинграду, описывал наиболее распространенные случаи членовредительства. Некоторые из них приводит О. И. Казаринов.

Цитата

«За последнее время в дивизии учащаются случаи симуляции и самострела, проводимые в целях дезертирования с поля боя. Эти симулянты и шкурники прибегают к такого рода симуляциям, которые даже опытными врачами не могут быть отличены от истинных заболеваний.

---

[1] *Караяни А. Г, Сыромятников И. В.* Прикладная военная психология.

Так, порок сердца получается вследствие длительного жевания свежего табака или русской "махорки". Отсюда — потеря дыхания, замирание сердца, сердечные колотья, перебои пульса, рвота. *Закупорка вен*, получаемая вследствие перетягивания подколенных сгибов ремнем или веревкой; на конечностях ног получаются отеки, похожие на почечные. Сыпь, которая возникает вследствие интенсивного и длительного втирания в кожу керосина, скипидара, кислоты, в особенности, если данный участок тела сильно загрязнен. *Выпадение прямой кишки*, возникающее, если в течение многих дней человек начинает поглощать значительное количество теплой мыльной воды с одновременным поднятием тяжести. *Растяжение связок и перелом кости* достигаются обычно пропусканием через всю ступню (переезд) колеса автомашины или повозки. *«Выстрел на родину»* (самострел). Так как самострел руки легко обнаруживается через осевшие на рану крупинки сгоревшего пороха, в настоящее время участились случаи прострела ноги через сапог...»[1]

Факты симуляции психических заболеваний отмечались еще в древние времена, а в годы Первой и Второй мировых войн приняли массовый характер. В частности, многими исследователями отмечался тот факт, что симулянты быстро «вычисляли» какие симптомы считались врачом конкретного полка показателями психического расстройства и научались убедительно демонстрировать их. Таким образом, получалось, что в зависимости от теоретической ориентации врача полка из его части демобилизовывались по психологическим основаниям лица, демонстрировавшие одинаковые симптомы.

Не менее древним видом симуляции невозможности участия в бою является имитация *выхода из строя боевой техники и оружия*. Так, еще в глубоком Средневековье отмечались факты «перерезания тетивы на арбалетах», в более позднее время выводились из строя личное оружие, орудийные системы и боевая техника. Опросы показывают, что многие участники боевых действий в Афганистане и Чечне лично встречались с этим явлением. Автору пришлось проводить служебное расследование по нескольким фактам систематического выхода из строя боевой техники перед рейдовыми действиями в одной из мотострелковых частей в Афганистане.

В свое время еще Наполеон обратил внимание и жестоко искоренял такой вид симулятивного поведения, как *лжесанитария*. Суть его состоит в том, что симулянты используют для оставления поля боя факт ранения сослуживца. Как правило, находится несколько человек, желающих эвакуировать пострадавшего товарища в тыл. Свидетели утверждают, что иногда некоторые из них считают необходимым вынести с поля боя и вещи раненого. Количество таких «санитаров» может достигать десяти и более человек.

Нередко в боевой обстановке можно встретить симулянтов, использующих такой прием отлынивания от коллективных действий в бою как *лжеманевр*. Как правило, когда после боя начинается уточнение, где был в процессе выполнения боевой задачи такой симулянт, он рисует картину его тактически грамотного расположения на выгодной позиции, эффективного боевого контакта с противником, по существу спасшего боевых товарищей

---

[1] См.: *Казаринов О. И.* Неизвестные лики войны: между жизнью и смертью. М., 2005.

от смерти. На самом деле в бою он не участвовал, а отсиживался в безопасном месте. Опыт Афганистана и Чечни свидетельствует о том, что нередко такие симулянты возвращаются с поля боя с полным комплектом боеприпасов, т.е. не израсходовав ни одного патрона.

Симуляция может трансформироваться в более драматические формы девиации, при которых военнослужащий получает серьезные повреждения организма (самострел, самоотравление, самозаражение, самообморожение и т.д.). Военный историк Р. Габриэль описывает технологию членовредительства во время Вьетнамской войны США. Во время войны во Вьетнаме, в некоторых портах, откуда происходила отправка людей и техники во Вьетнам, была выявлена и арестована целая группа хирургов за распространение и продажу инструкций для новобранцев, где рекомендовалось, как можно избежать отправки в район боевых действий. Один из способов заключался в том, чтобы «случайно» прострелить себе ногу. Такой выстрел должен был, с одной стороны, гарантировать демобилизацию, с другой стороны, не превращать человека в инвалида. Предложения по выполнению таких «выстрелов на миллион долларов» были поставлены на поток.

Нередко девиации на войне являются результатом проявления извращенной групповой психологии, ущербных коллективных традиций, которые могут складываться даже в элитных воинских частях. Так, в коллективной психологии может возобладать настроение «Война есть война», «Война все спишет», «Победителей не судят», способное стать основой для формирования преступных установок. Отдельные девиантные формы поведения могут рассматриваться военнослужащими как необходимое условие подтверждения («скрепления кровью») их нового боевого статуса или стать свидетельством их особой боевитости. Так, широкую огласку получила преступная деятельность 12 американских военнослужащих в Афганистане, называвших себя «командой киллеров». На протяжении определенного времени эти военнослужащие соревновались, кто из них убьет больше мирных граждан. Для доказательства своих «подвигов» они фотографировались на фоне своих жертв и выкладывали фотографии в Интернет. В Интернете также было размещено видео, в котором группа других солдат мочилась на тела убитых ими афганцев и 18 фотографий военнослужащих 82-й воздушно-десантной дивизии США, позировавших на фоне расчлененных ими трупов мирных жителей и отрезанных голов. Совершая подобные поступки, воинские подразделения постепенно превращаются в банду головорезов, утрачивают высокий смысл участия в боевых действиях, широкую социальную мотивацию боевой активности, становятся еще более подверженными психологической травматизации.

Негативное влияние на психическое состояние и взаимоотношения военнослужащих, «горизонтальную» и «вертикальную» боевую сплоченность воинских подразделений оказывают постоянные персональные (не коллективные) замены участников боевых действий. Это не только постоянно «взрывает» систему межличностных отношений, симпатий и антипатий, лидерства и власти, но ведет к появлению разрушительных для боевого коллектива явлений. Так, в американской армии во Вьетнаме возникло такое явление, как *фрэггинг* (англ. *fragging*, от *frag* [*mentation*] *grenade* – осколочная

граната) — умышленное убийство офицеров их подчиненными, выдаваемое за несчастный случай или за боевые потери. Чаще всего такое убийство осуществлялось с помощью ручной гранаты, так, чтобы с помощью баллистической экспертизы трудно было бы установить, кто бросил гранату — противник или сослуживец. И даже если стало бы точно известно, *кто* конкретно бросил гранату в офицера, трудно было установить наличие преступного умысла в его действиях. Во время войны во Вьетнаме было отмечено около 1400 случаев гибели офицеров, в причастности к которым подозревались починенные. Из них 230 случаев было точно установлено[1].

4.5. Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР)

Для того чтобы выжить в боевой обстановке, психика военнослужащего должна «военизироваться», т.е. в максимальной степени приспособиться к требованиям боя и режиму боевой жизнедеятельности. Установлено, что у лиц, принимающих длительное участие в боевых действиях, закрепляется памятный след новых поведенческих навыков и стереотипов, имеющих первостепенное значение для выживания и выполнения поставленных задач. Среди них: восприятие окружающей среды как враждебной; гиперактивация внимания, тревожная настороженность; готовность к импульсивному защитному отреагированию на угрожающий стимул в виде укрытия, бегства, агрессии и физического уничтожения источника угрозы; сужение эмоционального диапазона, стремление к «уходу» от реальности и оценки ряда нравственных проблем; эффективное межличностное взаимодействие в микрогруппе, включающее способность к коллективной индукции; способность к моментальной полной мобилизации сил с последующей быстрой релаксацией; соответствующее экстремальному режиму психического функционирования нейровегетативное обеспечение. Адаптация к боевым условиям закрепляет в характере некоторых воинов повышенную ранимость, недоверчивость, отгороженность, разочарование и страх перед будущим, нарушение социальной коммуникации, склонность к агрессивному, саморазрушающему поведению и злоупотреблению наркосодержащими веществами. Кроме этого, у участников боевых действий нередко отмечается усиление тревожности, подавленности, чувства вины, повышенной чувствительности к несправедливости, «застревание» на негативных переживаниях и др[2].

Именно эти, крайне полезные, необходимые для выживания на войне, приобретенные потом и кровью свойства бойца, за пределами боевой обстановки становятся дезадаптивными, не соответствующими требованиям мирного социума и, в связи с этим, воспринимаются и оцениваются как патологические. Подобные психологические последствия после Вьетнамской войны были объединены в целостный синдром и обозначены как *«посттравматическое стрессовое расстройство»*.

---

[1] «Fragging» and «Combat Refusals» in Vietnam. URL: http://home.mweb.co.za/re/redcap/vietcrim.htm (дата обращения: 12.02.2016).

[2] *Литвинцев С. В., Снедков Е. В., Резник А. М.* Боевая психическая травма. С. 28–30.

Вышедшее в 2013 г. DSM—V квалифицирует ПТСР как психическое состояние, отражающее развитие характерных симптомов, возникающих после переживания сильного стресса. В этой редакции справочника ПТСР выведено из группы тревожных расстройств и включено в новый для семьи DSM класс — *Trauma and Stressor-related Disorders* (расстройства, связанные с травмой и стрессором). Вместо трех симтомокомплексов, как это было в DSM—IV, теперь выделено четыре симптомокомплекса (отдельно выделен кластер негативных переживаний). В связи с этим структура ПТСР сегодня видится как совокупность: пере-переживания (повторные переживания), избегания негативных мыслей и настроений и гипермобилизации (гиперактивации).

К критериям ПТСР относятся:

А. Столкновение со смертью или с угрожающей жизни ситуацией, подверженность серьезной травме (англ. *injury*) или сексуальному насилию в одном или нескольких из перечисленных вариантов.

1. Непосредственная подверженность травматическому событию.

2. Непосредственное (личное) зрительное восприятие травмы, которую переживают другие.

3. Получение информации о том, что травмирующие события произошли с членами семьи или близкими друзьями; события должны быть либо насильственными, либо характеризоваться как несчастный случай.

4. Переживание повторных либо экстремальных воздействий отвратительных (*aversive*) деталей травматического события (событий), таких как участие в спасательной команде, собирающей человеческие останки, служба в полиции, связанная с повторным столкновением с подробностями насилия над детьми.

Примечание: критерий А4 неприменим к электронным медиа, телевидению, фильмам и фотографиям, если только фотографии не связаны с работой индивидуума.

В. Присутствие одного или более из следующих навязчивых симптомов, ассоциированных с травмирующим событием, которые развиваются после действия стрессора.

1. Повторяющиеся непроизвольные навязчивые и тягостные воспоминания о травмирующем событии.

2. Повторяющиеся дистрессовые сновидения, содержание и (или) аффект которых соотносится с травмирующим событиям.

3. Диссоциативные реакции (например, флэшбэки, от англ. *flashbaks*), во время которых индивид ощущает и (или) ведет себя так, как будто бы травматическое событие повторяется (подобные реакции могут отмечаться в рамках континуума, на крайнем полюсе которого находится полное отсутствие осознавания реального окружения).

4. Интенсивный либо продолжительный психологический дистресс при столкновении с внутренними или внешними признаками чего-либо, символизирующими или напоминающими какой-либо аспект травматического события (событий).

5. Заметные психологические реакции по отношению к внутренним или внешним признакам чего-либо, символизирующим или напоминающим какой-либо аспект травматического события (событий).

С. Постоянное избегание стимулов, ассоциирующихся с травматическим событием (травматическими событиями), что начинается после возникновения травматической ситуации и подтверждается либо одним, либо двумя признаками.

1. Избегание либо попытки избежать неприятных воспоминаний, мыслей, чувств о травматическом событии, либо неприятных воспоминаний, мыслей, чувств, тесно ассоциирующихся с травматическим событием.

2. Избегание либо попытки избежать напоминающих о событии людей, мест, разговоров, действий, объектов, ситуаций, которые вызывают дистрессовые воспоминания, мысли или чувства о травматическом событии (либо воспоминания, мысли или чувства, тесно ассоциирующиеся с ним).

D. Отрицательные изменения когнитивных процессов и настроения, связанные с имевшим место травматическим событием, возникающие после травматического события или углубившиеся после действия стрессора (два или более признака из ниже перечисленных).

1. Невозможность вспомнить важные аспекты травматического события (вследствие диссоциативной амнезии, признак обычно не связан с такими факторами, как черепно-мозговая травма, употребление алкоголя и других психоактивных веществ).

2. Упорные и преувеличенные негативные убеждения в отношении себя, других и мира или постоянные и преувеличенные негативные ожидания от себя, других и мира (например, «Я — плохой», «Никому нельзя верить», «Весь мир опасен», «Моя нервная система полностью разрушена»).

3. Упорные искаженные суждения о причинах и последствиях травматических событий, которые заставляют индивидуума винить себя или других.

4. Постоянные негативные эмоции (например, страх, гнев, вина, стыд).

5. Заметно сниженный интерес к участию в социальных мероприятиях либо отказ от участия в социальных мероприятиях.

6. Чувство оторванности или отчуждения от других.

7. Стойкая неспособность испытывать позитивные эмоции (например, неспособность испытывать счастье, удовлетворение или любовь).

E. Заметные изменения в возбуждении и реактивности, ассоциированные с травматическим событием (событиями), что начинается после действия стрессора либо усиливается после травматического события (два или более признака из ниже перечисленных).

1. Раздраженное поведение либо вспышки гнева (минимально спровоцированные или без провокации), обычно выраженные в форме вербальной или физической агрессии по отношению к людям или объектам.

2. Безрассудное или аутоагрессивное поведение.

3. Сверхнастороженность.

4. Повышенный рефлекс четверохолмия (реакция вздрагивания (испуга) на резкий звук).

5. Проблемы с концентрацией.

6. Нарушения сна (например, трудности с засыпанием, с поддержанием сна, беспокойный сон).

F. Нарушения (критерии B, C, D и E) продолжаются более одного месяца.

G. Нарушения вызывают клинически значимый психологический дистресс и снижение социального, профессионального функционирования, а также негативные изменения в других важных сферах функционирования.

H. Нарушения не относятся к физиологическому эффекту от приема препаратов (алкоголь или наркотики), а также к другим медицинским состояниям.

Указать, если расстройство сопровождается диссоциативными симптомами: состояние отвечает критериям посттравматического стрессового расстройства, и, в дополнение, в ответ на действие стрессора, индивидуум переживает упорные или повторяющиеся симптомы из следующих:

— деперсонализация: упорное или периодически повторяющееся переживание оторванности от других и чувство, как будто бы наблюдаешь со стороны за собственными психическими процессами или за собственным телом (например, чувство, что все происходит как будто бы во сне, чувство нереальности личности или тела, ощущение замедленного течения времени);

— дереализация: постоянное или повторяющееся переживание нереальности окружающего (например, окружающий мир воспринимается как нереальный, напоминающий сновидение, отдаленный либо измененный).

Примечание: для использования данного подтипа необходимо исключить физиологический эффект действия препарата (провалы в памяти, поведение в состоянии

алкогольной интоксикации) или другое медицинское состояние (например, комплексные парциальные припадки).

Указать, если расстройство сопровождается отсроченным началом. Если расстройство не соответствует *всем критериям* ПТСР в течение как минимум шести месяцев после травматического события (хотя начало и проявления некоторых из симптомов может быть незамедлительным)[1].

Кроме этого, выделяются так называемые вторичные признаки ПТСР. К ним относят: алкогольную, медикаментозную или наркотическую зависимость; склонность к суицидальным мыслям и попыткам; депрессию; заболевания сердечно-сосудистой системы; боли различной этиологии, сексуальные дисфункции, девиантное поведение и др.

Безусловно, симптомы, включенные в диагностическую категорию «посттравматическое стрессовое расстройство», распространены среди участников боевых действий. Однако многими авторами масштабы этого явления многократно преувеличиваются. Так, по нашим данным, уровень распространенности ПТСР у сотрудников силовых структур, принимавших участие более чем в трех боевых командировках, не превышает 5%. У инвалидов боевых действий, проходящих реабилитацию в Центре восстановительной терапии «Русь», распространенность развернутых форм ПТСР также не превышает 5%. По оценкам британских военных психологов, у военнослужащих британских войск, принимавших участие в боевых действиях в начале нашего века, уровень ПТСР не превышал 4—6%. В это же время, по данным американских врачей, среди американских военнослужащих, действовавших в Ираке и Афганистане, этот уровень доходил до 20%. О примерно таком же уровне ПТСР в российской армии после завершения боевых действий в Афганистане сообщали специалисты, проводившие исследования по американским грантам.

В 2008 г. в американской армии произошла своеобразная «военно-психологическая революция». Группа энтузиастов, в которую вошли начальник штаба армии США генерал Дж. Кейси, военный врач генерал Р. Корнум, специалист по социальной работе полковник Дж. Чамберс, главный хирург армии полковник Р. Кармон, руководитель 19-го дивизиона («отдел военной психологии») в Американской психологической ассоциации М. Мэтью и известный психолог М. Селигман, сформулировала новую идеологию психологического обеспечения деятельности американских вооруженных сил. В новой концепции акцент переносился с работы с психической травмой и ПТСР на формирование психологической устойчивости (упругости) военнослужащих в процессе их психологической подготовки. Эта программа «формирования всесторонне подготовленного солдата» — *Comprehensive Soldier Fitness Program* — призвана: преодолеть реактивный подход в психологической помощи, основанной на связке «болезнь — лечение»; разработать и внедрить превентивный подход, наце-

---

[1] См.: *Молчанова Е. С.* Посттравматическое стрессовое и острое стрессовое расстройство в формате DSM—V: внесенные изменения и прежние проблемы // Медицинская психология в России: научный сетевой журнал. 2014. № 1 (24). С. 2 [Электронный ресурс]. URL: http://mprj.ru (дата обращения: 24.08.2015).

ленный на формирование психологической устойчивости военнослужащих (связка «готовность — здоровье»); обеспечить вывод психологической службы из медицинской структуры и подчинение ее оперативному военному командованию. В рамках данного подхода в работе с ветеранами боевых действий акцент делается не на «посттравматическом стрессовом расстройстве», а на «посттравматическом росте», потенциально наличествующем практически у каждого травмированного воина. В основу такого подхода положена теоретико-методологическая база позитивной психологии М. Селигмана[1].

Ранее указывали на наличие положительного контура влияния войны на психику и поведение участников и ветеранов боевых действий отечественные военные психологи[2]. Этот контур составляют следующие положительные последствия от участия в боевых действиях.

1. Повышение умелости, опытности, профессионализма. Война ускоряет социальное время. Человек обучается на ней жизненно важным навыкам в кратчайшие сроки. Он приобретает такие важные для любой профессии качества, как дисциплинированность, организованность, ответственность, предусмотрительность, бдительность, способность к согласованным коллективным действиям. Это способствует успешности социального функционирования участников боевых действий.

2. Личностный рост и самореализация человека, проявляющиеся в повышении самоуважения, ощущения собственной ценности, уверенности в своих силах, в умении владеть собой. У участников боевых действий закаляется воля, развиваются смелость, интеллектуальные качества. Под влиянием пережитых трудностей происходит нередко и переоценка ценностей, формирование новых жизненных приоритетов, что делает человека более активным.

3. Укрепление физического здоровья и силы. Многие участники войны выходят из нее физически более развитыми, выносливыми, менее подверженными «мирным» заболеваниям (простуда, ОРВИ и др.).

4. Повышение социального статуса человека, выражающееся в более уважительном отношении к ветеранам других людей, признании их заслуг. Многие участники боевых действий позже занимали важные посты в государстве, стали известными политическими деятелями.

Американский врач и психолог Б. Колодзин отмечает: «На войне случались не только тяжелые, травмирующие события, но и такие, в которых укреплялись силы, мужество, уверенность в себе. Встреча со смертельной опасностью, победа над страхом, взаимная поддержка в тяжелых условиях — во всех этих испытаниях закалялся характер»[3].

Участие в боевых действиях оказывает и позитивное влияние на личность военнослужащих. У некоторых из них как бы открывается новое, более

---

[1] См.: *Селигман М.* Путь к процветанию: новое понимания счастья и благополучия. М., 2013.

[2] *Столяренко А. М.* Экстремальная психопедагогика. М., 2002. С. 552–554; *Караяни А. Г., Сыромятников И. В.* Прикладная военная психология.

[3] См.: *Колодзин Б.* Как жить после психической травмы. М., 1992.

яркое и точное ви́дение и чувствование мира, оригинальная система ценностей и наблюдений, составляющая своеобразную житейскую мудрость, особая чувствительность к неискренности, лжи, фальши в человеческих отношениях. Подобно тому, как из хрупкого графита в крайне неблагоприятных условиях образуется самое прочное вещество на земле — алмаз, из молодых, не имеющих жизненного опыта людей, формируются духовно крепкие, закаленные, целостные личности. Участие в боевых действиях — это и опыт бескорыстной дружбы, взаимопомощи, победы над страхом, преодоления себя, достижения того, что ранее казалось невозможным.

Физическая или психическая травма мобилизуют самые глубинные ресурсы человеческого организма и психики, ставят человека в точки бифуркации, с которых может начинаться отсчет совершенного нового личностного времени ветерана.

Такой подход, на наш взгляд, превращает ветерана из «психотравматика», неудачника, «лузера войны» в человека, переживающего трансформацию из «супербойца» в обычного гражданина своей страны, открытого для интенсивного личностного роста и всестороннего самосовершенствования.

Таким образом, перечисленные выше обстоятельства подчеркивают непреходящую важность боевого стресса в создании боевых кондиций бойца. Стресс превращает воина в эффективную боевую машину. Ее «двигателем» является смысл боевой деятельности, усвоенный, впитанный, встроенный в систему высокоавтоматизированного боевого поведения. Топливом для этого двигателя выступает боевая ярость, умеренный страх, мобилизующий боевой стресс. Благодаря стрессу воин становится автоматом, непрерывно сканирующим боевое пространство, «чувствующим» бой, предчувствующим боевые события, действующим преимущественно автоматизированно, и, одновременно, мыслящим и принимающим эффективные боевые решения.

Воин — не слепая игрушка в руках боевых стрессоров. Характер стрессовой реакции военнослужащего определяется не особенностями стрессора, а особенностями личности воина, в частности, уровнем его психологической устойчивости.

Рекомендуемая литература

Караяни, А. Г. Прикладная военная психология / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — СПб. : Питер, 2006.

Литвинцев, С. В. Боевая психическая травма / С. В. Литвинцев, Е. В. Снедков, А. М. Резник. — М. : Медицина, 2005.

Маклаков, А. Г. Военная психология / А. Г. Маклаков. — СПб. : Питер, 2004.

Селигман, М. Путь к процветанию: новое понимания счастья и благополучия / М. Селигман. — М., 2013.

Симонов, П. В. Мотивированный мозг / П. В. Симонов. — М. : Наука, 1987.

Столяренко, А. М. Экстремальная психопедагогика / А. М. Столяренко. — М., 2002.

Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. — М. : Прогресс, 1990.

ГЛАВА 5
ЦЕЛЕВОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС. ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ВОИНА

В главе 4 было показано, что для эффективных действий на поле боя, успешного решения боевых задач и выживания в обстановке действия боевых стресс-факторов воин должен обладать необходимым психологическим ресурсом.

Целевой психологический ресурс — совокупность имеющихся в распоряжении воина индивидуально-психологических, личностных, социально-психологических, психоэргономических условий, необходимых для решения боевых задач определенного вида (класса).

Психологический ресурс воина составляет все, что помогает его психике функционировать в экстремальной обстановке боя эффективно, экономно, без срывов. В него входят элементы, уже имеющиеся в наличии у воина, например, полезные для боя индивидуально-психологические и личностные особенности, знания, опыт действия в экстремальной обстановке, сформировавшиеся эффективные копинг-стратегии, опыт и поддержка боевых товарищей, командира, привычные природно-географические и погодно-климатические условия и т.д., а также элементы, которые он может потенциально привлечь и использовать в боевой обстановке, например, в виде получения полезной боевой информации, помощи сослуживцев, приема психостимуляторов, использования приборов ночного видения и др.

Целевой психологический ресурс, в зависимости от места его локализации, подразделяется на *персональный* (сфера индивидуально-психологических и личностных качеств и состояний), *межперсональный* (сфера межличностных отношений воинов), *надперсональный* (сфера групповой и общественной психологии), *психоэргономический* (сфера взаимодействия воина и среды), *психозамещающий* (сфера взаимодействия воина и средств, замещающих или расширяющих его психологические возможности).

5.1. Образ боя как психологический ресурс участника боевых действий

Личностные качества военнослужащего являются одним из главных условий того, станет ли он героем или отщепенцем. В конце концов, даже

самые мощные внешние социальные влияния преломляются через внутренние, личностные условия. Вместе с тем психологические особенности боевой деятельности, ее цели, мотивы, методы решения боевых задач и т.д. могут оказывать существенное корректирующее влияние на проявление личности военнослужащего.

Личность — системное социальное качество, приобретаемое индивидом в предметной деятельности и общении и характеризующее уровень и качество представленности общественных отношений в индивиде.

Важнейшим личностным качеством, определяющим эффективность боевой деятельности воина, как было показано в гл. 4, является *психологическая устойчивость* к стресс-факторам боевой обстановки. Структура психологической устойчивости воина включает когнитивный, мотивационный, эмоционально-волевой, операциональный и регулятивный компоненты.

Важнейшее место в структуре психологической устойчивости воина занимает точный ***образ боевых действий***, включающий представления об особенностях тактики действий и ухищрениях противника; о том, с использованием каких средств, каким способом, в какой последовательности, во взаимодействии с кем разгромить противника, какими рубежами овладеть, как действовать в дальнейшем и т.д. Здесь действует правило когнитивной психологии «Каков образ деятельности, такова и деятельность». Солдата страшит в бою неизвестность. Вот почему всегда будет актуальным суворовское правило, гласящее, что каждый воин должен знать свой маневр. По данным американского военного психолога П. X. Мокора, индивидуальная несостоятельность воина в бою проистекает всегда из полной неосведомленности бойца о психологической реальности боя. Солдат сражается плохо потому, что он (по аналогии с актером, плохо исполняющим свою роль) как бы только механически заучил текст своих реплик. Он не знает, что помимо этого от него требуется собственная инициатива, импровизированные действия, что в ходе тех сложных перипетий драмы, невольным участником которой он является, могут встретиться непредвиденные, нередко катастрофические, обстоятельства. Его не подготовили к встрече с неожиданностью. Боец должен быть заранее осведомлен о силе и частоте тормозящих и разрушающих влияний, о возможности потери психического равновесия на поле боя. Он должен заранее получить представление о множестве непредвиденных обстоятельств, которые могут привести к растерянности и несостоятельности в бою. Его боеспособность непосредственно зависит от предварительного знания этого[1].

Важнейшая роль в формировании у воинов адекватного, реалистичного образа боя принадлежит психическим познавательным процессам (ощущениям, восприятию, вниманию, воображению, мышлению).

---

[1] *Мокор П. X.* Военная психология и реальность боя // Современная буржуазная военная психология. М., 1964. С. 57.

Ощущение — это простейший психический процесс, состоящий в отражении отдельных свойств предметов и явлений материального мира, а также внутренних состояний организма при непосредственном воздействии материальных раздражителей на соответствующие рецепторы.

Органы чувств (зрение, слух, осязание, обоняние, осязание) военнослужащего могут быть более или менее чувствительны к отображаемым ими явлениям, т.е. могут отображать эти явления с большей или меньшей точностью. Чувствительность органа чувств определяется минимальным раздражителем, который в данных условиях оказывается способным вызвать ощущение. Минимальная сила раздражителя, вызывающая едва заметное ощущение, называется нижним абсолютным порогом чувствительности.

Раздражители меньшей силы, так называемые подпороговые (субсенсорные), не вызывают возникновения ощущений и сигналы о них не передаются в кору головного мозга. Нижний порог ощущений определяет уровень абсолютной чувствительности данного анализатора. Между абсолютной чувствительностью и величиной порога существует обратная зависимость: чем меньше величина порога, тем выше чувствительность данного анализатора.

Восприятие — отражение в сознании человека предметов и явлений при их непосредственном воздействии на органы чувств. В отличие от ощущений, восприятие отражает предмет в целом, в совокупности его свойств. При этом восприятие не сводится к сумме отдельных ощущений, а представляет собой качественно новую ступень чувственного познания с присущими ей особенностями. Наиболее важные особенности восприятия — предметность, целостность, структурность, константность и осмысленность.

Внимание — это направленность и сосредоточенность сознания, предполагающие повышение уровня сенсорной, интеллектуальной или двигательной активности индивида.

По характеру происхождения и по способам осуществления выделяют два основных вида внимания: непроизвольное и произвольное. Непроизвольное внимание возникает и поддерживается независимо от сознательных намерений и целей человека. Произвольное внимание — это сознательно направляемое и регулируемое сосредоточение.

Ощущение и восприятие. Органы чувств человека — совершенные аппараты познания окружающего мира. Специалистами установлены предельные возможности зрительного органа (абсолютный зрительный порог) по обнаружению и различению объектов боевой обстановки (табл. 5.1).

Таблица 5.1

Дальность визуального обнаружения объектов боевой обстановки

Объекты и признаки	Предельная видимость, км
Колокольни, башни, большие дома на фоне неба	15—18
Населенные пункты	10—12

Окончание табл. 5.1

Объекты и признаки	Предельная видимость, км
Деревни и отдельные большие дома	11
Отдельные небольшие дома	5
Окна в домах (без деталей)	4
Боевая техника	3
Стволы деревьев, столбы, люди (в виде точки)	1,5
Движение ног идущего человека	0,7
Миномет, станковый пулемет	0,5
Движение рук и головы человека	0,4
Автомат, цвет и части одежды, овал лица	0,25—0,3
Черепица на крыше, листья деревьев, проволока на кольях	0,2
Пуговицы, пряжки	0,15—0,17
Черты лица, кисти рук, детали стрелкового оружия	0,1
Глаза в виде точки	0,07
Белки глаз	0,02

Не менее важным органом ощущения и восприятия свойств, характеристик и элементов боевой обстановки является слух. Специалистами установлены предельные возможности слухового восприятия объектов боевой обстановки (табл. 5.2).

Таблица 5.2

Дальность слухового обнаружения и различения объектов боевой обстановки

Источник звука (действия противника)	Слышимость, км
Стрельба очередями из боевого стрелкового оружия	5
Крик человека	1—1,5
Лай собак	2—3
Автомобильный сигнал	2—3
Разговорная речь	0,1—0,2
Звяканье котелков, ложек	0,5
Переползание	0,02
Шаги	0,03
Кашель	0,04—0,05
Резкая команда	0,5—1,0
Движение пехоты в строю по грунту (по шоссе)	0,3 (06)

Окончание табл. 5.2

Источник звука (действия противника)	Слышимость, км
Отрывка окопов вручную	0,6
Рубка леса топором	0,4
Движение автомобилей по грунту (по шоссе)	0,5 (1,5)
Движение бронетехники по грунту (по шоссе)	3 (4)
Выстрел из орудия (орудийный залп)	6 (15)

Из данных, приведенных в табл. 5.1 и 5.2, видно, насколько чувствительными являются органы чувств человека. Однако перечисленных возможностей уже недостаточно для того, чтобы надежно отражать события современного динамичного и многообразного боя.

Не случайно в разных армиях мира предпринимаются огромные усилия по расширению естественных возможностей человека видеть, слышать, обонять, осязать. Поле современного боя подвергается многомерному «ощущению» и «восприятию» на всем его протяжении, днем и ночью, в любых природно-географических и погодно-климатических условиях. Выше говорилось об эшелонированном наблюдении за полем боя с помощью БПЛА, видеокамер, аудиомикрофонов, лазерных датчиков и т.д. Для наблюдения за военнослужащими противника на глубину взводных боевых позиций используются индивидуальные средства наблюдения. Например, в комплект автоматического гранатомета, состоящего на вооружении южно-африканской армии, входит граната с видеокамерой. Она выстреливается на расстояние порядка 400 м и в течение 7 мин передает информацию о противнике, находящемся в траншеях, за естественными и искусственными укрытиями. Граната освещает поле боя инфракрасным светом, что дает возможность видеть боевую технику и живую силу противника в условиях плохой видимости. На вооружении подразделений многих армий мира поступают персональные переносные видеоустройства, позволяющие получать информацию о противнике, находящемся за укрытиями (например, за углом здания, в помещении и т.д.) на удалении нескольких метров. Военнослужащие нередко используют и самодельные устройства видеонаблюдения за полем боя, сделанные из простейших видеокамер, замаскированных под нейтральные объекты (кроссовок, банка из-под напитка, детская игрушка и т.п.). Для наблюдения за противником в ночных условиях широко применяются осветительные ракеты, приборы ночного видения. Обнаружение неприятеля, скрывающегося в густых зарослях или замаскированного с помощью специальных средств, возможно с помощью тепловизоров и т.д. и т.п.

И все же, какие бы приборы ни использовались в современной войне, главными средствами обнаружения и восприятия противника являются органы чувств человека, прежде всего, глаза, уши, нос. И от того, насколько развита чувствительность этих «рецепторов боя», в решающей мере зависит насколько тонко «читается» и «слышится» бой.

В бою человеку приходится видеть, слышать, осязать, обонять, чувствовать на вкус такое, с чем он не мог встретиться в мирной жизни: огненные

валы артиллерийского огня, всполохи взрывов, смертельно жалящие струи трассирующих очередей, горящие, как бенгальские огни, боевые машины, дымящиеся развалины строений, разрывающиеся в клочья человеческие тела, грохот, вой, гул, визг, треск, стук, издаваемый оружием и боевой техникой, боевые кличи, истошные крики и стенания раненных, стук своего сердца, запах сгоревших пороховых газов, гари, вкус крови и дорожной пыли, вздымаемая «на дыбы» земля, сотрясаемый взрывами, вибрирующий воздух, боль ушибов и ран и т.д.

Психика «устроена» так, что неподготовленный специально человек прежде всего воспринимает то, что проявляется сильнее, ярче, громче, непривычнее. В боевой обстановке это, нередко, второстепенные, мало значимые для исхода боя и человеческой жизни стимулы.

Из литературы

Психологически точно и ярко описал это Э. М. Ремарк в своем романе «На западном фронте без перемен».

«У нас большие потери, главным образом за счет новобранцев... Они... очень смутно представляют себе, как надо укрываться, а главное, не умеют присматриваться к местности. Они не видят ни бугорков, ни кочек, разве что самые заметные, не меньше полуметра в высоту... Попав в... зону боев, они чувствуют себя беспомощными и гибнут, как мухи. В современной позиционной войне бой требует знаний и опыта, солдат должен разбираться в местности, его ухо должно чутко распознавать звуки, издаваемые снарядами в полете и при разрыве, он должен уметь заранее определять место, где снаряд упадет, знать, на какое расстояние разлетаются осколки и как от них укрыться. Наше молодое пополнение почти ничего не знает обо всех этих вещах. Оно тает на глазах — новобранцы даже шрапнель от гранаты толком отличить не умеют, огонь косит их, как траву, потому что они боязливо прислушиваются к завыванию не столь опасных "тяжелых чемоданов", ложащихся далеко позади, но не слышат тихого, вкрадчивого свиста маленьких вредных штучек, осколки которых разлетаются над самой землей. Они толпятся, как бараны, вместо того чтобы разбегаться в разные стороны, и даже после того, как их ранило, вражеские летчики еще добивают их, стреляя по ним, как по зайцам... На одного убитого бывалого солдата приходится пять-десять погибших новобранцев»[1].

Для того чтобы выжить в бою и уничтожить врага, в хаосе визуальных и звуковых эффектов глаза, уши, нос настоящего бойца должны видеть общую логику боя, высматривать, подслушивать, вынюхивать его главные элементы.

Важнейшим условием достижения победы над врагом является его своевременное обнаружение и создание затруднений в обнаружении им своих войск. Эффективно действовать на поле боя можно, лишь существенно затруднив ведение огня неприятелю, сделав его неэффективным или исключив полностью.

Учитывая это, противоборствующие стороны предпринимают исчерпывающие меры для нарушения процессов ощущений и восприятий противника: укрываются за непрозрачные и дымовые преграды (противник не видит или плохо видит, куда стреляет, не может точно прицелиться,

[1] *Ремарк Э. М.* На западном фронте без перемен. Три товарища. Триумфальная арка. М., 2003. С. 97–98.

промахивается); маскируются, сливаясь с окружающей местностью; перемещаются по полю боя короткими перебежками, попадая в поле зрения противника не более, чем на 3 с; в ночное время ослепляют друг друга ярким светом и лазерами; воздействуют непереносимыми по силе раздражителями на слух и обоняние противника; осуществляют тактику снайперского террора, когда снайпер не позволяет не только вести целенаправленно наблюдение, но и высунуть голову из окопа и т.д.[1]

Стресс-факторы боевой обстановки ухудшают функционирование психики в бою. Они оказывают негативное влияние на точность восприятия элементов боевой обстановки, определение расстояний до целей, ориентировку на поле боя. В некоторых случаях у солдата может возникать эффект так называемого «туннельного» видения, когда его зрительное поле как будто ограничивается «трубой», вокруг которой — слепота. Участник боевых действий фиксирует лишь важные для него объекты — укрытия, маршруты движения к ним, источник опасности и т.д. Он утрачивает способность к полноценному боевому взаимодействию и к эффективным действиям.

Военнослужащий не может действовать в бою эффективно, если не обладает адекватным пространственным восприятием. Так, не оценив точно удаление рубежей, достигаемых наступающим противником в процессе боя, он не сумеет выставить правильное значение прицела на оружии и, следовательно, вести точную стрельбу. Известно, что если в мирных условиях лучшие «глазомерщики» при оценке дальности до целей допускают ошибку в 5% (на расстоянии 400 м она равна 20 м), то в боевой обстановке эта ошибка достигает 10—20% (и составляет на удалении 400 м — до 80 м). Воины с неразвитым глазомером делают еще более серьезные ошибки. Ошибки на 1—2 деления в установлении прицела в бою влечет существенное снижение точности стрельбы. Вследствие несформированности пространственного восприятия и непонимания баллистических процессов стрельбы, некоторые воины вообще не пользуются прицелами при ведении огня.

Как следствие, «стрельба в бою дает ничтожные, в смысле поражения, результаты. Разность числа попаданий на стрельбищах и в бою определяет коэффициент падения психики под влиянием боевых переживаний. Во время смятения и паники коэффициент попадания падает до нуля. Даже в рукопашной схватке оружие действует неверно»[2]. По оценкам специалистов, на одного убитого солдата во время Русско-японской войны приходилось 2500—5000 пуль. В Первую мировую войну эффективность стрельбы составляла 3—5%. В годы Второй мировой войны, чтобы убить одного противника, расходовалось примерно 10000 пуль. В локальных военных конфликтах XX в. — 50000 пуль. И, как отмечалось выше, во время войны во Вьетнаме на каждую пораженную американскими солдатами цель приходилось 200000—400000 выстрелов[3]. Причиной этому является не только

---

[1] *Маркин А. В.* Основы тактической подготовки современного солдата. М., 2006. С. 24—26.

[2] Душа армии: русская военная эмиграция о морально-психологических основах российских Вооруженных сил. М., 1997. С. 184.

[3] См.: *Казаринов О. И.* Неизвестные лики войны: между жизнью и смертью. М., 2005; *Макнаб К.* Психологическая подготовка подразделений специального назначения. М., 2002; *Хаханьян Г. Д.* Основы военной психологии. М. : Л., 1929.

низкая стрелковая подготовка, но, прежде всего, страх, нарушающий процессы восприятия боевой обстановки.

Приведенные факты говорят о том, что развитие у воинов необходимых для боя ощущений и восприятий является важнейшей задачей командиров и военных психологов. Для этого на занятиях по боевой подготовке вопросы обнаружения замаскированного противника, определения дальностей до целей, выставление правильного прицела, а главное, изменение его установок в процессе сближения с противником, должны тренироваться отдельно.

Учитывая это, командованием Сибирского военного округа во время первой антитеррористической кампании в Чеченской Республике были внесены существенные изменения в контрольное упражнение стрельб из автомата. Например, при выполнении упражнения обучающемуся запрещалось перемещение до тех пор, пока не обнаружен и не поражен пулемет «противника», ведь в реальном бою об этом даже думать нельзя. Стреляющему запретили открывать огонь с места падения и производить без смены позиции более двух выстрелов, так как третью очередь на войне не позволяет сделать обнаруживший воина снайпер противника. Упражнение обязательно выполняется вдвоем, в том числе и из-за спины товарища, что дает возможность реально вырабатывать необходимые в бою навыки тактико-огневого взаимодействия. Запретили совершать перебежки, длящиеся более 5—6 с и с малой скоростью, предписали выполнять упражнение с полной выкладкой. На учебном поле воспроизводились шумовые эффекты боя, слышались крики раненых, были разбросаны муляжи трупов с кровью и вывернутыми наружу внутренностями. Перед отправкой в зону боевых действий все подразделения проходили этап боевого слаживания, отрабатывали тактические приемы боевых действий в городе, в окружении, в засаде и др. Не случайно уровень подготовки «сибиряков» высоко оценили не только командование федеральных сил, но и противник[1].

Военнослужащие спецподразделений при наблюдении за полем боя учитывают действие следующих закономерностей восприятия:

— чем ближе расстояние, тем яснее и резче кажется объект;

— более крупные объекты кажутся ближе мелких, находящихся на том же расстоянии;

— предмет более яркой окраски кажется ближе, чем предмет темного цвета;

— ярко освещенные предметы кажутся ближе слабо освещенных, находящихся на том же расстоянии;

— во время тумана, дождя, в сумерки, пасмурные дни, при насыщенности воздуха пылью наблюдаемые предметы кажутся дальше, чем в ясные и солнечные дни;

— чем резче разница в окраске предмета и фона, тем ближе они кажутся;

— предметы на ровной местности кажутся ближе, чем на холмистой местности;

---

[1] См.: *Караяни А. Г.* Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей Сухопутных войск в локальных военных конфликтах : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1998.

— при наблюдении лежа, предметы кажутся ближе, чем стоя.

Следует также учитывать, что визуальное восприятие боевой обстановки может ухудшаться вследствие боевой работы оружия и техники. Например, частички сгоревшего пороха, вылетающие из ствола пулемета, марево над разогретым стволом пулемета создают на некоторое время своеобразную маску, непроницаемую для взгляда стреляющего. Поэтому пулеметчик должен работать с напарником, помогающим ему более точно воспринимать элементы боевой обстановки[1].

Важное *правило эффективности боевых действий* состоит в том, чтобы затруднять адекватное восприятие боевой обстановки противником. Это является главной задачей маскировки. Здесь важнейшим моментом является ликвидация разницы в расцветке и фактуры фигуры (военнослужащих, техники, строений) и окружающего фона, деформация формы маскируемых объектов за счет раскраски (камуфляжа), добавления деталей (например, веток, вплетенных в маскхалат или масксеть), расположение объектов в тени, синхронизация движений объекта с движением окружающих элементов среды, исключение блеска и бликов, снижение звуковых и запаховых коррелятов деятельности войск.

Особенности ночного зрения. Современный бой требует от воинов владения приемами эффективного наблюдения в ночное время. Для этого глаза должны быть адаптированы к темноте. Адаптация к темноте приобретает особое значение в боевой обстановке для деятельности разведчиков, военнослужащих, выполняющих боевые задачи в секретах, дозорах, органах наблюдения, в дежурных сменах и др.

Известно, что глаз человека отличается высоким развитием нервных элементов, совершенной оптической системой и разнообразными мышечными устройствами, позволяющими производить поворот глаз и настройку их оптического аппарата. Это дает человеку возможность фиксировать огромный диапазон видимых световых раздражителей, интенсивность которых может различаться в сотни тысяч раз. Сетчатка глаза имеет сложное строение. Она состоит из нескольких слоев нервных клеток, заканчивающихся концевым аппаратом: колбочками и палочками, которые и представляют собой рецепторы света. Колбочки и палочки различным образом реагируют на разную интенсивность света. Первые обладают более низкой чувствительностью и представляют собой аппарат дневного света, позволяющий различать цвета (их в сетчатке 7 млн). Вторые отличаются высокой чувствительностью к слабым интенсивностям света и являются аппаратами ночного зрения (их насчитывается в сетчатке около 130 млн).

Повышение световой чувствительности глаз по мере пребывания в темноте получило название *темновой адаптации*. Установлено, что темновая адаптация начинается с момента погружения глаз в темноту. Нарастание световой чувствительности происходит непрерывно в течение всего времени пребывания в темноте и стабилизируется через 60—80 мин. Особенно интенсивно адаптация происходит в первые 15—30 мин. А это значит, что военнослужащий, выйдя из помещения с ярким освещением в неосвещен-

---

[1] *Маркин А. В.* Основы тактической подготовки современного солдата. С. 142.

ное пространство (например, на пост, позицию наблюдения и т.п.), в течение значительного времени не способен вести эффективное наблюдение за происходящими вокруг событиями.

Познание ***закономерностей ночного видения*** позволяет существенно ускорить время темновой адаптации глаз, повысить их чувствительность к свету. Каковы же эти закономерности?

Во-первых, колбочки и палочки как рецепторы света распределены по сетчатке глаза неравномерно. Первые расположены в центре, вторые — на периферии. Отсюда следует, что для обнаружения малозаметных объектов в ночное время их лучше рассматривать периферической частью сетчатки.

Во-вторых, колбочки и палочки заметно отличаются по степени чувствительности к свету с различной длиной волн. Так, глаз, адаптированный к темноте, наиболее чувствителен к длинам волн порядка 511 миллимикрон и относительно нечувствителен к длинам волн, превышающим 620 миллимикрон.

Глаз «дневного зрения» максимально чувствителен к длинам волн порядка 554 миллимикрон. Это означает, что при ночном зрении глаз максимально чувствителен к синему цвету и относительно не чувствителен к красному. Говоря другими словами, объекты синего цвета ночью мгновенно обнаруживаются человеком, но при этом возможна темновая дезадаптация глаз (т.е. снижение их чувствительности к свету, «засветка»).

Поэтому желательно, чтобы дежурное освещение в казармах и помещениях, где отдыхают караульные перед заступлением на посты, было красного света. Еще до Второй мировой войны были сконструированы плотно прилегающие красные очки, которые не пропускали лучей длиной волны меньше 620 миллимикрон, но через которые проходило достаточно света для функционирования колбочкового зрения. В таких очках воин мог находиться в хорошо освещенном помещении и одновременно полностью адаптироваться к темноте. Это позволяло практически исключить этап темновой адаптации глаз непосредственно в ходе выполнения боевой задачи и мгновенно включаться в деятельность.

В-третьих, выявлена закономерность дезадаптации глаз человека к темноте. Так, засветка адаптировавшегося к темноте глаза в течение 5 с снижает его чувствительность на 8—10 мин. На это же время снижается своевременность и дальность обнаружения объектов.

Следовательно, на постах, которые освещены лишь частично, часовые в течение длительного времени остаются практически слепыми. «Слепота» максимальна тогда, когда часовой погружается в темноту сразу после преодоления освещенного участка.

В-четвертых, установлена закономерность функционирования симпатической нервной системы человека, проявляющаяся в том, что возбуждение одной из систем симпатической иннервации влечет за собой возбуждение прочих симпатических систем. Исходя из этого факта, группа ученых Института психологии под руководством К. Х. Кекчеева в 1941—1946 гг. исследовала способы улучшения ночного зрения военнослужащих (разведчиков, диверсантов, наблюдателей, часовых). Были выделены так назы-

ваемые «физиологические стимуляторы», позволяющие в короткое время значительно повысить световую чувствительность глаз. К таким стимуляторам были отнесены: а) форсированное дыхание (углубленное, резкое дыхание, начинающееся с полного выдоха); б) термические раздражители (обтирание лица холодной водой, холодный компресс на затылок); в) вкусовые раздражители (прием небольшого количества вкусной пищи — 10 г сахара или сладкие таблетки); г) легкая мышечная работа (простейшие гимнастические упражнения). Проведенные эксперименты до сих пор считаются классическими, а полученные результаты — актуальными. Они свидетельствуют о том, что применение физиологических стимуляторов позволяет повысить чувствительность ночного зрения и слуха на 40—50%. Время темновой адаптации глаз сокращается с 40—50 мин до 4—5 мин, т.е. зрительная чувствительность возрастает в 10 раз быстрее, чем при темновой адаптации без применения стимуляторов. При этом однократное их применение обеспечивает повышение чувствительности на 1—1,5 ч, многократное — на 2—3 ч. Одновременно названные стимуляторы являются надежным и эффективным средством снятия утомления в области кинестетической и сенсорной деятельности.

В других опытах, также ориентированных на нужды сражающейся армии и осуществляемых под руководством Л. А. Шварц, большие сдвиги зрительной чувствительности достигались посредством эмоционально-волевого усилия. Оказалось, что при использовании специальных инструкций, требующих определенного уровня чувствительности в установленные сроки, она находилась на 470—845% по сравнению с исходной. Здесь психологическими механизмами изменения показателей чувствительности выступают убеждение (самоубеждение), внушение (самовнушение), настрой. Выявлено также стимулирующее влияние на остроту ночного зрения различного рода приятных раздражителей. Так, например, после употребления небольшого количества вкусной пищи (сахар) чувствительность ночного зрения возрастает на 210%, при прослушивании приятной музыки — на 240%. И, напротив, при прослушивании грустной музыки чувствительность к свету снижается на 60% и при употреблении горькой пищи — на 50%.

Приведенные данные позволяют военнослужащим использовать обширный арсенал средств для решения следующих практических задач:

— резкое сокращение или устранение периода адаптации органов зрения к темноте;

— повышение световой чувствительности глаз;

— сохранение достигнутой светочувствительности в течение длительного времени;

— предупреждение темновой дезадаптации глаз.

Психологи и опытные боевые специалисты рекомендуют, ведя наблюдение ночью, не сосредоточивать внимание на формах, а следить за силуэтами, сочетая зрительное наблюдение с использованием различных органов чувств.

Учитывая то, что человеческий глаз ночью не может долго фокусироваться на объекте, выстрел по противнику нужно делать быстро, иначе его контуры расплывутся. Поэтому же необходимо наблюдать за объектом

не прямым, а боковым зрением. Лучшим способом наблюдения за объектом ночью — совершение глазами движения вокруг него в форме горизонтальной восьмерки. Пристально и долго всматриваться в темноту не следует; чтобы не утомлять зрение рекомендуется периодически закрывать глаза на 5—10 с. Надо учитывать, что освещенные искусственным источником света объекты кажутся ближе, чем в действительности, а темные кажутся меньшими по размеру и более удаленными. Наблюдение лучше вести сидя.

Если нужно вести наблюдение за противником, находящимся ночью вокруг костра, днем со стороны солнца, или на фоне блестящего снега, эффективнее делать это через дырочку в картонке или пуговице[1].

При ведении боевых действий ночью солдат должен использовать все органы чувств. Особую роль в ночной ориентировке играет *обоняние*. С этой целью применяется следующая методика активизации обоняния в ночных условиях: солдат становится под углом 45° к направлению ветра, расслабляется, дышит ровно, а затем делает быстрые и частые выдохи. Услышав посторонний звук, он поворачивает голову из стороны в сторону, пытаясь определить точное направление источника звука. Звуки, воспринимаемые спереди и сбоку, могут ввести в заблуждение, если отсутствует иная чувственная информация. Именно поэтому, определяя направление, следует поворачивать голову. В целях усиления естественных возможностей слухового анализатора рекомендуется использовать: вкопанное наполовину в землю бревно, верхняя часть которого используется как своеобразный наушник; фляжка (бутылка) с водой, вкопанная в землю по уровню воды с вставленной в нее палкой; стойка на одной ноге с открытым ртом и др. В целях обеспечения безопасного наблюдения за противником в бою используют зеркальце с ручкой, перископы, снятые с боевой техники приборы наблюдения[2].

Опыт ведения боевых действий показывает, что у хорошо подготовленного к бою воина органы чувств должны быть высокочувствительными, хорошо настроенными «приборами» дневного и ночного видения, своеобразными локаторами, мгновенно и на дальних расстояниях обнаруживающими хорошо замаскированного противника, точно определяющими расстояния до боевых целей, правильно оценивающими результативность применения оружия.

В боевой обстановке у солдат проявляется особое состояние психики, как бы появляется новый орган чувств, предназначенный специально для восприятия боя. Это не зрение, не слух, не вкус, а что-то иное, необъяснимое, непонятное для самих участников войны.

Из литературы

Это ощущение можно проследить в следующей мысли одного из героев романа Э. М. Ремарка.

«Наши лица не стали бледнее или краснее обычного; нет в них и особенного напряжения или безразличия, но все же они сейчас не такие, как всегда. Мы чувствуем,

---

[1] *Маркин А. В.* Основы тактической подготовки современного солдата. С. 142, 148.

[2] См.: *Макнаб К.* Психологическая подготовка подразделений специального назначения; *Маркин А. В.* Основы тактической подготовки современного солдата. С. 142, 148.

что у нас в крови включен какой-то контакт. Это не пустые слова; это действительно так. Фронт, сознание, что ты на фронте, — вот что заставляет срабатывать этот контакт. В то мгновение, когда раздается свист первых снарядов, когда выстрелы начинают рвать воздух, в наших жилах, в наших руках, в наших глазах вдруг появляется ощущение сосредоточенного ожидания, настороженности, обостренной чуткости, удивительной восприимчивости всех органов чувств. Все тело разом приходит в состояние полной готовности»[1].

Формировать у воинов такой «орган» восприятия войны — важная задача военного психолога и командира любого ранга.

Для командира подразделения, воинской части, соединения очень важным является *восприятие пространства и времени*. Например, А. В. Суворов говорил, что деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, а время дороже всего: одна минута решает исход баталии, один час — исход кампании, один день — судьбу войны.

Современному командиру бригады в обороне необходимо вести наблюдение за полем боя, которое существенно превышает по своим размерам поле Бородинского сражения (оно составляло 8 × 4 км). В наступлении он должен отслеживать события, которые развиваются с темпом, в два-три раза превышающим темп наступления в годы Великой Отечественной войны. Учитывая, что скорость совершения марша с того времени возросла с 3—4 км/ч до 25—30 км/ч и более, движение бригады в неправильном направлении в течение 30 мин, уведет его в сторону более чем на 15 км[2].

Внимание как психологический ресурс. Без устойчивого, способного к произвольному распределению внимания не может эффективно выполнить задачу ни снайпер, ни разведчик, не оператор войск ПВО.

В боевой обстановке внимание военнослужащего существенно снижается. Причины этому разные.

Во-первых, отсутствие мотивации держать во внимании важнейшие элементы боевого противодействия. При перемещении под огнем противника солдаты редко смотрят в сторону противника: они стараются скрыть свое лицо, как будто не желая «смотреть опасности в глаза». Ввиду этого бывает трудно ориентировать движение в пространстве. Во время обороны отмечается такой вид стрельбы: боец, скрывшись в окопе весь и высунув часть оружия, стреляет «на ветер»[3].

Во-вторых, у воина может нарушаться способность к концентрации внимания, наступать временная амнезия (воин забывает, что нужно делать, в какой последовательности и т.д.), ложная идиотия (когда солдат не может произвести простые вычисления, логически связать элементарные события) и т.д.

В-третьих, отмечаются повышение чувствительности и ориентированности внимания на стимулы боевой обстановки, которые могут быть потен-

---

[1] См.: *Ремарк Э. М.* На западном фронте без перемен. Три товарища. Триумфальная арка. С. 55

[2] *Шрамченко А. Ф.* Вопросы психологии в управлении войсками. М., 1973. С. 10, 13.

[3] *Хаханьян Г. Д.* Основы военной психологии. С. 194, 195.

циально опасными. При этом игнорируются малозначительные раздражители или обстоятельства, требующие дополнительных психических затрат[1].

Опытный воин способен мгновенно сортировать раздражители по признакам «опасный — безопасный», «важный — неважный», «свой — чужой».

Однако бой — это в значительной мере психологическое противоборство, в котором противники стремятся отвлечь внимание друг друга от главного и сосредоточить на второстепенных обстоятельствах. На этом основаны многие приемы военной хитрости и маскировки.

Уроки войны

Тяжелый урок необходимости быть внимательными в бою мы вынесли из боевых действий в Афганистане. Учитывая слабое развитие у наших командиров и солдат «дисциплины внимания», противник в течение довольно длительного времени использовал следующий тактический прием. При входе наших войск в ущелье, по ним делалось несколько демонстративно громких выстрелов из крупнокалиберного орудия. Одновременно звучало несколько взрывов, сопровождающихся грохотом и дымом. В приборы наблюдения наши военнослужащие видели вдали противника, который, судя по всему, занимал боевые позиции. Как правило, по нему тут же открывался огонь из всех видов оружия, большинство из которых просто не было рассчитано на такую дальность стрельбы. Противник оставался практически невредимым, а наши военнослужащие один за другим падали, сраженные пулями врага. Причем попадания были в основном в голову и в грудь. Иногда пули пробивали тело и дважды бронежилет.

Был период, когда у наших солдат и офицеров возникли неуверенность в собственных силах, недоверие к своему оружию и идеализация оружия и меткости стрельбы противника. Это длилось до тех пор, пока не была раскрыта хитрость врага. Оказалось, что, приковав внимание наших воинов громкими шумами, обнаружив себя и вызвав беспорядочную шквальную стрельбу в свою сторону, противник отвлекал внимание от снайперов, которые располагались в нескольких сотнях метров от входа в ущелье в хорошо замаскированных лисьих норах. Они из винтовок, снабженных приспособлениями для бесшумной и беспламенной стрельбы, вели смертельный огонь практически в упор.

Усваивая подобные уроки, военные психологи и командиры должны постоянно заботиться о развитии у военнослужащих общих качеств внимания и внимательности, а также тех, которые в большей степени востребуются их боевой специальностью.

Память воина как психологический ресурс. Память является тем психическим процессом, который делает возможной и целесообразной боевую и психологическую подготовку военнослужащих. Без надежной памяти даже самые детальные ощущения, восприятие боевой обстановки и хорошо отлаженное внимание оказываются бессмысленными, потому что полученная информация будет постоянно утрачиваться. Без быстро работающей памяти невозможно вспомнить необходимые данные о противнике и своих войсках, характеристики оружия и боевой техники, сигналы боевого управления, порядок действий в экстремальной ситуации боя и т.д. Без развитой памяти трудно усваивать основы боевого мастерства, обретать боевой опыт, стать настоящей личностью.

---

[1] *Литвинцев С. В., Снедков Е. В., Резник А. М.* Боевая психическая травма. С. 135.

Память — запоминание, сохранение и последующее воспроизведение индивидом его опыта. Запоминание информации связано с накоплением индивидуального опыта в процессе жизнедеятельности. Использование в дальнейшей деятельности того, что запомнилось, требует воспроизведения. Выпадение информации из деятельности ведет к ее забыванию. Сохранение материала в памяти зависит от его участия в деятельности личности, поскольку в каждый данный момент поведение человека определяется всем его жизненным опытом.

Виды памяти выделяются по следующим основаниям:

— по характеру психической активности, преобладающей в деятельности, память делят на двигательную, эмоциональную, образную и словесно-логическую;

— характеру целей деятельности — на непроизвольную и произвольную;

— продолжительности закрепления и сохранения материала — на кратковременную, долговременную и оперативную.

В разных видах боевой деятельности преобладают различные виды психической активности: моторная, эмоциональная, сенсорная, интеллектуальная. Каждый из этих видов активности выражается в движениях, чувствах, образах, мыслях. Обслуживающие их специфические виды памяти — двигательная, эмоциональная, образная и словесно-логическая.

При сильном стрессе логическая память дает сбои и практически единственным подспорьем солдату является мышечная память. Поэтому перед началом боевых действий необходимо обязательно проигрывать предстоящие боевые действия на карте, на ящике с песком (с наложением масштабной сетки, использованием макетов строений, фигурок солдат и т.д.) и неоднократным «проигрышем в холостую» («в сухую») порядка боевых действий на местности. При подготовке к выполнению тяжелых заданий необходимо готовить аналоги боевых позиций противника и отрабатывать атаку на них. Таким образом, у военнослужащих будет сформирована двигательная память. В боевой обстановке использование стандартных приемов действий, основанных на двигательной памяти существенно сокращает срок на отдачу распоряжения и их выполнение, снижает неразбериху боя и психическую нагрузку на солдата, повышая эффективность его действий в целом[1].

Многие военачальники отличались выдающейся памятью. Так, А. В. Суворов до конца жизни помнил по имени многих своих ветеранов, факты многих своих сражений, а также военных кампаний разных исторических эпох. Уникальной памятью обладал Наполеон Бонапарт. Его память обладала великолепной избирательностью: она удерживала только то, что нужно для боя. Выдающийся российский психолог Б. М. Теплов, исследовавший психологические особенности личности Наполеона, писал о нем: «Он помнил иногда мельчайшие индивидуальные особенности отдельных солдат потому, что эти особенности были для него в высшей степени важны, и знание их было ему необходимо. Он помнил номера частей, участвовавших в том или ином сражении, не потому, что обладал

[1] *Маркин А. В.* Основы тактической подготовки современного солдата. С. 36.

способностью запоминать всякие вообще числа, а потому, что у него было такое отношение к своим войскам, как у "любовника к своей возлюбленной". Достойным удивления у Наполеона является не столько сила памяти сама по себе, сколько обилие тех сведений, которые являлись для него "необходимыми", выступали перед ним как существенные, глубоко захватывали и интересовали его. Умение видеть важное и существенное в том, что большинству кажется недостойным внимания, — вот что прежде всего обусловливало богатство памяти Наполеона»[1].

Командир должен учитывать возможность сбоев в работе собственной памяти и памяти своих подчиненных. Среди наиболее серьезных расстройств памяти — амнезия, гипермнезия, гипомнезия, парамнезия.

Амнезии — нарушения памяти, связанные с неспособностью запоминать новую или вспоминать ранее известную информацию.

Гипермнезия — чрезмерная память, выходящая за пределы нормы, вызывающая перегрузку сознания информацией.

Гипомнезия — память, не позволяющая запоминать необходимый для активной деятельности объем информации.

Парамнезии — нарушения памяти, при которых люди «узнают» ранее невиденное, «перемешивают» воспоминаемые события «во времени», «в пространстве», «в лицах».

Человек может забывать факты, которые реально имели место, и «вспоминать» события, которых не было.

Сегодня разработано множество методик развития памяти и мнемотехник, позволяющих запоминать большие объемы необходимой информации. Военные психологи и командиры должны постоянно заботиться о развитии своих мнемических способностей и качеств памяти военнослужащих, определяющих боеспособность воинского подразделения (разведчиков, снайперов и т.д.).

Ресурсный потенциал мышления и воображения воинов. Современный бой в значительной степени — противоборство типов, стилей, качеств мышления и воображения противоборствующих сторон. Чем более логично, гибко, нестандартно, комплексно, оперативно мышление, чем более объемно, детально, эвристично воображение командиров, боевых специалистов, всех воинов, тем большим психологическим ресурсом они владеют для эффективного решения сложных и нестандартных задач.

Мышление — психический процесс опосредствованного и обобщенного отражения действительности в ходе ее анализа и синтеза, неразрывно связанный с речью.

Формы мышления — понятия, суждения и умозаключения.

Процессы мышления — анализ, синтез и обобщение. Анализ — это выделение в объекте тех или иных его сторон, элементов, свойств, связей, отношений, расчленение познаваемого объекта на различные компоненты. Синтез — объединение выделенных анализом компонентов целого. В про-

[1] *Теплов Б. М.* Ум полководца. М., 1990. С. 80—81.

цессе синтеза происходит соединение, соотнесение тех элементов, на которые был расчленен познаваемый объект. Анализ и синтез всегда взаимосвязаны. В ходе обобщения в сравниваемых предметах — в результате их анализа — выделяется нечто общее.

Виды мышления — наглядно-действенное, наглядно-образное, отвлеченное (теоретическое) и практическое мышление.

Индивидуальные особенности мышления — самостоятельность, гибкость, быстрота мысли. Самостоятельность мышления проявляется в умении увидеть и поставить новый вопрос, новую проблему и затем решить их своими силами. Гибкость мышления заключается в умении изменять намеченный вначале план решения задач, если он не удовлетворяет тем условиям проблемы, которые постепенно вычленяются в ходе ее решения и которые не удалось учесть с самого начала. Быстрота мысли особенно нужна в тех случаях, когда от человека требуется принимать определенные решения в очень короткий срок (например, во время боя).

Воображение — это необходимый элемент творческой деятельности человека, выражающийся в построении образа продукта деятельности и обеспечивающий создание программы поведения в тех случаях, когда проблемная ситуация характеризуется неопределенностью.

Воображение работает, когда неопределенность ситуации весьма велика.

Боевые специалисты подчеркивают, что «на войне не бывает репетиций, когда можно сыграть сперва для пробы, а потом так, как надо». Бой сразу пишется набело. Поэтому здесь, как ни в какой другой сфере, актуально «семь раз отмерить и только один раз отрезать». Ведь резать приходится по человеческим жизням и судьбам.

Только развитое мышление и воображение позволяют командиру и солдату объединить разрозненные факты ощущений, восприятия, памяти в целостную картину боевых событий. Мышление позволяет обнаруживать скрытые, глубинные, существенные связи и отношения между фактами, событиями, явлениями боевых действий. Оно, например, дает возможность видеть за разной частотой залпов батарей противника разные его намерения: изнурение, подавление, уничтожение, провоцирование на ответный огонь для выявления огневых позиций наших войск, для истощения их боекомплекта.

Лишь натренированное мышление способно обнаружить за очевидными на первый взгляд фактами ухищрения противника, ошибки в расчетах, случайное стечение обстоятельств. По взглядам военных специалистов различных стран, командиры должны навязывать противоположной стороне ложное видение обстановки, принуждать ее к ведению боевых действий в невыгодных для нее условиях. Это достигается путем проведения комплекса мероприятий, позволяющих, с одной стороны, нарушать процесс принятия решения противником, а с другой стороны, обрабатывать информацию эффективнее и быстрее, чем это способен делать командир противника. Не случайно в копилке боевого опыта зафиксирована своеобразная формула «Удивить — значит победить».

В армии США действует «правило трех», согласно которому солдат должен взвесить три возможных варианта принятия решения, выбрать оптимальный путь и претворить его в жизнь. Одновременно с этим существует правило, выраженное в акрониме «KISS» («поцелуй»), который расшифровывается «*Keep it simple, Stupid!*» («Будь попроще, тупица!»). Совместное использование этих правил требует от военнослужащего принимать простые решения на основе выбора из трех альтернативных[1].

Под воздействием боевых стрессоров снижаются качества логического и абстрактного мышления. Так, в перерывах между боями у военнослужащих может ухудшаться способность к умственной работе, требующей длительного напряжения внимания, точности, усидчивости, воспроизведения приобретенных в прошлом знаний. В часы отдыха отмечаются своеобразные состояния «бездумья» или, наоборот, вереницы всплывающих, помимо воли, воспоминаний, сопровождающихся острым ощущением тревоги. В начальный период участия в боевых действиях окружающее может восприниматься не вполне реальным, происходящим как будто во сне или в кинофильме, нередко с элементами уже виденного и пережитого, чувством замедления течения времени, ложными узнаваниями впервые встречаемых лиц[2].

Опыт боевых действий показывает, что на войне востребуется *наглядно-действенное* (встроенное в процесс деятельности) и *практическое мышление*, «прокачивающее» любое событие через матрицу его тактического значения. Например, для выявления боевых позиций противника, его психологического и боевого истощения часто применяются огонь на подавление, разведки боем, ложные атаки и т.д. Противник заманивается на ведение полноценного ответного огня. Задача военнослужащего состоит в том, чтобы раскрыть замысел противника, не открывать ответного на неэффективный огонь, не ориентированный на подавление. Для этого необходимо уметь оценивать виды огня. Не случайно Н. Коупленд подчеркивал, что на войне «практическая сметка в десять раз ценнее абстрактного ума. Абстрактный мыслитель знает, что делать, зато сметливый человек знает, как сделать»[3].

Американский специалист по боевой и психологической подготовке Р. Ригг отмечает: «Солдат должен усвоить, что сохранить жизнь и добиться успеха легче, сделав бросок вперед на 50 м, чем укрывшись за большим камнем»[4]. На это обстоятельство указывал в начале прошлого века В. Н. Полянский, выявивший *феномен «притяжения укрытий»*. Военные специалисты подчеркивают необходимость формировать у солдат установку избегать использования в бою слишком очевидных и легко доступных укрытий. За такими укрытиями, как правило, происходит «скучивание» военнослужащих. Противник чаще всего заранее пристреливает, либо минирует их, превращая в своеобразные «ловушки», которые поэтому

---

[1] *Макнаб К.* Психологическая подготовка подразделений специального назначения. С. 143.

[2] *Литвинцев С. В., Снедков Е. В., Резник А. М.* Боевая психическая травма. С. 36.

[3] *Коупленд Н.* Психология и солдат. М., 1991. С. 89.

[4] *Ригг Р.* Боевая подготовка войск. М., 1956. С. 16.

называют «гнездами для вражеских снарядов». Кроме этого, противник может специально создавать ложные укрытия, удобные для их последующего уничтожения различными видами оружия[1].

Специалист по тактике общевойскового боя А. В. Маркин отмечает, что действие в бою опытного солдата отличается тем, что он постоянно мыслит. Так, планируя перемещение от укрытия к укрытию, он просчитывает имеющееся у него время на перебежку до первого прицельного выстрела противника. Для этого он мысленно складывает время, требующееся противнику на обнаружение начала перебежки, вскидывание оружия, прицеливание и производство выстрела, полет пули до цели и сравнивает полученный результат со временем, необходимым для безопасной перебежки. Когда расчеты произвести сложно, солдат должен исходить из того, что, в среднем, на производство прицельного выстрела необходимо около 5 с. Следовательно, на перемещение от укрытия к укрытию необходимо тратить не более 3 с. Для этого солдат обучается делать перебежки с одновременным произнесением формулы: «(Я) встал — он — меня — увидел — вниз»[2].

Оценивая вид огня, солдат выбирает тип перемещения по полю боя. Так, при одиночном снайперском огне целесообразно перебегать «зигзагами», а при автоматно-пулеметном огне — по кратчайшим прямым направлениям.

Еще более высокие требования предъявляются к практическому мышлению командира, военачальника. Отечественный психолог Б. М. Теплов в своей известной книге «Ум полководца» показал, что в основе практического мышления командира лежат хорошо развитая избирательная память, способность «читать» местность, чувство времени, любознательность, прочный запас знаний и развитая интуиция, сопряженные с мощной волей[3].

5.2. Ресурсные эмоционально-волевые состояния и чувства воинов

Эмоции — особый класс психических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями и мотивами, отражающих в форме непосредственного переживания (удовлетворения, радости, страха, удивления и т.д.) значимость действующих на человека стимулов и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности.

Чувства — устойчивые эмоциональные отношения к явлениям действительности, отражающие значение этих явлений в связи с его потребностями и мотивами; высший продукт развития эмоциональных процессов в общественных условиях.

Палитра эмоциональных состояний участников боевых действий весьма широка и далеко не исчерпывается переживаниями, связанными с боевыми событиями.

«Боец — живой человек. Он грустит о жизни, о любви, он ждет ласки и нежности любимой, чудного лепета маленького, забавного карапузика

---

[1] *Маркин А. В.* Основы тактической подготовки современного солдата. С. 67.

[2] Там же. С. 68.

[3] *Теплов Б. М.* Ум полководца. С. 147—196.

сына или кудрявой малюсенькой дочки — он муж, он отец. Он трепещет от радости боевого подвига, радости любви, радости отцовского чувства, восхищается красотой природы, нежно любит вдыхать приятный аромат цветов. Приятно ощущает тепло яркого, солнечного сияющего дня. Он с любовью смотрит в голубое безоблачное или звездное ночью небо. Это жизнь. Он живой человек. Он плачет, и плачет горько, опуская в могилу тело убитого боевого товарища. Он злится, нервничает, грустит, печалится, обижается на невнимательность близких людей, друзей и хороших товарищей. Он устает физически и духовно: в голову лезут разные мысли, которые мешают, кусают, пристают, сверлят, точат, пилят и назойливо трут до крови, тяжело давят на тело и душу»[1].

Любовь, дружба, радость, счастье, удовлетворение, удивление, презрение, ненависть, злость, гнев, ярость, страх, отчаяние, бессилие — эти и другие чувства в боевой обстановке могут проявляться сильнее, чем в мирное время.

Вместе с тем эмоции и чувства, связанные с переживанием хода и исхода боевых действий, взаимоотношений с боевыми товарищами, командирами, являются центральными в эмоциональной сфере солдат и офицеров.

Из литературы

Очень ярко и образно описывает эмоциональные «пружины» боевой активности воина Б. Момышулы.

Смелость — есть сочетание расчета действия с риском.

Ловкость — есть результат строго последовательного воспитания (тренировки) ума, быстроты мышления, дисциплинированного тела, послушных мускулов для молниеносного действия.

Лихость — есть сочетание ловкости со смелостью.

Мужество — не дар природы, а результат воинского воспитания, сознательного принуждения себя идти на опасность для выполнения долга, ограждая себя от всего, собственную честь и благородное достоинство гражданина от чувства стыда, низости и позора, соревнуясь с подобными себе в благородстве, равенстве, разделить не только благо жизни целого коллектива, но и опасность, стремление обезопасить себя и соотечественников путем наибольшего истребления врага, беспощадного мщения за зло, за смерть смертью, за кровь кровью.

Воинская доблесть — самоотверженная решимость одержать победу, не считаясь ни с чем. Воинская доблесть слагается из дисциплины и мужества, умения, здоровья, силы, бодрости[2].

По замечанию К. фон Клаузевица, если в ответ на опасность не появляется страх, значит он уравновешивается мужеством. Мужество не является актом рассудка, является чувством сродни страху; последний направлен на физическое самосохранение, а мужество — на моральное[3].

Храбрость есть высшее исполнение долга, доведенное до полного самопожертвования. Как трусость, так и храбрость бывают разнообразны и многогранны. Бывает храбрость разумная и храбрость безумная. Хра-

[1] *Момышулы Б.* Психология войны. Алматы, 1996. С. 26.

[2] Там же. С. 53.

[3] *Клаузевиц К.* О войне : в 2 т. М., 1941. Т. 1. С. 142.

бросость экстаза атаки, боя, влечения, пьяная храбрость и храбрость, основанная на точном расчете и напряжении всех умственных и физических сил. Бывает храбрость отчаяния, храбрость, вызванная страхом смерти или ранения, или страхом испытать позор неисполнения долга[1].

Установлено, что на фоне длительного напряжения, внутренней настороженности и повышения эмоциональной чувствительности у участников боевых действий может отмечаться сужение диапазона эмоциональных проявлений, изменчивость настроения с полярными проявлениями (экстаз и дискомфорт), экзальтированностью общения, экспрессивным выражением чувств и готовностью к импульсивным вспышкам раздражения и переключению на стереотипное выполнение привычных в боевой обстановке действий[2].

В боевых условиях человеческая психика «обнажается», начинает «работать» на предельных режимах, в каждую секунду может произойти ее «слом». «Война и только война вызывает... страшное и совместное напряжение всех духовных сторон человека...»[3]

Специалисты выделяют следующие ***виды эмоционального реагирования*** на действие боевых стресс-факторов:

— эмоциональное возбуждение — сигнальная реакция нервной системы на различные психогенные воздействия;

— эмоциональное напряжение — эмоционально окрашенное волевое усилие, направленное на решение какой-либо мыслительной или двигательной задачи;

— эмоциональная напряженность — временное понижение устойчивости психических и психомоторных процессов и падение работоспособности, вызванные негативными, иногда чрезмерными психогенными воздействиями[4].

Очевидно, что выделенные формы эмоционального реагирования по существу являются эмоциональными компонентами стрессовых реакций военнослужащего на стресс-факторы боя. В содержательном плане негативные эмоциональные проявления чаще всего в боевой обстановке проявляются в различных формах страха.

Страх и воинский долг. Клаузевиц отмечал, что стихия, в которой протекает военная деятельность, — это опасность. Непосредственным отражением опасности является желание избежать ее, а при неисполнимости последнего — страх и ужас.

Неверное истолкование опасности или осознание ее неизбежных негативных последствий порождают страх. Страх — одна из сильнейших эмоций. Опытные воины знают, что даже храбрейшим приходится считаться с этим мучительным чувством. Особенно это чувство сказывается в первом бою.

---

[1] *Краснов П. Н.* Душа армии: очерки по военной психологии. М., 1998. С. 58.

[2] *Литвинцев С. В., Снедков Е. В., Резник А. М.* Боевая психическая травма. С. 134.

[3] *Головин Н. Н.* Предисловие // *Краснов П.* Душа армии: очерки по военной психологии. С. 5–6.

[4] Военная психология / под ред. А. Г. Маклакова. СПб., 2004. С. 346–347.

Важность эмоции страха в комплексе переживаний участника боевых действий обусловливает необходимость его отдельного рассмотрения.

Страх представляет собой эмоцию, возникающую в состоянии угрозы биологическому или социальному существованию человека, направленную на источник реальной или мнимой опасности. Эмоция страха – полезное приобретение человека в процессе фило- и онтогенетического развития. Он служит предупреждением человеку о предстоящей опасности, позволяет мобилизовать внутренние силы и резервы для ее избегания или преодоления. Описанные в гл. 4 полезные реакции боевого стресса, в своем большинстве, запускаются благодаря страху. Без здоровой доли страха военнослужащий не может быть полноценным бойцом.

Военными психологами установлено, что страх перед неизвестным всегда изнурительнее, чем страх перед известным. Когда люди не знают, что их ожидает, им свойственно подозревать худшее. Когда же факты, какими бы ошеломляющими они ни были, известны людям, они могут противодействовать им. Но человек не может противостоять неизвестному. Поэтому на поле боя солдаты обычно чувствуют себя спокойнее после перехода противника в атаку, чем до ее начала[1].

В военной психологии давно установлено, что абсолютно бесстрашных психически здоровых людей не бывает. По оценкам американского военного психолога Э. Боринга, полученным на обширном материале боевых действий во время Второй мировой войны, около 90% военнослужащих в бою испытывают сильный страх. Офицер, принявший участие в 100 боях Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза Б. Момышулы отмечает, что чувство страха преследует бойца постоянно и в каждом бою, что страх неизбежен. Имея боевой опыт, можно только иначе пережить, легче преодолеть это чувство страха, но бесстрашного солдата в абсолютном смысле слова найти невозможно. Бесстрашие бывалого солдата – в его опыте[2].

Боринг, конкретизируя физиологические формы проявления страха, показывает, что у солдат в бою страх проявляется в таких соматических коррелятах, как: учащение сердцебиения (86%), ощущение тошноты в желудке (75%), волнение (59%), дрожь и подергивание (56%), холодный пот (55%), напряжение стенок желудка (53%), слабость и тошнота (51%), рвота (24%), потеря контроля над выделением кала (10%), потеря контроля над выделением мочи (10%)[3].

Как было показано выше, С. Л. А. Маршалом было установлено, что в годы Второй мировой войны и войны в Корее (1950–1953) в американской армии из-за страха активное участие в боевых действия принимал лишь один военнослужащий из четырех. По содержанию переживание страха проявляется в ***виде***: страха смерти, боли, ранения, инвалидности, страха потери боеспособности и уважения сослуживцев, страха остаться на поле боя раненым и др.

---

[1] *Коупленд Н.* Психология и солдат. С. 34.

[2] *Момышулы Б.* Психология войны. С. 133.

[3] *Боринг Э.* Психология для Вооруженных Сил. Вашингтон, 1943. С. 499.

Состояние страха, как отмечают многочисленные исследователи, может варьироваться в широком *диапазоне переживаний*. Выделяют следующие ***формы страха***: испуг, тревога, боязнь, аффективный страх, индивидуальная и групповая паника. Каждая из форм страха выполняет свою функцию, имеет специфическую динамику проявления.

Испуг — это мгновенная реализация врожденной, инстинктивной программы действий в целях сохранения целостности организма в ситуации действия угрожающих раздражителей. Если бы люди не обладали этой охранительной, защитной реакцией, они погибли бы, не успев оценить грозящей опасности.

Тревога представляет собой эмоциональное состояние, возникающее в ситуации неопределенной опасности и проявляющееся в ожидании неблагоприятного развития событий. Ее нередко называют беспричинным страхом, так как она связана с неосознаваемым источником опасности.

Тревога не только сигнализирует о возможной опасности, но и побуждает воинов к поиску и конкретизации ее источников, к активному исследованию обстановки боя. Она может проявляться как ощущение беспомощности, неуверенности в себе, бессилия перед надвигающейся опасностью, преувеличение угрозы.

Состояние *боязни* представляет собой как бы опредмеченную, конкретизированную тревогу и является реакцией на непосредственную опасность.

Аффективный страх (животный ужас) — самый сильный страх, вызываемый чрезвычайно опасными, сложными обстоятельствами, парализующий на какое-то время способность к произвольным действиям.

У каждого человека существует индивидуальный предел психического напряжения, после которого начинают преобладать защитные реакции: камуфляжа (попытки спрятаться, замаскироваться), стремление уклониться от опасности, покинуть угрожающую обстановку, как бы уменьшиться в размерах, заняв эмбриональную позу. Испытывая аффективный страх, воин или «цепенеет», не может сдвинуться с места, или бежит, нередко в сторону источника опасности. Переживание сильного страха ведет к значительной переоценке реальной опасности. Эта закономерность отражена в знаменитой суворовской формуле «У страха глаза велики».

Из литературы

Показывая драматическую борьбу между страхом и воинским долгом в душе участника боевых действий, Б. Момышулы пишет:

«Опасность в бою из мнимой становится реальной, посредственной близостью — смерть окружает, наступает, атакует на каждом шагу сто, тысячи раз. Рядом падают товарищи, свистят тысячи пуль, воют, жужжат разными голосами мины, снаряды, шлепнувшись о преграду, с сильным треском лопаются, со свистом разбрызгивая на стороны бесформенные осколки разной величины, режущие, калечащие, убивающие все то, что встречается на пути, острием и скоростью своей, поднимая взрывом своим громадный столб черного, густого дыма взрывчатки в смеси с землей, грязью, щепками и разорванными в клочья телами жертв, превращая мясо и кости в окровавленные кусочки, кровь в пыль, оставляя глубокую воронку в земле. Поле, воздух — все, все дышит смертью. Проходит час — 60 минут, в минуте 60 секунд, в секунду — тысячи смертей, им приходится ползать, идти, бежать. Небывалый кри-

тический момент в жизни: чувство страха и чувство долга дерутся, царапаются, рвут друг на друге волосы — самые свирепые звери неспособны так жестоко бороться, как эти два чувства: "Ты погиб, твоя молодая жизнь пропала, тебя сейчас убьют или искалечат, изуродуют навсегда, твое тело разорвут в клочья и никому не найти и не похоронить".

"Спасайся, прячься, бежим, бежим скорее, бежим..." — говорит чувство страха, тянет, сильно тянет назад, или со свинцовой тяжестью прижимает к земле, или хватает за подол шинели — не пускает вперед. Руки бессильно опускаются, палец отказывается нажать на спусковой крючок, зрачки расширяются, чуть не выходя из орбит, глаза боятся не только целиться, но и смотреть. Ноги подкашиваются, колени дрожат. Легкие хватают воздух, задыхаясь неравномерным потоком, захлебываются. Сердце усиленно-учащенно колотится в груди, всасывая кровь вовнутрь, оставляя поверхность мертвецки-бледной, полотняно-белой. Нервы туго натянуты, как струны, — это говорит: бежим, бежим без оглядки, спасаться.

"Ты человек! Ты гражданин! У тебя есть чувство стыда, позора, низости — у тебя есть благородная личная гордость твоей семьи, гордость твоей нации — чувство долга. Ты не один, не тебе одному эта участь, рядом с тобой твои соотечественники, твои товарищи по оружию, и они не хуже тебя, и они тоже хотят жить, как и ты. Неужели из-за одного тебя твою семью, твоих родителей, твой народ будут другие считать трусливыми душонками! Не накладывай на себя, на семью, на народ клеймо позора, чтобы другие не говорили, что у них слово Родина только на языке, а не в сердце. Не делай, чтобы они стеснялись произносить твое имя и проклинали тебя навеки.

Подумай! Если побежишь, то покроешь себя и свое поколение позором и проклятьем — все и всё отрекутся от тебя: отрекутся от тебя отец и мать, как от изменника, и будут стыдиться смотреть в глаза соседям. Отречется жена и с горечью будет вспоминать тот несчастный день, когда решилась стать твоей женой. Отрекутся дети — милые дети твои — и будут они самыми несчастными из всех несчастных. Они будут стесняться носить твое имя и будут скрывать, кто был их отец. Отрекутся товарищи, земляки, с которыми ты не хочешь поделить горечь, трудности, опасность. Если тебя поймают, то расстреляют как предателя, изменника, предадут справедливому позору, твоей кровью смоют позор коллектива. Расстрелянный будешь валяться без чести, без совести, как падаль-дохлятина. Подумай, бегство — не спасение, это страшнее смерти.

Тебе никто жизнь дарить не будет, иди, завоевывай сам. Имей честь. Набирайся мужества: хочешь — убей тех, кто пришел убить тебя и твоих товарищей, тогда будешь жив. Товарища спасешь — слава и честь тебе. Героем назовут тебя — все гордиться будут тобою. Быть может, станешь калекой — это лучше, чем быть калекой совести, презренным всеми. Быть может, погибнешь, выполняя свой долг, — вечная память и слава, скажут тебе, с гордостью вспоминать будут. Мужайся! Вперед!" — приказывает чувство долга, благородство.

Бесстрашие и трусость — есть результат борьбы страха с долгом. Страх преодолевается принуждением вообще... Прежде всего, принуждением внутренним, тем, что мы называем психологией личности... и принуждением внешним, т.е. общественным воздействием»[1].

На фоне страха в боевой обстановке может развиться психоневротическая установка. Самая незначительная из них — желание быть раненым, радость по поводу ранения, избавляющего бойца от дальнейших боевых невзгод. Не менее вредные последствия боевого стресса — нозофилия, представляющая собой стремление к болезни и сопротивление лечению, симуляция заболеваний, членовредительство. В это нелегко поверить,

[1] *Момышулы Б.* Психология войны. С. 18, 19.

но страх быть убитым толкает участников боевых действий к самоубийству, причем самыми изощренными, гораздо более «брутальными» способами, чем смерть от пули. Так, во время Первой мировой войны совершили самоубийство около 5000 германских солдат.

Сегодня хорошо известно, что заранее готовых фило- и онтогенетических программ, способных обеспечить человеку адаптивный ответ на влияние боевых стресс-факторов, не существует. Лишь с накоплением личного боевого опыта у участника войны повышается устойчивость к стресс-факторам войны. Поэтому фактор страха должен учитываться командирами как реальность боевых действий. Задача психолога состоит в том, чтобы информировать командиров и всех военнослужащих о психологической природе страха, закономерностях его проявления, причинах живучести и мерах по преодолению.

Боевой опыт содержит следующие рекомендации, касающиеся предупреждения и преодоления страха. Страх снижают: знание ситуации, навык, действие, спокойствие и самообладание, юмор, пребывание среди товарищей, знание статистики (ранений, излечений, боли и т.д.), религиозная вера, вера в справедливость войны, хорошее физическое состояние, лояльность, знание природы страха[1].

Военные психологи, командиры, все офицеры должны понять, что боеспособность армии зависит преимущественно от эффективности методов, с помощью которых сдерживается инстинкт страха. Знание природы страха, динамики его проявления, условий возникновения групповой паники позволяет командирам целесообразно планировать боевые действия, дифференцированно подходить к расстановке людей и распределению боевых задач, прогнозировать реакции и поведение военнослужащих в бою, разрабатывать и осуществлять экспресс-программы предупреждения и преодоления негативных психических состояний военнослужащих.

Эффективная боевая деятельность немыслима без действенной мотивации и достаточного волевого напряжения. Именно действенная мотивация и волевое напряжение способны побороть страх на поле боя.

Мотив — материальный или идеальный предмет, который побуждает и направляет на себя деятельность или поступок и ради которого осуществляется.

Мотивация боевая — система побуждений и стимулов, детерминирующих и направляющих боевую активность воина.

Воля — это сознательная организация и саморегуляция человеком своей деятельности и поведения, направленная на преодоление трудностей при достижении поставленных целей; особая форма активности личности, особый вид организации ее поведения, определяемого поставленной ею самой целью.

---

[1] *Боринг Э.* Психология для Вооруженных Сил. С. 503—506.

Все, что человек делает в боевой обстановке, обусловлено неким усредненным вектором его мотивации. Немотивированных поступков не бывает, бывает неосознаваемая мотивация. Без мотивации невозможны ни подвиг, ни трусость.

М. И. Дьяченко выделял три *группы мотивов* активных боевых действий: широкие социальные, коллективно-групповые, индивидуально-личностные мотивы.

Доказано, что при приобретении боевыми действиями затяжного характера, в преимущественном положении оказывается та сторона, которой удается сохранить действие *широких социальных мотивов*. Сознание бессмысленности войны понижает психическую устойчивость и сопротивляемость стрессу. Когда у солдата нет идеалов, его поведение зависит от его побуждений. Но когда целая система идеалов овладевает его душой, когда он сам сознает, что за эти идеалы нельзя не бороться, тогда воля начинает контролировать его поведение. Ничтожные идеалы не могут быть источником энтузиазма. Чем величественнее идеалы и чем труднее их достигнуть, с тем большим рвением солдаты будут стремиться достичь их[1].

Однако исследования показывают, что «высокое моральное состояние не может быть целиком объяснено тем, что в минуту опасности каждый солдат и офицер отождествляют свои цели и цели всей нации... Это противоречит тому состоянию напряженности нервно-психической сферы, которое неизбежно возникает в условиях боя. В этот момент диапазон мыслей и чувств человека сужается так же, как и его поле зрения, когда он видит только ближайшее укрытие. И если у него нет органического чувства солидарности с бойцами, находящимися в непосредственной близости от него, и если он не захвачен их импульсом, то никакие мысли об идеалах своей страны и раздумья о любви к жене и детям не смогут удержать его от того, чтобы не ринуться в ближайшее укрытие». «Когда огненный шквал обрушивается на войска, ничто не удержит человека от бегства во имя спасения своей жизни, кроме личной чести и достоинства, кроме чувства *ответственности по отношению к своим ближайшим товарищам*, кроме боязни прослыть трусом, боязни навсегда потерять доверие и уважение людей»[2].

Таким образом, именно *коллективно-групповые мотивы* боевой активности оказываются наиболее действенными в боевой обстановке. В этом отношении можно говорить о том, что коллектив является наиболее мощным мотиватором боевой активности. Свидетельством этому являются многие боевые события времен Великой Отечественной войны и последующих локальных конфликтов, в которых отношения ответственной зависимости, коллективизма, боевого товарищества помогали нашим воинам проявлять массовый героизм и самопожертвование.

Не случайно американское военное руководство, учитывая формируемую у американцев индивидуалистическую психологию, на протяжении последних десятилетий стремятся сформировать в воинских подразделениях и частях систему «боевого товарищества». Для этого воинские кол-

---

[1] *Коупленд Н.* Психология и солдат. С. 81.

[2] Современная буржуазная военная психология. М., 1964. С. 192.

лективы формируются выходцам из одних и тех же штатов, создаются условия для активного общения воинов в перерывах между боевыми действиями. В полевых условиях организуются солдатские и офицерские кафе, проводятся спортивные соревнования, конкурсы художественной самодеятельности. Однако, как показывает изучение, преодолеть формируемую у американцев с рождения индивидуалистскую стратегию поведения оказывается непросто.

Действенными мотивами боевого поведения являются и *индивидуально-личностные побуждения*. Так, во время Великой Отечественной войны высокую эффективность показало боевое соревнование «Личный счет мести». Оно проводилось между воинами различных боевых специальностей (летчиками, танкистами, артиллеристами, снайперами и др.). Победителями соревнования становились воины, уничтожившие больше живой силы и техники противника.

Многие герои войны проявляли высочайшее мужество и самопожертвование, чтобы, защищая Родину от врага, помогая боевым товарищам в бою, получить высшее признание советского народа и государства. Яркими примерами такого высокого стремления были наши выдающиеся воздушные асы трижды Герои Советского Союза Кожедуб Иван Никитович (совершил 330 боевых вылетов, провел 120 воздушных боев, лично сбил 62 самолета противника) и Покрышкин Александр Иванович (совершил 600 боевых вылетов, провел 156 воздушных боев, сбил 59 самолетов противника), асы-танкисты Герои Советского Союза Лавриненко Дмитрий Федорович (уничтожил 52 танка и несколько орудий противника в 28 боях) и Бочковский Владимир Александрович (уничтожил 36 танков противника), ас-снайпер Сурков Михаил Ильич — самый эффективный снайпер войны (на его счету — 702 фашиста) и многие другие. Звезды на боевых самолетах, танках и орудиях, зарубки на прикладах винтовок были показателями личных достижений воинов в боевой работе.

Как правило, боевое поведение воинов определяется одновременно мотивами разных уровней. Военные психологи должны обучать командиров подразделений, как использовать широкие социальные, коллективно-групповые и индивидуально-личностные мотивы для побуждения воинов к активным боевым действиям, а всех военнослужащих — методам волевой закалки, приемам волевой самомобилизации.

Системное понимание субъекта боевой деятельности («военнослужащий — в боевой среде — в процессе боевой деятельности») позволяет трактовать ***волю*** как динамическое, ситуативное, полидетерминированное образование — психологический ресурс, проявляющийся в способности преднамеренно восполнять дефицит мотивации, мобилизованности и регуляции поведения военнослужащего и локализуемый как во внутреннем, психическом пространстве личности, так и на границе ее взаимодействия с окружающей социальной и деятельностной средой.

«Ресурсное» понимание воли позволяет психологу и командирам подразделений активно влиять на волевое поведение военнослужащих, воздействуя на их личные качества, осуществляя перестановку военнослужащих по этапам выполнения боевой задачи, формируя общий волевой настрой

коллектива и ставя людей в ситуацию, побуждающую к проявлению решительности, выдержки, настойчивости.

Таким образом, индивидуально-психологические и личностные качества воинов могут стать важнейшим психологическим ресурсом, обеспечивающим успешное решение сложных боевых задач и выживание в условиях действия многообразных стресс-факторов современного боя. Умножать персональный психологический ресурс воина — значит формировать эффективного бойца, побуждающего себя к активной деятельности, преодолевающего сложные препятствия, регулирующего свои чувства и состояния, способного побеждать умного и коварного врага.

Рекомендуемая литература

Военная психология : учебник / под ред. А. Г. Маклакова. — СПб. : Питер, 2004.

Караяни, А. Г. Введение в профессию военного психолога / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — М. : Академия, 2007.

Коупленд, Н. Психология и солдат / Н. Коупленд. — М., 1991.

Момышулы, Б. Психология войны / Б. Момышулы. — Алматы : Казахстан, 1996.

Ремарк, Э. М. На западном фронте без перемен. Три товарища. Триумфальная арка / Э. М. Ремарк. — М. : Пушкинская библиотека, 2003.

ГЛАВА 6
ВОИНСКИЙ КОЛЛЕКТИВ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС БОЕВОЙ АКТИВНОСТИ ВОИНА

История войн свидетельствует о том, что один умело действующий солдат — есть уже серьезная преграда для противника. Однако самой грозной силой на пути врага является хорошо сплоченный, слаженный в боевом отношении воинский коллектив.

Блестящий военный мыслитель и эмпирический военный психолог французский боевой офицер Ардан дю Пик в середине XIX в. прозорливо отмечал, что современный бой для доблестного его ведения требует более тесной, чем когда-либо, нравственной связи и солидарности. Солидарность, — по мнению дю Пика, — это первая и высшая сила армии. Однако солидарность, доверие не являются внезапно; они могут появиться только при взаимном знакомстве, порождающем вопрос чести, дающем единство, — отсюда, в свою очередь, является чувство силы, внушающее смелость подвергаться опасности, в уверенности преодолеть ее, — смелость, т.е. господство воли над инстинктом, бóльшая или меньшая продолжительность которой дает победу или поражение. Итак, только солидарность дает бойцов[1].

6.1. Особенности проявления групповой психологии в условиях боевой деятельности

Сегодня с полным основанием можно сказать, что коллектив является важнейшим трансформатором и стабилизатором всех внешних воздействий на воина и внутренней его активности. Коллектив — лучший мотиватор боевой активности и лучший терапевт для воинов. Поэтому сплочение воинского коллектива, превращение его в единодействующий боевой организм — первейшее условие боевой эффективности воинского подразделения. Для того чтобы преодолеть чувство одиночества, возникающее у солдат в бою, купировать страх остаться на поле боя раненым, без поддержки товарищей, в армиях многих государств предпринимаются беспрецедентные усилия. В рамках программ «Солдат XXI века», реализуемых во многих армиях мира, основной упор делается на преодоление у воинов чувства одиночества на поле боя, совершенствования системы связи между ними, создание эффекта постоянного взаимного присутствия сослуживцев и т.д.

[1] См.: *Ардан дю Пик Ш.* Исследование боя в древние и новейшие времена. Варшава, 1902.

Воинский коллектив — совокупность объединенных единой целью (решением боевых задач) военнослужащих воинского подразделения, взаимоотношения которых строятся на основе взаимного доверия, взаимопомощи и взаимовыручки.

Воинский коллектив может эффективно функционировать лишь в том случае, если в нем доминируют общие представления о том, как следует вести себя в бою и в мирное время, чтó является критерием чести, достоинства, порядочности, коллективизма, трусости, предательства и т.д. (*внутригрупповые нормы*), неформальные *лидеры* подразделения нацелены на повышение его боевой эффективности и сплоченности, действует система боевых *традиций* («сам погибай, а товарища выручай» и т.д.) и внутригрупповых *санкций* по отношению к лицам, допускающим отклоняющееся поведение.

Важнейшими психологическими характеристиками воинского коллектива, влияющими на эффективность его деятельности в боевой обстановке, являются психологическая совместимость и сплоченность военнослужащих.

Психологическая совместимость военнослужащих — сочетание психологических качеств военнослужащих, позволяющих им бесконфликтно участвовать в совместной боевой деятельности.

Сплоченность воинского коллектива — такая степень интеллектуального, эмоционального и волевого единства коллектива, которая позволяет ему успешно решать боевые задачи, целесообразно используя психологические возможности всех военнослужащих.

Специалисты отмечают, что у командира много самых разных обязанностей, однако главная из них — воспитание и установление дружбы бойцов и укрепление товарищеских уз, спайка подразделения. Сила воинской части — в боевой дружбе, товарищеской спайке. Искусство боевого управления состоит в поддержании высокого боевого настроя у подчиненных[1]. «Когда в подразделении укрепляется чувство общего подъема, оно, воздействуя центробежно, начинает оказывать свое влияние на каждого, может превратить в хороших солдат даже самых ненадежных людей»[2].

Одним из самых негативных переживаний на войне является ощущение одиночества и страх остаться одному на поле боя раненым. Элиминации этого страха способствует боевой воинский коллектив, организованный на принципах психологической совместимости, коллективизма и боевого товарищества. Сплоченность коллектива выступает своеобразным основанием для поддержания высокой психологической устойчивости и активности отдельных военнослужащих. Анализ боевых действий наших войск в Афганистане, Чеченской Республике, агрессивных войн Израиля

[1] См.: *Момышулы Б.* Психология войны.

[2] Современная буржуазная военная психология. С. 147.

на Ближнем Востоке, англо-аргентинского военного конфликта из-за Фолклендских островов, агрессии США в Ираке и Афганистане показал, что отделения, экипажи, расчеты, состоящие из хорошо знавших друг друга военнослужащих (родственников, земляков и т.д.), проявляли бóльшую активность, инициативу, стойкость. Изучая эту закономерность, немецкий военный психолог Е. Динтер подчеркивает, что страх потерять доверие группы, оказаться в моральной изоляции из-за трусости действует сильнее всего, позволяет совершать смелые поступки.

Подчеркивая огромное значение внутриколлективных психологических скреп для эффективности совместной боевой деятельности, А. дю Пик полтора столетия назад писал: «Техническое воспитание солдата не составляет труднейшего пункта. Уметь владеть своим оружием, содержать его в порядке, уметь ходить направо и налево, вперед и назад по команде, с ранцем на спине, все это необходимо, но не создает солдата. Вандейцы плохо знали все это, но были отличными солдатами. Сознание дисциплины, уважение к начальникам, вера в них, вера в товарищей, опасение, чтобы они не могли упрекнуть его, что он покинул их в опасности, стремление идти, куда идут другие, не менее смело, как и они, одним словом, товарищеский дух, — вот что создает солдата, борца, способного повиноваться и управляться в деле»[1].

Один из крупнейших военных специалистов в области морального духа войск армии США С. Л. А. Маршалл, исследуя психологические механизмы боевой активности военнослужащих в годы Второй мировой войны, отмечал, что высокие идеи патриотизма, любви к ближним, стремление к справедливости в бою «свертываются» и манифестируются в виде коллективизма[2].

Американские военные психологи часто трактуют боевой дух как гордость за подразделение. Главным в групповой сплоченности считается желание каждого отдельного члена соответствовать нормам данной группы. Оценивая роль сплоченности для эффективности боевых действий, специалисты подчеркивают, что именно ее отсутствие явилось одной из причин поражения американских войск во Вьетнаме.

Исходя из такого понимания сплоченности воинского подразделения, во время корейского конфликта было выстрадано решение не направлять неэффективных солдат в госпитали для психиатрического обследования. Вместо этого акцент был сделан на усиление чувства групповой сплоченности и коллективной ответственности, благодаря чему удалось сохранить от срыва многих военнослужащих.

Военные психологи и командиры подразделений должны уделять достаточное внимание комплектованию мелких подразделений (экипаж, расчет) с учетом психологической совместимости военнослужащих.

Принято выделять ***три уровня совместимости людей***:

— психологический (совместимость темпераментов);

---

[1] См.: *Ардан дю Пик Ш.* Исследование боя в древние и новейшие времена.

[2] См.: *Маршалл С. Л. А.* Американцы в бою // Офицер вооруженных сил : пер. с англ. Вашингтон, 1991.

— профессиональный (совместимость представлений о воинской деятельности);

— ценностно-ориентационный (непротиворечивость ценностных ориентаций военнослужащих).

На ***психологическом уровне*** совместимость военнослужащих определяется в первую очередь совместимостью их темпераментов. Известно, что темперамент отражает тип приспособления человека к окружающему миру, характер и интенсивность его реакций на происходящие события, различную степень открытости для общения с сослуживцами и др. Следовательно, чем более «подходящими» окажутся темпераменты воинов, тем больше шансов у их носителей для лучшего взаимопонимания и взаимодействия.

Специалисты выделяют *три уровня совместимости темпераментов*: высокий, средний и низкий. Высокий уровень совместимости характерен для пар, которые в психологическом отношении взаимно дополняют друг друга: холерик — флегматик; сангвиник — меланхолик. Здесь, например, «взрывчатость» холерика компенсируется спокойствием, психологической «толстокожестью» флегматика, а пониженный тон настроения меланхолика нейтрализуется жизнерадостностью сангвиника.

Средним уровнем совместимости отличаются пары: холерик — меланхолик, меланхолик — флегматик, флегматик — сангвиник, сангвиник — холерик.

Для пары сангвиник — холерик характерно постоянное напряжение из-за выяснения вопросов о том, кто из них главный и кто должен выполнить грязную или тяжелую работу. Пару холерик — меланхолик отличают резкие перепады активности (от кипучей деятельности до полной пассивности) и эмоциональная нестабильность. В паре меланхолик — флегматик проявляются отчужденность друг от друга и отсутствие какой бы то ни было инициативы. Для пары флегматик — сангвиник характерен дефицит взаимного интереса, понимания друг друга, сочувствия и поддержки.

Низким уровнем совместимости отличаются военнослужащие, обладающие одинаковыми типами темперамента. В таких группах постоянно ощущается дефицит в одном случае спокойствия (в паре холерик — холерик), в другом — взаимного уважения, сочувствия и последовательности (в группе сангвиников), в третьем — бодрости к активности (у меланхоликов), в четвертом — инициативы и творчества (у флегматиков).

Идеалом ***профессиональной совместимости*** является воинское подразделение, состоящее из профессионалов высокого класса, одинаково представляющих способы взаимодействия, имеющие общий алгоритм совместного решения боевых задач и т.п. Достичь такой совместимости одновременно во многих, а тем более во всех воинских, коллективах невозможно. Поэтому необходимо добиться хотя бы того, чтобы экипажи, расчеты, отделения не укомплектовывались исключительно неопытными, необстрелянными воинами. Целесообразно, чтобы в них сочетались опытные, бывалые и неопытные военнослужащие. Первые, в этом случае, будут выступать своеобразными центрами сплочения, арбитрами в разрешении конфликтов, эталонами межличностных отношений, источниками опыта деятельности и уверенности в успешном решении предстоящих задач.

В дальнейшем профессиональная совместимость в значительной степени будет определяться тем, насколько близкими окажутся представления военнослужащих о целях, способах, пространственно-временных характеристиках, динамике, последовательности совместных действии, о том, кто, что, с кем, где, когда и как должен делать в той или иной ситуации.

Совместимость ценностных ориентаций отражает отсутствие у военнослужащих подразделения непримиримых противоречий в оценке социальной значимости и характера совместно осуществляемой деятельности (военных действий) и других важных для коллектива и его членов событий. В одно подразделение не целесообразно назначать воинов — представителей этнических, конфессиональных, неформальных, политических и иных групп, имеющих острые противоречия и неприязнь.

Психологическая совместимость военнослужащих в мелких подразделениях должна быть взята под особый контроль психологов и командиров в период прибытия пополнения. Новым членам коллектива трудно психологически интегрироваться в боевое подразделение со сложившимися традициями, с опытом ведения боевых действий, с уже сложившейся структурой лидерства, власти, симпатий и антипатий. Особенно трудно это сделать, если молодой воин прибыл на замену погибшего или раненого бойца, выполнявшего важнейшие функции в коллективе, завоевавшего уважение боевых товарищей.

Представляя новичка коллективу, необходимо как можно ярче высветить его достоинства, полезные для коллектива качества, найти общие сферы интересов с опытными воинами, назначить опытного наставника, по возможности из числа земляков. Необходимо максимально подробно проинформировать новичка о традициях боевого коллектива, в кратчайшие сроки подготовить его к выполнению функциональных обязанностей.

В ходе локальных военных конфликтов XX в. было установлено, что персональная замена участников боевых действий приводит к тому, что имеет место постоянное нарушение сплоченности воинских коллективов, разрушение отношений ответственной зависимости между военнослужащими, снижение эффективности управления подчиненными со стороны командиров. Это ведет к существенному снижению боевых возможностей воинских подразделений. В связи с этим было предложено осуществлять ротацию целых подразделений. Целью предложенной программы является обеспечение постоянного нахождения военнослужащих в одном и том же полку, расположенном в одном и том же месте до конца службы в армии. Это, по мнению специалистов, особенно важно для локальных военных конфликтов.

В случае, когда в подразделение вливается сразу несколько новых членов, целесообразно использовать процедуры группового тренинга (тренинга командообразования) для быстрого всестороннего знакомства военнослужащих, установления эмоциональных связей между ними, ускорения процессов коллективообразования.

Поддержание сплоченности боевого коллектива на оптимальном уровне в условиях боевой обстановки — задача непростая. Как показано в исследованиях, стрессовая симптоматика, распространяясь на коллективную пси-

хологию, порождает ряд серьезных социально-психологических проблем. Главными такими проблемами являются: высокий уровень дезертирства и самовольное оставление части; утрата солдатами способности к взаимодействию, ослабление дисциплины; отказ выполнять команды офицеров (выраженное неповиновение); безответственное отношение к поставленной задаче; небрежное отношение к собственной внешности (расхлябанность); споры и драки между солдатами; халатное отношение к службе и неуважение традиций подразделения; моральная деградация; многочисленные жалобы на физические недомогания (головную боль, простуду, боль в желудке, особенно перед началом боевых действий)[1].

Особенно опасной реакцией военнослужащих на боевые стресс-факторы является *групповая паника*, представляющая собой состояние страха, овладевшего одновременно группой военнослужащих, распространяющегося и нарастающего в процессе взаимного заражения и сопровождающегося потерей способности к рациональной оценке обстановки, мобилизации внутренних резервов, целесообразной совместной деятельности. Боевая обстановка создает благодатную почву для развития панических настроений. Этому способствуют внезапные, неожиданные действия противника, его мощные огневые удары, психологическое, психотронное, психотропное воздействие, чрезмерная усталость, перенапряжение военнослужащих, распространение деморализующих слухов, настроений при отсутствии официальной информации и др.

Катализаторами паники выступают паникеры — военнослужащие с истерическими чертами личности, повышенным самомнением, ложной уверенностью в целесообразности своих действий, обладающие высокой психосоматической проводимостью, выразительными движениями и гипнотической силой криков. Они способны в короткое время «инфицировать» паническими настроениями большие массы людей и полностью дезорганизовать их деятельность[2]. Крупный военный руководитель в годы Первой мировой войны и Белого движения, генерал П. Н. Краснов писал: «Как ни велика в бою действительная опасность, опытный солдат с нею справится. Гораздо страшнее, гораздо больше влияет на него опасность воображаемая. Опасность, ему внушенная. Когда части перемешались, когда они обратились в толпу, они становятся импульсивны, податливы ко внушению, к навязчивой идее, податливы до галлюцинаций. Глупый крик: "Наших бьют", или еще хуже — "Обошли", и части, еще державшиеся, еще шедшие вперед, поворачивают и бегут назад. Начинается паника»[3].

В групповой панике можно выделить: неожиданное общее смятение с мгновенной утратой боеспособности; потерю воли к борьбе и бегство от действительной или мнимой опасности; прекращение взаимодействия, временный кризис морально-психологической устойчивости подразделения.

Не случайно в последнее время в армиях ведущих государств мира большое внимание уделяется созданию в воинских подразделениях «системы

---

[1] *Макнаб К.* Психологическая подготовка подразделений специального назначения. С. 53.

[2] См.: *Александровский Ю. А.* Пограничные психические расстройства. М., 1991.

[3] *Краснов П. Н.* Душа армии: очерки по военной психологии. М., 1998. С. 95.

товарищеской поддержки», когда члены экипажей (расчетов, групп) наблюдают за появлением у сослуживцев симптомов нервного напряжения и оказывают друг другу неотложную психологическую помощь. Считается, что уверенность в сослуживцах, в том, что они придут на помощь в нужный момент, является важным условием решительных и самоотверженных боевых действий каждого солдата. По этому поводу К. Макнаб отмечает: «Едва ли не самым важным считается предоставление пострадавшему возможности высказать свою тревогу внимательному и чуткому собеседнику. Американские военные психологи называют этот прием "проветриванием" ("промыванием мозгов"). Важнейшим условием такой психологической поддержки является умение слушать. Слушатель должен убедить рассказчика в необходимости избавиться от всех забот и не выказывать свое безразличие. Облегчив душу доверительной беседой, травмированный солдат сможет поделиться горестями с другим человеком и перестанет чувствовать себя одиноким страдальцем»[1].

Учитывая важность боевых товарищей для поддержания здорового психологического климата в воинском подразделении, формирования уверенности каждого члена коллектива в том, что он может рассчитывать на поддержку сослуживцев в бою, не будет оставлен на произвол судьбы в случае ранения, в ряде армий мира приняты и реализуются программы подготовки и использования психологического актива.

Так, в рамках созданной в 2008 г. системы управления риском травматизации (англ. *Trauma Risk Management*, TRiM) в британской армии важнейшим элементом является структурированное общение специально подготовленных военнослужащих с теми, кто нуждается в сочувствии и психологической поддержке. Они действуют по принципу «Проблема разделенная — проблема наполовину решенная». С 2008 г. в армии Великобритании было подготовлено более 10000 специалистов по проведению подобных вспомоществующих индивидуальных и групповых дебрифингов. Такие беседы проводятся в боевой обстановке, в период передышек.

В армии США действуют специально подготовленные психологические активисты, призванные поддерживать боевое настроение сослуживцев, оказывать им дружескую поддержку в трудные минуты.

Становление коллектива нельзя пускать на самотек. Командиры подразделений при помощи военных психологов должны создавать предпосылки для формирования здоровой коллективной психологии: общественного мнения, коллективного настроения, традиций, структуры лидерства. Например, китайские военные психологи выделяют пять этапов формирования воинского коллектива.

1. *Этап механического сцепления*. На этом этапе, по их мнению, происходит процесс «самообуздания», когда члены коллектива подлаживаются под групповые требования, стремясь произвести на сослуживцев благоприятное впечатление. В это время возникают самопроизвольные связи с командиром в центре. Командир должен своим примером и мудрым руководством закрепить свое лидерское положение.

---

[1] См.: *Макнаб К.* Психологическая подготовка подразделений специального назначения.

2. *Этап органических связей.* На этом этапе происходит выбор товарищей и образование «силы сцепления», которая может быть как положительной, так и отрицательной. В это время необходимо особое внимание уделить формированию костяка воинского подразделения, преодоления землячества, которое ослабляет «силы сцепления», приводит к конфликтам. Важной задачей является усиление у военнослужащих чувства принадлежности к воинскому коллективу.

3. *Этап формирования коллективных целей.* Сам процесс выработки общих целей сплачивает военнослужащих. Китайские специалисты рекомендуют побуждать военнослужащих подавать письменные предложения по формулированию текущих и долгосрочных целей и организовывать их групповое обсуждение. В ходе групповой дискуссии отбираются важнейшие и разделяемые всеми цели и устанавливаются критерии их достижения.

4. *Этап формирования здорового общественного мнения.* Считается, что наиболее эффективно вырабатывать общественное мнение в процессе совместной деятельности. Командир призван постоянно отслеживать мнения подчиненных, выбирать наиболее продуктивные и «естественным путем» распространять их по различным каналам в солдатскую среду.

5. *Этап формирования коллективного сознания.* На этом этапе у военнослужащих формируется забота друг о друге, взаимопомощь и защита, забота о коллективе, чувство хозяина, сознательная защита коллективной чести. По достижении этого этапа военнослужащий начинает сверять свои дела и поступки с коллективом, ставить коллективные интересы выше личных, появляется чувство ответственности, чести и гордости за коллектив[1].

Опыт показывает, что воинское подразделение достигает максимума своих боевых возможностей в том случае, когда его *формальная структура*, определяемая штатной структурой, согласовывается с *неформальной структурой*, формирующейся на основе отношений симпатий-антипатий. В этом случае командиры подразделений одновременно являются неформальными лидерами, мастера военного дела — боевыми активистами, а цели совместной боевой деятельности — личными целями каждого воина. Такая гармонизация формальной и неформальной структур позволяют предотвратить развитие в подразделении круговой поруки, появление у военнослужащих целей, противоречащих деятельности коллектива.

Велика роль командира в формировании *боевого актива* — ядра воинского коллектива. Опыт участников боевых действий убедительно показывает, что для командира самое трудное — поднять людей в атаку. Однако стоит подняться только одному смельчаку, и поднимется вся рота. Следовательно, инициатива — вожак смелости. Тому, кто первым поднялся в атаку, несмотря на смертельную опасность, все обязаны успехом, которого добилась рота. Может быть, он в этой атаке никого и не убьет, но он поднялся первый, и его надо за это наградить, так как дело не в том, сколько врагов он заколол в этой атаке, а в том, что он показал пример, поднимаясь первым, тем самым увлекая за собой остальных. Конечно, стыдно отставать

---

[1] См.: *Лю Хусун.* Военная психология : пер. с китайского. М., 1990.

от него, и остальные поднимутся и пойдут в атаку. И даже тот, кто совершил подвиг уже в атаке, также обязан первому поднявшемуся[1].

Во время Второй мировой войны было установлено, что около 39% участников боевых действий переживают пик страха преимущественно перед боем, порядка 35% — в бою и 16% — после боя[2], остальные испытывают страх либо всегда, либо всякий раз в разные периоды боя. Знание этой закономерности для военного психолога и командира означает, что последние две типологические группы можно использовать перед боем в качестве боевого психологического актива, осуществляющего психологическую поддержку, позитивное эмоциональное заражение сослуживцев, выполнение наиболее сложных задач. Первую и третью группу можно активно задействовать в качестве «стержня» психологической устойчивости воинского подразделения в бою. Первую и вторую группу следует использовать для ликвидации негативных последствий боя и оказания психологической поддержки воинам из третьей группы.

Сплоченности и слаженности воинского подразделения способствует развитие способов и средств взаимодействия в бою. Сегодня наиболее популярными способами коммуникации воинов в бою являются: 1) «метод часов»; 2) «метод пальцев»; 3) «метод расстояний от ориентира»; 4) «метод использования трассирующих пуль и ракетниц»; 5) «метод жестов»; 6) «метод придорожной графики»[3]. В германской армии традиционно используются свистки. Звук свистка настолько отличается от других звуков боя, что слышен каждому солдату. В ночное время для обеспечения эффективного взаимодействия применяются фонари со светофильтрами, веревка, «природные» звуки и др.

Особые надежды сегодня возлагаются на электронные устройства, позволяющие воинам быть осведомленными о характере действий боевых товарищей, состоянии их здоровья, об их потребности в поддержке.

Перечисленные средства позволяют снять одну из важнейших психологических проблем боя — проблему снижения эффективности средств взаимодействия, укрепляют уверенность воинов, что они все время находятся под контролем и не будут оставлены на поле боя в случае ранения.

6.2. Стихийные феномены групповой психологии как регулятор боевого поведения воинов

Среди социально-психологических «пружин» человеческой активности на поле боя важное место занимают стихийные формы групповой психологии: суеверия, обычаи, ритуалы, табу, стихийно возникающие в воинских коллективах.

Суеверие (букв. — суетное, тщетное, т.е. ложное) — предрассудок, в силу которого многое из происходящего представляется проявлением сверхъестественных сил, предзнаменованием будущего.

---

[1] См.: *Момышулы Б.* Психология войны.

[2] *Боринг Э.* Психология для Вооруженных Сил. С. 500.

[3] См.: *Маркин А. В.* Основы тактической подготовки современного солдата; *Макнаб К.* Психологическая подготовка подразделений специального назначения.

По нашему мнению, некоторые суеверия представляют собой своеобразный *квазиресурс*, расширяющий психологические возможности участника боевых действий. Они позволяют когнитивно упорядочивать, структурировать необъяснимые, непонятные события, связи между предметами и явлениями, делают жизнь в боевой обстановке более предсказуемой, требующей меньших психических затрат. Например, человек, верящий в «волшебную» силу талисмана, может спать более спокойно, не испытывать различного рода фобий, активно действовать в бою до тех пор, пока талисман с ним. И, напротив, он практически утрачивает качества бойца в случае его утери. Другие суеверия (примета, загадывание, предчувствие) могут играть деструктивную роль в мотивации боевого поведения.

Сила суеверий ярко запечатлена в известном кинофильме об афганской войне «Девятая рота». Через весь фильм лейтмотивом проходят темы с амулетом, переданным молодому воину его земляком, убывающим «на гражданку», с доставшимся по наследству от погибшего товарища пулеметом с искривленным стволом, продолжающим участвовать в боях, с кроватью погибшего товарища, которая остается нетронутой, и т.д.

Суеверия в боевой обстановке проявляются в формах ношения амулетов и талисманов, предчувствия, загадывания, табу, обязательных для исполнения обычаев, обрядов, ритуалов, молитв, заговоров, мифов, фатализма и т.п.

Амулет — предмет, носимый на теле и считаемый магическим средством против болезни, несчастья. *Талисман* — предмет, приносящий его обладателю счастье, удачу. В отличие от амулета, талисман больше ориентирован не на обережение человека, а на увеличение его радости, счастья, добра, удачи и т.д.

Амулеты и талисманы бывают оберегами от конкретных несчастий и «на все случаи жизни». В исследовании С. В. Захарика показано, что 95% опрошенных воинов-десантников верили в сохранную силу амулетов и в необходимость их ношения. Из них 58,3% заявили, что при наличии медальона они чувствуют себя более уверенно, спокойно, психологически устойчиво. Автор описывает следующие виды амулетов, которые использовались военнослужащими воздушно-десантных войск в Афганистане[1]:

— текст с молитвой, вшитый в обмундирование (как правило, у сердца);

— полихлорвиниловые трубки, прикрепляемые на запястье, в которые вкладывались кусочки материи с данными о себе;

— разряженный патрон с запиской (молитва, данные о себе и т.д.) с цепочкой, хранимый на шее или в кармане;

— браслет на запястье с выгравированными данными о группе крови и резус-факторе;

— самодельные медальоны;

— наколки на левой стороне груди, предплечье, запястье или в подмышечной впадине и др.

---

[1] *Захарик С. В.* Формирование психологической устойчивости у воинов-десантников к влиянию факторов современного боя (на основе боевых действий в Афганистане) : дис. ... канд. психол. наук. М., 1993. С. 114–118.

Обычай – традиционно установившиеся правила общественного поведения. Примером обычая, проявляющегося в форме суеверия, является существовавшее в Афганистане правило не допускать военнослужащих, подлежащих замене в ближайшие месяцы, к участию в боевых действиях. Это было связано с тем, что несколько известных боевых офицеров погибли уже тогда, когда им пришла замена. Эти офицеры хотели помочь тем, кто пришел им на смену и ввести в курс дела непосредственно на месте, в бою.

Ритуал – порядок обрядовых действий, церемониал. В боевой обстановке многие воины совершают ритуалы при подготовке к бою. При этом строго отслеживается порядок выполнения действий по подготовке оружия, снаряжения, экипировки, занятию боевой позиции, наличие одних и тех же элементов обмундирования или снаряжения, в том числе давно пришедших в негодность (например, истертая до дыр тельняшка и т.д.). У летчиков в Афганистане наблюдался следующий ритуал: перед вылетом на боевое задание необходимо было обязательно помочиться на колесо самолета.

В боевой обстановке у военнослужащих отмечаются также осуществляемые по определенному алгоритму паттерны ритуального поведения (улыбка, смех, подшучивание над собой, напевание песен из «ритуального репертуара»)[1].

Психологическая «траектория» влияния ритуалов на боевое поведение включает следующие элементы;

– отвлечение от травмирующих переживаний с помощью сосредоточения внимание на соблюдении алгоритма действий, произнесении слов, конструировании образов;

– увлечение выполняемыми действиями и перевод их из «защитных» в «созидательные»;

– эмоциональное отражение успешности выполнения созидательных действий – эмоциональное переключение.

Обряд – совокупность действий (установленных обычаем или ритуалом), в которых воплощаются какие-нибудь религиозные представления, бытовые традиции.

Особенно четко соблюдаются на войне обряды приема пополнения, убытия в отпуск, прощания с погибшими товарищами, смены подразделений на блок-постах и др.

Табу – запрет, налагаемый на какое-либо действие, слово, предмет, употребление или упоминание которых неминуемо влечет за собой социальные или «религиозно-мистические» санкции в виде наказания, болезни или смерти.

Воины-десантники в Афганистане, готовясь к боевым действия, строго соблюдали табу на фотографирование, подшивание подворотничков, написание писем домой, считали недопустимым напрашиваться на боевое задание.

Изучая подобные явления, Е. С. Сенявская выделила и классифицировала суеверия и приметы, бытовавшие во время войны в Афганистане,

---

[1] См.: *Захарик С. В.* Формирование психологической устойчивости у воинов-десантников к влиянию факторов современного боя.

заимствованные из опыта прошлых войн, частично видоизмененные и дополненные «исконно афганскими»[1]:

а) система табу (запретов) на определенные действия накануне боевых операций (не бриться, не надевать чистое белье, не дарить никому своих вещей, не разговаривать на определенные темы);

б) выполнение определенных ритуалов после возвращения с боевых операций («вернулся в часть — посмотрись в зеркало»);

в) традиции и обычаи в отношении погибших (не занимать койку, не убирать вещи и фотографию в течение 40 дней, традиционный третий тост; не носить вещи погибшего, ничего не брать с мертвых, не показывать на себе место, куда ранили другого, и т.п.);

г) хранение амулетов и талисманов (не обязательно религиозных символов, хотя часто талисманами служили ладанки и нательные крестики);

д) молитвы (не обязательно традиционные, часто — у каждого свои, самодеятельные);

е) коллективные привычки, выработанные по принципу целесообразности и в дальнейшем закрепленные традициями боевого подразделения;

ж) придание каким-либо (как правило, выходящим за рамки уставов и инструкций) рациональным действиям дополнительной мистической нагрузки-обоснования;

з) традиции, присущие определенному воинскому коллективу, часто связанные с военной специальностью.

Военные психологи и командиры призваны внимательно отслеживать суеверия, распространенные в подразделениях, поддерживать те из них, которые помогают воинам стать психологически сильнее, а коллективу сплоченнее, и бороться с деструктивными предрассудками.

6.3. Слухи в системе регуляции боевого поведения воинов

В боевой обстановке слухи рассматриваются не только как стихийное коммуникативное явление, но и как технология влияния на общественное сознание, эффективное средство информационно-психологического противоборства. Циркулирующие в воинском коллективе слухи оказывают влияние на его психологический климат, сплоченность и эффективность боевой деятельности. Слухи могут порождать широкий диапазон индивидуальных и групповых реакций военнослужащих от едва уловимого изменения настроения до групповой паники.

Учитывая тот факт, что войны нового века втягивают в свои события большие массы гражданского населения, они будут подвергаться интенсивному информационно-психологическому воздействию со стороны противоборствующих сил. Среди средств, способных взбудоражить людей, вывести их из психологического равновесия, зародить сомнения, вызвать неповиновение, поднять на мятеж, важное место занимают слухи. В связи с этим командирам воинских частей и подразделений, военным психологам

[1] *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 246—247.

необходимо внимательно отслеживать этот важнейший канал неформальной коммуникации и, по возможности, управлять им.

Слухи – это сообщение (исходящее от одного или более лиц) о некоторых событиях, еще ничем не подтвержденных, устно передающиеся в массе людей от одного человека другому. Слухи касаются важных для определенной социальной группы явлений, отвечают направленности ее потребностей и интересов[1].

Среди ***причин возникновения и живучести слухов*** наиболее значимыми являются: возможность удовлетворения с помощью слухов актуальных потребностей людей; недостаток информации, необходимой для организации деятельности по удовлетворению актуальной потребности; многомерность, субъективная неоднозначность событий.

Слухи стихийно возникают или целенаправленно фабрикуются и распространяются для удовлетворения конкретных потребностей людей. Известный специалист в области военной психологии и психологии пропаганды Э. Боринг подчеркивал, что военнослужащие повторяют слухи только тогда, когда они способствуют удовлетворению какой-либо их потребности[2].

Например, *потребность в престиже* удовлетворяется потому, что владение информацией (раньше других, либо информацией эксклюзивного характера) повышает престиж человека. В основе стремления к престижу, как считает Боринг, лежит эксгибиционизм, т.е. потребность обратить на себя внимание. Другими словами, сплетником движет обычное желание похвастаться. Поэтому распространителем слухов являются даже те люди, которые не верят в их содержание.

Сообщая другому сведения, составляющие содержание слуха, человек поднимет себя в своих глазах («Никто не знает, а я знаю!»). У окружающих создается впечатление о некоей «принятости», «вхожести» носителя эксклюзивной информации в референтные группы, формируется мнение о нем как о человеке осведомленном. В данном случае слух рассматривается в качестве товара.

Эмотивные потребности удовлетворяются слухами за счет того, что они, как правило, порождают сильные эмоции позитивной или негативной модальности. Человек, распространяющий слухи, может испытывать наслаждение, удовольствие от их содержания, от реакций на них людей. Причиной их распространения может быть личное озлобление, ненависть по отношению к конкретным людям (социальным группам).

Благодаря слухам могут разряжаться сильные негативные переживания людей (стремление «выплеснуться», «хоть немного облегчить душу»). В данном случае действует механизм проекции. Распространяя слухи, человек неосознанно выражает свои страхи, желания и враждебные чувства и надеется, что сомнения и беспокойства будут развеяны окружающими. Здесь важную роль играет стремление к получению эмоциональной

---

[1] См.: Социальная психология : краткий очерк / под ред. Г. П. Предвечного, Ю. А. Шерковина. М., 1975.

[2] *Боринг Э.* Психология для Вооруженных Сил. С. 559.

поддержки. Распространяя тревожные слухи, он надеется на их опровержение другим, что, в свою очередь, снижает его собственную тревогу. Человек получает подсознательное облегчение от того, что адресат реагирует удивлением, испугом, восхищением, благодарностью за сообщение; для усиления впечатления информация нередко «творчески» обогащается неприятными подробностями. Такой механизм особенно силен у людей, неудовлетворенных своим социально-психологическим статусом и не нашедших достойного места в жизни[1].

Познавательные потребности и интересы удовлетворяются слухами тогда, когда информация об интересующих человека о боевых и других событиях отсутствует или некачественна. Важной причиной для возникновения слухов является искажение информации при ее передаче «из уст в уста». Чем длиннее цепочка, чем большее количество людей участвует в коммуникативном процессе, тем значительнее искажаются сведения[2].

В литературе выделяются ***социально-психологические условия, побуждающие людей воспринимать слухи***. К таким обстоятельствам, прежде всего, относятся следующие[3].

1. Тревожная, напряженная, трудная обстановка, содержащая проблемы, угрозы, опасности, в которой люди ищут пути обезопасить себя и своих близких.

2. Стремление упредить и предупредить наступление неприятных событий, заблаговременно к ним подготовиться и уменьшить возможный урон, если избежать его невозможно.

3. Наличие психологического заражения, подражания, группового давления, стремления обезопасить себя вместе со всеми.

4. Уверенность в достоверности сообщения. Не зная, откуда исходит слух, люди склонны предполагать, что информация представлена из надежных источников. Это создает иллюзию достоверности сообщения и формирует эффект ложного консенсуса, т.е. уверенности в том, что слух разделяет большинство людей.

5. Психологические особенности людей, предрасполагающие к восприятию слухов. Здесь, во-первых, следует выделить высокую внушаемость части людей, их неспособность самостоятельно и критически оценить правдоподобность и обоснованность слуха. Во-вторых, особой подверженностью слухам отличаются люди чрезмерно любопытные, вечно «принюхивающиеся», прислушивающиеся к любому разговору, каким бы далеким от них он ни был. Наконец, в большей степени восприимчивыми к слухам оказываются люди, испытывающие недовольство, фрустрацию, усталость, не занятые какой-либо деятельностью, находящиеся в состоянии длительного ожидания.

6. Социально-психологические особенности групп и совместной деятельности. Отмечается, что слухи активнее распространяются в группах, в которых царят бездеятельность, однообразие, скука.

---

[1] *Столяренко А. М.* Экстремальная психопедагогика. М., 2002. С. 202.

[2] См.: *Грачев Г. В., Мельник И. К.* Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., 2002.

[3] *Столяренко А. М.* Экстремальная психопедагогика. С. 202—203.

При большом спектре причин распространения и принятия слухов главным является информационный вакуум в значимой для людей сфере, который заполняется стихийно или целенаправленной вражеской пропагандой.

Как видно из перечня факторов порождения и живучести слухов, война, боевая обстановка являются самой благоприятной почвой для их распространения.

В психологии выработан подход к **классификации слухов**. В качестве оснований для такой классификации выделяют информационную, экспрессивную[1] и результативную характеристики слухов.

По ***информационному основанию*** — это слухи достоверные и недостоверные, стихийные и фабрикуемые.

По степени достоверности слухи бывают абсолютно недостоверные, недостоверные с элементами правдоподобия, правдоподобные, достоверные с элементами неправдоподобия. Специалисты отмечают, что эффект от использования ложной информации носит кратковременный характер и, как правило, ограничивается временем осуществления пропагандистских акций в условиях дефицита информации.

По происхождению слухи могут быть спонтанно, стихийно возникающими либо умышленно фабрикуемыми, целенаправленно распространяемыми. Возможны и промежуточные разновидности. Иногда слух зарождается стихийно, но, попав на определенную почву, находит заинтересованных ревностных распространителей, готовых приукрасить информацию в соответствии со своими интересами. Бывает и наоборот, когда первоначально слух запущен умышленно, но впоследствии, попадая в стихийно действующие социально-психологические механизмы, многократно ими усиливается.

По ***экспрессивному основанию*** Ю. А. Шерковин выделяет: слухи-желания, слухи-пугала, агрессивные и разобщающие слухи[2].

Слух-желание отражает и удовлетворяет надежды, стремления людей, разочарование по поводу несбывшегося желания и деморализует людей.

Слух-пугало приводит к тревоге, неуверенности и страху среди членов определенной социальной группы.

Агрессивный слух вызывает неприязнь, ненависть к конкретным лицам или социальным группам, вносит разлад, подозрительность, взаимное недоверие во взаимоотношения людей.

Из зарубежного опыта

В одной из версий Полевого устава армии США «Психологические операции» (1988) приводился пример эффективного слуха-пугала. Во время боевых действий против филиппинских партизан было установлено, что они боятся вампиров. Специалистами психологических операций был немедленно распространен слух о том, что в лесу в месте базирования партизан появились вампиры. Для усиления слуха туда был подкинут труп противника без крови с двумя дырочками на шее. Партизаны немедленно ретировались.

---

[1] Социальная психология : краткий очерк. С. 188—189.

[2] Там же.

По ***результатам влияния на сознание и поведение людей*** выделяют слухи: 1) будоражащие общественное мнение, но не выходящие за рамки явно выраженного асоциального поведения; 2) вызывающие антиобщественное поведение известной части населения; 3) разрушающие социальные связи между людьми и выливающиеся в массовые беспорядки[1].

Слухи обращают соратников и друзей во врагов, возносят или сокрушают престиж людей, превращают в жалкую паническую толпу боеспособные полки и дивизии, порождают пессимизм и неверие в собственные силы и т.п. Так, сфабрикованный в ходе боев за Багдад (2003) слух о смерти Саддама Хусейна стал одной из основных причин резкого снижения боевого духа иракских солдат, слома их воли к сопротивлению.

Скорость распространения слухов чрезвычайно высока, поэтому слух обычно достигает эффекта «первичности» в доведении информации до аудиторий. В боевой обстановке в системе неформальной коммуникации работает так называемый «солдатский телеграф», который мгновенно передает эмоционально насыщенную, значимую информацию в самые отдаленные уголки боевых порядков войск.

В 1947 г. Г. Оллпорт и Л. Постман сформулировали «базовый закон слухов», отражающий зависимость интенсивности (количества) слухов от важности событий (вопросов) и неоднозначности сведений о них[2]. Формула, отражающая этот закон, имеет следующий вид:

$$R \sim i \cdot a,$$

где R — количество циркулирующих слухов, i — важность вопроса для заинтересованных лиц, a — неоднозначность, двусмысленность сведений, касающихся обсуждаемой темы.

Иными словами, слухи распространяются тогда, когда отражаемые в них события важны для аудитории, а полученные относительно них известия либо недостаточны, либо субъективно двусмысленны. Двусмысленность возрастает, если известия сообщены неясно, противоречиво, либо если человек не в состоянии понять полученное им сообщение. По мнению авторов, важность и двусмысленность не складываются, а перемножаются — если либо важность, либо двусмысленность равна нулю, слух не возникает.

Когда же информация, прогностически необходимая для осуществления деятельности и удовлетворения потребности отсутствует, отрицательные эмоции проявляются максимально. Эта ситуация максимально благоприятна для возникновения и распространения слухов. Острая необходимость действовать для удовлетворения потребности, с одной стороны, и отсутствие информации — с другой, делают человека неразборчивым в оценке ее источников. «Чем менее информированы люди по привлекшему их внимание событию, тем более они возбуждены эмоционально и тем менее рационально их поведение. Длительный дефицит информации вызывает

---

[1] *Китов А. И.* Личность и перестройка: заметки психолога. М., 1990. С. 175.

[2] См.: *Олпорт Г. В.* Становление личности. М., 2002.

информационный голод, при котором люди, образно говоря, заглатывают чудовищные небылицы»[1].

С учетом наиболее важных детерминант и переменных, связанных с распространением слухов, психологи разработали своеобразную квазиматематическую формулу для вычисления (прогнозирования, оценки) интенсивности их распространения[2]. Она имеет следующий вид:

$$С = \frac{И}{КС(В) \cdot ДИ},$$

где С — интенсивность циркуляции слухов, И — интерес аудитории к теме, КС — количество официальных сообщений по теме на данный момент времени В, ДИ — степень доверия к источнику официальных сообщений.

Из формулы следует, что быстрота распространения слухов прямо пропорциональна интересу аудитории к теме и обратно пропорциональна количеству официальных сообщений по данной теме и степени авторитетности источников официальной информации.

Слухи быстрее распространяются в социально однородной среде, где проявляются общие интенсивные переживания многих людей, имеющих одинаковое отношение к событиям, объектам. Поэтому специалисты по информационно-психологическим акциям, как правило, делят аудиторию на гомогенные по потребностям целевые группы. Для каждой из таких групп фабрикуется «свой» слух.

Таким образом, слухи являются средством неформальной стихийной или организованной коммуникации. Они широко используются в системе информационно-психологического противоборства. Участники боевых действий — благодатная среда для распространения слухов.

Военные психологи и командиры, зная психологическую природу и закономерности проявления слухов, призваны принимать решительные меры по профилактике и пресечению деструктивных слухов. Главным методом профилактики является своевременное и качественное информирование подчиненных о событиях, имеющих для них важное значение. Одновременно возможно распространение слухов, способствующих повышению боевого настроя воинов, сплачивающих личный состав, снимающих психологическое напряжение у людей.

Итак, воинский коллектив является важнейшим психологическим ресурсом для каждого военнослужащего. Психологический ресурс порождается рациональной расстановкой военнослужащих с учетом их психологической совместимости, боевого опыта, пиков переживания страха, возможного взаимодополнения и взаимозамены. Мощным ресурсом является пример, эмоциональное заражение и психологическая поддержка со стороны командира, актива. Продеятельностное общественное мнение, боевое коллективное настроение, традиции коллективизма, ориентированные на боевую задачу лидеры задают энергию, направленность, создают свое-

---

[1] *Китов А. И.* Личность и перестройка. С. 172.

[2] *Сухов А. Н.* Психология больших социальных групп и движений // Основы социально-психологической теории / под общ. ред. А. А. Бодалева, А. Н. Сухова. М., 1995. С. 228–245.

образные психологические «подпорки» для каждого воина, служат мерилом оценки его деятельности.

Формирование сплоченных и дееспособных воинских коллективов подразделений является важнейшей задачей командиров и военных психологов, кардинальным условием эффективного решения боевых задач.

Рекомендуемая литература

Ардан дю Пик, Ш. Исследование боя в древние и новейшие времена / Ш. Ардан дю Пик. – Варшава, 1902.

Краснов, П. Н. Душа армии: очерки по военной психологии / П. Н. Краснов ; под ред. А. С. Савинкина. – М. : Изд-во ВУ, 1998.

Макнаб, К. Психологическая подготовка подразделений специального назначения / К. Макнаб. – М., 2002.

Маркин, А. В. Основы тактической подготовки современного солдата / А. В. Маркин. – Минск : Харвест, 2006.

Момышулы, Б. Психология войны / Б. Момышулы. – Алматы : Казахстан, 1996.

Олпорт, Г. В. Становление личности/ Г. В. Олпорт. – М. : Смысл, 2002.

Сенявская, Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сенявская. – М., 1999.

Столяренко, А. М. Экстремальная психопедагогика / А. М. Столяренко. – М., 2002.

ГЛАВА 7
ПСИХОЭРГОНОМИЧЕСКИЙ РЕСУРС ВОИНА

Тезис К. Маркса о том, что «бытие определяет сознание» записан в истории войн большой кровью. Недооценка повседневного «не боевого бытия» участников боевых действий неотвратимо приводит к краху самых изощренных военных планов. Звонкие лозунги о патриотизме, воинском долге и подвиге превратятся в пустое сотрясание воздуха, если солдат не будет одет, обут, сыт, бодр. В суворовской формуле победы, среди 10 обязательных ее условий шесть связаны не с характером действий в бою, а, скорее, с военно-полевым бытом воинов: экзерциция (обучение), дисциплина (ордер воинский), чистота, здоровье, опрятность, бодрость. Изречение Наполеона «Путь к сердцу солдата лежит через желудок» — это не просто красивая фраза. Это формула, указывающая на зависимость боевого духа солдата от состояния его тела. С этой формулой трудно не согласиться, ибо «голод, недостаток сна, усталость измотанных мускулов, страдания от непогоды, от растертой обувью и снаряжением кожи, — все это часто доводит человека до полного безразличия, когда ему становится все — все равно. Человек тупеет и в этом отупении уже перестает владеть собою, не может напрягать свое внимание на то, что надо, — отдается во власть страха»[1].

В связи с этим в реализуемом нами системном подходе к пониманию субъекта боевой деятельности («военнослужащий — деятельность — среда»), быт составляет важнейший элемент целевого психологического ресурса воинов.

От качества быта, его организации во многом зависят моральный дух войск и их боеспособность. Нередко недостаточное внимание к отдельным бытовым факторам (например, нехватка теплой одежды в условиях суровой зимы или плохо налаженное водоснабжение при передвижении по пустыне) чрезвычайно негативно сказывались на ходе боевых действий или приводили к неоправданно большим потерям. Солдатский быт можно отнести к важным слагаемым победы и причинам поражения[2].

7.1. Военно-полевой быт как фактор боеспособности воинов

Военно-полевой быт — это уклад повседневной фронтовой жизни, не связанный с непосредственным решением боевых задач, включающий как удовлетворение материальных потребностей участников войны (в пище,

[1] Душа армии: русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. С. 44.

[2] *Сенявская Е. С.* Психология фронтового быта // Психология войны. М., 2003. С. 87–88.

одежде, жилище, поддержании здоровья), так и освоение духовных благ, культуры, общение, отдых, развлечения (фронтовой быт, быт воинской части, индивидуальный быт).

Военно-полевой быт — явление не отвлеченное. Он складывается и изменяется под влиянием общественных отношений в воюющем обществе, достигнутого уровня производства, вида боевых действий и используемых средств вооруженной борьбы, культуры командиров, характера взаимоотношений военнослужащих, а также географических, погодно-климатических и иных условий. Подчеркивая эту зависимость, Е. С. Сенявская отмечает: «Конкретные бытовые условия участников боевых действий определяются общими, социальными и ситуационными факторами. К первым относятся тип и масштаб войны, ее длительность, мобильный или позиционный, наступательный или оборонительный характер. Немалое значение имеет также театр военных действий — с точки зрения климатических условий и времени года. К социальным факторам относятся принадлежность к роду войск и военной специальности (в том числе к элитным или обычным частям), а также к рядовому или командному составу. В ряду ситуационных факторов — ход военных действий (наступление, оборона, отступление); расположение на основном или второстепенном участках фронта; расстояние от переднего края (передовые позиции, ближние и дальние тылы и т.п.). С точки зрения совокупности факторов, влияющих на специфику быта, каждая из войн очень индивидуальна, — прежде всего, из-за различий в историческом времени, в масштабе и длительности конфликта, в используемых технике и вооружении, в степени мобильности и т.д., хотя можно найти и немало совпадений. При этом в любой войне бытовая проблема не только имеет важное самостоятельное значение, но нередко перерастает в проблему психологическую, подрывая или, напротив, укрепляя моральный и боевой дух личного состава»[1].

Военно-полевой быт отражает в материальной форме отношение общества к воюющей армии и поэтому служит своеобразной «болевой» точкой единения армии и общества. Солдат определяет характер отношения к нему общества через обеспеченность пищей, водой, одеждой, обувью, почтой и т.д. Если в этой сфере возникает неблагополучие, оно быстро переносится в сферы управления войсками и боевой деятельности.

Быт оказывает огромное влияние практически на все стороны жизни участников боевых действий, на формирование образа жизни воинских коллективов и личности военнослужащего, выполняя важнейшие функции.

Известный отечественный физиолог Ю. П. Фролов, обобщая опыт Первой мировой и Гражданской войны в России (1918—1921), подчеркивал: «Как бы идеально ни был составлен стратегический план, как бы высока ни была цель войны, все же недостатки и перебои в питании должны губительно отзываться на состоянии работоспособности, а значит, и на конечном результате всех операций. То же самое, разумеется, касается и других

---

[1] *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке. С. 88.

вопросов снабжения, смежных с вопросами питания, а именно, обмундирования, обеспечения обувью и т.д.». Он также указывал на то, что «отсутствие регулярной почты, к которой так привык современный человек, появление газет, разбирающих события уже давно минувших дней вместо того, чтобы освещать текущий момент, неизвестность о том, что делается с домашним хозяйством; наконец, половая необеспеченность, — все это, разумеется, является серьезным испытанием для всякого, даже наиболее стойкого бойца»[1].

Психологические функции военно-полевого быта. Логический анализ, обобщение, классификация проявлений бытовых условий на войне и их отражения в научных исследованиях позволяет выделить следующие психологические функции военно-полевого быта, которые должны быть реализованы, чтобы *быт стал психологическим ресурсом солдата.*

1. ***Потребностная функция*** состоит в способности быта удовлетворять жизненно важные материальные и духовные потребности участников боевых действий. Если использовать в качестве основы для анализа теорию иерархии потребностей А. Маслоу, то можно охарактеризовать влияние военно-полевого быта на удовлетворение потребностей участников боевых действий следующим образом: быт на войне, так или иначе, удовлетворяет все иерархические уровни потребностей военнослужащего — потребность в пище, воде, сне, жилище, комфорте, безопасности, вхождении в социальную группу, уважении, самореализации.

Важность своевременного *обеспечения качественным питанием* участников боевых действий трудно переоценить. Для боевой деятельности характерны высокие энергозатраты, преимущественное пребывание на открытом воздухе, огромные психические нагрузки. Вследствие этого, в ходе высокоинтенсивных боевых действий, осуществляющихся в сложных природно-географических условиях, военнослужащий может расходовать в течение суток до 6000 ккал и терять порядка 5 кг своего веса. Для восполнения таких энергозатрат требуется качественная пища в большом количестве. Для примера, такой калорийной ценностью обладают 2 кг свинины, 3,5 кг говядины, 3 кг хлеба, 12 л молока.

Американские ученые в годы Второй мировой войны провели эксперимент по влиянию голода на осознание и удовлетворение других потребностей человека. Испытуемые (лица, отказавшиеся от участия в войне по религиозным и другим соображениям) подверглись пищевой депривации. По мере того, как они начали терять в весе, они стали безразличными практически ко всему, кроме еды. Они постоянно говорили и читали преимущественно о еде, отодвинув на дальний план сексуальные, культурные, социальные и другие потребности. И это не случайно, ведь от качества и количества пищи зависит работа головного мозга, всей нервной системы. Ее недостаток или неполноценность могут вызывать такие явления, как неспособность сконцентрировать внимание, запоминать боевую информацию, решать простейшие мыслительные задачи, мобилизовать волю, создать необходимый боевой настрой.

---

[1] См.: *Фролов Ю. П.* Введение // *Хаханьян Г. Д.* Основы военной психологии.

Голодные солдаты нередко превращаются в банду разбойников, промышляющих в населенных пунктах в зоне боевых действий. Воровство, грабеж, убийство местного населения из-за куска хлеба наносит непоправимый ущерб отношениям с местным населением, толкает его в объятия врага. Неудовлетворенность в пище в ходе выполнения боевых задач и в периоды передышек между боями оцениваются военнослужащими по-разному. Постоянное недоедание военнослужащих может интерпретироваться как результат воровства тыловых работников, недостаточного внимания командного состава к нуждам подчиненных, профессиональная несостоятельность командиров и т.д.

Не случайно плохое обеспечение войск продовольствием мгновенно становится козырем в психологических операциях противника. Так, в годы Первой мировой войны английские специалисты психологической войны выпустили даже специальную листовку, в которой без всякой аннотации приводились суточные рационы английских и германских военнослужащих. Ее действенность оценивалась очень высоко. Солдаты сами делали выводы о том, чьи командиры лучше заботятся о своих подчиненных.

Таким образом, качественное питание бойцов — это не сугубо тыловая проблема, а проблема, связанная с боевым духом войск, моральным превосходством над противником, вопрос победы или поражения, жизни и смерти.

Критическим вопросом в сфере обеспечения боеспособности войск является их полноценное *водоснабжение*. Выше говорилось о том, какое пагубное влияние оказывает даже незначительное обезвоживание на боевые качества и морально-психологическое состояние военнослужащих. В ходе высокоинтенсивных боевых действий для поддержания необходимого водно-солевого баланса солдатам может требоваться до 6—8 л воды. Например, в ходе боевых действий в пустынной местности питьевой режим военнослужащих организуется из расчета потребления 1 л воды в час. Обеспечение участников боевых действий водой должно быть встроено в военно-полевой быт войск, в распорядок дня их повседневной жизнедеятельности. У военнослужащих должна быть сформирована культура водопотребления. Каждый военнослужащий должен иметь флягу и минимум раз в день наполнять ее водой. Вода должна обязательно употребляться после каждого приема пищи, во время каждого привала и кратковременного отдыха, при возникновении чувства жажды, головокружения, головной боли, запоров и т.д. Командиры подразделения, заботящиеся о боевом духе и боеспособности своих подчиненных, должны периодически давать команду на употребление воды, проверять наличие у военнослужащих фляг и воды в них.

Стремление максимально использовать возможности военно-полевого быта в качестве ресурса боевой активности воинов неизменно ставит вопрос об *употреблении алкоголя* в боевой обстановке.

В начале XX в. Г. Е. Шумков писал: «Напрасные надежды возлагают на пушки. Пушки только тогда страшны, когда бойцы, управляющие ими, морально и физически сильны. И когда, открыв глаза, мы постараемся проникнуть в силу бойцов во время сражений и сделаем попытку к изуче-

нию их деятельности в это время, тогда в первую голову мы сталкиваемся с вопросом об алкоголе в бою, ибо многие бойцы предпочитают идти в бой в пьяном виде, будучи уверены в том, что выпивка дает храбрость»[1].

Ни одна война не обошлась без алкоголя. Официальные мотивы его употребления разнообразны. Среди мотивировок употребления спиртного преобладают: «за погибших боевых товарищей»; «за здравие именинников»; «за победу»; «от простуды»; «с устатку»; «за празднование»; «для сна»; «для расслабления»; «для храбрости» и др. Однако все эти мотивировки чаще всего скрывают мотив отвлечься, уйти от травмирующих воспоминаний.

Мнение специалиста

Заинтересовавшись вопросом о роли спиртного в жизнедеятельности участника боевых действий, Шумков объективно, без предвзятости, с единственной целью — приблизиться к справедливому решению больного вопроса как в личной жизни воинов, так и в общем взгляде военного искусства на употребление алкоголя бойцами — исследовал эту проблему. Вот как он описывает результаты своего исследования.

«Выпил участник боя чарку. В голове зашумело, в глазах показался туман, в ушах неопределенный шум, заглушающий неприятельские выстрелы и разрывы. Но далее... просвистела пуля, вскоре прогудела другая, там третья, четвертая... Уже при первых полетах пуль туман в голове рассеивается. Немного погодя "хмеля" в голове как не было. Человек в этих условиях быстрее трезвеет, голова становится свежей, как у невыпившего. Казалось бы все хорошо. Первоначальный хмель прошел. На самом деле этим все не кончается. После быстрого отрезвления, при свежей голове и мыслях, развивается физическая слабость во всем теле.

Будучи ослабленным, воин плохо владеет собой, скорее устает и подчиняется движениям и поступкам других; скорее проявляются признаки страха и, не имея сил в себе сдерживать страховую реакцию, своим видом заражает соседей. Те начинают волноваться и терять самообладание, смотря на своего товарища. В этом состоянии выпивший скорее впадает в панический страх, столь опасный в бою».

«...пьяный смотрит вперед стекловидными глазами, а что творится по сторонам, он плохо видит и боковым зрением не руководствуется в своих замедленных и грубых действиях».

«Алкоголь понижает выносливость и боевую деятельность, зоркость зрения и слух, точность расчета, понижает самообладание... способствует возникновению страха и паники».

Алкоголик в бою «первым старается отстать, увернуться, скрыться в безопасное место, а при случае бежать».

Выпившие перед боем и получившие ранение, переносят их «значительно хуже, чем люди трезвые, но получившие такие же ранения. В дальнейшем лечение и заживление раны происходит медленнее и болезненнее, чем у трезвых»[2].

Таким образом, по мнению Шумкова, алкоголь как напиток, понижающий боевую силу в боевой деятельности, должен быть исключен и выведен из употребления как способствующий ослаблению боевых сил и отдалению ожидаемого успеха и победы.

---

[1] *Шумков Г. Е.* Пьяная храбрость или алкоголь в бою // Общество ревнителей военных знаний. 1909. № 1. С. 1.

[2] Там же.

Учитывая то, что для работоспособности воинов, расходования ими энергии, потребности в пище и воде имеет значение *боевая нагрузка*, командирам подразделений необходимо заботиться о ее целесообразном распределении. Боевая амуниция сегодняшнего солдата весит десятки килограммов. Идя в бой, он стремится быть во всеоружии. Выше говорилось о том, что война — это не только непрерывное огневое и тактическое противоборство с противником, но и значительный отрезок обыденной человеческой жизни с ее простыми человеческими потребностями и радостями. Участник боевых действий думает о своем возвращении домой, встрече с родными и близкими. Он готовит им какие-то мелкие подарки, сувениры. Наличие таких безделушек поддерживает психологическую связь воина с его родными и близкими, свидетельствует о вере солдата в свое будущее, а значит о вере в победу. За время боевых действий у него накапливаются вещи, свидетельствующие о его воинской доблести: награды, ценные подарки, грамоты. Все эти мелочи создают психологическое пространство повседневного бытия воина, ощущения им воинского подразделения своим домом. Нередко он вынужден «все свое добро» носить постоянно с собой из-за отсутствия места надежного хранения личных вещей. Это увеличивает физическую нагрузку на воина, ускоряет его утомление, делает менее подвижным на поле боя. Для того чтобы сохранить эти важные для психологического самочувствия солдата ощущения и снизить на него физическую нагрузку, командиру необходимо позаботиться о создании надежных «ячеек» для хранения личного имущества каждого подчиненного.

Эффективность действий военнослужащих на поле боя и их психическое состояние во многом определяются *качеством обмундирования, эргономическими характеристиками микросреды повседневной жизни воина.*

Особенно важными являются такие свойства военной одежды, как хороший теплообмен, защита от дождя и влажности, легкость, удобность, прочность, маскирующие свойства, элегантность, модность. При равных прочих условиях из двух встретившихся в бою противников психологическое преимущество будет иметь тот, кто выглядит молодцевато, лихо. Если обмундирование под дождем впитывает влагу, становится тяжелым, затрудняет движения, сохнет в течение нескольких суток, если ботинки тяжелы, провоцируют потницу, если снаряжение не позволяет удобно разместить носимые боевые средства, это вызывает уныние, досаду, разочарование и т.д.

Не случайно, в конце XIX — начале XX в. свойства обмундирования тщательно исследовались и оценивались как важнейший фактор успешности боевых действий войск. Один из специалистов в области военной физиологии Ю. П. Фролов в начале XX в. писал: «Стоит лишь посмотреть, с какой заботой выбирается материя для пошивки обмундирования, как оцениваются его качества, теплопроницаемость, промокаемость, легкость, как взвешивается каждый грамм нагрузки, выпадающий на пехотинца или кавалериста, сколько раз пересматривается размещение отдельных предметов обмундирования относительно центра тяжести бойца, — для того, чтобы убедиться, что именно здесь "путь к сердцу солдата"»[1]. Зная это,

---

[1] *Фролов Ю. П.* Предисловие // *Хаханьян Г.* Основы военной психологии. С. 40—41.

император Николай II лично испытывал солдатское обмундирование, проходя в нем пешим маршем несколько десятков километров. Ошибочное утверждение, что XX в. стал исключительно веком машин, негативно сказалось на внимании к качествам военной одежды.

Участники боевых действий стремятся всемерно усовершенствовать военную форму в сторону повышения ее функциональности и эстетических качеств. В 1980 г. командир 5-й гвардейской мотострелковой дивизии, дислоцировавшейся в Афганистане, на совещании руководящего состава воинских частей показал вариант формы одежды, переделанной из стандартного обмундирования. Она оказалась не только удобной, адаптированной к природно-географическим и погодно-климатическим условиям региона боевых действий, но и довольно элегантной, придавала военнослужащему бравый, лихой вид. Через двое суток весь личный состав дивизии спонтанно переоделся в новую форму одежды. Военнослужащие сами отрезали рукава курток, кроили из них карманы, пришивали их, «расклешали» брюки, лихо заламывали панамы. У местных жителей сложилось впечатление, что за это время войска были заменены более подготовленными, опытными военнослужащими[1].

Сегодня, впервые за последние десятилетия, в России разработан комплект боевого снаряжения воина «Ратник», где каждый элемент является частью целого, имеет свое место, выполняет несколько функций. Его полный вес, включая вес оружия и боеприпасов, составляет примерно 22 кг; это более чем в два раза меньше, чем вес имеющихся в настоящее время сборных комплектов. По свидетельствам СМИ, снаряжением «Ратник-2» уже обеспечено более 80 тыс. военнослужащих. Одновременно разрабатывается комплект снаряжения «Ратник-3», в состав которого будут включены экзоскелетоны, позволяющие военнослужащим поднимать грузы в несколько сот килограммов и совершать без переутомления длительные пешие переходы. В этот комплект будет также интегрирована система оценки состояния здоровья военнослужащего, которая в случае его ранения передаст немедленную информацию командиру.

Военно-полевой быт оказывает воздействие на психическое состояние войск через свою способность или неспособность обеспечивать *здоровый образ жизни* (достаточный уровень активности, сон, личная и групповая гигиена, соматическое здоровье и др.).

Скопление большого числа людей, ограниченность в использовании средств личной и групповой гигиены, нарушение правил размещения войск на местности (недостаточно частое мытье в бане, стирка нательного белья, сбои в санитарной обработке мест расположения войск, туалетов и т.д.) способствуют массовому завшивлению военнослужащих, размножению насекомых (клопов, клещей, тараканов, мух) и крыс, и, как следствие, — распространению инфекционных заболеваний.

Так, во время боевых действий в Афганистане вшивость была широко распространена не только среди рядового, но и среди офицерского состава нашей армии. Американские и британские специалисты пишут о том, что

[1] См.: *Караяни А. Г., Сыромятников И. В.* Прикладная военная психология.

среди сегодняшнего контингента союзных войск в Афганистане эта проблема стоит так же остро. Вывести вшей на войне полностью сложно. Это требует согласованных действий банно-прачечных комбинатов (по качественной стирке и пропариванию белья), командиров воинских частей (по обязательной организации в батальонах походных бань), командиров подразделений (по организации обязательной глажки и ежедневной проверки чистоты белья и соблюдения подчиненными гигиены), каждого военнослужащего (по соблюдению личной гигиены).

Негативно влияют на самочувствие военнослужащих мухи. Война создает благоприятные условия для их бурного размножения. Мухи мешают отдохнуть, выспаться, комфортно поесть, отправить свои естественные надобности. Некоторые участники боевых действий в Афганистане относят мух к самым негативным раздражителям.

Свидетельство бойца

Вот как описывает один из участников боевых действий свои впечатления, связанные с мухами.

«Бывало, заходишь в туалет, а там — черным-черно от мух. Кажется, что они покрывают стены и пол в несколько слоев и с удовольствием питаются лизолом, который, "по уму", их должен убивать. Первый же шаг вовнутрь ведет к тому, что вся эта несметная рать взвивается в воздух и атакует нарушителя их покоя. Мухи пытаются залезть в уши, нос, глаза, за шиворот, в рукава и даже в штанины. Когда представишь, откуда они только что взлетели, пулей вылетаешь из туалета. И ждешь вечера, чтобы выйти куда-нибудь за угол и сделать "грязное дело". А это, в свою очередь, ведет к размножению мух.

В условиях массового распространения таких заболеваний, как гепатит, тиф, дизентерия, муха, севшая на хлеб или другую пищу, напрочь лишает аппетита. Особенно неприятные ощущения вызывают мухи, роями кишащие на местах бывших боев. Кажется, что каждая из них только что взлетела с трупа и норовит залететь тебе в рот».

Нередко туалеты выносятся за пределы охраняемых территорий полевых лагерей, и хождение в них воспринимается военнослужащими как небезопасное. Уборные в воинских частях, участвовавших в боевых действиях в Афганистане, обычно представляли собой сооружения из столбов и мешковины, закрывающей человека до пояса. Военнослужащие, отправлявшие естественную нужду, испытывали чувство дискомфорта. Между тем, еще в Первую мировую войну в германской армии делались туалеты в виде одиночных кабин — четырехугольных ящиков, опрятных, сколоченных из досок, закрытых со всех сторон, с великолепным, очень удобным сиденьем, сбоку у которых делались ручки для их переноски. Такие туалеты рассматривались не только как уборные, но и как место, где можно уединиться и прочитать письмо из дома, снять эффект «витринности» повседневного военно-полевого быта.

В американской и британской армиях солдат использует специальный герметичный туалетный пакет с комплектом туалетной бумаги и влажных салфеток для рук. После использования пакет легко закрывается и бросается в специальную яму. Раз в неделю скопившиеся в яме пакеты сжигают[1].

[1] См.: *Hughes J. H., Neville M.* Battle Against Stigma. Barcelona, 2014.

Это существенно снижает количество мух в расположении подразделений, предупреждает распространение инфекционных заболеваний, повышает настроение и самоуважение бойцов.

Продолжая психологический анализ военно-полевого быта с помощью теоретических положений иерархической концепции А. Маслоу, необходимо подчеркнуть, что он должен обеспечивать определенный уровень *безопасности военнослужащих*. Безопасности не только от заболеваний, обморожения, тепловых и солнечных ударов, нападения опасных животных и укусов ядовитых насекомых, но и от противника.

2. ***Коммуникативная функция*** проявляется в способности быта формировать вполне определенную систему общения и отношений военнослужащих, устанавливать и поддерживать социальные статусы. Быт во многом определяет степень общности или разобщенности командиров и подчиненных, частоту интеракций между ними, возможность контактов с женщинами, родными и близкими.

Если командиры живут непосредственно с подчиненными, это до определенного уровня психологически объединяет их. Вместе с тем это нарушает имидж некоей «особости» командира, наделенности его еще не до конца раскрытыми и понятыми подчиненными интеллектуальными, волевыми, управленческими, боевыми и другими качествами, благодаря которым он признается безусловным лидером. Если же различия в бытовых условиях офицеров и солдат достигают значительных величин, возможно проявление психологической разобщенности. Например, З. Фрейд считал, что Первую мировую войну Германия проиграла именно из-за ярко выраженных бытовых различий и психологической разобщенности командного и рядового состава.

3. ***Рекреационная функция*** связана с возможностью быта структурировать жизнедеятельность военнослужащих на войне, выделяя в ней наряду с боевой активностью периоды «мирной жизни» и тем самым обеспечивать их сон, отдых, восстановление сил, израсходованных в процессе решения боевых задач.

Восприятие военнослужащими жилищных условий в боевой обстановке зависит скорее не от их реальных свойств, а от их сравнения с жилищными условиями различных категорий военнослужащих (генералов, офицеров и рядовых) и противника.

4. ***Гедонистическая функция*** заключается в создании возможностей для развлечений, получения наслаждения участниками боевых действий. Сюда входят концерты художественной самодеятельности и художественных коллективов, встречи с деятелями культуры и искусства, просмотр художественных фильмов, организация работы полевых солдатских и офицерских клубов и т.д.

5. ***Функция личностного развития*** проявляется в предоставлении военно-полевым бытом возможностей для развития интеллектуальных, нравственных, эстетических и других качеств участников боевых действий. Важную роль в этом играют деятельность полевых библиотек, радиообслуживание, обеспечение личного состава газетами и журналами, система политического, боевого и правового информирования военнослужащих и др.

6. ***Афобическая функция*** состоит в том, что хорошо организованный быт, насыщенный событиями повседневной армейской работы, множеством «мелочей солдатских будней», отвлекает бойцов от драматических, устрашающих воспоминаний и размышлений.

7. ***Психотерапевтическая функция*** связана со способностью быта снимать чрезмерное напряжение, тягостные переживания и сомнения, продуктивно разрешать межличностные конфликты участников боевых действий. Реализации этой функции способствуют организация телефонной связи с родными и близкими, бесперебойной работы почты, деятельности психологической службы и др.

Оптимизация психологических свойств военно-полевого быта возможна посредством:

— предварительной психологической подготовки военнослужащих к жизнедеятельности в бытовых условиях военного времени;

— повышении способности военно-полевого быта реализовать свои психологические функции.

Создавая научные основы военной психологии, Г. Е. Шумков подчеркивал, что для психологической подготовки будущих бойцов к боевой обстановке необходимо обучать не только эффективным приемам боевых действий, но и повседневной жизнедеятельности в суровых условиях военно-полевого быта.

Психологическая подготовка предполагает периодические полевые выходы частей и подразделений, в процессе которых военнослужащие адаптируются к условиям военно-полевого быта. При этом на короткое время создается обстановка, которая по своим отрицательным психологическим свойствам превосходит условия жизнедеятельности в современном бою.

Опыт боевых действий в Афганистане и Чечне показывает, что военнослужащие должны обучаться выживанию в крайне неблагоприятных обстоятельствах. Они должны уметь:

— строить временное полевое жилье из подручных материалов (шалаши, перекрытые щели, «норы» и т.п.);

— выживать в условиях экстремально высоких и низких температур;

— добывать и обеззараживать воду;

— готовить пищу из продуктов сухого пайка;

— добывать и готовить пищу в условиях индивидуального и группового выживания;

— употреблять в пищу растения, насекомых и животных, традиционно не относящихся к пищевым;

— продуктивно отдыхать и спать по самоприказу и т.д.

Непосредственно в боевой обстановке командиры и другие должностные лица должны принимать меры к реализации всех перечисленных психологических функций военно-полевого быта. Особенно важно заботиться о питании, тепле и возможности высушить промокшее обмундирование.

Каждый командир, организуя военно-полевой быт своих подчиненных, должен задавать себе вопросы: «Достаточно ли безопасно расположение подразделения? Достаточно ли комфортно устроены люди? Смогут ли они

отдохнуть и выспаться в достаточной мере? Будут ли они иметь возможность взаимодействовать друг с другом, написать письмо домой, почитать книгу? Достаточно ли качество и вовремя ли готовится пища? В достаточной ли мере воины обеспечены водой?» и т.д.

7.2. Ресурсная характеристика сна и отдыха на войне

Выше отмечалось, что качественный, полноценный сон является важнейшим условием высокой боеспособности и морального духа воинов. Задолженность сна считается главной причиной травматического стресса.

В последнее время в некоторых армиях мира организация сна является приоритетной задачей даже в ходе интенсивных боевых действий.

Так, в армии США полагают, что забота о сне солдат — не признак слабости, а показатель дальновидности командира. Сон нельзя накопить про запас и использовать в нужное время. Только сон может удовлетворить потребность в сне. Обычный отдых и расслабление не заменяют сна. Командир должен искать любую возможность обеспечить сном подчиненных. Для этого в боевой обстановке на каждый день составляется план деятельности, сна и отдыха (табл. 7.1)[1].

Таблица 7.1

Варианты планов боевой деятельности, сна и отдыха с учетом сдвигов «окон» сна

4 часа деятельности / 4 часа сна и отдыха						
Сдвиг	24.00 04.00	04.00 08.00	08.00 12.00	12.00 16.00	16.00 20.00	20.00 24.00
1 2	сон служба	сон служба	сон служба	сон служба	сон служба	сон служба

6 часов деятельности / 6 часов сна и отдыха				
Сдвиг	24.00 6.00	6.00 12.00	12.00 18.00	18.00 6.00
1 2	сон служба	сон служба	сон служба	сон служба

12 часов деятельности / 12 часов сна и отдыха		
Сдвиг	24.00 12.00	12.00 24.00
1 2	сон служба	Сон служба

Из табл. 7.1 следует, что сну и отдыху уделяется не меньше места в боевых условиях, чем активным боевым действиям. Считается целесообразным планирование 8 ч боевой деятельности, службы и 16 ч обеспечения

[1] Field Manual FM 6—22.5. Combat and operational stress control manual for leaders and soldiers.

деятельности (8/16), отдыха, соблюдения гигиены и, в том числе, 7—8 ч сна[1]. Командиры должны стремиться объединить время отдыха в единый пролонгированный блок, чтобы увеличить время на сон.

План службы, сна и отдыха строго выполняется. Ведется контроль сна военнослужащих. Командиры изучают признаки задолженности сна у военнослужащих (пустой взгляд, красные глаза, шаткая походка, опускание подбородка, вялое рукопожатие, низкая температура тела, невнятная речь, снижение настроения, энергии, бодрости, работоспособности, бдительности, рост числа ошибок, трудности в понимании информации, сбои в кратковременной памяти, внимания, понимания, мышления, снижение инициативы, раздражительность, грызня, истощение, пренебрежение гигиеной). Если план 8/16 часов выполнить не предоставляется возможным, целесообразно действовать по плану 12/12 часов. Этот план позволяет объединить время отдыха и сна в единый пролонгированный блок[2].

В полевом уставе армии США *FM* 6—22.5. *Combat and operational stress control manual for leaders and soldiers* (2009, переиздание 2012 г.) отмечается, что наиболее продуктивный и ресурсный сон может быть во временном интервале с 23.00 до 7.00. Уменьшение времени сна менее 7 ч и сдвиг «окна» сна, особенно в сторону более раннего сна, обязательно скажется на психическом состоянии и боеспособности военнослужащего. Сон в дневное время полностью не компенсирует задолженность ночного сна. 7—8-часовой сон может быть разбит, как это показано в табл. 7.1, на несколько частей полноценного, непрерывного сна. Наиболее подходящее время для отдельных «окон» сна — ночное время, раннее утро и послеобеденное время. Наименее удачное время для сна — позднее утро и ранний вечер, когда организм находится в наиболее бодрствующем состоянии.

Боевые действия расставляют следующие приоритеты в обеспечении сном.

1. Высшим приоритетом пользуются лица, вырабатывающие боевые решения, занимающиеся интеллектуальным трудом. Для восстановления интеллектуальной работоспособности требуется примерно в 1,5 раза больше времени, чем для восстановления работоспособности физической.

2. Второй уровень приоритетности отводится военнослужащим, несущим боевое дежурство, караульную службу, действующим в наблюдательных пунктах, и т.д.

3. Третий уровень приоритетности характерен для военнослужащих, занимающихся только физическим трудом.

Наиболее продуктивный сон возможен в обстановке, в которой отсутствует внешний шум, яркий свет, интенсивное движение. Беруши помогают военнослужащим блокировать шумы. Постоянные и монотонные шумы помогают адаптироваться к обстановочным шумам. От света позволяют защищаться специальные маски и очки. Даже незначительные откло-

---

[1] Китайские специалисты считают наиболее целесообразным режим деятельности, сна и отдых «4 через 4», т.е. 4 часа бодрствовании и 4 часа сна и отдыха. См.: *Лю Хусун*. Военная психология.

[2] См.: Field Manual FM 6—22.5. Combat and operational stress control manual for leaders and soldiers.

нения от комфортных температур делают сон недостаточно полноценным. Кофеин и никотин могут нарушать сон в течении 4—6 ч. Снотворные препараты способны серьезно снижать способность военнослужащих обнаруживать и реагировать на опасность. Такие препараты должны приниматься тогда, когда у военнослужащего есть не менее 8 ч времени для отдыха. Их нецелесообразно принимать в период активной деятельности и в защищенной обстановке. Прием пищи может улучшить сон, а голод и жажда — нарушать его. Алкоголь вызывает сонливость, но фактически делает сон менее качественным и уменьшает продолжительность сна. Магнитофонные записи и музыка могут усиливать сонливость, но не способствовать качеству сна[1].

После продолжительного 2—3-дневного боя с депривацией сна целесообразно предоставлять военнослужащим 10—12 ч сна (из них 4 ч в период с 2.00 до 6.00) и 2 ч для отдыха в течение одних или двух суток.

Ряд специалистов полагают, что после боевых действий средней тяжести продолжительностью 36—48 часов с полной депривацией сна следует предоставлять военнослужащим 12 ч для сна (боевая усталость может длиться три дня). В это время следует избегать спать менее 2 ч, особенно с 4.00 до 6.00, так как может возникать инерция сна. После тяжелых боевых действий (12—16 ч в день) с потерей сна в 36—48 часов целесообразно предоставлять сон продолжительностью 24 ч, после 72-часовой острой депривации сна, давать два-три дня сна и отдыха, в случае депривации сна продолжительностью 96 ч показано давать участникам боевых действий 5 суток сна и отдыха[2].

Для восстановления физической работоспособности и морального духа участников боевых действий, наряду с полноценным сном, важное значение имеет активный отдых. Отдых не может заменить сон, но и сон не может заменить отдых. Военнослужащие, использующие каждую возможность, чтобы подремать, часто чувствуют себя недоспавшими, вялыми, утрачивают интерес ко многим сторонам своей жизнедеятельности. Установлено, что простое лежание, бесцельное, вялое времяпрепровождение не приводят к полноценному восстановлению сил. В начале XX в. русский ученый И. М. Сеченов в классическом эксперименте доказал, что смена деятельности значительно эффективнее, чем пассивный отдых. Нагружая правую руку в течение 25 мин, он замечал, как снижается ее сила; 10-минутный покой приводил к определенному восстановлению силы. Когда же во время отдыха правой руки, работала левая, восстановление происходило значительно быстрее. Выявленная Сеченовым закономерность, как показал А. М. Столяренко, касается не только рук, ног и вообще мышц, но и мышления, памяти, эмоций. Следовательно, активный отдых должен предполагать кроме сна организацию в свободное время таких занятий, которые восстанавливают физические и психические силы, формируют позитивное настроение. Этого можно добиться, чередуя различные виды деятельности.

---

[1] Field Manual FM 6—22.5. Combat and operational stress control manual for leaders and soldiers.

[2] Ibid.

Так, если боевая работа носит умственный характер, то во время отдыха целесообразно заняться физической работой или умственной деятельностью другого рода, и наоборот. Если боевая работа связана с нагрузкой на один из органов чувств, например зрение, то во время отдыха следует включать в работу другие, например слух.

Заполнение свободного времени активным отдыхом быстрее и лучше восстанавливает силы, а также поддерживает жизненный тонус, рабочий настрой, жажду деятельности, интерес к окружающему[1].

Для лиц, не имеющих боевого опыта, трудно понять, что участники боевых действий в перерывах между боями с удовольствием используют каждую возможность поиграть в футбол, волейбол, домино. Для того чтобы отдых военнослужащего был полноценным, он должен чувствовать необходимую безопасность.

Быт способствует расширению психологических возможностей военнослужащих, когда создает условия для дружбы, любви, коллективного отдыха, сплочения воинских коллективов, проявления различных способностей (музыкальных, артистических, спортивных и т.д.) участников боевых действий, проявлению различных граней их личности, самореализации как вооруженных защитников и граждан Отечества, личностей и др.

Генерал Дж. Кейси — начальник штаба армии США — так выразил сегодняшние небоевые потребности американских солдат: «Первое, о чем просят мои солдаты в Афганистане, вернувшись из боя, не гамбургер, а *wi-fi*. Мои ребята все при Интернете; у всех сотовые телефоны, у многих *BlackBerry* или *iPhone*». Сегодня отсутствие возможности выхода в Интернет, общения с членами семьи, товарищами, партнерами по компьютерным играм может нанести американскому солдату бóльшую психическую травму, чем потеря сослуживца. Известный психолог — автор позитивной психологии и концепции выученной беспомощности М. Селигман считает, что *Facebook* формирует четыре составляющие благополучия: положительные эмоции, вовлеченность (все эти фотографии радостных событий), хорошие отношения с людьми (то, зачем мы «добавляем в друзья») и достижения. Если сюда добавить смысл — принадлежность и служению чему-то большему, то *Facebook* действительно мог бы наполнить смыслом жизнь многих людей, в том числе военнослужащих[2]. Безусловно, электронные гаджеты, социальные сети, компьютерные игры в их гражданском понимании, на войне вещи скорее вредные, чем полезные. Однако поколения военнослужащих, выросшие в культуре социальных сетей, нуждаются в ее аналогах даже в зоне боевых действий. По крайней мере, сегодня солдату трудно объяснить, почему он не имеет возможности под контролем командира или другого должностного лица изредка пообщаться с родными и близкими или отправить им СМС-сообщение. Исследования причин самоубийств военнослужащих в зонах боевых действий, проведенные в ряде стран, показывают, что главными их причинами являются проблемы в отношениях с родными

---

[1] *Столяренко А. М.* Психология боевого дежурства и корабельной вахты. М., 1972. С. 102.

[2] *Селигман М.* Путь к процветанию: новое понимания счастья и благополучия. М., 2013. С. 50.

и близкими, отсутствие информации о них, задержка традиционной почты, проблемы с армейским бытом.

Сам факт того, что для нынешнего поколения молодых людей онлайн-контакты в значительной мере заменяют непосредственное, живое общение, в военной обстановке обретает значение психологического ресурса.

Война не может отменить самые высшие и светлые, казалось бы, сугубо «мирные» человеческие чувства. Здесь находится место для искренней и чистой любви, пылкой влюбленности, «затяжных» любовных романов, свадеб и разводов, «походно-полевых» жен и мужей и т.д. Некоторые любовные отношения эмоционально переживаются не только их участниками, но и всеми, кто наблюдает за развитием романа. Это оказывает положительное влияние на моральный климат в воинских коллективах.

Особо стоит вопрос о способности военно-полевого быта удовлетворять сексуальные потребности человека. Безусловно, это одна из базовых потребностей, в значительной степени определяющих поведение человека не только в мирное время, но и на войне. В 40-й армии лишь до 5% офицеров и прапорщиков имели регулярные сексуальные контакты с постоянными партнершами, до 10% имели периодические сексуальные контакты с различными партнершами, до 40% — имели эпизодические сексуальные контакты, а 45% — не имели сексуальных контактов вообще за весь двухлетний период военной службы в Афганистане. Психологи предполагают большую роль фактора сексуальной депривации в развитии неврозов, психологических реакций, астенических состояний и аддиктивного поведения[1].

Быт создает условия для прямого или косвенного удовлетворения этой потребности. В зависимости от качества быта это удовлетворение может носить нормальный или отклоняющийся характер. Если из быта целенаправленно исключается все, что обостряет сексуальную потребность (порнографические и эротические картины, фотографии и т.д.), это способствует ее некоторому затуханию, укреплению терпения военнослужащих. Сублимируют половые желания участников боевых действий возможности контактов и общения участников боевых действий с женщинами, олицетворяющими женскую чистоту, верность, преданность (матери, сестры, жены бойцов, представительницы культуры и искусства и т.д.), письма из дома от матерей и жен, употребление качественной еды, сладостей, напитков, сигарет, физическая работа, игры, развлечения и религия, ночные поллюции и умеренный онанизм, возможность сексуальных контактов с женщинами (медицинские работницы, сотрудники банно-прачечных комбинатов, кухонь и т.д.). В том случае, когда сексуальные потребности военнослужащих полностью игнорируются и дело «пускается на самотек», появляются отклоняющие и патологические формы их удовлетворения (изнасилование, мужеложство, педерастия, патологический онанизм и др.).

На войне больше, чем в казарме, солдата одолевает тоска по дому, по семье. Группировка в ротах солдат-односельчан, хотя бы одной области, а главное, хорошо налаженная почта, письма и посылки из дома, письма домой — помогут разогнать эту тоску. И тут встает вопрос здорового вос-

---

[1] См.: *Литвинцев С. В., Снедков Е. В., Резник А. М.* Боевая психическая травма.

питания общества, ибо письма должны быть ободряющими, а не разлагающими. Солдат не должен отягощаться мелочными и сложными домашними проблемами, которые он не может решить законным путем. Из таких проблем часто вырастают самовольное оставление воинской части, дезертирство, членовредительство и суициды.

Когда боевая обстановка позволяет, целесообразно предоставлять военнослужащему отпуск домой, на побывку, но никогда не следует разрешать женам и другим женщинам быть на фронте. В боевой обстановке действует закономерность: «Женщина на фронте вызывает зависть, ревность кругом, а у своих близких усиленный страх за себя, ибо при ней и ценность своей жизни стала дороже, но и за нее»[1].

Не менее явно действует и другая закономерность: «Скорая и верная помощь осиротевшей семье солдата пенсией и заботами общества и правительств, внимательное отношение к телу убитого, торжественные похороны *в гробах* с постановкою памятника, почитание памяти *не неизвестного солдата*, а именно такого-то, за отечество живот свой положившего, такой-то роты, такого-то полка, такой-то деревни, волости, губернии — примиряют с мыслью о смерти, облегчают подвиг»[2].

Итак, выполняя конкретные психологические функции, военно-полевой быт является важнейшим фактором морально-психологического состояния и боеспособности войск, а значит — победы или поражения в войне. Оптимизация психологических свойств военно-полевого быта предполагает предварительную психологическую подготовку военнослужащих к невзгодам и тяготам повседневного бытия в боевой обстановке и целенаправленную работу по реализации его психологических функций.

Рекомендуемая литература

Караяни, А. Г. Прикладная военная психология / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — СПб. : Питер, 2006.

Литвинцев, С. В. Боевая психическая травма / С. В. Литвинцев, Е. В. Снедков, А. М. Резник. — М. : Медицина, 2005.

Селигман, М. Путь к процветанию: новое понимания счастья и благополучия / М. Селигман. — М., 2013.

Сенявская, Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е. С. Сенявская. — М., 1999.

Столяренко, А. М. Психология боевого дежурства и корабельной вахты / А. М. Столяренко. — М. : Воениздат, 1972.

Шумков, Г. Е. Пьяная храбрость или алкоголь в бою / Г. Е. Шумков // Общество ревнителей военных знаний. — 1909. — № 1. — С. 1.

Hughes, J. H. Battle Against Stigma / J. H. Hughes, M. Neville. — Barcelona : Grafos, 2014.

Field Manual FM 6—22.5. Combat and operational stress control manual for leaders and soldiers. Washington, 2009.

Field Manual FM 6—22.5. Combat stress. Washington, 2000.

---

[1] Душа армии: русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. С. 81.

[2] Там же.

ГЛАВА 8
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАМЕЩАЮЩЕГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РЕСУРСА В ЦЕЛЯХ РАСШИРЕНИЯ БОЕВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ВОИНОВ

Важнейшей миссией командиров и военных психологов является целенаправленный поиск и активное использование любых, нравственно приемлемых средств для превращения каждого военнослужащего в эффективного бойца, способного успешно решать сложные боевые задачи и выживать на поле боя. В обыденной жизни широко используются различные средства для усиления естественных человеческих способностей (зрения, слуха, обоняния, осязания, силы, скорости передвижения) и снятия психологической нагрузки на специалистов различных профилей. Стало, например, привычным привлечение собак для поиска наркотических средств, лошадей и дельфинов для психологической помощи лицам с ограниченными возможностями, целебных трав для регуляции психической деятельности, медикаментозных средств для повышения или понижения психологического тонуса. Все это способствует сохранению сил, времени, здоровья людей, снижению количества ошибок и сбоев в деятельности.

В связи с этим в структуре целевого психологического ресурса выделен психозамещающий ресурс.

8.1. Виды замещающего психологического ресурса воина

Психозамещающий ресурс призван сделать бойца более эффективным и существенно снизить психологическое давление боя на него.

Психозамещающий ресурс — это совокупность условий и обстоятельств деятельности, используемых военнослужащими для усиления, расширения, замещения своих психологических возможностей.

Можно выделить условно следующие *виды* данного ресурса:
- боевой;
- технический;
- медикаментозный;
- биологический.

Боевой замещающий ресурс включает средства, повышающие безопасность воина, позволяющие повышать эффективность боевого поражения противника, снижать уровень беспокойства за свою жизнь и здоровье.

Современные средства индивидуальной и групповой защиты, оружие, позволяющее вести огонь из-за укрытий, боевые роботы, оснащенные средствами обнаружения и ведения огня по противнику, боевые ударные БПЛА, создают условия для более инициативных и бесстрашных действий воинов.

К *техническому замещающему ресурсу* можно отнести технические приспособления, аппаратные средства, устройства, усиливающие естественные психофизиологические и психологические возможности воинов, снижающие физическую нагрузку на него и продлевающие его боеспособность.

В боевой практике войск для повышения эффективности работы зрительного анализатора, обеспечения свойства «дальновидения» используются, как это было показано выше, системы дистантного контроля за полем боя: спутниковые системы наблюдения и контроля, тяжелые, миди-, мини- и микро-БПЛА, мобильные портативные самонаводящиеся видеокамеры, бинокли, перископы и т.д. Их использование позволяет видеть поля сражений на стратегическую глубину, «заглядывать» в самые потаенные места в боевых и походных порядках противника. Видеть — это значит знать, знать — значит быть готовым, не допустить неожиданности, внезапности, неизвестности в развитии драматургии боя.

Современные технические средства наделяют воина психологическими возможностями, которые относятся к классу паранормальных. Так, основанные на различных принципах приборы ночного видения позволяют воину видеть ночью также как днем, на больших расстояниях (до 1 км), по разности температур тела отличать человека от животного, мужчину от женщины и т.д.

С помощью обычных микрофонов, установленных в критически важных точках боевого пространства, воины могут буквально «прослушивать» жизнедеятельность вражеского боевого организма и выставлять соответствующий диагноз о его здоровье и боеспособности. Дистантные подслушивающие технические устройства позволяют практически неограниченно увеличивать возможности слухового анализатора военнослужащего.

Специальные устройства засечки артиллерийского огня, огня снайперов делают возможным тонко «слышать» бой, выделять в какофонии звуков критически важные звуки боя. Это позволяет снизить влияния на поведение воинов такой специфической боевой фобии, как «снайперобоязнь».

Использование экзоскелетонов дает возможность манипулировать с предметами, весящими более 500 кг, совершать длительные переходы с предельно тяжелой боевой нагрузкой.

Применение, в перспективе, индивидуальных транспортных средств, устройств типа «джампер» позволит совершать молниеносные маневры на поле боя, безопасно преодолевать минно-взрывные заграждения противника, предупреждать или преодолевать другую боевую фобию — «минобоязнь».

Медикаментозный замещающий ресурс включает лекарственные препараты, витамины, лечебные травы, мобилизующие психологические и физические силы воина, позволяющие длительное время выполнять тяжелую физическую и умственную работу, обходиться без сна на протяжении мно-

гих суток, быстро засыпать и иметь полноценный сон за короткий промежуток времени, повышать возможность органов чувств и длительно сохранять их работоспособность, быстро адаптироваться к сложным условиям боевой и экологоэргономической обстановки, купировать запредельные болевые ощущения.

В настоящее время известна большая группа лекарств, растительных препаратов, витаминов, которые значительно увеличивают возможности оказания психологической поддержки военнослужащим на поле боя.

В табл. 8.1 приведены фармакологические средства, обладающие психотропными свойствами и годные для решения задач психологической помощи.

Таблица 8.1

Основные психофармакологические средства

Группы препаратов	Название препаратов
Транквилизаторы (анксиолитики), снотворные	Элениум, седуксен, нозепам, лоразепам, темазепам, мезапам, рудотель, клоразепат, нитразепам, реладорм, феназепам, гидазепам, тофизопам, алпразолам и др.
Антидепрессанты (тимолептики)	Имизин, дезимипрамин, кломипрамин, тримипрамин, амитриптилин, протиаден, азафен, мапротилин, пиразидол, инказан, бефол и др.
Неотропные препараты	Пирацетам, аминалон, пиридитол, пантогам, фенибут, фезам, пикамилон, ацефен, натрия оксибутират
Актопротекторы	Бемитил и др.
Нейролептики	Перициазин, тиоридазин, алимемазин, френолон, трифлуоперазин, хлорпротиксен, галоперидол, сульпирил и др.
Психостимуляторы	Сиднокарб, сиднофен и др.

Из табл. 8.1 следует, что некоторые из перечисленных препаратов могут быть использованы в качестве ресурса боевой активности воинов. Исследования, проведенные в Чечне группой специалистов Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, показали высокую эффективность применения в целях сохранения боеспособности военнослужащих препаратов сиднокарба и пирацетама, а для коррекции боевого стресса — феназепама. Для повышения скорости и точности реакций водительского состава применялся пирроксан. Для купирования острых психотических реакций военнослужащих использовалось такое известное транквилизирующее средство, как седуксен. В интересах коррекции астено-депрессивных состояний широко применяются пирацетам, сиднокарб, элеутерококк, феназепам, поливитамины. Фармакологические средства применяются исключительно по рекомендации психофармаколога или специально подготовленного врача. Поливитамины выдаются военнослужащим ежедневно по 2 драже[1]. При этом учитываются психотропные свойства поливитаминов: таблетки «Аснитин» — для профилактики гиповитаминозов и при зна-

[1] См.: Психофизиологическое обеспечение боевых действий. М., 1995.

чительной физической и нервно-психической нагрузке; таблетки «Декамевит» — для улучшения обмена веществ, при расстройствах сна и аппетита; таблетки «Аэровит» употребляются лицами, подвергшимися воздействию экстремальных факторов (вибрация, укачивание, перегрузки); драже «Гексавит» — для повышения сопротивляемости организма к инфекционным и простудным заболеваниям, лицами, профессия которых требует повышенной остроты зрения (водители, снайперы и др.); таблетки «Рибовит» применяются при значительных физических нагрузках и тяжелых климатических условиях; драже «Ревит» — при повышенной физической и психической нагрузке, нарушении питания; таблетки «Амитетравит» применяют в качестве адаптогенного средства, повышающего общую неспецифическую сопротивляемость организма, а также сопротивляемость к лучевому облучению[1].

Проверенным средством психорегуляции является *фитотерапия* (*траволечение*). К применению трав в целях коррекции психических состояний и лечения психических расстройств располагает целый ряд факторов. Во-первых, их огромное разнообразие, позволяющее практически постоянно иметь под рукой эффективные психотропные средства. Во-вторых, биологические вещества растительной клетки имеют много общего в своем строении с веществами, образующимися в клетках животных и человека. Поэтому они легче усваиваются организмом, что обеспечивает их умеренное действие и практическое отсутствие побочных явлений.

Американский психиатр Р. Габриэль в своей книге «Героев больше нет» пишет о том, что в Советской армии в годы Второй мировой войны широко применялись психоактивные средства. В определенной мере с ним можно согласиться. В большинстве случаев старшинами подразделений назначались крепкие мужики из крестьян. Они не упускали случая собрать мяты, душицы, зверобоя и других трав для того, чтобы порадовать сослуживцев травяным чайком. Вряд ли они сознавали, что тем самым способствуют регуляции психических состояний военнослужащих. Однако эта простая крестьянская привычка наверняка влияла на общий фон настроения воинов.

В настоящее время прошли медицинские испытания и признаны как целебные травы, рекомендуемые при стрессовых и других психотравмирующих ситуациях: валериана, пустырник, синюха голубая, пион уклоняющийся, мелисса и др. Перечисленные растения имеют выраженные седативные (успокаивающие) свойства. Успокаивающим эффектом обладают такие широко известные в народе травы, как душица обыкновенная, хмель обыкновенный, вахта трехлистная, фиалка трехцветная, полынь обыкновенная, мята перечная. Широкое распространение на всей территории страны позволяет активно применять их в интересах психологической поддержки военнослужащих в боевой обстановке.

Вместе с тем использование медикаментозных препаратов, других средств оправдано только в том случае, если они не вызывают эффекта привыкания и зависимости.

---

[1] См.: *Машковский М. Д.* Лекарственные средства : в 2 кн. М., 2002. Кн. 2. С. 40—45.

8.2. Выдающиеся психологические способности животных как ресурс эффективного решения боевых задач

Биологический замещающий ресурс заключается в уникальных свойствах животных, используемых для расширения или замещения психологических возможностей человека.

Физические и психологические возможности животных в интересах достижения победы над противником используются с незапамятных времен. Известны исторические факты, когда вмешательство животных коренным образом меняло ситуацию вооруженного противоборства.

Первоначально в военных нуждах использовались преимущественно физические возможности «братьев меньших»: устрашающий или необычный внешний вид (слоны, верблюды), сила (слоны, лошади, киты), выносливость, скорость (лошади, птицы), способность летать высоко в небе (птицы) и плавать под водой (рыбы, киты). Делались даже попытки использовать хищных животных (тигров, леопардов и т.д.) в качестве своеобразного оружия. Имеются сведения, что славянские воины применяли против неприятелей голодных пчел. Знания наших предков о характере отношений в животном мире позволяли им использовать в сражениях одних животных против других (например, мышей против слонов, верблюдов против лошадей и т.п.). Со временем люди все чаще стали задействовать такие качества животных, как особенности генетически обусловленного поведения, остроту и дальность зрения, развитую обонятельную чувствительность, хороший слух, скорость реакции, уникальную способность ориентироваться в пространстве, хорошую обучаемость, преданность и др. Например, во все времена в качестве надежного ориентира использовали особенности конфигурации муравейника (более крутой его склон, как правило, указывает на север, а более пологий — на юг).

Активно развивающаяся ныне научная отрасль «зоопсихология» позволяет использовать животных в войне на основе познания их многогранных возможностей и учета психологических закономерностей их поведения в различных условиях боевой обстановки. Используя данные зоопсихологии, ученые и практики, решающие оборонные задачи, осуществляют изучение психологических особенностей различных животных, селекцию и выведение пород животных, обладающих заданными психофизиологическими свойствами, отбор конкретных животных для того или иного вида деятельности, их обучение (дрессировку) и др.

Изучение показывает, что в различное время в военной практике наиболее широко использовались собаки, голуби, лошади и дельфины. В табл. 8.2 приведены физические и психологические качества животных, наиболее часто используемые в военных целях.

Создается иллюзия, что в век высокотехнологичных войн использование животных для решения каких бы то ни было боевых задач является анахронизмом. Следует отметить, что подобные мысли высказывались уже в 1920-е гг., однако боевая практика потребовала использовать «братьев меньших» и во Второй мировой войне, и в локальных военных конфликтах нового века. Несомненно, для них найдется «работа» и в будущих

войнах. Достаточно сказать, что в результате воздействия электромагнитного импульса ядерного взрыва, эффективного применения противоборствующими сторонами средств радиоэлектронной борьбы, оружия несмертельного действия существующие технические средства разведки, связи и транспортные средства могут быть выведены из строя мгновенно и на длительные сроки. В этих условиях будут вновь остро востребованы физические и психологические возможности животных.

Таблица 8.2

Психологические и физические качества животных, используемые для решения задач на войне

Животное	Физические и психологические качества	Решение боевых задач
Собаки	Высокая обонятельная чувствительность; хорошая обучаемость; преданность человеку; смелость; физическая сила; неприхотливость	Обнаружение взрывных устройств; осмотр и прочесывание местности в целях обнаружения разведчиков и диверсантов противника; своевременное обнаружение противника при действиях в засадах; поиск и эвакуация раненых; охрана объектов, территорий, мест расположения войск и военнопленных; транспортировка нетяжелых грузов; перевозка военнослужащих с использованием нарт; связь; подрывные работы[1]
Голуби	Инстинкт возвращения домой; высокая способность к ориентировке в пространстве; выносливость; способность перемещаться на большие расстояния; скорость	Связь; наведение систем оружия[2]
Другие птицы	Фиксированный уровень суточной активации (пробуждения); устойчивые паттерны поведения при контактах с человеком	Ориентирование во времени без часов; обнаружение противника в условиях ограниченной видимости

[1] В литературе имеются данные, когда собаки натаскивались на подрыв вражеских танков ценой своей жизни. Однако эта практика не нашла широкого распространения в силу нравственных ограничений.

[2] В 1940 г. известный американский психолог Б. Ф. Скиннер экспериментально доказал, что посредством выработки инструментальных рефлексов у голубей их можно использовать для наведения ракет и снарядов на цель. В частности, он проводил испытания с голубями, сидящими на носовом конусе снаряда, летящего со скоростью около тысячи км/ч и направляющим его вплоть до сближения с целью. Последующее развитие электронных и лазерных систем наведения сделало открытие Скиннера сравнительно малоэффективным, однако вполне можно спрогнозировать ситуации, когда этот принцип может быть использован и сегодня. См.: *Кордуэлл М.* Психология: А — Я : словарь-справочник : пер. с англ. М., 1999. С. 258.

Окончание табл. 8.2

Животное	Физические и психологические качества	Решение боевых задач
Дельфины, тюлени	Привязанность к людям и доброжелательность; хорошая обучаемость; высокая скорость перемещения; способность нырять на большую глубину; способность длительное время обходиться без воздуха	Связь; транспортировка грузов и людей по воде и под водой; водолазно-спасательные работы; охрана подводных объектов и береговых сооружений; обнаружение и уничтожение водолазов-диверсантов; обнаружение и поражение надводных и подводных судов противника, его береговых сооружений; контроль за состоянием подводных трубопроводов
Киты	Сила; выносливость	Подъем грузов с больших глубин
Лошади	Хорошая обучаемость; выносливость; сила; привязанность к людям; высокая обонятельная чувствительность; способность тонко чувствовать эмоциональные стояния человека и отличать мелкие мимические движения людей	Транспортировка грузов и людей; обнаружение противника (чувствуют незнакомых людей на расстоянии до 200 м)

Какие возможности животных можно считать актуальным психологическим ресурсом и сегодня? Рассмотрим их подробнее.

Собаки. Собака обладает многими достоинствами, релевантными для боевой практики. Однако наиболее широкое применение в практике военного дела нашла ее высочайшая обонятельная и слуховая чувствительность. Собака получила от природы не просто развитое обоняние, она обладает уникальной способностью — отыскать среди множества мощных запахов необходимый, даже слабо выраженный запах, и долго удерживать его в «обонятельном внимании», не адаптируясь к нему. По некоторым данным, обонятельная чувствительность собаки более чем в 10 000 раз превышает человеческую. И это не случайно, ведь собака имеет обонятельную луковицу в 10 раз большую, чем у человека. Если собаке дать фенамин, то ее обонятельная чувствительность еще более обострится. Не менее развит у собаки и слух. Утверждают, что он в пять-шесть раз превышает слуховую чувствительность человека. Не случайно говорят, что хорошая собака-ищейка — это точный прибор, и обращаться с ней надо как с точным прибором.

Обонятельная сверхчувствительность собак в военных условиях широко применяется в области обнаружения мин, взрывчатых веществ, определения границ минных полей. В годы Великой Отечественной войны собаки

спасли жизни сотням тысяч воинов и граждан страны, обнаружив огромное количество вражеских мин и фугасов.

Исторические факты

Известна история овчарки по имени Дик, которая, будь она человеком, пожалуй, не раз стала бы героем. В годы войны она по запаху взрывчатки нашла около 12000 мин и огромную бомбу с часовым механизмом, установленную фашистами в фундаменте Павловского дворца под Ленинградом. Она доставляла войскам донесения, вместе с инструктором-кинологом пересекала линию фронта, уходила в немецкий тыл и даже подорвала вражеский эшелон.

Собаки оказали существенное влияние на результативность боевого применения наших войск в Афганистане. В начальный период боевых действий в качестве основного средств обнаружения мин противника использовался танк. Подорвался танк на мине, — следовательно, есть минно-взрывное заграждение. Это заставило военных руководителей позаботиться об оснащении войск современными миноискателями и подготовке специалистов-саперов. Однако противник избрал саперов в качестве приоритетной цели для огневого поражения, и они стали нести ощутимые потери. В связи с этим, чуть позже, в боевых действиях стали применяться специальные миноискатели, оборудованные на базе БТР. Однако противник быстро перешел на установку бескорпусных мин, и потребовались новые решения. Миноискатели, работающие на принципе фиксации разной плотности грунта, в горных условиях оказались недостаточно эффективными. Ситуация побудила вспомнить об опыте использования собак-миноискателей, накопленный в годы Великой Отечественной войны. И собаки оправдали доверие человека.

Во время Великой Отечественной войны человеколюбие, смелость и высокая дисциплинированность собак эффективно использовались для поиска раненых на поле боя, доставки им средств неотложной помощи, оказания помощи в эвакуации в медицинские подразделения. Таким образом, собаки спасли жизни тысяч наших воинов.

В истории войн отмечено немало случаев, когда собаки выступали в качестве своеобразных почтальонов, посыльных, курьеров. С их помощью в сложных условиях боевой обстановки передавались приказы подразделениям и частям, отправлялись донесения в вышестоящие штабы и т.п.

Не остались без внимания и такие естественные, сформировавшиеся в процессе филогенеза, функции собаки, как поисковая и охранная. По существу поисково-розыскная и охранная «деятельности» стали ее основными военными «профессиями». Последняя из них даже зафиксирована в уставе гарнизонной и караульной службы ВС РФ как «караульная собака». В обеспечении охраны мест дислокации, важных военных объектов, военнопленных, хорошо обученной собаке нет равных. Это обстоятельство усвоено людьми еще в древние времена. История свидетельствует о том, что боевому псу, спасшему Коринф от внезапной атаки врагов, из казны выдали дорогую награду — массивный серебряный ошейник с надписью: «Защитник и спаситель Коринфа». К сожалению, охранные возможности собаки в нашей армии используются крайне неэффективно. Так, во время боевых действий наших войск в Афганистане крайне редко можно было встретить воинскую часть, а тем более подразделение, в которых несли бы сторожевую службу хорошо обученные собаки. Аналогичная

картина наблюдалась и при проведении антитеррористических операций в Чечне. В результате имели место эффективные диверсионные акции противника против наших войск, особенно в ночное время.

В годы Второй мировой войны собаки активно использовались для поиска диверсантов противника и бежавших военнопленных. Эта «военная» функция собаки не утратила своей актуальности и сегодня.

Свидетельство специалиста

Вот как ярко и образно описывает поисковые возможности собаки один из бывших сотрудников Главного разведывательного управления, т.е. тех людей, которые являются потенциальным объектом поиска.

«Много у тебя, брат диверсант, врагов. Ранний рассвет и поздний закат — против тебя. Плохо тебе, когда солнце в глаза. Плохо, когда попал под луч прожектора. Плохо, когда тысячи электронных устройств эфир прослушивают, ловя твой хриплый шепот и срывающееся дыхание. Но бывает хуже. Бывает совсем плохо. Это когда появляется твой главный враг. Много еще против тебя придумают всяких хитростей, противопехотных мин и электронных датчиков, но главный враг остается все тот же. У главного твоего врага уши торчком, желтые клыки с каплями злой слюны, серая шерсть и длинный хвост. Главный твой враг быстрее тебя. Он твой запах носом чувствует. И прыжок у него гигантский, когда он на твою шею бросается... В КГБ для таких собак особая графа в карточке предусмотрена. Называется "злостность". И пишут умудренные специалисты в этой графе страшные слова: "злостность хорошая", "злостность отличная"»[1].

Постепенно собака как боец оснащается различными технологическими приспособлениями, повышающими эффективность ее поисково-розыскной деятельности. Например, при осуществлении поиска в лесу, собака отпускается с поводка и тогда управление ее действиями может осуществляться с помощью специальных радиоустройств на расстоянии до 200 м.

Собака обладает и многими другими качествами, делающими ее бесценным спутником и соратником человека на войне. Например, она может служить для воинов и своеобразным барометром. Перед дождем животное начинает резко и своеобразно пахнуть[2].

Говоря о возможных масштабах использования психологических особенностей собак в военных целях, можно привести следующие данные. В годы Великой Отечественной войны в нашей армии было 168 отрядов, батальонов, полков, имевших собак. В действующую армию входили 69 взводов. 36 батальонов нартовых упряжек, 29 рот и 19 батальонов собак-миноискателей. Два спецполка и 13 спецотрядов выполняли военно-служебные задачи (охрана, конвоирование, разведка и т.д.). С использованием собак было подбито более 300 танков противника, доставлено 200 000 донесений, обследовано около 15 000 км^2 территории и обнаружено боле 4 000 000 мин. Благодаря этим героическим животным было выведено с поля боя более 680 000 тяжелораненых бойцов. Такого количества спасенных от гибели воинов хватило, чтобы укомплектовать порядка шести пехотных диви-

[1] См.: *Суворов В. В.* Аквариум. М., 1993.

[2] *Старикович С. Ф.* Самые обычные животные. М., 1988. С. 256—258.

зий! Ряд частей, использовавших собак, получили почетные наименования и были награждены орденами.

Голуби в течение многих веков служат людям как в их мирном труде, так и в ратном деле. В Средние века почтовый голубь в Европе стоил столько же, сколько чистокровный арабский жеребец.

Интерес людей к голубям обусловлен, прежде всего, тем, что они отличаются умением точно находить дорогу и возвращаться, будучи даже израненными и ослепленными, из очень отдаленных мест — до 500 км и более. Примечателен такой факт. Белогвардейцы барона Врангеля, отступая из Крыма, захватили с собой почтовых голубей севастопольской военной станции. Голуби попали в Германию, за 2500 км от дома. Тем не менее через некоторое время большинство из них вернулось домой, в Севастополь[1]. Такие голубиные качества обусловливаются наличием у них специального генетически обусловленного инстинкта возвращения к дому — хоминга. О природе и механизмах такой ярко выраженной способности к ориентированию в пространстве пока еще известно крайне мало. На этот счет существуют электромагнитная, гелио-астральная и ультразвуковая теории, ни одна из которых до сих пор не нашла достаточного научного подтверждения.

Несмотря на отсутствие точного знания о психологических механизмах хоминга, это свойство голубей широко использовалось в войнах далекого и недавнего прошлого.

Исторические факты

Так, во время Франко-прусской войны 1870—1871 гг. осажденный немцами Париж посылал войскам распоряжения с помощью голубиной почты. Голуби были вынуждены летать сквозь шрапнель и ружейную пальбу. Немцы для перехвата голубей бросили на фронт эскадрильи соколов. Голубиный отряд стал нести массовые потери. Однако чуть позже французы снабдили голубей своеобразным оружием устрашения: к их хвостам стали привязывать небольшой свисток. В результате соколы, даже очень голодные, боялись нападать на свистящих птиц[2].

В годы Второй мировой войны в небе над Европой развернулось полное драматизма противоборство с участием бойцов-голубей. С их помощью было передано более 15 000 «голубеграмм». Голуби доставляли самую засекреченную информацию, особенно, когда стало ясно, что шифры противоборствующих сторон стали известны врагу. В британской армии действовали голубиные подразделения и части, насчитывающие в общей сложности тысячи голубей. Германское военное командование вновь создало подразделение соколов-истребителей, приказало своим снайперам отстреливать пернатых почтальонов, значительные военно-административные силы, полицаи, «сексоты» были брошены на выявление наличия голубей у населения и их уничтожение.

О силе хоминга как механизма регуляции поведения голубя свидетельствует такой факт. Во время Второй мировой войны экипаж одной английской подводной лодки, поврежденной немецкой глубинной бомбой, был спасен исключительно благодаря паре голубей. В маленькой капсуле их выпустили на поверхность через торпедный аппарат. Голубка, несмотря на шторм и гибель голубка, доставила сообщение по назначению. Люди были спасены, а спасительнице поставили памятник.

---

[1] *Старикович С. Ф.* Самые обычные животные. М., 1988. С. 125.

[2] Там же.

Стремясь повысить результативность боевого поведения голубей, ученые разных стран предпринимали попытки выведения такой их породы, которая не имела бы естественных недостатков голубей-почтовиков. В годы Второй мировой войны в Японии вывели даже новую породу голубей, способных летать ночью: неприятель не увидит и не подстрелит, и дневные хищные птицы не схватят.

В современной войне голубиная почта, при условии широкого применения надежных средств кодирования сообщений, может использоваться в качестве дублирующей системы связи. По крайней мере, предусматривать возможность ее использования, создавать голубиные почтовые станции, осуществлять подготовку голубиных инструкторов — обязанность командиров, отвечающих за боеготовность и боеспособность вверенных частей и соединений. Наличие такой системы дублирования связи позволяет снизить эффект изоляции у подразделений, действующих в отрыве от основных сил, в населенных пунктах, в окружении и т.д., повысить уверенность воинов в том, что они не останутся без связи с окружающим миром и не будут забыты.

Дельфины обладают незаурядными физическими данными и способностями, релевантными для решения сложных боевых задач. Например, они могут плавать со скоростью до 50 км/час. По расчетам известного специалиста по биомеханике Дж. Грея, для обеспечения такой скорости передвижения дельфину «по закону» необходима мускулатура, в 7—10 превышающая имеющуюся по мощности. Долгое время ученые не могли разрешить этот своеобразный «парадокс Грея». Сегодня ученые считают, что достигать такой скорости передвижения в условиях мощного сопротивления воды дельфину помогает высочайшая эластичность его кожи. Благодаря этой эластичности дельфин способен гасить турбулентность обтекающего его тела водного потока. В отличие от кораблей, которые при движении как бы рвут воду в клочья, дельфин словно бы ввинчивается в водную ткань, легко проскальзывая между ее слоями.

Не менее интересным и практически значимым для решения военных задач качеством дельфина является его способность нырять на глубину более 300 м без последующих кессонных расстройств. При этом особенно важно, что дельфин может находиться под водой до четверти часа[1]. Дельфин может бодрствовать непрерывно, попеременно «выключая» полушария мозга. Но, пожалуй, главное, чем дельфины отличаются от других животных, — высокие интеллектуальные способности, способность к быстрому научению и ярко выраженная привязанность к людям. Ученые выяснили, что дельфин по сообразительности значительно превосходит собак и обезьян. Эти качества и стали причиной использования дельфинов в военных нуждах. В литературе имеются сведения о попытках привлечения дельфинов для решения следующих боевых задач:

— передача сообщений, инструментов, орудий и оружия для военнослужащих, выполняющих боевые задачи, водолазные или ремонтные работы под водой;

---

[1] Популярная психология : хрестоматия. М., 1990. С. 101—102.

— поражение надводных, подводных объектов и береговых боевых сооружений противника дельфинами-камикадзе, оснащенными взрывными устройствами;

— уничтожение водолазов-диверсантов противника с помощью специального устройства, состоящего из баллона со сжатым воздухом и соединенной с ним иглы (диверсант протыкается иглой, сжатый воздух подается в тело и оно разрывается от перепада давления);

— транспортировка грузов, использование в качестве своеобразного транспортного средства (дельфины способны плавать в упряжке) и др.

Периодически активно дискутируется вопрос о возможности привлечения в северных морских акваториях ***тюленей*** для выполнения большинства из тех задач, которые решаются дельфинами. Специалисты указывают на возможность эффективного использования тюленей для контроля за состоянием подводных коммуникаций, выполнения «тонких» водолазно-спасательных работ. И это не случайно, ведь тюлень способен поднимать с большой глубины даже небольшие предметы по указанию дрессировщика. Тюлени особенно эффективно могут использоваться для обнаружения подводных лодок и боевых пловцов неприятеля.

Уникальные способности дельфинов освобождают людей не только от тяжелой и опасной работы, но и от огромных психологических нагрузок, что позволяет рассматривать их в качестве психологического ресурса военнослужащих.

Безусловно, использование животных в боевой обстановке должно быть сопряжено с обеспечением их максимальной безопасности, недопущением их бессмысленной гибели. Животные должны сражаться за свою страну на тех же условиях, как и ее граждане.

Таким образом, в распоряжении командиров и военных психологов имеются различные средства, которые могут быть использованы в качестве психозамещающего ресурса, позволяющего максимально расширять психологические и боевые возможности воинов и существенно снижать боевую и психологическую нагрузку на них.

Рекомендуемая литература

Вельховер, Е. С. Локаторы здоровья / Е. С. Вельховер [и др.]. — М. : Молодая гвардия, 1991.

Винокуров, И. Психотронная война: от мифов к реалиям / И. Винокуров, Г. Гуртовой. — М., 1993.

Караяни, А. Г. Зоопсихология и война / А. Г. Караяни // Журнал прикладной психологии. — 2001. — № 6. — 24—30.

Кордуэлл, М. Психология: А — Я : словарь-справочник : пер с англ. / М. Кордуэлл. — М., 1999.

Мезенцев, В. А. В лабиринтах живой природы / В. А. Мезенцев. — М. : Московский рабочий, 1983.

Популярная психология : хрестоматия. — М. : Просвещение, 1990.

Старикович, С. Ф. Самые обычные животные / С. Ф. Старикович. — М. : Наука, 1988.

Тарас, А. Н. Подготовка разведчика: система спецназа ГРУ / А. Н. Тарас, Ф. Д. Заруцкий. — Минск : Харвест, 1999.

Фабри, К. Э. Основы психофизиологии. — М., 1999.

ГЛАВА 9
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ КОМАНДИРА В БОЮ

9.1. Психологические основы руководства подчиненными в бою

Военные психологи установили, что доверие к командирам является важнейшим фактором сплочения воинского подразделения, его боевой активности и предупреждения психотравматизации военнослужащих. Даже когда падает вера в справедливость войны, уровень морально-психологического состояния воинов может оставаться достаточно высоким, если солдаты сохраняют веру в своего командира[1]. От стиля управления командира воинским подразделением зависит эффективность боевых действий, морально-боевой дух подчиненных, психологический климат в воинском коллективе.

Управление — процесс воздействия субъекта на ту или иную систему, обеспечивающее ее целенаправленное развитие, сохранение или видоизменение структуры, поддержание или изменение режима деятельности, реализацию программ и целей.

Управление воинским подразделением — такое влияние на психику и отношения военнослужащих между собой, которое позволяет делать их поведение адекватным стоящим задачам (ближайшим и последующим).

Управление подчиненными в бою — дело крайне сложное. В свое время известный военный теоретик и эмпирический психолог К. фон Клаузевиц писал, что «никакая другая человеческая деятельность не соприкасается со случаем так всесторонне и так часто, как война. Наряду со случаем в войне большую роль играет неведомое, риск, вместе с ним и счастье». Он отмечал, что на войне «все действия ведутся до известной степени в полумраке; к тому же последний нередко, подобно туману или лунному освещению, создает иллюзию преувеличенного объема и причудливых очертаний»[2]. Кроме этого, Клаузевиц подчеркивал особый характер влияния опасности на командира. Он писал, что опасность воздействует на начальника не только тем, что непосредственно угрожает лично ему, но и тем, что всем вверенным ему людям. Воздействие опасности имеет место не только в момент действительного ее проявления, но и в течение всего промежутка

---

[1] См.: *Беленки Г., Ной Ш., Соломон З.* Стресс на поле боя: опыт Израиля // Милитари ревю. 1985. № 7. С. 28—37.

[2] *Клаузевиц К.* О войне. Т. 1. С. 43, 145.

времени, который в его представлении связан с этим моментом. Наконец, опасность оказывает не только непосредственное воздействие, но также и косвенное — посредством ответственности, бремя которой, тяготеющее над сознанием начальника, она удесятеряет[1].

К управленческой деятельности командира предъявляются высокие требования. Он должен умело сочетать два основных ***стиля управления*** из числа допустимых на войне — *авторитарный* и *демократический*. При этом наиболее эффективным стилем является стиль универсальный, сочетающий обе управленческие ориентации. Процесс выработки боевого решения целесообразно осуществлять демократически, советуясь с заместителями, специалистами и боевым активом, а процесс его реализации — авторитарно.

Китайские психологи предлагают несколько иной подход к выделению стилей управления. В частности, описываются стили управления:

— «бедный стиль» — плохое отношение к работе и к людям;

— «клубный стиль» — плохое отношение к работе, сочетаемое с заботой о людях;

— «целевой стиль» — все делается в интересах работы, но отсутствует забота о людях;

— «промежуточный стиль» — среднее отношение к работе и к людям;

— «стиль боевого коллектива» — все делается в интересах решения боевой задачи, в сочетании с высокой заботой о людях. Этот стиль, по их мнению, считается оптимальным[2].

Миссии командира. Командир в боевой обстановке выполняет ряд важнейших миссий, от успешности реализации которых в решающей степени зависит успех выполнения боевых задач. Важнейшими миссиями командира являются следующие.

1. ***Миссия военного руководителя (командира)***, заключающаяся в грамотном планировании боевой деятельности и жизнедеятельности подчиненных, правильной расстановке подчиненных, распределении сил и средств для выполнения боевых задач, мотивировании подчиненных на активные и самоотверженные боевые действия, контроле за выполнением поставленных задач, оценки результатов деятельности подразделения (части) и единоличной ответственности за успешность или неуспешность боевой деятельности.

При реализации данной миссии очень важно соблюсти меру, не стремиться полностью подменить нижестоящие управленческие звенья. В природе и обществе действует общий закон: «функция, которая не упражняется, угасает». Если младшие командиры привыкнут, что за них все управленческие функции выполняет вышестоящий командир, вскоре они разучатся управлять подчиненными.

Еще опаснее поведение старших командиров публично унижающих достоинство младших командиров. Они практически уничтожают важнейший ресурс боевой эффективности — доверие к командирам.

---

[1] *Клаузевиц К.* О войне. Т. 1. С. 143.

[2] См.: *Лю Хусун.* Военная психология.

2. ***Миссия лидера*** — человека, обладающего доверием и непререкаемым авторитетом, обладающего свойствами, крайне полезными для всего коллектива, способного обеспечить выживание, процветание и успешность деятельности коллектива по его прямому предназначению, достойно представляющего коллектив на всех иерархических ступенях военного управления и в системе межгрупповых отношений, вызывающего желание подчиненных идентифицироваться с ним.

3. ***Миссия педагога***, заключающаяся в постоянной заботе о росте боевого мастерства подчиненных, овладении ими современными методами боевых действий, «ноу хау» современной тактики, военной хитрости, способов эффективного выживании на поле боя, приемов эффективного боевого взаимодействия и т.д.

4. ***Миссия воспитателя***, состоящая в приоритетном формировании у подчиненных высокой нравственности, строгого соблюдения законов ведения боевых действий, боевых традиций коллективизма, взаимной помощи и взаимовыручки, строгого спроса за нарушения дисциплины, недостойное отношение к боевым товарищам.

5. ***Миссия психолога***, нацеленная на глубокое изучение индивидуально-психологических возможностей (доблестей и слабостей) каждого воина, правильную расстановку воинов для выполнения различных боевых задач с учетом их психологической совместимости, сплочение воинского коллектива, слаживание экипажей, расчетов, создание в коллективе здорового психологического климата, боевого настроя, отношений ответственной зависимости, обучение воинов приемам психологической помощи и саморегуляции.

6. ***Миссия примера для подражания***, заключающаяся в постоянной сверке каждого своего шага, решения, слова с тем, какую реакцию они могут вызывать у подчиненных, как повлияют на решение боевой задачи.

Реализуя перечисленные миссии, командир может задействовать различные ***виды авторитета***.

Авторитет харизмы — свойство человека выглядеть абсолютным лидером (одеваться как лидер, говорить как лидер, держаться как лидер).

Авторитет власти, основанный на формальной принадлежности к категории «командир», признании его вышестоящими властными структурами элементом системы управления.

Авторитет силы, проявляющийся в наделенности командира правом поощрять и наказывать, «карать и миловать», решать судьбу своих подчиненных.

Авторитет эксперта, заключающийся в обладании жизненно важными знаниями, навыками, умениями для успешной деятельности коллектива.

Авторитет источника информации, проявляющийся в способности человека получать и правильно распределять информацию, связанную с удовлетворением важных потребностей членов коллектива.

Авторитет доверия, состоящий в способности человека располагать к себе окружающих, «выключать» их механизмы психологической защиты, доверять ему сокровенную информацию и надеяться на его помощь.

В боевой обстановке наиболее полезными для установления эффективной системы управления являются все виды авторитета, но, прежде всего, авторитет эксперта, силы, источника информации.

Известный специалист в области морально-психологического обеспечения боевых действий войск С. Л. А. Маршалл в своей работе «Руководство в бою» на основе результатов масштабных исследований сформулировал условия, при которых управление боевыми подразделения является эффективным. Важнейшими из этих условий являются:

— демонстрация личного примера в минуту опасности;

— подбадривание своих подчиненных в самые критические минуты боя шуткой;

— максимальная требовательность к подчиненным в бою и забота о подчиненных после боя (сон, отдых);

— постоянное напоминание о важности успеха именно всего подразделения, от которого зависит успех и жизнь каждого;

— воспитание чувства гордости за свое подразделение;

— личная смелость (подчиненные могут извинить почти любую глупость, но явную трусость — никогда!)[1].

Авторитет командира должен основываться на таких личных качествах, как компетентность, трудолюбие, поведение, внушающее уважение, способность взять на себя ответственность и принять решение, владение собой, справедливость, педагогические способности. Воины уважительно относятся к тем командирам, которые уважительно относятся к солдатам, знают их имена и фамилии; предпочитают похвалу наказанию; критикуют подчиненных без унижения их достоинства; обладают четкой и понятной речью; разъясняют солдатам смысл того, что они делают; готовят своих подчиненных к различным неожиданностям и непредсказуемым поворотам в развитии ситуации; поддерживают у солдат религиозную веру и веру в талисманы и даже суеверные предрассудки, если они помогают повысить психическую устойчивость; учат подчиненных правильному отношению к смерти («Если ты должен умереть, то пусть твоя смерть принесет хоть какую-либо пользу»); почитают погибших боевых товарищей; умеют устанавливать контакты с подчиненными и открыты к их просьбам. Командир призван быть образцом для подчиненных, символом власти, которой они охотно подчиняются. Командир должен нести достойно бремя своей власти и оправдывать доверие подчиненных[2].

Перечисленные условия подтверждаются выводами множества исследований. В частности, отмечается, что на командира в бою ложится огромное число обязанностей, связанных с выполнением как предписанных ему функций, так и нравственными требованиями его социального статуса. Однако главнейшая из задач — вести подчиненных в бой. Боевой офицер и ученый Л. Л. Байков, иллюстрируя сложность этой задачи, пишет о том, что в «сердце человека происходит долгая, тяжелая борьба двух противоположных стремлений, положительного — “победить” — и отрицательного — “отказаться от боя”. Насколько эта борьба мучительна, видно из того, что в бою нередки даже случаи самоубийства. Уклонение же от боя — явление обыкновенное, причем некоторые, чтобы уйти на “законном основании”, сами себя ранят». В подобных ситуациях авторитет и власть командира

---

[1] См.: Современная буржуазная военная психология. С. 144, 147.

[2] *Боринг Э.* Психология для Вооруженных Сил. С. 531–547.

являются важнейшими условиями сохранения боевой активности воинов и выполнения боевой задачи.

9.2. Командир и воинская дисциплина

Выше было показано, что на командира в боевой обстановке возлагается большое количество функций. Однако вся история войн убедительно свидетельствует о том, что главнейшей его миссией является поддержание высокой дисциплины среди подчиненных.

Сегодня уже хорошо известно, что по-настоящему могучее войско может вырасти только на твердой, устойчивой почве воинской дисциплины. Не случайно среди суворовских условий формирования победоносного воина два из девяти факторов напрямую связаны с дисциплиной — субординация и дисциплина.

Функции воинской дисциплины. Воинская дисциплина выполняет в боевой обстановке ряд функций, которые умножают силы воинов, обеспечивают морально-психологическое превосходство над противником, позволяют предупреждать гибель и психотравматизацию военнослужащих. Рассмотрим их.

1. **Синергетическая функция дисциплины.** Под синергией принято понимать такой суммарный эффект взаимодействия различных факторов, при котором получаемый результат заметно превышает результат действия каждого фактора в отдельности. Другим словами, синергия — это дополнительная сила, возникающая из характера взаимодействия различных процессов и явлений. Как это ни странно, но для демонстрации синергетического эффекта чаще всего привлекается аргументация, связанная именно с воинской дисциплиной.

В середине XIX в. Ш. Ардан дю Пик написал труд, который по существу предвосхитил развитие военной психологии. Среди множества психологических факторов, определяющих поведение воина в бою, обеспечивающих превосходство и победу над противником, он называл воинскую дисциплину. По существу, этот труд — гимн воинской дисциплине. Так, анализируя изречение Наполеона о том, что «два мамелюка устоят против трех французов; но 100 французских кавалеристов не боялись 100 мамелюков; 300 побеждали такое же число, 1000 били 1500», дю Пик отмечал, что в основе этого эффекта «лежит нравственное влияние солидарности, основанной на дисциплине и ставшей возможной и полезной в бою, благодаря организации и установлению взаимной поддержки. При солидарности, здравых распоряжениях люди, обладающие меньшей на треть личной доблестью, бьют индивидуально достойнейших, нежели они. Все заключается в этом и должно к этому клониться при организации армии. Одна организация дает эти качества»[1]. «Каким образом может случиться, — размышляет дю Пик, — что люди, не боящиеся нисколько смерти, сами себя убивающие, жители востока, китайцы, татары, монголы не могут дер-

---

[1] См.: *Ардан дю Пик Ш.* Исследование боя в древние и новейшие времена.

жаться перед оружием западных народов? Вследствие плохой организации. Инстинкт самосохранения, который овладевает ими в последний момент, не сдерживается дисциплиною... Таким же образом, не раз и на Западе нам случалось видеть, как целые населения, фанатизированные, глубоко верующие, что смерть в бою обещает счастливое и славное воскресение, превосходные числом, уступали перед дисциплиной... Нам уже не трудно объяснить, каким образом люди, одушевленные, увлекающими страстями, люди, умеющие даже умирать, не дрогнув, не бледнея, действительно сильные перед смертью, но не дисциплинированные, не имеющие прочной организации, бывают побеждаемы другими, индивидуально менее доблестными, но имеющими прочное и солидное устройство»[1].

Задача командира состоит в том, чтобы не насаждать «железную дисциплину» среди подчиненных, а разъясняя ее тактическое и психологическое значение, формировать сознательное отношение к ней и, таким образом, устанавливать сознательную, добровольную дисциплину военнослужащих.

2. ***Боевая (управленческая) функция дисциплины.*** Известно, что в систему регуляции поведения военнослужащих в бою включены различные детерминанты: а) врожденные, инстинктивные; б) образовавшиеся по механизму формирования условных рефлексов установки, навыки, привычки; в) усвоенные социальные ценности, вера, чувство долга.

Установлено, что под влиянием гиперстрессоров боевой остановки в первую очередь распадаются высшие механизмы регуляции поведения. Значительно меньше подвержены разрушению условно рефлекторные и инстинктивные регуляторы.

Воинская дисциплина как важнейший регулятор боевого поведения функционируют как на ценностно-сознательном, так и на рефлекторном уровне. Многократно повторяющиеся дисциплинарные требования, выполнение многочисленных команд командира в ходе боевой, психологической, строевой подготовки формируют у воина важнейший боевой рефлекс — *рефлекс дисциплинированности*, подчинения.

В экстремальной обстановке боя, когда значение высших регуляторов поведения ослабевает, привычные команды командира продолжают выполняться автоматически. В истории войн содержатся многочисленные примеры того, как сформировавшаяся привычка выполнять простые команды спасала воинские подразделения и части от полного разгрома противником. Так, Г. Д. Хаханьян описывает случай, когда в ходе гражданской войны в России (1918—1922) одна из воинских частей Красной Армии подверглась массовой панике и бежала с поля боя. Призывы, угрозы, стрельба командиров и комиссаров не имели успеха. И вдруг над полем боя прозвучала команда командира: «Сесть! Снять сапоги!» Паническая масса четко выполнила команду. Только после этого у командиров появилась возможность восстановить управление частью.

Основанные на воинской дисциплине рефлексы способны сохранять боевое управление в самых критических условиях боя. Сохранять дисциплину и организованность — значит получать синергию — дополнительную

---

[1] См.: *Ардан дю Пик Ш.* Исследование боя в древние и новейшие времена.

силу, позволяющую получать психологическое и тактическое превосходство над врагом.

Опыт показывает, что одного приказания командира для организованных действий подчиненных на поле боя недостаточно. Необходим постоянный, вспомоществующий контроль за действиями каждого воина на поле боя, реальный или номинальный контроль боевых товарищей. Необходимо «наблюдение, от которого никто не может ускользнуть в бою, обеспечивающее исполнение дисциплины, должно гарантировать солидарность против упадка духа, который нам известен; и чтобы сознавать ее, что есть самое важное, чтобы производить сильное нравственное давление и заставить всех идти вперед, это наблюдение, глаз всякого, направленный на каждого, требует в каждой группе людей, хорошо знающих друг друга и понимающих его как право и обязанность всеобщего спасения»[1]. Такие требовательные отношения членов коллектива друг к другу, основанные на стремлении к достижению общеколлективной цели и общего благополучия, А. С. Макаренко называл отношениями ответственной зависимости.

3. ***Мотивирующая (психотерапевтическая) функция воинской дисциплины.*** Бой оказывает мощное давление на психику военнослужащих. Как отмечал Г. Е. Шумков, «в сердце каждого бойца идет свое собственное сражение», сражение между инстинктом самосохранения, страхом и чувством долга. Чувство долга, как всякое, даже самое высокое переживание, остается чувством, т.е. в значительной мере бессознательной оценкой своего отношения к Родине, армии, военной службе. Оно как регулятор поведения высшего уровня может ослабевать в первую очередь. В этой ситуации страх может захватывать воина целиком, вызывать сильные переживания, душевные терзания. Воинская дисциплина оказывается в этом случае спасительным средством, побуждающим преодолеть деструктивный страх, сохранить уверенность в собственных силах, самоуважение и целостность своей личности.

В бою события сменяются с калейдоскопической быстротой. Часто они воспринимаются лишь «периферией сознания», скорее даже «эмоциональным сознанием». Некоторые из происходящих событий вызывают нравственные переживания и сомнения. Эти сомнения могут травмировать психику воина. Привычка действовать «по закону», в соответствии с требованиями воинской дисциплины позволяет принимать решения в ситуации борьбы мотивов.

Формирование воинской дисциплины — дело трудное и требующее много времени. Ее нельзя установить одним приказом. Она скорее воспитывается, чем устанавливается. Дисциплина — это не отрепетированный ритуал, а устоявшаяся и саморазвивающаяся коллективная традиция.

Видный современный психолог Э. П. Утлик разработал *концепцию «дисциплинарных систем»*, в которой выделен социально-психологический механизм обеспечения воинской дисциплины в воинском подразделении (части). Этот механизм включает следующие компоненты:

---

[1] См.: *Ардан дю Пик Ш.* Исследование боя в древние и новейшие времена.

— индивидуальную дисциплинированность воина, основанную на понимании функций дисциплины (синергетической, управленческой и мотивационной), принятии и неуклонном выполнении ее требований;

— коллективно-групповую дисциплинированность, включающую нормативное общественное мнение, общее позитивное настроение, продеятельностно настроенных и действующих лидеров, систему нормативно ориентированных внутригрупповых санкций;

— дисциплинарное управление, заключающееся в демонстрации примерного дисциплинарного поведения, объективации требований дисциплины в структуре повседневной деятельности личного состава, активном стимулировании дисциплинированного поведения воинов, высокой требовательности и контроле над исполнением нормативных положений[1].

Такой подход требует не провозглашать дисциплину, а выстраивать в соответствие с ее требованиями боевую учебу, повседневную жизнь, быт воинов по принципу «Здоровая воинская деятельность формирует здоровую психику воина».

9.3. Личностное измерение управленческой деятельности командира

В военной психологии сложилось убеждение о том, что управление современным боем — это не только выявление замыслов противника, оценка его боевых возможностей, прогнозирование способов его тактических действий, создание эффективной группировки своих войск, подготовка боевой техники и оружия, отдание четких приказов и контроль за их выполнением. Управлять боем — это в значительной мере правильно воспринимать и осмысливать боевую ситуацию, сохранять высокое самообладание, принимать обоснованные боевые решения, навязывать свою волю противнику, управлять мыслями, эмоциями, чувствами, мотивами, волей своих подчиненных. «Подобно всякому творению рук и воли людей, бой осуществляется дважды — сначала в мыслях, а потом в действительности»... командир «должен силой фантазии, напрягая остроту чувства предвидения пережить этот бой, детали которого порой запечатлеваются в памяти, как кадры на кинопленке»[2].

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что главная обязанность командира в бою — «не геройски умереть, а выполнить поставленную боевую задачу, следовательно командир должен быть не столько солдатом кулачного боя, сколько солдатом ума. Главная среди прочих обязанностей командира — думать, думать и думать»[3].

При выработке боевого решения, определении времени и направления главного удара, построения боевого порядка, организации боевого взаимодействия командир должен учитывать психологические возможности своих войск и противника, степень влияния на них средств боевого

---

[1] *Утлик Э. П.* Основы психологической теории дисциплинарных систем : дис. ... д-ра психол. наук. М., 1996 : *Его же.* Психология дисциплины. М., 1992.

[2] *Батов П. И.* В походах и боях. М., 1966. С. 200.

[3] *Момышулы Б.* Психология войны. С. 99.

и информационно-психологического противоборства. Командир призван «вникать в душу солдата, уметь воздействовать на его чувства, психику, управлять ими, задевать за живое в интересах службы, мобилизовать всю его сущность для осмысленного действия, для выполнения задачи, знать все качества солдата — моральные и физические, помогать расти, совершенствоваться, прививать положительные... черты, боевую дружбу, любовь к своей части, как к родной боевой семье»[1].

Военный руководитель должен быть психологом, знающим законы функционирования психики солдата в обстановке действия мощных стресс-факторов боя, как изменяется их активность и поведение, в различных видах боя, при применении противником разных видов оружия, средств информационно-психологического воздействия, последствия боевого стресса и боевой психической травмы, как влияют на взаимоотношения воинов суеверия и слухи, на какие девиантные поступки способны его подчиненные, с помощью каких методов можно сделать их психологически более сильными, уверенными, активными, эффективными в боевом отношении.

О командире как психологе раздумывали военные теоретики и практики еще в начале прошлого века. Так, Р. Дрейлинг отмечал: «Начиная с мер психологической гигиены, не допускающих заражения своих войск пораженческими идеями, а что еще хуже, вредными привычками, до сознательного использования тревожного ожидания, подавления или развития его и кончая мерами воздействия на психику противника — через всю деятельность военного начальника должна пройти мысль о психологических последствиях его распоряжений и поведения»[2].

Подобными размышлениями должна быть пронизана вся деятельность командира при организации повседневной боевой и психологической подготовки, боевого дежурства и караульной службы.

В век научно-технических революций и нанотехнологий, существенно возросших требований, предъявляемых к командирам, недопустимо, чтобы вопросами психологии они занимались методом «проб и ошибок». В их распоряжение должны быть представлены рекомендации и выводы современной военной психологии.

В сложных ситуациях боя все подразделение ищет поддержки у офицера, а ему не у кого искать ее. Офицер может надеяться только на себя. Перед лицом опасности солдаты инстинктивно обращаются к нему, и если он проявит хоть малейшую растерянность, их боевой дух ослабнет. Но если он будет держать себя спокойно и собранно, они продолжат бой, поверив, что их командир уверенно ориентируется в обстановке[3].

Учитывая важность для командира мощного интеллекта и несгибаемой воли, Наполеон подчеркивал, что военный человек должен иметь столько же характера, сколько и ума. Это двуединство ума и воли он

---

[1] *Момышулы Б.* Психология войны.

[2] *Дрейлинг Р.* Военная психология как наука // Душа армии: русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. С. 165.

[3] См.: *Коупленд Н.* Психология и солдат.

сравнивал с квадратом, в котором основание — воля, высота — ум. Квадрат является квадратом лишь тогда, когда его основание и высота равны. Так же настоящим полководцем, по мнению Наполеона, может быть лишь человек, у которого ум и воля равны. Если воля существенно превышает ум, командир будет действовать решительно и мужественно, но мало разумно. Если же его ум будет значительно преобладать над волей, он будет иметь прекрасные планы, которые могут остаться неосуществимыми[1].

На поле боя вожак — человек действия, а не рассуждения. Он действием подчиняет волю. Общая твердая воля, выразителем которой является командир, дает всем возможность равномерного, уверенного действия, повышения твердости, стойкости и энергии в соответствии с обстановкой. Слабая воля командира лишает подчиненных устойчивости, разрушает планомерную равномерность действия, раздробляет духовные силы и материальные средства борьбы, создает беспорядок[2].

Из литературы

Офицер, который будучи старшим лейтенантом, командовал несколькими полками, участвовал в наиболее драматических боях под Москвой осенью 1941 г., Б. Момышулы сформулировал требования к командиру, которые можно считать своеобразным катехизисом военного руководителя:

— твердое управление особенно необходимо в момент наивысшего накала внутренней борьбы в душе солдата, когда чаша весов попеременно колеблется то в одну, то в другую сторону... «Команда командира, его повелительный, не терпящий возражений тон, уверенная, спокойная интонация — есть приказ Родины сыну, вселяющий в душу уверенность, поддерживающий силу воли, психику, дающий толчок для выполнения долга, вырывающий воина из рук малодушия, позора, вселяющий боевой дух, спасая гибель его совести от заманчивой, но мерзкой психологии — от чувства страха». «Управлять боем, управлять психикой...», — вот почему неоценимо велико значение команды командира в бою, не только как средства управления, а как средства, завершающего победоносную борьбу чувства долга над чувством страха. Преодолев чувство страха, воин среди множества опасностей чувствует себя спокойным (разумеется, относительно), верит в силу своего оружия и разумно, хладнокровно, расчетливо действует на поле боя;

— в бою нет случайностей, есть неожиданности для противников. Победа или поражение вполне причинны и закономерны. Случайностью прикрывается всякая расхлябанность офицера и солдата;

— командир должен владеть ключом от сердца солдата. Солдатский сейф — три ключа: ум, воля, чувство. Учи умом, а не гневом, учи лаской, но не хвали без меры, не терзай без вины. Не крик, не истерика, а осмысленная строгость. Она должна быть справедливой и ни в коем случае не унижать достоинства человека в солдате;

— офицер должен знать нужды, душу солдата... Трагические моменты войны требуют от командира суровости и беспощадности ко всякому неповиновению и беспорядку. Война не терпит беспорядка и неповиновения. Командир должен умело применять все меры воздействия на бойца, не унижая его человеческого достоинства, действуя на его чувства, совесть, психику;

— для командира опыт сегодняшней неудачи должен стать предвестником завтрашних удач, т.е. если вы потерпели неудачу, найдите причины этому, чтобы в следующий раз ошибок не повторить. То же самое после удачного боя. Командир

---

[1] См.: *Теплов Б. М.* Ум полководца. С. 35—36.

[2] *Момышулы Б.* Психология войны. С. 99.

должен воспитывать своих подчиненных, придерживаясь правила «Не торопись умирать, а учись воевать», «Воюя, учись, закаляйся и мужай»;

— все внимание подчиненных в критический момент приковано к командиру, на его лице не должны отражаться ни сомнения, ни страх. Колебания командира — колебания подчиненных, страх командира — бегство батальона. Командир, не выиграв сражения в себе, не имеет права вступать в бой вообще;

— командир не должен быть ни безрассудно решительным, ни рассудительным без решительности... Командир должен сочетать эти качества.

Обязанность командира не умирать, а выполнять поставленную перед ним боевую задачу. Личный пример — «это средство управления и воздействия на бойца и на подразделение... и оправдывается он лишь в том случае, когда действительно необходим. Он должен быть заразителен своей кричащей демонстративностью и действовать наверняка, увлекая за собой остальных»[1].

Показывать пример активных боевых действий необходимо лишь тогда, когда от этого зависит исход боевых действий. В противном случае армия будет постоянно иметь неопытных, необстрелянных командиров вследствие их непрерывной убыли. Еще во время Первой мировой войны было замечено, что контузии у офицеров случались в три-четыре раза чаще, чем у солдат. Психологи объяснили это тем, что «офицеры были не просто храбрыми, но и показывали пример свои солдатам»[2].

Важнейшей обязанностью командира в боевой обстановке является укрепление дисциплины, представляющее объединение подчиненных вокруг воинского долга и боевой задачи.

В качестве вывода можно привести слова Н. Коупленда о том, что только единство умелого управления подчиненными и зрелость боевого коллектива обеспечивают победу в современном бою и войне. ***Формулу победы*** составляют следующие переменные:

— руководитель знает каждого своего подчиненного;

— каждый подчиненный знает своего руководителя;

— руководитель неизменно солидаризируется с коллективом;

— вся группа сплочена в коллектив, воодушевленный энтузиазмом командира;

— группа проникнута высоким чувством товарищества;

— коллектив хорошо обучен, энергичен и инициативен[3].

Целенаправленное развитие этих переменных должно стать программой работы каждого военного психолога и командира воинской части, подразделения.

Рекомендуемая литература

Ардан дю Пик, Ш. Исследование боя в древние и новейшие времена / Ш. Ардан дю Пик. — Варшава, 1902.

Дрейлинг, Р. Военная психология как наука / Р. Дрейлинг // Душа армии: русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. — М. : Изд-во ВУ, 1997.

---

[1] См.: *Момышулы Б.* Психология войны.

[2] *Литвинцев С. В., Снедков Е. В., Резник А. М.* Боевая психическая травма. С. 38.

[3] *Коупленд Н.* Психология и солдат. С. 51.

Клаузевиц, К. О войне : в 2 т. — М. : АСТ, 2002. — Т. 1.
Коупленд, Н. Психология и солдат / Н. Коупленд. — М., 1991.
Литвинцев, С. В. Боевая психическая травма / С. В. Литвинцев, Е. В. Снедков, А. М. Резник. — М. : Медицина, 2005.
Момышулы, Б. Психология войны / Б. Момышулы. — Алматы : Казахстан, 1996.

Раздел III
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

ГЛАВА 10
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В СИСТЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БОЯ

Руководители армий ведущих стран мира прилагают огромные усилия по снижению давление боя на психику и организм воинов. Непрерывно реализуются национальные программы «Солдат XXI века», предполагающие всемерное повышение эффективности одиночного бойца и воинского подразделения в современном бою. Возможности современного бойца кажутся поистине фантастическими. Военнослужащие оснащаются средствами дальновидения, позволяющими просматривать поле боя на несколько сот метров вокруг. Приборы, работающие по технологиям типа ГЛОНАСС, позволяют точно определять свое местоположение на поле боя, даже лишенном любых ориентиров, определять наиболее выгодные маршруты перемещения. Специальные устройства позволяют быстро засекать стреляющие орудия и снайперов противника. Экзоскелетоны дают воинам возможность совершать длительные марши с усиленной боевой выкладкой, осуществлять погрузочно-разгрузочные работы, предполагающие работу с грузами весом сотни килограмм. Индивидуальные средства передвижения позволяют заставать противника врасплох, мгновенно перемещаться на поле боя и над ним, безопасно преодолевать минно-взрывные заграждения. Жидкостные бронежилеты и шлемы надежно защищают бойца от всех видов стрелкового оружия. Автоматы и винтовки, оснащенные видеокамерами и лазерными прицелами, дают возможность вести прицельный огонь по противнику из-за угла, не выглядывая из окопа и т.д. Роботы, оснащенные несколькими автоматами или пулеметами, уже заменяют военнослужащих на самых сложных участках боевых действий.

И все же, несмотря на эти титанические усилия, психика нормального человека без специальной подготовки к действиям в боевых условиях неспособна выдержать воздействия боевых стресс-факторов. Все это делает актуальным осуществление психологического обеспечения боевых действий.

Психологическое обеспечение боевых действий – специальная деятельность, нацеленная на формирование, развитие, актуализацию, мобилизацию, сохранение, модификацию, восстановление, деактуализацию целевого психологического ресурса воинов, в зависимости от стоящих перед ними задач.

Психологическое обеспечение боевых действий включает психологическое прогнозирование и оценку предстоящей боевой деятельности, психологический отбор военнослужащих и их расстановку по элементам боевой задачи, психологическую подготовку воинов, психологическую поддержку участников боевых действий, психологическую реабилитацию психотравмированных воинов, социально-психологическую реадаптацию воинов, завершивших боевую миссию.

Важным компонентом психологического обеспечения боя является психологическая подготовка боевых действий. Она базируется на методологической установке отечественных военных психологов, которую в начале XX века сформулировал Г. Е. Шумков: «чтобы победить в... кровавой битве, одного "желания", "пыла", "дозы самоуверенности", "желания быть героем" и даже "умереть" в настоящее время мало», поэтому «помимо... технической подготовки», необходима подготовка «психологическая»[1].

10.1. Сущность и виды психологической подготовки боевых действий

Психологическая подготовка боя. В рамках избранной методологии психологического обеспечения боевых действий, основанной на понимании системного субъекта боевых действий («военнослужащий — в боевой среде — в воинской деятельности»), полагается целесообразным осуществлять комплексный подход к психологической подготовке боя, включающий:

— психологическую «подготовку» противника;
— психологическую подготовку среды боевых действий;
— психологическую подготовку военнослужащих.

В начале прошлого века Г. Е. Шумков отмечал, что бой — это вооруженное столкновение с противником, который воздействует на бойцов не только поражающими факторами оружия, но и различными действиями, несущими в себе элементы психологического воздействия. И от того, насколько ему удастся поразить психику противостоящего войска, настолько будет обеспечен успех в сражении. Поэтому командиры должны «не только истреблять врага, но главным образом, устрашать его, действуя на его психику, поддерживая и экономя психическую энергии в своих войсках»[2].

Поэтому, практически с первых дней своего существования, отечественная военная психология исходит из того, что «подготовить бой, подготовить наступление — равносильно понятию "подорвать, расшатать, убить психические силы противника"»[3].

Психологическая «подготовка» противника в свете современных представлений предполагает снижение его психологических возможностей оказывать сопротивление нашим войскам в бою. Она включает:

— психологическое истощение противника путем ведения изнуряющего огня, действием диверсионных групп, снайперов, осуществлением ложных

---

[1] См.: *Шумков Г. Е.* Психика бойцов во время сражений. СПб., 1905. Вып. 1.
[2] См.: Там же.
[3] См.: *Корф Н. А.* О воспитании воли военачальников. СПб., 1906.

атак, постоянным ведением разведки с помощью технических средств, информационно-психологическим воздействием, активизацией протестного поведения населения на территории, занимаемой противником;

— дезинформация противника путем распространения дезинформирующих слухов, воздействия через листовки и звуковещание, применения военной хитрости, осуществления мер маскировки;

— деморализация противника путем действия диверсионных групп, захвата «языков», снайперского террора, распространения пугающих слухов;

— дезинтеграция противника путем распространения разобщающих слухов;

— дезорганизация противника путем целенаправленного вывода из строя его командного звена.

Цель психологического изнурения состоит в лишении противника ощущения комфорта, спокойного отдыха и сна (что является главной причиной дистресса и боевой психической травмы), порождения утомления, страха, отчаяния, формирования у него психологии «зайца», преследуемого волком.

Психологическая подготовка социальной среды предстоящих боевых действий предполагает формирование лояльного отношения местного населения к нашим войскам, превращение его из отрицательного фактора в нейтральный, а по возможности, в положительный фактор боевых действий.

Такая подготовка достигается методами:

— установления контактов с лидерами общественного мнения;

— оказания помощи населению в решении насущных проблем их жизнедеятельности;

— осуществление программ, направленных на культурный обмен с местным населением, информирование, образование, пропаганду нашего образа жизни;

— принятия исчерпывающих мер по недопущению гибели местного населения в результате боевых действий в районе ответственности;

— запрещение бесконтрольных контактов военнослужащих с местным населением;

— применение жестких мер к военнослужащим, нарушающим законные права местного населения, и информация о них местного населения.

Психологическая подготовка военнослужащих представляет систему взаимосвязанных мероприятий, направленных на формирование у военнослужащих и воинских коллективов психологических качеств, обеспечивающих их психологическую готовность к активным и эффективным действиям на поле боя и устойчивость к воздействию современных средств борьбы.

Сущность психологической подготовки проявляется в заблаговременном создании у отдельных военнослужащих и воинских подразделений такого психологического ресурса, который позволил бы им действовать в бою как в знакомой, привычной среде, быстро обнаруживать и понимать происходящие на поле боя события, выявлять угрожающие тенденции, своевременно и правильно реагировать на них, сохранять необходимый

уровень боеспособности и активности в обстановке действия психотравмирующих факторов.

Виды психологической подготовки военнослужащих. В военной психологии сложилась традиция выделять следующие виды психологической подготовки военнослужащих: общую, специальную и целевую.

Общая психологическая подготовка проводится со всеми военнослужащими на протяжении всей воинской службы на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях и направляется на формирование психологической устойчивости воинов к стресс-факторам современного боя. В гл. 4 было показано, что психологическая устойчивость военнослужащего — комплексное качество личности, включающее компоненты: когнитивный, мотивационный, эмоционально-волевой, операциональный, регулятивный. Целью общей психологической подготовки является формирование и развитие перечисленных компонентов (табл. 10.1).

Таблица 10.1

Содержание общей психологической подготовки военнослужащих

Компонент психологической устойчивости	Задача психологической подготовки военнослужащих	Эффект
Когнитивный	Формирование точного образа предстоящих боевых действий: — вооружения, тактики действий, ухищрений, сильных и слабых сторон психологии противника; — порядка, способов и средств уничтожения противника; — возможностей своего оружия и средств защиты; — знания о психологически целесообразном решении множества задач боевой деятельности и повседневной жизнедеятельности	Снятие эффекта новизны, неожиданности, внезапности, неопределенности
Мотивационный	Формирование патриотизма, готовности к самопожертвованию, выполнению воинского долга, веры в дело страны, в руководство страны и ВС, возможности подчиненных	Формирование личностного смысла готовности к боевым действиям
Эмоционально-волевой	Формирование общего эмоционально-волевого настроя; уверенности в собственных силах, в оружии, индивидуальных и коллективных средствах защиты, в социальных обязательствах военного руководства перед военнослужащим и его семьей	Создание эффектов эмоционального настроя
Операциональный	Обучение тактике действий и взаимодействия при ведении боевых действий: — в наступлении; — обороне; — засаде; — населенном пункте;	Формирование знаний, умений и навыков выполнения «своего маневра»

Компонент психологической устойчивости	Задача психологической подготовки военнослужащих	Эффект
	— при противодействии местного населения; — в различных природно-географических и погодно-климатических условиях. Формирование коллективизма, отношений ответственной зависимости, традиций взаимопомощи, взаимовыручки. Формирование всесторонней физической подготовленности	
Регулятивный	Формирование знания о возможных психических процессах в собственном организме в экстремальных условиях. Формирование эффективных копинг-стратегий, основанных на позитивном отношении к миру. Обучение методам психической саморегуляции (как минимум, одному короткому и одному пролонгированному). Овладение методами психологической поддержки сослуживцев	Формирование независимости от стресс-факторов боя

В результате общей психологической подготовки военнослужащий должен иметь полное представление о тонкостях предстоящей боевой деятельности, исключающее возможность возникновения психотравмирующих эффектов новизны, неожиданности, внезапности, неопределенности, порождающих информационный стресс.

Формирование личностного смысла готовности к боевым действиям, характеризуемого связкой «должен — готов — буду», позволяет воспринимать любые факторы боевой обстановки как естественные, соответствующие жизненной миссии.

Создание общего позитивного настроя на выполнение любых профессиональных задач позволяет повысить эффективность восприятия, внимания, памяти, мышления, общего эмоционального тонуса (см. гл. 7).

Формирование высокого профессионализма, мастерского владения оружием, боевой техникой, тактики действий и взаимодействия позволяют военнослужащему действовать уверенно, корректировать свои действия.

Умение использовать продуктивные стратегии совладания со стресс-факторами боя, управлять своими психическими состояниями, оказывать психологическую помощь сослуживцам делают военнослужащего независимым от силы и вида неблагоприятных воздействий боя.

Подытоживая цели и задачи общей психологической подготовки, необходимо заметить, что в ее процессе необходимо сформировать в коре головного мозга военнослужащего множество функциональных систем, нацеленных на решение боевых задач в конкретных природно-географических, погодно-климатических, боевых, социальных условиях. Наличие таких функциональных систем позволяет военнослужащему действовать в любых условиях как в привычной обстановке.

В процессе психологической подготовки органы чувств человека, весь его организм и психика должны в максимальной степени привыкнуть к звукам, картинам, запахам, вкусовым и тактильным ощущениям боевой обстановки, научиться мгновенно и целесообразно реагировать на те или иные ее изменения.

В ходе занятий необходимо создавать ситуации, которые во время войны вызывают растерянность, панику, психические срывы (нарушение связи, создание обстановки неизвестности, предельные темпы и нагрузки деятельности). Каждый военнослужащий, готовящийся к бою, должен хорошо представлять то, с какими необычными явлениями в собственных ощущениях и чувствах, в реакциях и поведении сослуживцев он может встретиться в боевой обстановке, уметь быстро нейтрализовать отрицательные психические состояния, осуществлять экстренную эмоционально-волевую самомобилизацию, оказывать элементарную психологическую помощь товарищам.

Именно знание о различных видах опасности, характерных для современного боя, о закономерностях реагирования человека на них, привычность визуальных, аудиальных, кинестетических стимулов боевой обстановки, способность управлять стрессами и энергетикой организма и составляют то качество, которое называется *психологической устойчивостью*. В совокупности с соответствующим эмоционально-волевым настроем, боевыми установками, уверенностью в собственных силах, развитой системой профессионально значимых качеств, умением эффективно взаимодействовать с сослуживцами в бою оно образует *психологическую готовность военнослужащего к бою*. Психологическая готовность указывает на то, что военнослужащий принял роль активного бойца и адаптировался к боевым условиям ее реализации.

Специальная психологическая подготовка осуществляется в целях развития системы специальных знаний, навыков, умений, привычек поведения в экстремальных ситуациях, обусловливающих эффективность боевой деятельности военнослужащих тех боевых специальностей, которые в значительной степени определяют боеспособность частей и подразделений.

В ходе занятий по боевой подготовке, а также специальных психологических тренингов, психотехнических игр и упражнений, психогимнастики и т.д. достигается целенаправленное, акцентированное развитие соответствующих качеств военнослужащих. Например, у разведчиков развиваются точность восприятия элементов обстановки, способность ориентироваться в пространстве и времени в сложных условиях, глазомер, устойчивость и распределяемость внимания, память, наблюдательность, сообразительность, способность длительное время находиться в неподвижности в условиях плохой погоды (холод, жара), в замкнутом пространстве (нора, схрон) и др. Конечно, войсковой разведчик высокого класса должен метко стрелять, владеть приемами рукопашного боя, быть хорошо физически подготовленным и т.п. Однако все перечисленные качества лишь обеспечивают, обслуживают его способность выявлять объекты противника, запоминать факты, анализировать события, т.е. глаза, уши, нос и др.

У военнослужащих развиваются такие важные качества, как профессиональное восприятие, профессиональное внимание, профессиональная память, профессиональное мышление и другие, а также способность противостоять характерным для конкретной деятельности стрессорам.

Целевая психологическая подготовка направляется на формирование у военнослужащих установок на решение ***конкретной боевой задачи***, активизацию, настрой психики, выработку психологической готовности на ее безусловное и качественное решение. Немаловажным здесь является целесообразное распределение и перераспределение личного состава по подразделениям, командам, боевым группам с учетом требований боевой задачи к психологическим возможностям, боевому опыту воинов и той функции, которую они выполняют в коллективе.

Военнослужащие в процессе психологической подготовки должны быть адаптированы к ***конкретным*** природно-географическим (горы, пустыня, северные районы, тайга и т.д.), погодно-климатическим (высокие и низкие температуры воздуха, водно-солевой режим и т.д.), технико-технологическим, режимным и иным условиям деятельности.

Из вышесказанного следует, что не может быть психологической подготовки вообще. Своеобразие перечисленных факторов требует соответствующей коррекции программ подготовки личного состава.

Результатом целевой подготовки должна явиться максимальная мобилизованность психических и психофизиологических возможностей человека и их сосредоточение на достижении цели боевой деятельности, включение регуляторов поведения из подсознательного слоя психики человека и синергетических эффектов группы.

10.2. Формы и средства психологической подготовки военнослужащих

Формы психологической подготовки. Анализ литературных источников и повседневной практики войск позволяет выделить следующие формы психологической подготовки военнослужащих к боевым действиям: психологическое просвещение; психологическое обучение; прививка стрессом; специальные или психологические формы.

Психологическое просвещение как форма психологической работы представляет собой систематическое и организованное распространение среди военнослужащих психологической информации с целью формирования у них понимания закономерностей функционирования человеческой психики и поведения людей в экстремальных условиях боевой обстановки, знания путей и способов управления возможностями собственной психики и оказания психологической помощи сослуживцам.

Практика показывает, что, зачастую, простое знание тех психологических явлений, с которыми может столкнуться военнослужащий в сложных условиях, позволяет психологически подготовиться к встрече с неблагоприятными событиями. Ознакомление людей с типами возможных реакций на боевые стресс-факторы выполняет функцию своеобразной «прививки», действующей по принципу «предупрежден — защищен». Учитывая

действие психологической закономерности, выраженной в формуле «чего не знаю, того боюсь», необходимо в полной мере обеспечить военнослужащих необходимой информацией о психологических особенностях боевой деятельности.

Практика показывает, что психологическая информация может доводиться в устной (лекции, доклады, беседы, выступления участников и очевидцев событий), в печатной (памятки, листовки, боевые листки, военная печать) формах, а также путем просмотра и обсуждения кинофильмов и др.

Психологическое обучение осуществляется в форме учебных занятий по предметам боевой и специальной подготовки, ориентированных на развитие у военнослужащих необходимых для боя психических качеств и состояний.

В основе способов психологической подготовки лежит принцип внесения в процесс боевой учебы элементов опасности, напряженности и внезапности, опасности и риска, свойственных реальной боевой обстановке, и многократная тренировка личного состава в выполнении изучаемых приемов и действий в этих условиях. Другими словами, в процессе занятий по огневой, тактической, технической и другим видам боевой подготовки должны моделироваться усложненные условия, соответствующие по психологическому содержанию факторам, воздействующим на психику воинов в боевой обстановке.

1. *Методы моделирования фактора опасности* в процессе боевой учебы включают[1]:

— «обстрел» военнослужащих; сквозные атаки с боевой стрельбой;

— метание боевых гранат, в том числе в атаке, на ходу;

— обкатка танками и передвижение на танках по-десантному;

— действия военнослужащих в условиях заражения местности учебными рецептурами радиоактивных и отравляющих веществ;

— десантирование и спешивание с боевых машин и транспортных средств на ходу;

— проведение стрельб штатным снарядом и занятий по огневой подготовке в ночных условиях;

— преодоление сложных препятствий с непосредственной опасностью для жизни, при строгом соблюдении мер безопасности;

— ведение атаки в едином бронированном порядке под разрывами своих снарядов и в пешем порядке вслед за разрывами снарядов и мин;

— установка и разминирование боевых минно-взрывных заграждений и мин с боевыми взрывателями;

— создание реалистичной, многомерной, полимодальной картины современного боя на учебном поле;

— демонстрация последствий и жертв жестокого насилия (видео, морги, хосписы, места совершения терактов);

— занятия видами спорта, формирующими агрессивность, решительность, смелость.

---

[1] См.: Рекомендации по психологической подготовке личного состава частей Сухопутных войск ВС СССР. М., 1972.

2. *Методы создания психической и физической напряженности* в процессе боевой учебы включают[1]:

— проведение занятий и тренировок в выполнении функциональных обязанностей в сложных природно-географических, погодно-климатических условиях региона предстоящих действий (низкая и высокая температура воздуха, пониженное содержание в нем кислорода, интенсивные осадки, пурга и т.д.), в усложненной эргономической обстановке (интенсивный шум, вибрация конструкций, слабая освещенность, мелькание света, резкие, неприятные запахи, длительное действие без отдыха в средствах защиты);

— продолжительные пешие переходы и марш-броски;

— создание системы препятствий, заграждений, зон заражения, очагов пожаров;

— объявление больших «потерь» в личном составе, отказов в технике и оружии; выполнение поставленных задач сокращенными силами.

3. *Методы моделирования факторов неопределенности, внезапности, новизны* включают:

— управление информацией, необходимой для принятия решений и ведения боя (блокирование, дозирование, искажение, настойчивое востребование детальной информации от подчиненных);

— имитация активных, нестандартных действий противника, использующего новую тактику, действующего внезапно, применяющего диверсии;

— длительные задержки подразделений на месте, ожидание, неожиданные команды на передвижение и др.

«Прививка стрессом» как форма психологической подготовки состоит в том, чтобы целенаправленно формировать и систематически тренировать аппарат стрессового реагирования человека на неблагоприятные факторы боевой обстановки.

Подобно тому, как спортсмен, не тренировавшийся в течение длительного времени, задыхается и испытывает сильное сердцебиение в случае непредвиденной нагрузки, военнослужащий с нетренированным стрессовым аппаратом может оказаться несостоятельным перед требованиями боевой обстановки. Адаптационные механизмы военнослужащего должны быть способными максимально напрягаться, не перенапрягаясь.

Поэтому моделирование факторов опасности и напряженности в ходе занятий не должно являться самоцелью. Главное состоит в том, чтобы приучить воинов к активным и инициативным действиям в условиях повышенных психических нагрузок, обеспечить приобретение ими необходимого опыта преодоления трудностей и отрицательных психических состояний, формировать у них комплекс таких волевых качеств, как решительность, стойкость, самообладание, мужество. Важным условием психологической подготовки является то, что она должна осуществляться в природно-географических, погодно-климатических, социально-политических и эргономических условиях, сходных с условиями предстоящей деятельности.

[1] См.: Рекомендации по психологической подготовке личного состава частей Сухопутных войск ВС СССР.

К числу ***специальных форм психологической подготовки*** относят идеомоторную тренировку и созданные на ее основе ситуативно-образную психорегулирующую тренировку, гетеротренинг, а также аутогенную тренировку, настрои. В эту же группу следует отнести и такие хорошо известные формы эмоционального заражения и энергетической мобилизации военнослужащих, как митинги-клятвы, ритуалы прощания с погибшими боевыми товарищами, встречи с очевидцами зверств противника на оккупированной территории и др.

В настоящее время в ведущих армиях мира сложились развитые системы психологической подготовки личного состава, включающие различные методы, которые можно классифицировать по различным основаниям: а) по объекту воздействия (когнитивные, перцептивные, аффективные, операциональные, комплексные методы); б) по используемым путям воздействия на свое психическое состояние (дыхательные, нервно-мышечные, образные, идеомоторные, вербальные, рефлекторные); в) по используемым приемам (аутогенные, гетерогенные, нарративные, адаптивно-превентивные, игровые, цифровые, интерактивные) методы психологической подготовки (табл. 10.2).

Таблица 10.2

Методы психологической подготовки

Название группы методов	Метод психологической подготовки
Когнитивные	Психологическое просвещение; макетирование поля предстоящего боя; моделирование (имитация) действий противника в реальных пространственно-временных параметрах с последующим групповым обсуждением их сильных и слабых сторон; моделирование боевых событий с использованием тренажеров и компьютерных систем
Перцептивные	Психотехники адаптации органов чувств к условиям предстоящих действий (например, темновая адаптация, снижение порогов слуховой чувствительности) и др.
Аффективные	Психотехники группового эмоционального заражения и мотивации (мобилизующие митинги, собрания-обещания, призывы, обращения, встречи с жертвами насилия противника и др.); самоубеждение и самовнушение; методика словесно-образного эмоционально-волевого управления состояниями; аутотренинг, активная и пассивная мышечная релаксации; экспресс-методики психической саморегуляции; сенсибилизация и десенсибилизация
Операциональные	Идеомоторная тренировка; тренажерные методики; тактико-специальные занятия с имитацией действий конкретного противника и психологических факторов боя

Название группы методов	Метод психологической подготовки
Нарративные	Рассказы, истории (*storytelling*), метафоры, формирующие целостную, многокрасочную, яркую психологическую картину боя, раскрывающие сущность работы психических механизмов под влиянием факторов боевой обстановки, схемы выполнения эффективных боевых действий и эффекты приемов психической саморегуляции
Игровые	Видео-, компьютерные и настольные игры, раскрывающие психологические особенности тактики действий подразделений противника, создающие опыт индивидуальных действий и боевого взаимодействия при решении типовых боевых задач
Интерактивные	Тренинговые технологии, нацеленные на укрепление психологической совместимости, сплоченности, оптимизацию процессов командообразования
Цифровые	Компьютерные системы и цифровые полигоны, позволяющие моделировать боевые действия с реальным (подыгрывающие подразделения) или виртуальным противником в режиме реального времени с демонстрацией эффективности действий (потерь)
Комплексные	Гетеротренинг; ситуативно-образная психорегулирующая тренировка; социальное моделирование (моделирование инцидентов с местным населением); гипноз, трансовые методики; применение фармакологических препаратов; психологические операции, поддерживающие боевые действия; расстановка личного состава с учетом: а) психологической совместимости; б) боевого опыта; в) динамики переживания страха; расстановка боевого актива

Методы, которые непосредственно направлены на изменение психических состояний, психологических свойств и образований военнослужащих, относятся к числу специальных или собственно психологических методов. Рассмотрим их подробнее.

К специальным или собственно психологическим методам психологической подготовки можно отнести: визуализацию и идеомоторную тренировку, настрои, игровые, нарративные, «превентивно-адаптивные», виртуально-тренажерные и аутогенные методы. В основе этих методов лежат основные пути воздействия человеком на свое психическое состояние: тип дыхания, тонус скелетной мускулатуры, образы и слова.

1. *Визуализация и идеомоторная тренировка*[1]. Визуализация — целенаправленное мысленное представление образов, оказывающих необходимое (успокаивающее или возбуждающее) влияние на военнослужащего. Так, представление себя в спокойной обстановке в расслабленном состоянии способствует мышечной релаксации и эмоциональному успокоению.

---

[1] См.: *Калинчук Л. В., Караяни А. Г., Логинов И. П.* Технологии морально-психологического обеспечения: теория, методология, практика. М., 1997. С. 38.

Ученые установили наличие связи между мыслью и движением: мысль о движении вызывает само движение и весь комплекс нервных процессов, обеспечивающих реальное движение. Такие непроизвольные движения, автоматически вызываемые представлениями о них, названы идеомоторными актами.

В многочисленных исследованиях отечественных и зарубежных специалистов доказано, что в период непосредственной подготовки к предстоящей деятельности под влиянием двигательных представлений изменяется функциональное состояние многих систем организма, которые обеспечивают реальное движение. Так, «мнимое питье» оказывает влияние не только на деятельность физиологических механизмов, регулирующих чувство жажды, но и на перераспределение воды в организме. Мысленное представление о действии приводит к усилению кровообращения, изменению биоэлектрических процессов в мозге и мышцах. Установлено, что при многократном мысленном выполнении конкретных действий происходит формирование двигательного навыка, также как и при их неоднократном практическом повторении. Этот феномен широко используется в интересах подготовки представителей различных профессий: артистов, музыкантов, спортсменов. Известный отечественный ученый А. Ц. Пуни установил, что тренировки спортсменов путем представления движения повышают: скорость движения на 34%, точность — на 6,4—16,8%, мышечную силу кисти — на 34%.

Идеомоторная тренировка находит все более широкое применение в военной области. Так, мысленное проигрывание предстоящих действий, «воображаемый полет», «образ полета» обязательно используются при подготовке к полету военных летчиков. Метод преднамеренного представления применяется как при первоначальном формировании и совершенствовании, так и при восстановлении летных навыков после перерыва в работе. Следовательно, речь идет о возможности использования идеомоторной тренировки в целях программирования (задания силы, амплитуды, последовательности, темпа), закрепления навыков действий, некоторой адаптации органов чувств человека к условиям предстоящей деятельности, настроя военнослужащих на решение определенной задачи.

Перечисленные возможности идеомоторики позволили создать такие средства психологической подготовки, как гетеротренинг, ситуативно-образную психорегулирующую тренировку и др.

Гетеротренинг — метод программируемой психокоррекции, нацеленный на формирование образно-чувственно-двигательных моделей поведения в прогнозируемой обстановке[1].

Гетеротренинг проводится в три этапа. На первом этапе осуществляется релаксация военнослужащих (отвлечение от внешних и внутренних раздражителей, мышечное расслабление).

На втором этапе военнослужащими мысленно проигрывается ситуация предстоящей деятельности. При этом важно, чтобы представление движений и действий было ярким, отчетливым, точным и мышечно-двигатель-

[1] См.: *Калинчук Л. В., Караяни А. Г., Логинов И. П.* Технологии морально-психологического обеспечения: теория, методология, практика. С. 43.

ным, а не только зрительным. Тренирующийся должен видеть ситуацию, чувствовать ее, а не наблюдать происходящее со стороны.

Эффективность тренировки возрастает, если осуществляется словесное проговаривание (про себя) процесса выполнения действия и возникающих ощущений с помощью словесных формул.

На третьем этапе происходит переход в состояние бодрствования с одновременным формированием психологического настроя на предстоящие действия.

Рассмотрим вариант гетеротренинга в форме идеомоторной тренировки, разработанный С. Дудиным специально для подготовки психики военнослужащих к бою[1].

Ситуативно-образная психорегулирующая тренировка (СОПТ) — метод психологической подготовки военнослужащих к бою, основывающийся на мысленном воспроизведении боевой ситуации, вариантов ее развития, выполняемых действий и эмоционального фона деятельности. В процессе тренировки военнослужащие как бы воспринимают боевую ситуацию глазами ее участника (субъекта боевой ситуации) и идеомоторно переживают ее в различных модальностях.

На первом этапе тренировки подробно описывается взятая из реальной боевой практики боевая ситуация. Один из ее участников в различных модальностях (визуальной, аудиальной, кинестетической, обонятельной, осязательной и т.д.) описывает свое восприятие обстановки, действия, чувства, проявившиеся в ходе боя.

На втором этапе осуществляются:

— релаксация и приведение военнослужащих в аутогипнотическое состояние;

— формирование образа поведения и действий, развитие уверенности в себе, своих силах путем идеомоторного проигрывания ситуации, проговариваемой вслух ее субъектом;

— целенаправленное, жесткое самовнушение уверенности, самообладания.

На третьем этапе проводится рациональный разбор ситуации, ошибок, допущенных ее участниками, анализ возможных вариантов действий, ощущений и переживаний обучаемых. Разбор производится в форме дискуссии.

Ход тренировки:

1. Вступительное слово руководителя; разъяснение цели, формы проведения занятия, задач участников (внимательно прослушивать и ярко представлять, прочувствовать предполагаемую ситуацию, замечать ошибки в действиях субъекта боевой ситуации).

2. Знакомство участников с описанием ситуации (где, когда и как происходили события, кто их субъект, результат).

3. Образный психотренинг:

— достижение военнослужащими состояния самогипнотического погружения;

— образное воспроизведение и образное вживание в боевую ситуацию.

---

[1] См.: *Дудин С. И.* Профилактика боевых психических расстройств у военнослужащих специальными методами психологической подготовки // Информационно-методический сборник ЦВСППИ МО РФ. 1993. № 4. С. 38—45.

Примерные варианты проговариваемых фраз-заданий руководителем занятий:

— Все ваши ощущения... помогают вам приготовиться к занятию, как можно ярче представить себе боевую ситуацию, свои действия в ней, и это поможет вам всегда быть уверенным, смелым в бою.

— Представьте себе, что вы находитесь в районе боевых действий и ваше подразделение выполняет важную боевую задачу, вы охраняете перевал.

— Позиция вашего подразделения расположена в горах. Мысленно осмотритесь вокруг. Перед вами горы, и если вы поднимите голову, увидите голубое небо, яркое солнце. Погода очень жаркая, душно.

— В нескольких метрах от вас стоит танк и его орудие обращено в сторону гор.

— Вы вместе с товарищами выполняете хозяйственные работы. Вы слышите разговоры товарищей и чувствуете запах пыли.

— Внезапно раздаются выстрелы. Стреляют с гор, и вы видите, как пули поднимают фонтаны песка, и слышите их свист, крики.

— Вы падаете, чувствуете горячую землю и пыль. Очень сильный огонь, а вы на открытой площадке, вам хочется укрыться, спрятаться.

— Перед собой вы видите раненых, их кровь, слышите их стоны.

— Свист пуль вызывает сильное биение сердца, частое дыхание.

— Вы знаете, что нужно преодолеть страх и добежать до танка по открытой площадке под огнем. Вам надо стрелять, и вы знаете, что нужно преодолеть страх, усилием воли справиться с испугом.

— Вы знаете, что от ваших действий зависит многое: жизнь товарищей, победа. Вам нужно стрелять.

— Вы чувствуете, что можете преодолеть страх, и это чувство вызывает у вас прилив сил и уверенность в себе.

— Вы спокойно намечаете маршрут, по которому преодолеете открытый участок, отталкиваетесь руками от теплой земли, быстро поднимаетесь и бежите к танку, а в мыслях только одно: надо стрелять, надо помочь товарищам и, преодолев страх, вы чувствуете спокойную уверенность в себе, знаете, что добьетесь успеха. Вы добегаете до танка, ощущаете его горячую броню. Вы в башне, прицеливаетесь и открываете огонь. Вы ненавидите врага, вы стреляете и стреляете.

— Внезапно огонь противника прекращается. Бой окончен, и вы чувствуете усталость и радостный подъем. Вы преодолели страх, не подвели товарищей. Вы были смелым и решительным.

Далее осуществляется повторное проигрывание ситуации с построением модели поведения в условиях реальной опасности, развитие требуемых для боя качеств.

Руководитель занятий:

— Теперь вспомните ситуацию и представьте, как бы в ней действовал «идеальный» воин... попробуйте вжиться в его образ... и еще раз мысленно проиграйте всю ситуацию в новом образе.

Затем производится самовнушение: вы уверенны в своих силах, смелы и готовы действовать в самых сложных ситуациях боевой деятельности.

Руководитель занятий:

— Вы слышите меня и будете мысленно повторять за мной фразы, которые я буду произносить...

— Я спокоен и уверен в любой обстановке... (3 раза)

— Я смел и ловок в бою... (2 раза)

— Я все могу... (3 раза)

— Я выполню любую боевую задачу... (3 раза)

— Я все могу... (3 раза)

— Вы хорошо слышите мой голос... а сейчас каждый из вас начнет мысленно считать до десяти... повторяя после каждой цифры фразу «я все могу»... и на счет «десять» ваши глаза откроются... раз... два... и т.д.

На завершающем этапе проводится рациональный разбор ситуации в форме свободной дискуссии, рассказ участников о своих впечатлениях...

При подготовке к выполнению боевой задачи целесообразно провести шесть-восемь СОПТ. Такое число тренировок способствует развитию первичных навыков самогипноза и позволяет сформировать устойчивые идеомоторные связи.

2. *Настрой* как способ психологической подготовки[1]. В плане психологической подготовки военнослужащих может быть активно использован метод словесно-образного эмоционально-волевого управления сознанием человека (СОЭВУС), разработанный Г. Н. Сытиным. Метод основан на учении И. П. Павлова о речи как второй сигнальной системе и ее связи с подсознанием человека, управляющим физиологическими процессами в организме. Наличие такой связи позволяет оказывать целенаправленное воздействие на психику, а через нее — на функции внутренних органов. Основу метода составляют настрои, т.е. своеобразные формулы — послания сознанию и подсознанию. Их построение позволяет формировать яркие образы здоровья, силы, неутомимости, энергичности, стеничные психические состояния, стимулирующие волевые усилия.

Приведем образец сокращенного и незначительно измененного настроя на «смелое поведение и высокую работоспособность»:

«Я человек смелый, твердо уверенный в себе. Я все умею, все могу и ничего не боюсь. С каждым днем моя воля становится все сильней и сильней. Я безгранично управляю деятельностью моего организма и поведением.

Я твердо знаю, что никаким трудностям не сокрушить моей воли.

Среди всех ураганов и невзгод, опасностей и испытаний непоколебимо стою как скала, о которую все сокрушается.

С каждым днем я становлюсь все более и более смелым, все более уверенным в себе.

Я постоянно сохраняю полную боевую готовность к преодолению всех трудностей и препятствий, я постоянно сохраняю полную боевую готовность к преодолению всех противодействующих сил жизни. Весь мой организм постоянно/непрерывно поддерживает полную готовность к преодолению всех вредных влияний внешней среды. И я непоколебимо сохраняю прекрасное самочувствие. Я систематически, упорнейшим образом учусь чувствовать себя в десять раз сильнее, в сто раз сильнее всех противодействующих сил жизни.

Моя внутренняя устойчивость, сила моей воли в десять раз, в сто раз сильнее всех трудностей и препятствий. Крепнут мои духовные силы, здоровеют мои нервы. С каждым днем я становлюсь человеком со все более и более твердым характером, со все более и более сильной волей. Я постоянно одерживаю победы над всеми трудностями и препятствиями. Я чувствую себя человеком-гигантом, человеком огромного калибра, способным преодолевать все трудности и препятствия, способным преодолевать все противодействующие силы жизни.

Весь мой организм мобилизует все силы, все свои безграничные резервы для быстрой реализации всего того, что я говорю о себе. Во время выполнения самой трудной деятельности весь организм восстанавливает свои силы. Все нервные клетки головного мозга во время самой работы накапливают молодую энергию, увеличивают свои энергетические ресурсы. И моя работоспособность становится практически безграничной. Все мое тело, все мои внутренние органы продолжают

---

[1] См.: *Калинчук Л. В., Караяни А. Г., Логинов И. П.* Технологии морально-психологического обеспечения: теория, методология, практика. С. 44.

накапливать молодую энергию. Крепнут мои духовные силы, здоровеют мои нервы, все более сильной становится моя воля, и непрерывно увеличиваются мои возможности. То, что раньше для меня было непосильным, недостижимым, становится ниже моих реальных возможностей, те трудности и препятствия, которые казались мне раньше непреодолимыми, я теперь преодолеваю смело, уверенно и одерживаю над ними победу за победой. Я становлюсь человеком все более сильным и смелым.

Я человек смелый, твердо уваренный в себе, я все умею, все могу и ничего не боюсь. Я действительно ничего не боюсь и смотрю миру в лицо и среди всех житейских ураганов и бурь непоколебимо стою как скала, о которую все сокрушается».

3. *Игровые методы психологической подготовки.* В последние годы игры все более широко используются в боевой учебе и для психологической подготовки военнослужащих. Они становятся важным видом индивидуальной и групповой подготовки солдат и офицеров. Это связано с тем, что игры (прежде всего видеоигры) позволяют решать ряд специфических задач, которые не может решить ни один другой вид подготовки войск.

К таким задачам относятся[1]:

— создание реалистического образа вероятного противника;

— создание реалистичной многомерной картины современного боя;

— отработка тактики ведения боевых действий;

— подготовка военнослужащих к действиям в любых природно-географических условиях;

— снятие стресса у военнослужащих, участвующих в военных действиях.

Важной задачей игр является формирование психологической устойчивости военнослужащих к стресс-факторам реальной боевой обстановки. Игра позволяет при отсутствии реальной угрозы для жизни и здоровья обучающихся создавать психологические условия виртуальной реальности, приближенные к боевым, т.е. заблаговременно приобретать опыт ведения боевых действий, без существенных затрат и риска для жизни военнослужащих. С помощью игры можно воспроизводить не только действия вероятного противника, различные визуальные и звуковые стимулы современного боя, особенности конкретного боевого ландшафта, но действия населения в зоне боевых действий. Помимо точного воспроизведения физических условий, в которых оказывается солдат, игроку приходится взаимодействовать с виртуальными сослуживцами, разбирающимися в военной стратегии, выказывающими эмоции и порой реагирующими на привычные фразы совершенно неожиданным образом. В некоторых видеоиграх солдат общается с гражданскими лицами, которые тоже могут вести себя самым неожиданным образом: мать раненого ребенка в истерике катается в пыли, из окон высовываются люди и что-то гневно кричат и т.д. Военнослужащий привыкает действовать в любых условиях обстановки. Благодаря этому снимается эффект новизны.

Исторические данные

Игры в боевой и психологической подготовке войск использовались еще в середине прошлого века. Так, в американской армии военнослужащим рекомендовали

[1] См.: *Макаренкова В.* Видеоигры в информационной и психологической борьбе. URL: http://psyfactor.org/lib/psywar39.htm (дата обращения: 12.02.2016).

играть в карты, на которых кроме прочего были нанесены тактико-технические данные боевой техники противника. Играя в азартную игру, военнослужащие одновременно могли изучать и запоминать важные боевые сведения.

Китайские военные специалисты разработали настольную игру, иллюстрирующую особенности боевых действий во Вьетнаме в годы американской военной агрессии в этой стране.

Известная экстремистская «Хезболлах» объявила о разработке видеоигры-«стрелялки», в которой игрокам предстоит руководить группой арабских террористов, совершающих теракты в израильских поселениях.

Наиболее активно видеоигры внедряются в процесс подготовки вооруженных сил США. Здесь по заказу Пентагона разрабатываются видеоигры, которые представляют собой настоящие учебные курсы и пособия по боевой подготовке. Для производства видеоигр привлекаются известные фирмы, которым выдаются долговременные заказы на сотни миллионов долларов. Первой в ряду «боевых видеоигр» стала игра *Doom*, разработанная в 1994 г. компанией *ID Software*. Эта игра была признана экспертами МО США потенциальным прототипом компьютерных симуляторов для подготовки бойцов спецподразделений. Оценив прикладные возможности игр, военное ведомство США заказало институту креативных технологий (*Institute for Creative Technologies*) и Калифорнийскому университету разработку прототипа компьютерного симулятора для корпуса морской пехоты *Marine Doom*[1].

В настоящее время компьютерные игры широко применяются в американских вооруженных силах для обучения стрелков, водителей, танкистов, механиков, летчиков, моряков и т.д. На официальном сайте военного ведомства США представлены различные игры, позволяющие желающим ознакомиться с задачами, решаемыми вооруженными силами и особенностями военной службы. Для широкого использования в Интернете выложены такие «видеоигры военнослужащих», как *Air Attack Series*, *Air Combat*, *Air Tactics*, *Army Men*, *Army Men-RTS*, *Army Men 3D*, *Army Men Advance*, *Army Men II*, *Blade's Revenge*, *Green Rogue*, *Lock and Load*, *Omega Soldier*, *Operation Annihilation*, *Operation Green*, *Operation Meltdown-Land*, *Sea*, *Air*, *Portal Runner*, *Sarge's Heroes Series*, *Toys in Space*, *World War Series* и др.

Для боевой и психологической подготовки войск американцы используют также игры зарубежного производства. Так, морские пехотинцы учатся, играя в английские видеоигры. Среди них — разработанная компанией *Codemasters* игра «Операция. Точка взрыва» (*Operation Flashpoint*, *Cold War Crisis*). Участник этой игры выступает в роли спецназовца, сражающегося с различными противниками.

Анализ показывает, что сегодня в армии США видеоигры широко применяются для решения различных задач боевой и психологической подготовки всех категорий военнослужащих, всех видов вооруженных сил. Обобщенно эти задачи представлены в табл. 10.3[2].

---

[1] *Макаренкова В.* Видеоигры в информационной и психологической борьбе.

[2] По материалам: *Макаренкова В.* Видеоигры в информационной и психологической борьбе.

Таблица 10.3

Игры, применяемые для психологической подготовки военнослужащих в армии США

Категория военнослужащих	Задача боевой и психологической подготовки	Видеоигра
Курсанты военных училищ	Развитие навыков действий в виртуальном пространстве; укрепление гордости за свою военную историю; формирование навыков принятия боевых решений	Стратегическая игра типа *Gettysburg*
Офицеры и специалисты танковых подразделений	Развитие навыков нанесения первого удара и координации своих действий с другими экипажами	Футуристическая игра *Battlezone*
Армейский военный персонал	Обучение военнослужащих действиям в городских условиях	Игра *Red Storm*, созданная на основе одноименного романа Т. Клэнси
Курсанты военных школ по подготовке летчиков для ВМС	Обучение действиям в современном воздушном бою	Игра *Flight Simulator*
Офицеры командного состава корпуса американской морской пехоты и старшие офицеры Тихоокеанского флота ВМС США	Принятие боевых решений и организация их выполнения	Видеоигры, разрабатываемые компанией *Titan Systems*
Рядовой и младший командный состав армии	Тренировка боевого взаимодействия военнослужащих в различных условиях боевой обстановки	Игра *Mission Rearsal Exercise*

Анализируя состояние видеообеспечения боевой и психологической подготовки в армии США, В. Макаренкова указывает на то, что в последнее время американское военное руководство обеспокоено рядом проблем, связанных с внедрением игр. В частности, отмечается, что продолжительное наблюдение жестоких сцен и виртуальное участие в них ведут к снижению порога эмоциональной чувствительности к жестокости вообще, уменьшается вероятность того, что будет оказана помощь пострадавшим в реальных ситуациях, насилие в играх усиливает восприятие мира как места, где царит зло и жестокость. Усиливается страх стать жертвой насилия, и в результате утверждается психология самозащиты и недоверия к окружающим. Чем чаще геймеры сталкиваются с жестокостью в играх, тем больше вероятность того, что они будут рассматривать насилие как наиболее эффективный способ решения конфликтов в реальной жизни.

4. *Нарративные методы психологической подготовки.* Еще в начале XX в. Г. Е. Шумков говорил о том, что простое ознакомление воинов с тем, с чем

они могут встретиться в бою, есть накопление боевого опыта, есть форма психологической подготовки воинов к боевым действиям. По существу, им высказана идея об использовании нарративных методов в психологической подготовке военнослужащих.

Под нарративом (англ. *narrative* — повествование, рассказ) чаще всего понимают изложение взаимосвязанных событий, представленных читателю или слушателю в виде последовательности слов или образов. При этом человек, воспринимающий повествование, привносит свой собственный смысл в его трактовку. Смысл, как известно, является не только своеобразным фильтром, сквозь который пропускается воспринимаемая и переживаемая реальность, но и главным мотиватором человеческой активности.

В качестве нарратива может выступать *рассказ* бывалого воина о конкретном боевом эпизоде, о своих переживаниях, сомнениях, страхах, инсайтах, способах самосовладания, конкретных приемах действий. Такие рассказы не только уточняют у слушателей когнитиную и аффективную картину боевых действий, но снимают такой грозный для психического благополучия эффект, как *эффект уникальности*. Знакомство с признаниями бывалых сослуживцев о том, как кто-то из них «слегка струхнул», другой «чуть не сбежал с поля боя, но вовремя вспомнил о боевых товарищах», третий «забыл, как взводится пулемет» и т.п., помогает воинам лучше справляться с одним из самых сильных страхов на войне — страхом струсить, оказаться несостоятельным в бою.

Нарративом может быть и *фантастическое эссе* о бое, его когнитивных, аффективных и поведенческих составляющих.

Наконец, в качестве нарратива чисто русской традиции может выступать *сказка*. Может показаться, что в таком деле, как подготовка воина к современному бою сказка является формой архаичной и несерьезной. Это не так. Народные сказки о русских богатырях служили основой для идентификации русских воинов и их героев, учили мужеству, находчивости, преданности своему народу и т.д.

Сказка и сегодня обладает полезными функциями для воинов:

— в ней можно преувеличивать или преуменьшать;

— она эмоционально насыщена, образна и лучше запоминается;

— она поучительна;

— по своему жанру сказка воспринимается как важное, но зашифрованное послание от тех, «кто там был», тем, «кто туда направляется».

Приведем пример нарратива.

Рассказ «О травинке и страхе»[1]

Однажды, когда я служил в Афганистане, со мной произошла история, которая иногда снится мне до сих пор. В одной из довольно интенсивных боевых стычек с противником у меня неожиданно «заглох» автомат. Сначала я подумал, что кончились патроны и хотел заменить магазин, но взглянув на автомат, увидел, что затвор находится в среднем положении. Я попытался «легким движением руки» отвести затвор назад, но он не поддался. Я потянул сильнее, но эффект был нулевым. Обхватил автомат ногами и потянул затвор что было сил двумя руками, но он не сдвинулся ни на миллиметр. Меня стала охватывать паника.

---

[1] Рассказал А. Г. Караяни.

Я выглянул из укрытия и мне показалось, что то тут, то там, как блохи, мелькают чалмы, и я почувствовал, что противник целится и стреляет конкретно только по мне. Паника нарастала. Я вновь схватился за автомат, подергал за затвор. Все было бесполезно.

Я понял, что если не прекращу паниковать, просто погибну. Вспомнил, что в случае паники бывает полезно сделать пять-шесть глубоких вдохов и медленных выдохов. Пока «дышал», немного отвлекся и успокоился. Как-то удалось на секунду собраться, и я внимательно присмотрелся к затвору. Оказалось, что между затвором и затворной крышкой попала обыкновенная, тонкая и хрупкая травинка. Но эта травинка по существу вывела из строя мой автомат, и ни у него, ни у меня не хватало сил, чтобы справиться с ней. Попытался выковырять ее, но ничего не получилось. Подкрадывалось отчаяние. И тут вдруг у меня мелькнула мысль: «А что если попробовать снять крышку?» На удивление мне легко удалось сделать это. Я снял крышку, выбросил травинку. Привел автомат к бою и продолжил стрельбу. Как оказалось, очень вовремя.

Сейчас я думаю, если бы кто-то раньше рассказал мне об этом...»

5. *«Превентивно-адаптивные» технологии* в психологической подготовке[1] могут дополнить, разнообразить и сделать более гибкими системы создания боевого психологического ресурса военнослужащих. В их основе лежит научно-популярное тактико-психологическое описание ситуации типовой боевой задачи, знакомство с ней военнослужащих и последующее ее групповое обсуждение.

Термин «научно-популярное» означает, что научно обоснованные положения психологической подготовки должны излагаться простым, доступным для соответствующей аудитории (возрастной, этнической, конфессиональной и т.д.), современным, может быть, даже сленговым языком.

Приставка «превентивный» означает то, что в описание ситуации может привноситься элемент здравого вымысла, позволяющего предвосхищать развитие боевых технологий и тактических приемов действий противника. Термин «адаптивный» говорит о том, что в описываемые ситуации включаются лишь те средства, технологии и приемы действий, которые уже существуют, но пока еще не «дошли» до войск или не использовались в боевой практике комплексно. Иными словами, возможное будущее как бы адаптируется к реальному настоящему. Терминологическая связка «превентивно-адаптивная» призвана произвести важнейшие эффекты, необходимые для эффективной психологической подготовки военнослужащих:

— подготовку военнослужащих не к прошлой, а к будущей войне, с умным, современным, способным к импровизации и творчеству противником, использующим самые передовые и перспективные технологии наблюдения, обнаружения и поражения боевых целей;

— порождение новых смыслов в организации и ведении боевых действий. «Превентивно-адаптивное» описание ситуации во многом метафорично, а метафора, как известно, многогранна, многолика, многозначительна, из нее можно вынести множество смыслов, обсуждение которых ведет к обретению знания;

---

[1] *Караяни А. Г.* «Превентивно-адаптивные» технологии в психологической подготовке // Юридическая психология. 2015. № 3. С. 11—15.

— привнесение в процесс психологической подготовки интереса — одного из главных компонентов мотивации получения знания и профессионального самосовершенствования;

— создание возможности отвлекаться от «рамочных» академических форм мышления и развития творческого воображения, способности принимать решения в условиях новизны, внезапности и неожиданности наступления боевых событий, нетривиальности действий противника;

— обеспечение максимальной конкретизации и объективации ситуаций, подлежащих отработке, позволяющих достигать необходимой детализации и глубины «видения» современного боя.

В качестве теоретической основы для данной технологии служит известное положение Г. Е. Шумкова о том, что «...предварительное ознакомление воинов с реальными явлениями в бою — в смысле боевой деятельности — есть предварительное накопление боевого опыта»[1]. Это значит, что существует реальная возможность повышать психологическую готовность военнослужащих к решению конкретных боевых задач не только на специальных цифровых полигонах, но и в метро, на кухне, на рыбалке.

«Превентивно-адаптивные» технологии не заменяют известные и доказавшие свою состоятельность виды психологической подготовки военнослужащих. Они лишь дополняют и разнообразят их.

6. *Виртуально-тренажерные методы* позволяют ярко и детально воссоздавать любую боевую ситуацию, максимально приближенную по своим психологическим аспектам к боевой, с использованием 5D-эффектов. Они способны моделировать психологические факторы новизны, неожиданности, внезапности, неопределенности, опасности, высокой напряженности и др.

Наряду с традиционными очками, перчатками и чулками для воспроизводства виртуальной реальности в психологической подготовке войск используются специальные виртуальные комплексы психологической и боевой подготовки. В частности, применяется виртуальный шар, диаметром более 2,5 м, который выполняет функцию шарика компьютерной мышки. Пол тренировочного зала — перевернутая компьютерная мышь, в которую встроен тренировочный шар. В шар входит военнослужащий с виртуальным снаряжением и виртуальным оружием. Любое его движение вызывает движение шара, что приводит к изменению виртуальной реальности. Военнослужащий видит, к примеру, улицы города, занятого противником. Он идет или бежит по улице. По нему противником ведется огонь. На улицу выскакивают солдаты противника. Боец стреляет в них. Если попадет, противник с криком валится на землю. Если не попадает, противник убивает его, о чем свидетельствует специальное звуковое сообщение.

В тренировочную программу могут быть заложены виртуальные модели, отражающие бой в конкретном здании конкретного населенного пункта, на конкретной местности, днем и ночью и т.д. Во время боя в бойца летят и падают сверху обломки конструкций, он видит умирающих в страшных муках людей, сам «убивает» противника.

---

[1] *Шумков Г. Е.* Чувство тревоги как доминирующая иллюзия в период ожидания боя // Военный сборник. 1913. № 11. С. 100.

Такие тренажеры помогают частично решить задачу готовности бойца поражать противника. Американские психологи установили, что лишь 15% их военнослужащих способны убить человека в боевой обстановке. Это вызвало состояние шока у командиров. В связи с этим в настоящее время реализуются различные программы формирования у военнослужащих способности убивать.

7. Важное место среди методов специальной психологической подготовки занимают *аутогенные* (направленные на самого себя) *методы* (дыхательные, нервно-мышечные, образные, вербальные, рефлекторные). Эта группа методов включает экспресс-приемы психической саморегуляции, нервно-мышечную релаксацию (по Э. Джекобсону), аутогенную тренировку (по И. Шульцу) и др. В связи с тем, что эти методы одновременно выполняют и функцию психологической самопомощи, они рассматриваются в гл. 11.

Средства психологической подготовки. Моделирование угнетающих психику факторов современного боя, как показывает отечественный и зарубежный опыт, может также осуществляться с помощью следующих средств:

— *комплексных систем имитации обстановки боя*: компьютерных тренажеров управления боевыми действиями подразделений; лазерных имитаторов стрельбы; компьютерных тренажеров для подготовки боевых специалистов с использованием эффектов виртуальной реальности;

— *средств имитации применения современного оружия и боеприпасов* (взрывчатые вещества, имитаторы ядерных взрывов, учебные рецептуры ОВ, имитаторы радиоактивного заражения, учебная радиоактивная пыль, имитационные мины, фугасы, гранаты, взрывпакеты, дымовые шашки, сигнальные и осветительные ракеты, огнесмеси, холостые выстрелы и патроны, источники сильного света, средства звуковещания с фонотеками звуковой картины боя, имитационные минные поля);

— *средств имитации результатов применения оружия и боеприпасов* (разрушенные объекты, участки дорог и мосты, макеты поврежденной техники, муляжи трупов, завалы, аудиозаписи с криками раненых, контуженых, паникеров и др.);

— *средств, применяемых в реальном бою* (проволочные заграждения и малозаметные препятствия, противотанковые рвы и ловушки, баррикады, колейные мосты) и др.

Таким образом, в процессе психологической подготовки военнослужащий должен познать и по возможности ощутить весь спектр характерных для боевой обстановки воздействий на его организм и психику (зрительных, слуховых, кинестетических, обонятельных, осязательных, вкусовых, вестибулярных), научиться правильно реагировать на них и активно действовать в условиях их эскалации. Социальная, боевая и эргономическая среды предстоящей боевой деятельности должны стать привычными, комфортными, способствующими эффективному решению конкретных боевых задач.

Рекомендуемая литература

Дудин, С. И. Профилактика боевых психических расстройств у военнослужащих специальными методами психологической подготовки / С. И. Дудин //

Информационно-методический сборник ЦВСППИ МО РФ. — 1993. — № 4. — С. 38—45

Калинчук, Л. В. Технологии морально-психологического обеспечения: теория, методология, практика / Л. В. Калинчук, А. Г. Караяни, И. П. Логинов. — М. : Изд-во ВУ, 1997.

Караяни, А. Г. Психологическая подготовка боевых действий войск / А. Г. Караяни, П. А. Корчемный, В. И. Марченков. — М. : Изд-во ВУ, 2011.

Караяни, А. Г. «Превентивно-адаптивные» технологии в психологической подготовке / А. Г. Караяни // Юридическая психология. — 2015. — № 13. — С. 11—15.

Рекомендации по психологической подготовке личного состава частей Сухопутных войск ВС СССР. — М. : Воениздат, 1972.

Шумков, Г. Е. Психика бойцов во время сражений. Вып. 1 / Г. Е. Шумков. — СПб., 1905.

Шумков, Г. Е. Чувство тревоги как доминирующая иллюзия в период ожидания боя / Г. Е. Шумков // Военный сборник. — 1913. — № 11. — С. 100.

ГЛАВА 11
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ УЧАСТНИКАМ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Война и бой являются суровыми тестерами психологической целеустремленности, мужества, стойкости, выдержки, сплоченности, дисциплинированности, профессионализма военнослужащих. Гиперстрессоры боя и постоянно накапливающиеся неблагоприятные воздействия и состояния ведут к снижению, а иногда и разрушению психологической устойчивости военнослужащих, сопровождающиеся развитием у них деструктивного и травматического стресса. В этих условиях военнослужащий становится чрезвычайно уязвимым для психотравматизации, утраты боеспособности и попадания в категорию психогенных потерь. Масштабы психогенных потерь могут достигать объемов, угрожающих боеспособности воинских частей и соединений.

В этих условиях перед командирами всех уровней и психологами воинских частей чрезвычайно остро встает задача сохранения сформированного у военнослужащих целевого психологического ресурса, преодоления неблагоприятных состояний и предупреждения их психотравматизации. Данная задача решается в рамках такого компонента психологического обеспечения боя, как психологическая помощь.

Психологическая помощь (самопомощь) участникам боевых действий — это комплекс психологических, организационных, медицинских мероприятий, направленных на обеспечение успешного преодоления военнослужащими стресс-факторов боевой обстановки, сохранение и восстановление их боеспособности, предупреждение их психотравматизации.

По существу, в процессе психологической помощи решается задача актуализации, мобилизации, восполнения и модификации *целевого психологического ресурса* военнослужащих, деформирующегося и истощающегося в ходе боевых действий под действием боевых стресс-факторов. В связи с этим психологическая помощь участникам боевых действий может рассматриваться как ***боевой стресс-менеджмент***, включающий следующие компоненты.

1. *Стресс-превенция на организационном уровне*: контроль качества сна; организация активного отдыха и профилактика безделья; регулирование продолжительности пребывания в стрессовой обстановке — в непосредственном соприкосновении с противником и в зоне боевых действий; про-

филактика чувства изолированности, поддержание связей с семьей; обеспечение высокой воинской дисциплины, организованности, комфортного военно-полевого быта; защита военнослужащих от психологических операций противника; формирование уверенности в командире, в своей подготовке, в боевых товарищах, в оружии, боевая сплоченность коллектива, дисциплина; торжественное прощание с погибшими.

2. *Стресс-вакцинация* (превенция на индивидуальном уровне): стресс-просвещение, обучение; адаптация (прививка стресса); сенсибилизация; десенсибилизация.

3. *Стресс-диагностика*: раннее выявление симптомов деструктивного и травматического стресса, а также симуляции боевой психической травмы.

3. *Стресс-регуляция*: стресс-гигиена, психологическая поддержка, психологическая интервенция.

4. *Стресс-реабилитация*: реабилитация военнослужащих, получивших боевую психическую травму.

Психологическая помощь включает **три компонента**, различающихся субъектами, объектами и содержанием проводимых мероприятий: а) экспресс-диагностику боевого стресса; б) психологическую поддержку участников боевых действий; в) психологическую реабилитацию военнослужащих, получивших психическую травму.

11.1. Экспресс-диагностика боевого стресса

Начальным моментом психологической помощи военнослужащим в боевой обстановке является экспресс-диагностика боевого стресса.

Экспресс-диагностика боевого стресса представляет собой совокупность взаимосвязанных процедур по оценке уровня стресса, переживаемого военнослужащими, их способности продолжать боевые действия и принятию решения по объему, срокам, средствам и способам восстановления их боеспособности в целях скорейшего возвращения в строй.

Целью психодиагностики выступает выявление степени боеспособности и психического здоровья конкретного военнослужащего.

Боевая обстановка предельно ограничивает возможности психологов по оценке психических состояний военнослужащих. Основными средствами выявления и оценки психических расстройств в боевой обстановке являются методы визуальной психологической экспресс-диагностики и психодиагностическая экспресс-беседа. После эвакуации психотравмированных воинов из угрожающей обстановки могут проводиться дополнительные психодиагностические мероприятия с использованием различных тестовых методик.

Экспресс-диагностика позволяет выявить военнослужащих, симулирующих психическую травму, определить воинов с симптомами конструктивного и деструктивного стресса, а также лиц с симптоматикой травматического стресса.

Диагностическая экспресс-беседа заключается в постановке перед военнослужащим, демонстрирующим неадекватное боевой ситуации поведение, вопросов, позволяющих оценить степень его ориентированности в пространственно-временных и тактических элементах боевой обстановки и в собственной личности. Как правило, задаются простые, краткие, доступные для понимания в экстремальной обстановке вопросы: «Кто Вы? Как ваши фамилия, имя, отчество? Из какого вы подразделения? Какую задачу выполняете? Как долго вы здесь находитесь? Где находятся командир и личный состав подразделения? Где противник? Что собираетесь делать дальше?» и т.д.

В ходе беседы фиксируются: наличие ответов, их адекватность, время, затрачиваемое опрашиваемым на обдумывание ответа, невербальные проявления и т.д.

Военнослужащим, давшим адекватные ответы на поставленные вопросы, демонстрирующим сохранность ориентировки в боевой обстановке и собственной личности, оказывается психологическая поддержка. Те, кто утратил ориентировку в своей деятельности, по решению командира и военного врача направляются в пункт психологической работы. Последние составляют категорию «психогенных потерь».

Визуальная экспресс-диагностика состоит в наблюдении за внешними проявлениями военнослужащего по специальной схеме (карте), фиксации определенных паттернов и последующей интерпретации полученной психологической информации.

Для грубой оценки стресс-состояний военнослужащих и выявления лиц с боевой психической травмой (БПТ) можно использовать *Матрицу симптомов БПТ*, составленную на основе подхода отечественных военных психологов (А. В. Крахмалев, А. А. Кучер) и симптомов «тяжелого стресса», как он трактуется в Полевом уставе армии США *Field Manual FM* 6—22.5, которые в гл. 4 мы использовали для описания травматического стресса (табл. 11.1)[1].

Таблица 11.1

Матрица симптомов боевой психической травмы

Поведение	Психический уровень	Телесный уровень
Гиперреактивная форма: — метания в поисках укрытия, буйство; — вспышки истерического смеха или плача; — крики в сочетании с гиперактивностью; — раздражительность и злоба; — вспышки бешенства.	— Неспособность видеть, слышать, чувствовать; — неспособность концентрировать внимание; — частичная или полная потеря памяти; — затруднения запоминания информации;	— Ослабление зрения и слуха; — частое мочеиспускание; — расстройство желудка; — учащенное, прерывистое дыхание; — нарушение циркуляции крови, что приводит к анемии кистей рук и ступней ног;

[1] *Крахмалев А. В., Кучер А. А.* Причины БПТ, ее проявления и первая помощь // Проблемы военной психологии. Минск, 2003. С. 193—200; Field Manual FM 6—22.5. Combat and operational stress control manual for leaders and soldiers.

Поведение	Психический уровень	Телесный уровень
Заторможенность: — состояние ступора; — апатия, заторможенность движений, безразличие к опасности, замирание под огнем; — обморочные состояния. *Общие симптомы*: — пугливость, сильные вздрагивания от неожиданных звуков, движения, света; — паника, бег под огнем; — регресс возраста (детские реакции); — бессвязность; — бормотание, сильное заикание; — сильная дрожь, «трясучка»	— повышенная чувствительность к шуму, свету, запахам; — нарушение логики и быстроты мышления; — нарушение критического восприятия обстановки и своих действий; — ослабление воли; — зрительные и слуховые галлюцинации	— неспособность пользоваться конечностями (ногами, руками); — сильное напряжение мышц; — учащенное сердцебиение; — давящая боль в области сердца и в грудной клетке; — боль в пояснице; — боль хирургических шрамов, старых ран; — неконтролируемое слюноотделение

Лица, у которых проявляются симптомы, перечисленные в табл. 11.1, относятся к категории «психогенные потери».

Психогенные потери — это люди, утратившие на короткое или длительное время боеспособность вследствие воздействия боевых психогенных стресс-факторов.

Понятие «психогенные потери» — собирательное. Предлагаем следующую классификацию психогенных потерь (рис. 11.1).

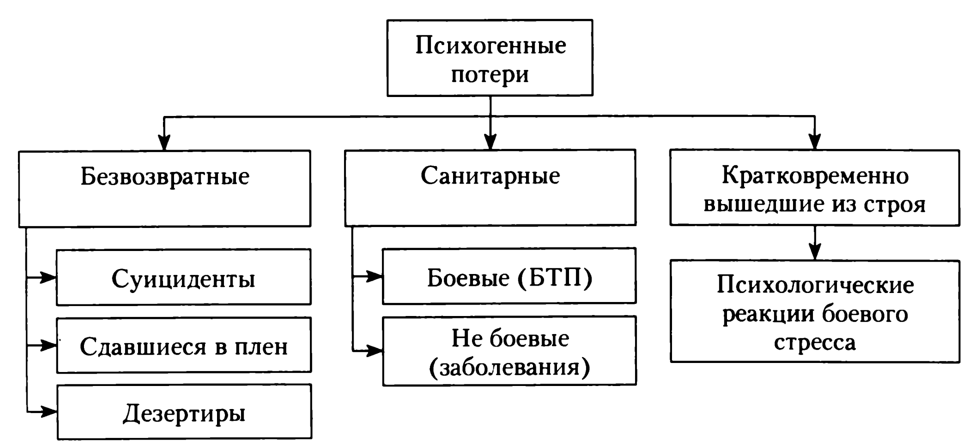

Рис. 11.1. **Классификация психогенных потерь**

Безвозвратные психогенные потери составляют лица, сознательно принявшие решение прекратить участие в боевых действиях и покинувшие

боевой строй (дезертиры, сдавшиеся в плен, покончившие жизнь самоубийством). Какие-либо устойчивые тенденции и закономерности в проявлении данного вида потерь установить сложно, поэтому прогнозированию и расчетам такие потери не подвергаются. Однако известно, что отсутствие системы психологической помощи в боевой обстановке сопровождается ростом количества дезертиров и убийств командиров. Это отчетливо проявилось в ходе войны во Вьетнаме, где игнорирование вопросов прогнозирования и профилактик психогенных потерь привело к росту числа американцев, дезертировавших с поля боя, и командиров подразделений, убитых своими подчиненными.

К *санитарным психогенным потерям* относятся военнослужащие, вышедшие из строя по причине получения боевой психической травмы (БПТ) или нервно-психического заболевания на срок более одних суток и попавшие в медицинские подразделения или пункты (центры) психологической работы.

Еще Р. Дрейлинг в 1930-е гг. писал о том, что «...острые впечатления или длительное пребывание в условиях интенсивной опасности так прочно деформирует психику у некоторых бойцов, что их психическая сопротивляемость не выдерживает, и они становятся не бойцами, а пациентами психиатрических лечебных заведений. Процент этот не велик, но при значительных размерах современных вооруженных масс он "абсолютно" представляет все же большую величину. Так, например, во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. психически ненормальных, не имевших травматических повреждений, прошедших через Харбинский психиатрический госпиталь, было около 3000 человек»[1]. Только эти, зарегистрированные в госпитале, воины составили 0,6% от общей численности личного состава действующей армии и 6% от ее физических потерь.

По данным В. В. Нечипоренко, С. В. Литвинцева, Е. В. Снедкова, в современных вооруженных конфликтах санитарные психогенные потери составляют 1—3% от общего объема психогенных потерь. По их мнению, к БПТ необходимо относить и манифестирующие в боевой обстановке эндогенные психозы (шизофрения, маниакально-депрессивный психоз).

В локальных военных конфликтах истекших лет значительно увеличилось число пострадавших с психогенными расстройствами субклинического уровня. В эту категорию включаются нарушения, обозначаемые как «боевой дистресс», «боевая усталость», «реакции боевого стресса» (РБС). Они характеризуются быстротечностью (до 1 сут) и сопровождаются выраженным снижением боеспособности (вплоть до отказа от деятельности) военнослужащих. Их относят к лицам «кратковременно вышедшим из строя».

Расчету психогенных потерь подлежат санитарные потери и кратковременно вышедшие из строя. Теоретические расчеты показывают, что в боевых действиях высокой интенсивности при неблагоприятных ситуациях в Пункт психологической работы соединения может поступить до 30 воен-

---

[1] *Дрейлинг Р.* Военная психология как наука // Душа армии: русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. С. 161.

нослужащих, нуждающихся в психологической помощи. Более 20 человек из них должны в течение суток вернутся в боевой строй. До 10 военнослужащих могут составить санитарные потери. Исходя из этих расчетов, должны планироваться объемы, силы и средства психологической помощи.

11.2. Психологическая поддержка участников боевых действий

Психологическая поддержка направляется на актуализацию имеющихся и создание дополнительных психологических ресурсов, обеспечивающих преодоление симптомов боевого дистресса и активные действия военнослужащих на поле боя.

В профилактическом плане она оказывается всем военнослужащим, а в качестве средства психологической коррекции применяется по отношению к лицам с симптомами боевого дистресса.

Психологическая поддержка военнослужащих в целях профилактики дистресса и травматического стресса. В процессе *всего периода боевых действий* общими для всех участников боевых действий мерами психологической поддержки должны быть стресс-превенция на организационном и индивидуальном уровне и стресс-вакцинация.

Как было показано в гл. 7, главными факторами развития дистресса и травматического стресса выступают: во-первых, нарушения и задолженность сна и, во-вторых, продолжительность воздействия боевых стресс-факторов и физических нагрузок, вызывающих утомление. Поэтому именно на их профилактику и должна быть направлена психологическая поддержка.

Контроль качества сна. Как бы ни развивались боевые действия, командир должен стремиться к тому, чтобы дать поспать непосредственным участникам боевых действий 7—8 ч/сут. Следовательно, план боевой деятельности, сна и отдыха должен предусматривать 16 ч деятельности и 8 ч сна. Если такой план в складывающейся боевой обстановке реализовать не удается, следует установить план 12 ч деятельности и 12 ч на сон и отдых. В крайнем случае, в течение пяти суток может реализоваться план 4 ч через 4 ч. В последнем случае лицам, занимающимся умственной деятельностью (работники штабов), должно предоставляться не менее 6 ч/сут для сна и восстановления сил.

Организация активного отдыха и предупреждение безделья военнослужащих. Особое внимание командиров в боевой обстановке должно быть обращено на недопущение бездействия личного состава. Доказано, что чем дольше длится такое бездействие, тем хуже оно переносится личным составом и тем больше создается возможностей для развития неблагоприятных психических состояний. Это особенно важно при участии войск в локальных военных конфликтах, характеризующихся чередованием периодов интенсивной боевой деятельности и «мирной» жизнедеятельности. Безделье ведет к превращению солдата в постоянно дремлющее вялое от скуки, безвольное существо. Кроме этого, оно провоцирует воинов на поиск «приключений», который может завершиться созданием в подразделении изощренной системы неуставных взаимоотношений, издеватель-

ством над сослуживцами, грабежом, насилием над местным населением, убийством мирных граждан и т.д.

Контроль пребывания в непосредственном соприкосновении с противником. Учитывая опыт войн и военных конфликтов, когда после непрерывного пребывания в течение нескольких дней на передовой большое количество военнослужащих утрачивало боеспособность из-за страха и утомления, необходимо периодически давать военнослужащим возможность отдохнуть во втором эшелоне, в резерве. Как показывает опыт, целесообразное время пребывания на передовой должно составлять 15 суток, а предельный срок — 35 суток.

Регулирование пребывания военнослужащих в районе боевых действий. Для предупреждения психических расстройств в действующей армии Дж. Аппель еще в 1946 г. рекомендовал полностью заменять личный состав на передовых позициях через шесть месяцев, так как дезадаптация у большинства солдат развивалась через 8—12 мес. после прибытия на фронт. Во время войны в Корее (1950—1953) в американской армии был внедрен *принцип «ротации»*, при котором длительность пребывания в районе боевых действий ограничивалась 9-ю мес. и каждый солдат заранее знал о точной «дате ожидаемого возвращения из-за моря» для удобства обозначаемой аббревиатурой DEROS (*Date Expected to Return from Overseas*). При этом замена участников боевых действий осуществлялась не отдельными военнослужащими, а целыми подразделениями, что позволяло сохранить на все время их боевых действий групповую сплоченность[1].

Опыт боевых действий наших войск в Афганистане показал, что после годичного пребывания в районе боевых действий у военнослужащих происходили сбои в работе иммунной системы, ведущие к массовым заболеваниям. В связи с этим в локальных военных конфликтах, когда на карту не ставится судьба своей страны, наиболее целесообразным сроком нахождения в боевой обстановке является 6—8 мес.

Поддержание единства армии и народа, связей с семьей. Как было показано, одной из причин снижения уровня мотивации, возникновения негативных психических состояний у участников военных конфликтов является реальная или кажущаяся утрата социально-психологического единства воюющей армии со своим народом, с родными и близкими. Когда происходит такое расслоение, участникам боевых действий кажется, что их просто «подставили», что они «попали». В то время, когда обычные граждане страны спокойно занимаются своими делами, влюбляются, женятся, рожают детей, ходят в рестораны, «попавшие» с оружием в руках отстаивают интересы своей страны. В данном случае у воинов может формироваться ощущение изолированности, забытости, психология лузера, неудачника. Подобное явление наблюдалось в контингенте советских войск в Афганистане, в российских частях в Чеченской Республике в 1995—1996 гг., в американской армии во Вьетнаме.

Следовательно, важной задачей психологической поддержки участников боевых действий является всемерное укрепление или фиксированное

---

[1] *Литвинцев С. В., Снедков Е. В., Резник А. М.* Боевая психическая травма. С. 42.

обозначение наличия таковых связей. Опыт такой работы накоплен в некоторых частях ВС РФ. Например, во время боевых действий в Чеченской Республике руководство СибВО постоянно и эффективно использовало эту форму психологической поддержки. Существовавший воздушный мост между Сибирью и зоной боевых действий в Чеченской Республике интенсивно использовался не только для переброски военных грузов, но и для доставки посылок, почты, подарков воинам от родных, близких и земляков. Регулярно в район боевых действий выезжали концертные бригады, представители общественности. Все это, по оценкам участников боевых событий, придавало им уверенность, вселяло надежду, поднимало боевой дух, положительно влияло на психологический климат в воинских коллективах. Окружная газета «Воин России» с января 1995 г. начала готовить регулярные спецвыпуски для воюющих в Чечне военнослужащих. Рассказы о семьях, публикации фотографий домочадцев, рукописные приветы прямо на газетных полосах не могли не сказаться на настроении и самочувствии воинов.

Сегодня уже трудно будет объяснить участникам боевых действий, почему они, когда позволяет боевая обстановка, не имеют возможности под контролем командиров поговорить по «ротному» телефону с родными и близкими, послать им СМС, выйти в чат и т.д.

Защита военнослужащих от психологических операций противника. Еще более жесткие меры должны быть предприняты для предупреждения эффективного психологического воздействия на военнослужащих со стороны противника и негативно настроенного местного населения. Здесь недостаточны исключительно организационные меры (запрещение несанкционированных контактов с населением; изъятие у личного состава личных радиоприемников; назначение ответственных за сбор и уничтожение пропагандистских материалов; выявление, подавление и уничтожение средств психологического воздействия и др.). Важная задача состоит в создании и актуализации у военнослужащих интеллектуальных и эмоциональных барьеров, исключающих или существенно снижающих их подверженность информационно-психологическому воздействию противника. Для этого необходимо на ярких и убедительных примерах показывать цели, способы, психологические механизмы и возможные последствия такого воздействия. В данном плане весьма эффективными считаются такие методы групповой психологической работы, как психологические тренинги, обсуждение конкретных ситуаций и др.

Фармакологическая профилактика деструктивного стресса. Фармакологические способы состоят в усилении и коррекции психологического ресурса участника боевых событий за счет применения лекарственных препаратов, витаминов, лечебных трав и иных препаратов, имеющих психотропный эффект.

Опыт боевых событий в Афганистане, Чечне, Вьетнаме, в зоне Персидского залива и в других регионах мира показывает, что фармакологические средства могут быть использованы в целях: повышения активности действий личного состава в условиях опасности и хронического утомления (препараты группы психостимуляторов); снятия чрезмерной психической

напряженности (релаксаторы); ускорения процесса адаптации военнослужащих к экстремальным условиям жизнедеятельности, повышения показателей работоспособности отдельных психических функций и др. Исследования, проведенные в Чечне группой медицинских специалистов, показали высокую эффективность применения ряда фармакологических средств для повышения боеспособности военнослужащих — препараты «Сиднокарб» и «Пирацетам», для купирования боевого стресса, острых психотических реакций военнослужащих — «Феназепам» и «Седуксен», в целях повышения скорости и точности реакций водительского состава — «Пирроксан», в интересах коррекции астено-депрессивных состояний — «Сиднокарб», «Элеутерококк», «Поливитамины».

Проверенным средством регуляции психической деятельности в обстановке действия психотравмирующих факторов являются поливитамины «Аснитин», «Аэровит», «Гексавит», «Декамивит», «Ревит», «Рибовит», а также психотропные травы: валериана, пустырник, синюха голубая, пион уклоняющийся, мелисса, душица обыкновенная, хмель обыкновенный, вахта трехлистная, фиалка трехцветная, полынь обыкновенная, мята перечная.

Психологическое просвещение и обучение военнослужащих. Опыт боевых действий практически всех армий и эпох свидетельствует о том, что эффективность боевых действий войск в значительной мере определяется тем, как противоборствующим сторонам удается работать со страхом.

На современном уровне развития военно-психологической науки для *профилактики деструктивного страха и паники* рекомендуются следующие мероприятия[1].

1. Формирование представления о страхе как крайне полезной эмоции, выполняющей сигнально-предупредительную, охраняющую, мобилизующую, ресурсную функцию в боевой деятельности воина. Психологические, гормональные, энергетические сдвиги в организме, превращающие человека в бойца (см. табл. 4.1), в значительной мере запускаются именно страхом. Без страха нет воина. Страх нужно понять и полюбить, «найти с ним общий язык».

Когда солдат знает, что страх является естественным состоянием, что его переживают и другие люди, в том числе неприятель, ему легче побороть страх.

2. Сегодня уже понятно, что научить человека победить смерть — самое лучшее средство сделать его равнодушным к страху, «ибо выше всего именно страх смерти, страх неизвестности по ту сторону бытия. Человек цепляется за жизнь, потому что он не знает смерти. Всего неизвестного человек боится. Но если человек уверует в то, что его мыслящее и чувствующее "Я" со смертью не погибнет, — будет ли это "загробная жизнь вечная" христианства или Магометов рай, или Буддистское перевоплощение души в новое существо для новой жизни, — все равно эта вера подержит

---

[1] См.: *Боринг Э.* Психология для Вооруженных Сил; *Краснов П.* Душа армии: очерки по военной психологии; *Хаханьян Г. Д.* Основы военной психологии; *Шумков Г. Е.* Психика бойцов во время сражений.

дух во время смертельной опасности и даст мужество смело умереть. Государство, которое отказывается от религии и от воспитания своей молодежи в вере в бога... будет иметь трусливых солдат и нерешительных начальников... оно будет побеждено людьми, сознательно идущими на смерть, верующими в Бога и бессмертие души»[1].

Вера в справедливость войны также существенно укрепляет морально-психологическое состояние войск, порождает массовый героизм. Другими словами, формула В. Франкла о взаимосвязи отчаяния и смысла работает и в отношении страха.

Один из самых сильных страхов на войне — страх быть раненым, страх боли. Командиры, военные психологи должны внушить солдату, что непереносимой боли не бывает. Что, «как только боль становится нестерпимой — является спасительное забытье. Объяснить, что зубная боль... гораздо больнее, чем боль при ранении. Рассказать солдату, что та пуля, которая чмокнула в землю или просвистела над ухом, тот снаряд, который разорвался, уже не ранят... Снаряд, который ранит, пуля, которая ударит — их не услышишь. Рассказать ощущения ранения. Я был ранен — какая боль? Ну, — точно внезапно палкою ударило — все... Совсем не страшно... Везде, на стрельбище, на учении показывать, как даже в спокойном состоянии духа много пуль летит даром»[2].

Важно рассказывать об этом, приводя конкретные, понятные и яркие примеры. Действительно, чтобы уничтожить одного воина, 100 солдат противника должны вести огонь по нему 11 суток без перерыва, до конца используя дневной рацион боеприпасов в 360 патронов (12 магазинов по 30 патронов). При этом общий вес израсходованных на одного человека пуль в 45 раз превысит его собственный вес.

В борьбе со страхом и паникой необходимо широкое ознакомление бойцов с достижениями современной медицины, в частности хирургии; обучение бойцов действиям в обстановке опасности; доведение военно-технических навыков до автоматизма; вовлечение воинов в те виды спорта, которые связаны с опасностью, и др.

Солдат, идя в бой, должен быть абсолютно уверен в том, что санитарная служба организована образцово, что в случае ранения он *никогда не будет брошен* и что есть люди, которым вменено в специальную обязанность помочь ему при ранении, вынести его из боя и вылечить. Он должен верить, что об инвалидах войны позаботится государство, что быть инвалидом в этой стране почетно, что инвалид не в тягость обществу, а в славное напоминание подвига.

3. Занятие военнослужащих конкретной деятельностью, особенно на этапе подготовки к бою. Опросники, заполненные несколькими сотнями солдат бригады А. Линкольна, — ветеранами гражданской войны в Испании — показали, что 71% из них переживали страх перед битвой и только 15% — во время самой акции. Сегодняшние данные показывают, что максимальный страх перед боем переживают 39% воинов.

---

[1] *Краснов П.* Душа армии: очерки по военной психологии. С. 72—73.

[2] Там же. С. 78.

Долг начальника – прийти на помощь солдату. Прежде всего нужно занять солдата в бою. Сделать так, чтобы у него пропала мысль об опасности боя. Безделье на всех этапах боя – кратчайший путь к страху и панике. Здесь важная роль должна принадлежать психологическому активу – воинам, специально подготовленным для психологической поддержки сослуживцев. Напомним, в британской армии подготовлено более 10 тыс. таких активистов, в армии США – около 2 тыс.

4. Формирование у военнослужащих четкого представления о противнике, задачах и условиях предстоящего боя, порядке и сигналах взаимодействия, о правилах эффективного применения оружия и боевой техники и т.д. Чем больше солдат знает о неприятеле и ситуации на фронте, тем больше он устойчив к страху, панике и дезинформации. Вспомним: «Предупрежден, значит вооружен».

5. Поддержание строгой дисциплины. В гл. 9 обосновывается важность дисциплины как средства преодоления страха и сомнений воина и дающее ему синергетическую энергию, умножающую его духовные и физические силы.

6. Повышение боевого мастерства воинов. В бою под воздействием стресс-факторов дольше сохраняются лишь те навыки действий, которые доведены в мирное время до автоматизма.

7. Поддержание среди личного состава спокойствия и самообладания, предупреждение и пресечение панических настроений и слухов. Не только страх, но и самообладание является заразительным. Особенно это касается командира. Если дух начальника подавлен «и он это покажет, если он только проявит свое волнение хотя бы в нескольких указаниях, его сомнения распространятся с чрезвычайной быстротой; они удесятеряются в силе в каждой инстанции командования; приказания становятся все более и более нервными и внизу иерархической лестницы возникает беспорядок»[1].

Паникера необходимо немедленно убрать с глаз других солдат, так как, по утверждению Г. Е. Шумкова, «поражение психики бойца является для горячей боевой работы более ощутимой потерей, нежели одиночная смерть бойца, не считая того, что нарушение психики немногих участников боя может расстроить и понизить психику многих других их сотоварищей, вызывая панику»[2].

8. Хорошее физическое состояние бойцов противодействует страху. Физически тренированный солдат больше уверен в своих возможностях, меньше боится боли, в меньшей степени подвержен утомлению, способствующему развитию страха. Он чаще использует вместо страха – гнев. Как известно, гнев и страх имеют реципрокное соотношение, т.е. не могут переживаться одновременно. Переживание гнева практически исключает возможность проявления чувства страха.

При всех прочих равных условиях, при одинаковом упорстве и военном искусстве противников верх одерживает тот, кто оказывается более силь-

---

[1] *Головин Н. Н.* Обширное поле военной психологии // Душа армии: русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. С. 21.

[2] *Шумков Г. Е.* Психика бойцов во время сражений. С. 10.

ным физически. Кроме того, здоровье обусловливает до некоторой степени и сам боевой дух, упорство воина. По-видимому, срабатывает истина, гласящая: «В здоровом теле — здоровый дух».

Особое внимание командир должен уделять профилактике таких проявлений страха, которые по своему проявлению сродни психическим расстройствам (фобиям): «минобоязнь», «снайперобоязнь», «танкобоязнь», «самолетобоязнь», «атомобоязнь», «водобоязнь» и др.

Стресс-регуляция в ходе боевых действий. Непосредственно в ходе боевых действий применяются коммуникативные, организационно-деятельностные и аутогенные способы психологической поддержки. Командир и психолог в ходе боя могут непосредственно контактировать лишь с несколькими воинами. В ходе боевых действий в наступлении, в населенных пунктах, в горно-лесистой местности возможность контактов тет-а-тет — минимальна. В связи с этим функция психологической поддержки в большой степени должна быть возложена на боевой психологический актив и самих военнослужащих[1].

К ***коммуникативным способам психологической поддержки*** относятся:

— *вербальные* — доведение до военнослужащих мобилизующей информации, убеждение по типу «Мы справлялись и не с такими задачами, справимся и с этой»; внушение по типу «Ты справишься с этим!»; подкрепление по типу «Молодец!», «Орел!», «Герой!»; психологическое заражение настроением по типу «Мужики мы или нет?»; шутки, приказы, угрозы и др.;

— *визуальные* — контакт глазами, улыбка, подмигивание, одобряющая пантомимика и другое;

— *тактильные* — прикосновения, пожатие руки, обнимание, похлопывание по плечу, «встряхивание» и др.;

— *эмоциональные* — нахождение рядом с подчиненным в трудную минуту, сопереживание, дружеская улыбка и др.;

— *деятельностные* — личный пример активных и решительных действий, поддержка действиями и огнем, угощение сигаретой, водой и др.

Организационно-деятельностные способы психологической поддержки составляют: вывод военнослужащего в безопасное место; ликвидация или блокирование источников травматизации; предупреждение контактов военнослужащих с лицами, подвергшимися деморализации; твердое управление действиями подчиненных; постановка четких задач на продолжение боевых действий по типу «Рядовой Петров! Противник справа, за горящим автобусом. Уничтожить!» или «Петров! Посмотри на Сидорова. Он делает правильно. Делай как Сидоров!»; организация целесообразного чередования напряженной деятельности, отдыха, сна, своевременного приема пищи и т.п.

Аутогенные способы психологической поддержки (самопомощь) на сегодняшний день являются наиболее известным, доступным и весьма

[1] По материалам: *Захарик С. В.* Формирование психологической устойчивости у воинов-десантников к влиянию факторов современного боя.

эффективным средством регуляции психической деятельности. К их числу относят как простейшие приемы саморегуляции (успокаивающее и мобилизующее дыхание; расслабление мышц по контрасту; элементарные формулы самоубеждения, самовнушения, самоприказа, самоподкрепления), так и сложные психорегуляционные комплексы (аутогенная тренировка; самогипноз; медитация; нервно-мышечная релаксация и др.).

Простейшими методами психической саморегуляции являются *дыхательные и мышечные упражнения*. Дыхательными упражнениями регулируется степень насыщения мозга кислородом (уменьшение количества кислорода ведет к успокоению, способствует лучшему засыпанию, увеличение – к повышению уровня бодрствования). Если в упражнения встраивается визуальный ряд, это способствует отвлечению внимания воина от неблагоприятной ситуации. Если упражнение структурировано, оно порождает плацебо-эффект.

Примеры упражнений

«Успокаивающее дыхание»[1]. В исходном положении стоя или сидя сделать полный вдох. Затем, задержав дыхание, вообразить круг и медленно выдохнуть в него. Этот прием повторить четыре раза. После этого вновь вдохнуть, вообразить треугольник и выдохнуть в него три раза. Затем подобным же образом дважды выдохнуть в квадрат. Упражнение повторить три-четыре раза. После выполнения этих процедур обязательно наступает успокоение.

«Волевое дыхание»[2]. Выполняющие упражнение принимают исходное положение стоя, расслабляются, устанавливают ровное глубокое дыхание. Затем, вдыхая ровно и спокойно, одновременно поднимают руки до уровня груди ладонями вверх, сгибают их в локтях и отводят локти назад. После этого делается спокойный выдох с одновременным медленным опусканием рук ладонями вниз. Во время выдоха последовательно напрягаются мышцы рук, плечевого пояса, живота, ног. Можно представить, что опускающиеся руки прессуют находящийся в легких воздух и направляют его вниз в землю. По окончании выдоха напряжение мышц прекращается. Упражнение повторяется до появления чувства уверенности в своих силах и готовности организма действовать с максимальной отдачей. Данное упражнение, после его освоения, можно выполнять без внешних движений, в любом положении тела.

«Возбуждающее дыхание»[3]. Исходное положение стоя, расслабиться, установить ровное, глубокое дыхание. Сделать спокойный вдох через нос, одновременно поднимая руки вверх и скрещивая их перед лицом. После этого, напрягая все мускулы тела, особенно мышцы живота, резко открыв рот, опуская руки через стороны вниз, сделать выдох. В конце выдоха собраться с силой и резко вытолкнуть из легких остаток воздуха. При выдохе издавать гортанный звук. Вдох и выдох производить замедленно. Трехкратное повторение этого упражнения позволяет мобилизовать силы и активизировать деятельность. Данное упражнение, после его освоения, также можно выполнять без внешних движений, в любом положении тела.

Американским военнослужащим в боевой обстановке рекомендуют выполнить упражнение ***«Глубокое дыхание»***. Сделать глубокий вдох, выпячивая живот (диафрагмальное дыхание). Задержать дыхание на 5 с. Медленно выдохнуть через рот, завершив выдох «выбросом» остатков воздуха. Упражнение повторить пять раз.

---

[1] См.: *Ладанов И.Д.* Психическая саморегуляция хозяйственных руководителей. М., 1986.

[2] Там же.

[3] См.: Там же.

Прием «Релаксация». Доказано, что произвольное напряжение мышц способствует повышению и поддержанию психической активности, торможению нежелательных реакций на действующий или ожидаемый стимул. Для снятия неактуальной или чрезмерной психической активности, напротив, необходимо мышечное расслабление (релаксация). После энергичного напряжения мышц наступает рефлекторная их релаксация.

Психологическое неблагополучие практически всегда связано с мышечным неблагополучием, «законсервированным напряжением», зажимами. У каждого человека есть своя «неблагополучная» мышечная область: голова, грудь, живот, спина.

Упражнение предполагает три процедуры:

— при переживании неблагоприятной ситуации обнаружить напряженную группу мышц (желательно это сделать заранее, один раз на всю жизнь);

— почувствовать силу напряжения мышц, максимально напрячь их, ощутить напряжение;

— резко расслабиться и почувствовать состояние расслабления и благополучия.

Военнослужащим армии США рекомендуют в ситуации «мандража» выполнить следующее мышечное упражнение. Сильно напрячь все мышцы тела на 15 с. Расслабить мышцы и «стряхнуть» напряжение. Выполнить несколько раз.

Для достижения лучшего напряжения можно упереть ладонь в ладонь, или кулак в кулак, или, напротив, сцепить пальцы рук и пытаться развести руки, максимально напрягая все мышцы тела.

При предварительной подготовке для повышения уровня энергии и мобилизованности организма, создания необходимого волевого настроя, преодоления утомления можно выполнить упражнение на визуализацию ***«Передача энергии»***. Вообразите перед собой какой-то источник энергии. Он согревает вас, дает вам энергию. Постарайтесь ощутить, как энергия воздействует на переднюю часть вашего тела. Вдохните ее. Представьте такой же источник энергии за своей спиной. Почувствуйте, как волны энергии скользят вниз и вверх по вашей спине. Поместите источник энергии справа. Ощутите воздействие энергии на правую половину тела. Поместите источник энергии слева. Ощутите воздействие энергии на левую половину тела. Вообразите источник энергии над собой. Ощутите, как энергия воздействует на голову. Теперь источник энергии находится у вас под ногами. Почувствуйте, как наполняются энергией ступни ваших ног, а потом энергия поднимается выше и распространяется по всему вашему телу.

Представьте, что вы посылаете энергию своим сослуживцам.

Важным моментом стресс-регуляции является ***окончание боя***. Бой нельзя закончить ловами «Всем спасибо! До свидания!». События боя требуют интеллектуальной и эмоциональной переработки, осмысления, принятия. Не переработанная информация о бое способна прождать у военнослужащих чувство «вины выжившего», неуверенность в своей профессиональной подготовке и психологических качествах, недоверие к своим боевым товарищам, командиру и т.д. Физическое окончание боя не совпадает с психологическим его завершением. Некоторые воины продолжают «свой главный бой» всю оставшуюся жизнь.

Для психологического завершения боя в разных армиях используются различные методы. В Советской армии это были *эмоционально насыщенные митинги* прощания с боевыми товарищами с клятвами на их могилах. На этих митингах давалась общая оценка боя на фоне общих целей войны, отмечались лучшие воины, давалась общая ориентировка, формировалась мотивация, настрой на будущие сражения.

В российской (и, по некоторым данным, в китайской) армии для этого применяется *метод «Обсуждение стресса»*. После боя, проводив погибших и раненых товарищей, воины садятся в круг и делятся своими переживаниями, эмоциями, чувствами. Цель таких дискуссий состоит в снятии эффекта уникальности переживаний, в принятии исхода боя, в положительной оценке действий подразделения, предупреждении развития комплекса вины и конфликтных отношений между военнослужащими. Имеющиеся претензии к отдельным военнослужащим можно высказать персонально или в ходе занятий по отработке конкретных боевых действий.

В американской армии для завершения боя проводят два мероприятия: «Остывание» и «Послебоевой командирский брифинг»[1].

«Остывание» (англ. *cool-down meeting* — охлаждающая встреча) — немедленная, короткая встреча после тяжелого, интенсивного боя, особенно с потенциально травматическими событиями (гибель, ранение, убийство противника, гражданских людей). Проводится до полного физического восстановления (сна, приема пищи) и других форм помощи (брифингов).

Пример организации «охлаждающей встречи»

1. Сбор всех военнослужащих подразделения в безопасном и относительно комфортном месте на 15 мин.
2. Употребление неспиртных напитков и приятной (удобной для употребления) пищи.
3. Предоставление военнослужащим возможности беседовать друг с другом.
4. Выражение признательности и поощрение за выполнение трудной миссии.
5. Предоставление военнослужащим информации, где и как они могут отдохнуть и восстановить силы.
6. Опредление дальнейших планов по проведению дебрифингов и других психологических интервенций.
7. Опредление времени подготовки к последующим задачам.

«Послебоевой командирский дебрифинг» (англ. *Leader led after action debriefing*, LLAD) проводится в подразделениях от взвода и ниже после завершения боевых действий, особенно, когда они пошли не по плану. Может проводиться в случаях с гибелью и ранением военнослужащих; сразу после возвращения в относительно безопасное место и удовлетворения физических потребностей (сон, пища). Обычно — это наиболее эффективное средство работы с боевым стрессом, за исключением случаев, когда состояние военнослужащих опасно для сплоченности коллектива, и возможно усиление разрушительного поведения и эмоций.

В этих случаях командир должен спросить себя: «Должен проводить дебрифинг я сам? Должен ли быть приглашен в помощь опытный фасилитатор? Нужна ли помощь специалистов по стрессу?»

Командир должен быть подготовлен для ведения брифинга и вести его:

— либо методом реконструкции события;

— либо методом презентации военнослужащих своих ролей в событии.

Командиры рот и батальонов могут проводить брифинги со своими штабами и подчиненными командирами.

---

[1] Field Manual FM 6—22.5. Combat and operational stress control manual for leaders and soldiers.

Пример организации дебрифинга

1. *Введение*: цели, климат, правила. Разъяснить назначение брифинга — переработка эмоций; но не обычное изучение или сбор фактов. Это обсуждение (теплый душ) с фокусировкой на деталях случившегося. Это не расследование или поиск виновных, а событие, адресованное человеческим реакциям.

Формулируются цели:

— предоставление наибольшего количества информации, фактов и деталей, чтобы каждый мог обнаружить свои заблуждения;

— предоставление возможности обсудить свои реакции;

— обеспечение эмоциональной поддержки членам группы;

— информирование о нормальных реакциях и чувствах, а также о том, куда обращаться при возникновении любых проблем впоследствии.

2. Обсуждение деталей происшедшего. Создание фактологической картины критической ситуации боя с упором на позитивные моменты.

3. Признание реакций и мыслей естественными для данной ситуации. Акцент на нивелировании эффекта «второй догадки» (хиндсайта), порождающей чувство вины. Воины, осмысливая бой в безопасной ситуации, могут находить ошибки в своих действиях и действиях товарищей, что может иметь негативные психологические последствия. Задача командира показать, что в экстремальной ситуации они действовали единственно правильным образом.

4. Опора на поддержку товарищей в эмоциональной проработке события.

5. Формирование у военнослужащих чувства уверенности и перспективы в выполнении последующих задач, формирование чувства уверенности в своих силах, в коллективе, высокого боевого настроя.

11.3. Психологическая реабилитация психотравмированных военнослужащих

Опыт показывает, что иногда события принимают такой драматический характер, когда в пылу боя большое количество военнослужащих утрачивает на время способность целенаправленно управлять своим поведением. Они мгновенно могут выйти из боевого строя, из числа активных бойцов и превратиться в «пушечное мясо». Так, в одном из эпизодов боевых действий мотострелкового полка в г. Грозном в январе 1995 г. личный состав подвергся массированному и ожесточенному огневому воздействию противника. Значительная их часть подверглась психотравматизации. «Около 30% оставшихся в живых воинов утратили способность вести активные боевые действия вследствие полученных психологических травм. У них отмечались подавленность, отрешенность от происходящего, глубокий аутизм, почти полное отсутствие вербального контакта с окружающими. Этих военнослужащих после занятия круговой обороны вынуждено содержали вместе с ранеными и телами убитых под присмотром раненого офицера»[1].

Для экстренной психологической помощи военнослужащим, находящимся в подобном состоянии, отечественные и зарубежные военные психологи предложили ***программу экспресс-помощи*** (методику «кризисной интервенции»). Она предполагает следующие действия.

1. Успокоение пострадавшего путем обращения к нему спокойным, но твердым голосом, с помощью четкой и ясной команды.

---

[1] См.: *Китаев-Смык Л. А.* Стресс войны: наблюдения врача-психолога. М., 2001.

2. Обеспечение пострадавшего от поражения огнем и от самого себя (иммобилизация).

3. Сбор максимума информации о причинах психотравмы и составление плана оптимальных действий. Необходимо отделить боевую психическую травму от проявления растерянности или трусости: никакие призывы, уговоры, угрозы не выводят военнослужащего из состояния дезориентации и лишь могут усугубить последствия травмы.

4. Эвакуация установленным способом пострадавшего в пункт психологической работы (ППР).

5. В ППР необходимо обмыть военнослужащего (при нехватке воды — лицо и руки) теплой водой. В идеальном состоянии погрузить его в теплую ванну (бочку; отвести в полевую баню или душ при ППР. — *Доп. авт.*).

Как вариант — растереть кисти рук и ступни ног шерстяной тканью и разогреть энергичным массажем. (Дело в том, что при сильном стрессе отмечаются локальные сосудистые реакции, связанные с перераспределением кровотока, со спазмом периферических сосудов в отдаленных отделах конечностей. Не случайно при стрессе отмечаются «ледяные руки» и «зябкие ноги». Холодные кисти и стопы при стрессе известны как *синдром «перчаток» и «носков»*. Первоначальное, эволюционно-приспособительное значение этих физиологических реакций было связано с уменьшением риска кровопотери при травмах (при физическом противоборстве первобытного человека с хищным зверем или с себе подобным повреждение именно этих частей тела было наиболее вероятным. — *Доп. авт.*).

5. Дать военнослужащему горячее питье и малую дозу успокоительных средств (элениум, феназепам и др.).

При отсутствии необходимых медикаментов можно использовать промедол из шприц-тюбика индивидуальной аптечки или 50—100 мл алкоголя. Возможно сочетание 50 мл алкоголя и 2 мл промедола.

6. Обеспечить пострадавшему сон.

7. После того как военнослужащий проснется, его следует накормить (желательна пища, богатая белком. — *Прим. авт.*) и вновь уложить спать на несколько часов.

8. После этого определить степень психотравмы и меры по восстановлению военнослужащего[1].

Боевые действия частей Сухопутных войск в Чечне показали, что потребность военнослужащих в психологической поддержке особенно остро ощущается в период с 1-х по 5-е сутки и после 30 суток участия в боевых действиях. Именно в это время отмечалось больше всего потерь среди личного состава, и была высокой подверженность воинов психогениям.

В случаях, когда военнослужащие подвергаются травматическому стрессу (боевой психической травме), требуется осуществление *психореабилитационных мероприятий*.

Психологическая реабилитация представляет собой комплекс психофизиологических, психотерапевтических, организационных и медицинских

[1] *Крахмалев А. В., Кучер А. А.* Причины БПТ, ее проявления и первая помощь. С. 193—200.

мероприятий, направленных на восстановление нарушенных (утраченных) психических функций и коррекцию социального статуса военнослужащих, получивших боевую психическую травму.

В русле системно-ресурсного понимания психологических возможностей участника боевых действий, психологическая помощь рассматривается как деятельность по восстановлению утраченного, нарушенного или деформированного целевого психологического ресурса воина в целях восстановления его боеспособности.

В зависимости от глубины психических расстройств военнослужащих, она может начинаться непосредственно в боевой обстановке и продолжаться в стационарных медицинских учреждениях страны.

Основными задачами психологической реабилитации являются: выявление и диагностика психических расстройств у военнослужащих; сортировка военнослужащих по уровню психотравматизации; эвакуация военнослужащих, подвергшихся психотравматизации, с поля боя; восстановление нарушенных (утраченных) психических функций; коррекция самосознания, самооценки и самочувствия военнослужащих, получивших психические расстройства; предупреждение развития у пострадавших хронических и отсроченных форм стресса; формирование у лиц, подвергшихся боевому стрессу, эффективных моделей поведения в различных ситуациях, навыков саморегуляции психических состояний; быстрое возвращение военнослужащих в боевой строй.

В процессе психологической реабилитации обеспечивается: отреагирование травматической ситуации; переработка пострадавшим травматического опыта, снятие эффекта его уникальности, придание ему смысла, принятие и интеграция травматического опыта в личностную историю и актуальное бытие.

Боевая практика доказала необходимость строгого соблюдения ряда принципов оказания психологической помощи. С учетом опыта психологической помощи в войнах и военных конфликтах XX–XXI вв. нами очерчен комплекс принципов, следование которым позволит достигать эффективного вспомоществования участникам боевых действий. Для лучшего запоминания этот комплекс можно обозначить акронимом «БЛОКПОСТ» по первым буквам включенных в него принципов:

– *Близости* – требует осуществления основных мероприятий психологической реабилитации в пунктах психологической помощи и медицинских подразделений воинских соединений и частей;

– *Личностного подхода* – требует относиться к военнослужащим, получившим боевую психическую травму, не как к больным, а как к лицам, нуждающимся во временном отдыхе и помощи, возвращение которых ожидается в воинских коллективах, и которые будут обязательно возвращены в боевой строй; исключение введения пострадавших в заблуждение, нанесения им какого-либо вреда; недопущение расположения пунктов психологической помощи в пределах видимости от госпиталей и медицинских подразделений; организация посещения пострадавших командирами и сослуживцами, выражающими надежду на возвращение их в боевой строй;

— *Оперативности* — предполагает незамедлительное начало реабилитации сразу после обнаружения у военнослужащих психологических проблем с целью обеспечения отреагирования травматического события, трансформации его смысла и оказания пострадавшим социальной поддержки;

— *Краткосрочности* — ориентирует на необходимость проведения психологической помощи воинам в течение ближайших 12—72 ч с целью профилактики возникновения эффекта вторичной выгоды;

— *Превенции* — требует приоритетно ориентироваться на предупреждение развития у военнослужащих более серьезных форм психических расстройств и вторичной выгоды, ориентацию на превентивное формирование у них психологической устойчивости;

— *Обеспеченности* — требует создания соответствующей методической и материально-технической базы для оказания психологической помощи, без которой она превращается в пустой лозунг;

— *Системности* — определяет, что психологическая реабилитация участников боевых действий должна осуществляться: командирами, психологами, медицинскими работниками, психологическим активом, самими военнослужащими; в пунктах психологической работы, медицинских подразделениях, воинских подразделениях; на различных этапах эвакуации; с помощью простых физиологических, психологических, социально-психологических и медикаментозных средств и способов;

— *Твердости* — требует твердого проведения линии на выявление и наказание лиц, симулирующих боевые психические травмы; ориентации системы психологической помощи преимущественно на восстановление боеспособности, а не абсолютного психического здоровья; соблюдение пострадавшими военной формы одежды; включение их во временные подразделения; вовлечение в выполнение простейших обязанностей по охране и всестороннему обеспечению функционирования пункта психологической помощи.

Среди ***способов психологической реабилитации военнослужащих*** наиболее широкое применение в практике нашей и многих зарубежных армий находят следующие:

— *физиологические* (глубокий сон, отдых, качественная, насыщенная белком пища, обильное питье, душ, полевая баня);

— *аутогенные* (выполнение приемов психической саморегуляции, аутотренинг, медитация и др.);

— *психотерапевтические* (индивидуальная и групповая рациональная психотерапия, психологические дебрифинги);

— *медикаментозные* (седативные препараты, транквилизаторы, антидепрессанты, ноотропы, актопротекторы, психостимуляторы, фитотерапия, витаминотерапия и др.);

— *коммуникативные* (посещение пострадавших сослуживцами и командирами с целью выражения эмоциональной поддержки и призыва скорее возвращаться в коллектив);

— *организационные* (установление четкого режима работы и отдыха, вовлечение военнослужащих в активную боевую учебу, несение службы, сохранение военной формы одежды).

Эффективным и доступным методом психотерапевтической работы с участниками боевых действий является рациональная психотерапия.

Рациональная психотерапия — свободная, неструктурированная терапевтическая беседа с пострадавшим.

Рациональная психотерапия нацелена на решение следующих задач:

— создание условий для отреагирования (вербализации, выговаривания) военнослужащим травматического события;

— снятие эффекта уникальности реагирования военнослужащего на событие;

— разъяснение временного характера возникших психологических проблем;

— разъяснение военнослужащему его статута как человека, временно нуждающегося в помощи по восстановлению его боеспособности;

— доведение до военнослужащего информации о том, что на его возвращение надеются боевые товарищи;

— обучение простейшему приему психической саморегуляции.

Изучение отечественного и зарубежного опыта психологической помощи участникам боевых действий позволяет представить ее ***целесообразную схему***.

1. В ходе ведения боевых действий командиры, военные психологи, медицинские работники, боевой психологический актив, военнослужащие оказывают психологическую поддержку сослуживцам (1-й эшелон).

2. Мобильные группы психологической работы, действующие в боевых порядках войск оказывают экстренную психологическую помощь военнослужащим и, совместно с медицинскими работниками, вырабатывают предложения по эвакуации с поля боя психотравмированных военнослужащих (2-й эшелон).

3. Военнослужащие, которые в ходе экспресс-диагностики отнесены к категории психогенных потерь, направляются командирами в ППР для психологической реабилитации (либо в батальонные медицинские пункты, медицинский пункт соединения или воинской части).

4. После боя целесообразно проводить сбор военнослужащих, нацеленный на обеспечение психологического «остывания» и выявление психотравмированных военнослужащих, которых направлять в ППР.

5. В каждом подразделении, принимавшем участие в боевых действиях, в пределах 48 ч командиру целесообразно проводить групповое обсуждение стресса (дебрифинг).

Решением этих задач достигаются две главные цели: 1) возвращение пострадавших в боевой строй в наиболее короткие сроки; 2) предотвращение развития у них посттравматического стрессового расстройства.

Очевидно, что командиры подразделений способны выполнить лишь простейшие процедуры психодиагностики и психологической помощи подчиненным. Что же касается психологической реабилитации, то само ее определение говорит о том, что для ее осуществления уже в зоне боевых действий требуются специалисты психологического профиля.

Таким образом, психологическая помощь участникам боевых действий представляет собой процесс непрерывного мониторинга (отслеживания, выявления, анализа и оценки) психологических условий выполнения боевых задач, осуществления психологической поддержки военнослужащих и проведения психологической реабилитации с лицами, подвергшимися травмирующему воздействию стресс-факторов боя.

Рекомендуемая литература

Захарик, С. В. Формирование психологической устойчивости у воинов-десантников к влиянию факторов современного боя (на основе боевых действий в Афганистане) : дис. ... канд. психол. наук / С. В. Захарик. – М., 1993.

Караяни, А. Г. Социально-психологическая интеграция в российское общество инвалидов боевых действий : монография / А. Г. Караяни, Ю. М. Волобуева, В. Ф. Дубяга. – М., 2007.

Караяни, А. Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях / А. Г. Караяни, П. А. Корчемный. – М. : Изд-во ВУ, 2010.

Крахмалев, А. В. Причины БПТ, ее проявления и первая помощь // Проблемы военной психологии / А. В. Крахмалев, А. А. Кучер. – Минск : Харвест, 2003. – С. 193–200.

Ладанов, И. Д. Психическая саморегуляция хозяйственных руководителей / И. Д. Ладанов. – М., 1986.

Литвинцев, С. В. Боевая психическая травма / С. В. Литвинцев, Е. В. Снедков, А. М. Резник. – М. : Медицина, 2005.

Рейнуотер, Дж. Это в ваших силах: как стать собственным психотерапевтом / Дж. Рейнуотер. – М. : Прогресс, 1992.

Field Manual FM 6–22.5. Combat and operational stress control manual for leaders and soldiers. – Washington, 2009.

ГЛАВА 12
ЗАЩИТА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ОТ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРОТИВНИКА

По мнению военно-политического руководства стран НАТО, психологические операции – самостоятельный вид воздействия, эффективное оружие, применение которого может позволить вообще отказаться от военной силы. Информационно-психологическое противоборство рассматривается в рамках теории и практики ведения войн четвертого поколения (*The Fourth Generation of Warfare*, 4GW).

В доктрине 4GW в качестве важнейших инструментов противоборства определяются: государственный терроризм, повстанческая деятельность, «цветные» революции, провоцирование экономических кризисов и др. При этом существенным элементом повышения эффективности противоборства нового типа является стратегическое информационное противоборство, используемое для управления поведением противостоящей стороны.

По оценкам экспертов 4GW характеризуются[1]:

– комплексностью и большой продолжительностью;

– ведением активной террористической деятельности;

– участием негосударственных и транснациональных «факторов» при высоком уровне децентрализации их действий;

– действиями, направленными на идеологическую, культурную и т.п. среды противостоящей стороны;

– высоким уровнем вовлеченности информационно-психологических сил и средств противоборства, особенно через масс-медиа;

– использованием всех имеющихся ресурсов – политических, экономических, социальных, военных и т.п.;

– преобладанием конфликтов так называемой низкой интенсивности с вовлечением в них различных сетей акторов;

– наличием большого количества некомбатантов;

– слабостью иерархии и проблемами управления;

– широким использованием повстанческих методов противоборства.

К этому поколению войн относятся все формы конфликта, в которых одна из сторон не желает или не может использовать традиционные (симметричные) средства и методы противоборства, делая ставку на нетрадиционные, «асимметричные» средства. Специалисты полагают, что поскольку

---

[1] См.: *Гриняев С. Н., Арзуманян Р. В., Карп Е. И.* Военное противоборство в современных условиях: новейший опыт, оценки, тенденции / под общ. ред. А. Б. Михайловского. М., 2014.

в основе зарождения 4GW лежат, главным образом, политические, социальные и моральные мотивы, а также общее снижение влияния государства, то не может быть чисто военного способа парирования угроз, связанных с ведением такого типа руководства. Военная сила неспособна самостоятельно, в отрыве от других видов противоборства (прежде всего, информационного) обеспечить «восстановление легитимности государства». В связи с этим традиционная военная сила утрачивает свое значение, а в ряде случаев она становится даже опасной. Одновременно эффективными средствами являются преимущественно информационные, политические, дипломатические и экономические. Основным средством достижения целей противоборства является не столько силовое воздействие на противника, сколько информационно-психологическое воздействие, направленное на лишение противника воли к сопротивлению. Стратегия 4GW была реализована в операциях вооруженных сил США в Ираке, Афганистане, Ливии и осуществляется сегодня в Сирии и Украине.

12.1. Информационно-психологическое противоборство в теории и практике боевых действий иностранных государств

В странах НАТО весь комплекс мер информационно-психологического воздействия на войска и население противника обозначается термином «психологические операции» (ПсО)[1]. Руководство США в 2010 г. объявило о переходе в области информационно-психологического противоборства к концепции ***стратегических коммуникаций***. По его замыслу, стратегические коммуникации представляют собой целенаправленную деятельность всех государственных структур США, направленную на создание, улучшение или сохранение условий, благоприятных для достижения национальных интересов, путем реализации планов, разработки основных направлений содержания внешнеполитической пропаганды, подготовки и распространения информационно-пропагандистских материалов, согласованных с действиями всех ветвей власти.

Под легендой «снижения негативного общественного отношения» к термину «психологические операции», ассоциировавшемуся с манипуляцией сознанием и подавлением воли, было принято решение о замене термина «психологические операции» на термин «операции информационной поддержки войск»[2] (*Military information support operations*, MISO)[3]. На самом деле, это далеко не простая смена терминологии. Она сопровождается практическим удвоением численности активных сил информационно-психологического воздействия и существенной коррекцией в формах и мето-

---

[1] AJP-3.10.1. Allied Joint Doctrine for Psychological Operations. NATO standardization office (NSO), 2014.

[2] Возможны различные переводы этого термина. В связи с этим в учебном пособии будет использоваться американская аббревиатура «MISO».

[3] Вместе с тем в ряде источников проходит информация о том, что осенью 2014 г. органы MISO были вновь переименованы в органы психологических операций. В связи с этим целесообразно рассматривать ПсО и MISO как синонимы.

дах их деятельности. Суть этой коррекции состоит в том, что на деле осуществляется переход от преимущественного распространения информации к практической деятельности по разложению войск и населения противника, порождению бунтов, восстаний, революций, партизанских действий от листовок, программ радио-, теле- и звуковещания к подготовке и организации практической подрывной деятельности «пятых колонн», различного рода анонимных вооруженных «засланцев» из числа штатных подразделений спецназа и частных военизированных вненациональных или американских агентств. Есть все основания утверждать, что происходящие реформы в области информационно-психологического противоборства — это «переломный момент во всей стратегии развития данного направления военной науки и военной стратегии. Это предполагает коренное изменение в организации, практике применения и доктрине действий по управлению массовым сознанием»[1].

В августе 2011 г. было активизировано (приведено в режим постоянной работы) командование MISO (Форт-Брэгг, Северная Каролина).

MISO являются стержнем стратегических коммуникаций. По взглядам американских специалистов, такие операции — жизненно необходимая часть широкого диапазона политических, военных, экономических и идеологических действий, используемых американским руководством для достижения национальных целей. Цель MISO состоит в распространении информации на иностранные аудитории в поддержку американской политики и национальных целей.

Используемые в мирное время, в непредвиденных обстоятельствах и в ходе войны средства и методы информационной поддержки войск американские специалисты рассматривают не как «формы силы», а как «множители силы», как «ненасильственные средства в часто насильственной окружающей среде». «Убеждая, вместо того, чтобы принуждать физически, они ориентируются на логику, страх, желания или другие психологические факторы, чтобы вызвать определенные эмоции, отношения или поведение. Конечная цель MISO — убедить врага, нейтральные и дружественные нации и силы принимать меры, благоприятные Соединенным Штатам и его союзникам»[2].

Главным документом, определяющим теорию, методологию, содержание и методику осуществления MISO является *Доктрина военных операций информационного обеспечения* (*JP* 3—13.2. *Military Information Support Operations*), с дополнениями и изменениями, принятая 20 декабря 2011 г.[3] В документе подчеркивается, что на современном этапе военно-политическое руководство Соединенных Штатов рассматривает достижение информационного превосходства как обязательное условие победы над любым противником.

---

[1] См.: *Гриняев С. Н., Арзуманян Р. В., Карп Е. И.* Военное противоборство в современных условиях: новейший опыт, оценки, тенденции.

[2] 4th Military Information Support Operations Group (Airborne) // GlobalSecurity.org [сайт]. URL: http://www.globalsecurity.org/military/agency/army/4psyopgp.htm (дата обращения: 07.02.2016).

[3] Joint publication 3—13.2. Military Information Support Operations. Б/м, 2010 ; 2011.

MISO определяется как запланированные операции, состоящие в передаче отобранной информации и ориентиров иностранным аудиториям, чтобы влиять на их эмоции, побуждения, аргументацию и, в конечном счете, на поведение иностранных правительств, организаций, групп и людей в направлении, соответствующем целям организаторов. Утверждается, что хорошо отрежессированная и спланированная информация передается на целевые аудитории, чтобы разъяснять намерения, предотвращать эскалацию напряженности, избегать проблем и смягчать потенциальные результаты и последствия враждебных информационных действий.

Специалисты MISO также способствуют тому, чтобы привести цели командира в соответствие с анализом обстановки; выбирают соответствующие целевые аудитории; разрабатывают целенаправленные, культурно и экологически обусловленные сообщения и действия; используют изощренные средства доставки медиасредств и производят заметные и измеримые поведенческие реакции[1].

При формулировке задач MISO учитывается то, что основными формами ведения войны четвертого поколения являются терроризм, повстанческие действия, конфликты низкой интенсивности и т.п. При этом терроризм рассматривается не как единичные террористические акты, а как элементы целостной стратегии асимметричного противоборства, направленного на достижение стратегических целей противоборствующими сторонами. Исходя из этого, силы и средства подобного противоборства становятся уже военно-гражданскими. Терроризм, партизанская война и другие подобные методы противоборства становятся основой военного искусства. Целью борьбы являются не столько военные возможности врага, сколько воля врага к сопротивлению[2].

В связи с этим в новых документах по MISO отмечается их особая миссия в войнах с участием иррегулярных формирований. В частности отмечается, что их роль обычно намного выше, чем во время обычных военных операций и кампаний, так как они воздействуют непосредственно на действующий центр иррегулярных формирований методами, отличными от способов, применяемых в боевых операциях. Предполагается широкое использование прямых и косвенных подходов.

Прямой подход заключается в преследовании противника, лишении его инфраструктуры и ресурсов. Некоторые противники, такие как террористы и повстанцы, борющиеся по религиозным или племенным причинам, могут быть столь преданы целям борьбы, что просто не могут быть переубеждены или принуждены к сдаче оружия. Такой противник должен быть уничтожен или захвачен в плен.

Косвенный подход MISO — ключевые операции поддержки к каждому конкретному случаю борьбы с иррегулярными формированиями. Косвенный подход предполагает следующие действия:

---

[1] *Pulch B.* SECRET-Joint Publication 3—13.2 Military Information Support Operations. 2012, October 23. URL: http://berndpulch.org/2012/10/23/secret-joint-publication-3—13—2-military-information-support-operations/ (дата обращения: 07.02.2016).

[2] См.: Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. М., 2005.

— фокусировать внимание на основных экономических, политических, культурных условиях и условиях безопасности, которые питают обиды населения, а не на применении военной силы непосредственно против военных и военизированных сил противника. Оба подхода необходимы, но прямое применение военной силы не является решающим;

— тревожить, раскалывать и вытеснять противника, атакуя его физически и психологически там, где он является самым уязвимым и не подозревающим, вместо того, чтобы нападать там, где он является самым сильным или ожидает нападения;

— делегировать полномочия, предоставлять права, усиливать посредников и других партнеров, чтобы атаковать противника в военном отношении или противостоять ему не в военном плане, вместо того, чтобы полагаться на прямую и одностороннюю военную конфронтацию американскими объединенными силами;

— действовать совместно или против государств или вооруженных групп «третьей стороны», чтобы влиять на противника, вместо того, чтобы пытаться влиять на него непосредственно;

— атаковать противника, используя комбинацию обычных и нетрадиционных методов и средств, вместо того, чтобы положиться только на обычные военные силы. Нетрадиционные методы и средства могут включать тайные или секретные операции, операции в комбинации с нерегулярными силами или нетрадиционное использование обычных возможностей;

— свергать власть и лишать влияния противника в соответствующих популяциях, изолируя их физически и психологически от источников их местной и международной поддержки с помощью MISO, общественной дипломатии, связей с общественностью; операции безопасности; принимать меры по контролю за ресурсами, населением и другими средствами;

— использовать идеологические и политические факторы, связанные с действием иррегулярных формирований, создающие благодатную почву для MISO.

По взглядам специалистов, при правильном применении MISO может спасти жизни своих войск и сил противника путем ослабления воли врага к борьбе. Ослабляя моральный дух противника и снижая эффективность его действий, MISO могут также предотвратить агрессивные действия и создать очаги инакомыслия и недовольства во вражеских рядах, в конечном счете принуждая противника к сдаче. MISO обеспечивают командиру возможность применения нелетальных средств во время военных операций, проходящих в мирное время, во время эскалации конфликта, войны и послевоенное время.

Как видно из определения, MISO представляют собой скоординированную традиционную пропагандистскую деятельность, психологические действия и специальные действия по психологической дезорганизации противника. При этом под пропагандой понимается систематическое, целенаправленное распространение с помощью средств связи и информации определенных идей с целью оказания влияния на мнения, чувства, состояния и отношения или поведение объектов воздействия с тем, чтобы достичь прямых или косвенных выгод для своей страны. Пропаганда может быть

«белой» (если указывается объективный источник информации), «серой» (если этот источник не упоминается) и «черной» (при сфальсифицированном источнике информации).

Психологические действия — это осуществление конкретных мероприятий как в мирное, так и в военное время, направленных на подрыв потенциального или действительного престижа и влияния противника во враждебных, нейтральных или союзных странах и укрепление своего влияния и престижа.

Специальные действия по психологической дезорганизации противника включают возбуждение в армии и населении врага недовольства, оппозиционных настроений и действий, гражданского неповиновения, бунтов, мятежей, террористических актов, партизанских движений, гражданских войн с помощью штатных спецподразделений, военизированных групп наемников, специально подготовленных оппозиционных сил.

Операции информационной поддержки войск подразделяются на стратегические, оперативные и тактические.

Стратегические MISO проводятся в глобальном масштабе для достижения долгосрочных целей, в интересах создания благоприятной психологической обстановки для ведения боевых действий.

Оперативные MISO осуществляются в определенных регионах и преследуют среднесрочные цели по поддержке военных кампаний или крупных военных операций.

Тактические MISO реализуются с краткосрочными целями и направляются на поддержку боевых действий войск в тактическом звене. MISO всех уровней, при их одновременном осуществлении, составляют целостный комплекс взаимосвязанных мероприятий, из которого сложно вычленить тот или иной уровень. Они планируются и проводятся на основе решений главнокомандующих, командующих и командиров различных рангов в мирное и военное время.

Для достижения целей подрывной деятельности широко привлекаются выводы психологической науки, которые направляются в первую очередь на изменение психологических состояний противника.

Психология помогает организаторам MISO выявлять наиболее слабые звенья в морально-психологическом состоянии противника и научно обоснованно строить тактику психологического давления на него. Она рекомендует широко использовать в этих целях национальные, социальные, религиозные противоречия, трудности, с которыми сталкиваются войска противника (голод, холод, плохое материально-техническое обеспечение и т.д.); распространять слухи и дезинформацию о значительном превосходстве своих войск, больших потерях противника, различии интересов и целей разных категорий военнослужащих; активно работать с военнопленными и др. Выводы психологии активно используются для придания распространяемой информации свойства легкой и быстрой усваиваемости, «просачиваемости» в подсознание человека.

Основные задачи MISO, реализующиеся на соответствующих этапах:

— *разработка* — предполагает выбор конечных и промежуточных целей операций, анализ целевой аудитории, выработку рекомендаций конкрет-

ных действий, воздействующих на убеждения, отношения и поведение, целевых аудиторий, утверждение всей операции. Анализ пропаганды противника и разработка контрпропаганды начинается на этом этапе, но окончательно вырабатывается в течение выполнения последующих задач;

— *проектирование*. На данном этапе происходит предварительное овеществление концепций и идей, выработанных на стадии разработки и создания аудио-, визуальных, аудиовизуальных прототипов. Эта задача требует технических знаний во многих областях, связанных с передачей данных;

— *производство*. Данная задача состоит в подгонке утвержденных прототипов MISO под наиболее привычные для иностранного населения способы получения информации. Часть материала может производиться с помощью частных подрядчиков, в то время как другая часть может быть выполнена в подразделениях, приданных или находящихся под управлением тактического контроля и управления или оперативного контроля и управления сил операций;

— *распределение* — это отправка конечного продукта от точек его производства к местам его распространения. На этом этапе физическое или электронное хранилище данных MISO может переправляться к местам промежуточного хранения. Данная задача может осложняться требованиями к секретности, поскольку многие конечные продукты бывают засекречены до их применения;

— *распространение*. Включает в себя доставку продуктов MISO непосредственно к нужной целевой аудитории. Силы MISO должны использовать как много больше различных средств передачи информации, чтобы гарантированно обеспечить доступ информации к той части иностранного населения, на которую она непосредственна нацелена;

— *оценка* является наиболее ресурсоемкой задачей из всех. Эта задача требует от бойцов MISO участия в разведывательной деятельности. В оценку входит: анализ показателей воздействия, обзоры, интервью, тестирование, необходимые для измерения эффективности достижения целей, поставленных в ходе осуществления операций.

Силы MISO. Основу сил информационно-психологического противоборства в армии США составляют 4-я и 8-я группы MISO, находящиеся под командованием специальных операций армии США (*United States Army Special Operations Command*, USASOC), которое, в свою очередь, состоит под командованием сил специальных операций Соединенных Штатов и включает следующие подразделения:

— ***4-я группа информационной поддержки войск*** (4th MISG) включает: 6-й батальон MISO (A) — Европейское командование Соединенных Штатов; 7-й батальон MISO (A) — Африканское командование США; 8-й батальон MISO (A) — Центральное командование США;

— ***8-я группа информационной поддержки войск*** (8th MISG) (A) была активизирована 26 августа 2011 г. Она включает: 1-й батальон MISO (A) — Южное командование Соединенных Штатов; 5-й батальон MISO (A) — Тихоокеанское командование Соединенных Штатов; 9-й батальон MISO (A) — тактический.

Третий батальон MISO (A) (Батальон распространения СМИ) обеспечивает и 4-ю, и 8-ю MISG (A) радио-, теле-, видео- и цифровой записью и листовками, плакатами, рекламой, газетами, радио и телевидением[1].

Общая численность подразделений MISO сухопутных войск составляет сегодня порядка 2500 человек. Все подразделения являются аэромобильными. Обе группы базируются в Форт-Брэгг, Северная Каролина.

Кроме этого, в состав активного резерва вооруженных сил США входят 2-я (11-й, 13-й, 15-й и 16-й батальоны) и 7-я (10-й, 12-й, 14-й и 17-й батальоны) группы информационного обеспечения. Личный состав групп задействуется для наращивания группировок MISO на ТВД или обеспечения ротации в процессе долговременных операций. Батальоны MISO состоят из рот, включающих три отряда по три тактические команды MISO.

Перед фронтом воинской части (соединения) противника, операции информационной поддержки войск, как правило, осуществляются отрядами и ***тактическими командами*** **MISO**. Такие команды обычно состоят из руководителя команды, помощника руководителя и специалиста по информационным операциям, который управляет громкоговорителем и пулеметом. Тактические команды MISO часто работают с местными переводчиками, которые могут вести широковещательные сообщения на местном языке. Команды ведут звуковещание на войска и население противника и нейтральное население; распространяют печатные материалы и сувенирную продукцию с соответствующей информацией; демонстрируют видеофильмы; ведут устную пропаганду в режиме *face to face*; изучают общественное мнение и настроения в зоне боевых действий; оценивают эффективность MISO; ведут разведывательные действия и т.д.

Организационно-штатная структура названных подразделений непостоянна, она строится по модульному принципу. В зависимости от поставленных задач создаются соответствующие команды. В такие команды могут входить специалисты по иностранным языкам и культуре, разведке, журналистике, полиграфии, связи, фотографии, психологии, рекламе и др. Подавляющее большинство из них проходит обучение в Центре специальных методов войны им. Дж. Кеннеди в Форт-Брэгге, лингвистическом институте и школе подготовки специалистов СМИ МО США.

Оснащенность органов MISO. Части и подразделения MISO располагают специализированными техническими средствами, позволяющими осуществлять информационно-психологические акции в любом регионе мира (табл. 12.1).

Таблица 12.1

Средства MISO

Принадлежность средств	Средство
ВВС национальной гвардии США	193-е авиакрыло специальных операций: — три самолета EC-130J «Коммандо Соло» (используются для ведения теле- и радиовещания);

[1] По одним источникам батальон включен в 4-ю группу MISO, по другим — подчинен армейскому командованию MISO.

Принадлежность средств	Средство
	— четыре самолета EC-130SJ «Супер Джей» — для распространения печатных материалов информационно-психологического воздействия. На EC-130SJ могут устанавливаться портативные модули теле- и радиовещания. Решается вопрос о размещения на самолетах EC-130J и EC-130SJ аппаратуры, обеспечивающей доступа в Интернет
Пункт базирования Форт-Брэгг	Стационарный комплекс подготовки материалов информационно-психологического воздействия: высокопроизводительная стационарная типография и стационарный медиакомплекс. Комплекс позволяет передавать цифровые материалы в любой район действия подразделений MISO
Группы MISO	Мобильный медиакомплекс (аналогичный стационарному), полиграфические станции тяжелого и легкого типов; мультимедийные системы специальных операций; звуковещательные станции воздушного, автомобильного (катерного) и ранцевого типов; оборудование для ведения профессиональной видеосъемки, БЛА, артиллеристские, авиационные и воздухоплавательные средства распространения печатных материалов информационно-психологического воздействия
Страны дислоцирования сил MISO	Телевидение, радио, типографское оборудование, конфискуемые или арендуемые силами MISO
Тактические группы MISO	Перевозной громкоговоритель (радиус вещания — 1800 м), установленный на HMMWV; переносные громкоговорители (радиус вещания — 700—1000 м), компьютер (*laptop*), автомобильная радиостанция AN/VRC 91 (дальность 35 км), переносная радиостанция AN/PRC 148 (150) (дальность 8 км), антенна OE 254, трехкиловаттный генератор, карманные военные переводчики *Phraselator*, 56 × 45 мм ручной пулемет M249 SAW (с коробом на 200 патронов)

Возможности органов MISO. Структура, численный состав и оснащение органов MISO вооруженных сил США определяют их возможности в проведении информационно-психологических акций. Так, по оценкам экспертов, 4-я группа MISO способна в течение суток производить до 4 млн экземпляров печатных информационно-пропагандистских материалов (листовок, плакатов, дайджестов, газет и т.д.); готовить 300—400 радиопередач и звуковещательных программ; разрабатывать три-четыре телевизионных программы.

12.2. Характеристика современных и перспективных видов информационно-психологического оружия

В целях повышения эффективности MISO и интеграции всех имеющихся в этой области возможностей командование армии США ставит

перед собой задачу использовать в интересах психологической войны широкомасштабную армейскую программу *Future Combat Systems* («Боевые системы будущего»). Однако уже сегодня в распоряжении органов MISO находятся самые современные средства, позволяющие осуществлять целенаправленное влияние на общественное мнение, сознание, подсознание, поступки людей, их психическое состояние, чувства и здоровье.

Внимательное изучение всей совокупности средств, применяемых в информационно-психологическом противоборстве в наши дни, позволяет сделать вывод о том, что сегодня в мире целенаправленно создается, проходит полевые испытания и практически используется при решении военных задач новый класс мощного, высокоэффективного оружия на основе современных и перспективных информационных и психотехнологий, которое может стать одним из решающих средств достижения целей в современной войне — психологического оружия.

Психологическое оружие способно оказывать влияние на все компоненты психики: психические познавательные процессы (ощущения, восприятие, внимание, память, мышление, воображение, речь), волевые процессы, психические состояния, мотивацию, поведение в диапазоне «норма — патология — болезнь». Его воздействие на военнослужащего может сопровождаться:

— нарушением ориентировки в пространстве и времени, в элементах боевой обстановки, в собственной личности;

— утратой способности волевой мобилизации и саморегуляции, эскалацией негативных, астенических психических состояний (неуверенность в своих силах, чувство безысходности, безотчетный страх, боязнь противника, паника, подозрительность по отношению к своим товарищам и т.д.);

— немотивированной аутоагрессивностью и агрессивностью по отношению к сослуживцам;

— нежеланием и неспособностью к активным действиям, нарушением координации движений;

— ощущением сверхмощных, превышающих возможности сенсорных систем, раздражителей, локализующих активность человека на определенном уровне и участке местности;

— «запредельными» режимами функционирования вегетативной нервной системы, психическими расстройствами и др.

К основным разновидностям такого оружия можно отнести уже широко известные и апробированные на практике системы пропагандистско-психологического воздействия, находящиеся в стадии активных научных и опытно-конструкторских разработок психотропное, технопсихологическое и соматопсихологическое (*терминология авт.*) и рассматривающееся в виде возможной перспективы психотронное оружие (табл. 12.2).

Пропагандистско-психологические средства осуществления психологического воздействия на противника в настоящее время во многих странах мира все еще рассматриваются в качестве приоритетных при достижении военных целей. Для их разработки и практического применения привлекаются значительные материально-технические ресурсы, известные ученые, политики, деятели культуры и искусства, высококлассные военные специа-

листы. К числу основных средств информационно-психологического воздействия относятся следующие (табл. 12.3).

Таблица 12.2

Классификация психологического оружия

Наименование вида оружия	Краткая характеристика оружия
Пропагандистско-психологическое оружие	Информация со средствами ее производства, презентации и распространения, структурированная для обеспечения ее некритического восприятия в качестве побудителя и регулятора поведения объектами воздействия: — листовки, дайджесты, газеты, журналы; — радио, телевидение, звуковещательные станции, радио-, звуко- и телепрограммы; — кино- и видеоаппаратура, кинофильмы и видеофильмы; — средства проекции на облака, здания, возвышенности и др.; — средства создания голографических объектов; — компьютеры, планшеты, смартфоны, сотовые телефоны, видео- и аудиоплееры, аппаратура создания виртуальной реальности; — Интернет, глобальные и локальные социальные сети, компьютерные игры; — специальные программы создания видео- и аудиоконференций, брифингов, групповых шоу; — виртуальные средства создания ложной действительности, формирующей заданные системы ценностей, отношений и модели поведения людей
Психотропное оружие	Фармакологические препараты, наркотические вещества, химические составы, воздействующие на биохимические процессы в нервной системе человека и задающие уровни его бодрствования, активности, качества восприятия обстановки, характеристики психического здоровья
Технопсихологическое оружие	Технические устройства, способные генерировать и направленно излучать электромагнитные волны со спектром частот, нарушающих биоэлектрические процессы головного мозга и периферической нервной системы и вызывающих сбои в психической деятельности человека, а также компьютерные средства воздействия на мозг и микросреду человека
Соматопсихологическое оружие	Технические устройства, химические составы и биологические рецептуры, вызывающие изменение в соматическом состоянии и физической активности людей и, на этой основе, стимулирующие развитие астенических психических состояний и импульсивных моделей поведения
Психотронное оружие (перспективное)	Люди, обладающие паранормальными способностями (телепаты, экстрасенсы, ясновидящие и т.д.), а также технические устройства (психотронные генераторы, резонаторы и т.д.), позволяющие управлять психическими процессами, состояниями и поведением других людей, на новом качественном уровне решать задачи разведки, связи и управления

Наименование вида оружия	Краткая характеристика оружия
Вспомогательная деятельность или средства рефлексивного управления противником	— Средства создания для противника ложной тактической, оперативной и стратегической реальности (маскировка, создание ложных целей, дезинформация, ложные маневры, провокации, интриги, ложь, обман, уловки, аферы, создание массовых иллюзий, хаоса, неразберихи и др.); — средства вхождения в боевые радиосети противника с целью его дезориентации, деморализации и дезорганизации; — технологии возбуждения массового недовольства, неповиновения, оппозиционных и партизанских движений, мятежей, «бархатных» революций повстанческих движений, террористических актов, гражданских войн

Таблица 12.3

Пропагандистско-психологическое оружие

Наименование средства	Краткая характеристика средства
Печатные средства	Листовки, газеты, журналы, плакаты, информационные бюллетени, средства их разработки, производства и распространения
Радио и телевидение	— Стационарные и подвижные (автомобильные, корабельные, самолетные) радио- и телецентры; — одночастотные компактные радиоприемники
Киноустановки, видеосистемы, кино- и видеопродукция	— Киноаппараты, видеомагнитофоны видеоплееры, видеокассеты, кинофильмы и др.; — мини-видеоплееры, мини-граммофоны
Средства звуковещания	Стационарные и мобильные станции звуковещания, программы вещания
Компьютеры, средства межличностной и массовой коммуникации, локальные и глобальные компьютерные сети, компьютерные игры	— Компьютеры, планшеты; — смартфоны, коммуникаторы, сотовые телефоны; — глобальная компьютерная сеть Интернет, местные локальные компьютерные сети (*Twitter*, *Facebook*, *Google*, *Instagram* и др.)
Предметы повседневного обихода	Майки, футболки, бейсболки, рюкзаки, игрушки, мячи, обувь, продукты питания и другие предметы с соответствующим информационным обеспечением
Средства создания голографических объектов	Синтезаторы голографических и звуковых эффектов в атмосфере
Средства проекций на облака и другие экранированные поверхности	Мощные видеопроекторы (прожекторы с пленкой), способные проецировать информацию на большие расстояния

Рассмотрим наиболее важные из перечисленных средств.

1. ***Печатные средства*** – листовки, рисунки, фото, плакаты, газеты, информационные бюллетени и т.д., средства их производства (полиграфическая база) и распространения.

Листовки, по мнению американских специалистов, обладают рядом преимуществ перед другими средствами информационно-психологического воздействия:

– авторитетностью и престижностью;

– возможностью распространения на большую аудиторию;

– возможностью перечитывания для усиления воздействия;

– объяснением сложных материалов в деталях;

– листовки можно спрятать и прочесть в одиночестве;

– сообщения можно печатать на любых поверхностях[1].

Следует добавить, что способ доставки сообщения в листовках значительно более безопасный, чем в непосредственном контакте или в звуковещании. Выделяют четыре вида листовок: информационная, пропагандистская, листовка-пропуск, листовка «я сдаюсь»[2]. Листовки, исходя из своего предназначения, издаются разных размеров и на различном материале (бумага, пленка, пластик, материя, дерево и др.).

В американской армии для ***распространения листовок*** используются:

– *артиллерия* (105 и 155 мм снаряды, 81-мм мины, агитационный реактивный снаряд);

– *авиация* (вразброс через двери и люки вертолетов и самолетов; свертки или коробки с вытяжными тросами);

– специальные пластиковые *бомбы* М129 Е 1/Е 2 (способна доставить по назначению около 60 000 листовок); бомба MXU 648;

– *беспилотная управляемая ракета*, доставляющая на цель до 500 кг груза;

– *беспилотный летательный аппарат* параплан CQ-10A «Снежный Гусь»;

– самораскрывающиеся *авиационные пакеты* (5000 листовок);

– *авиаконтейнеры* (до 50 кг листовок);

– *воздушные баллоны* DG-100 (вмещающие 1300 листовок и доставляющие их на расстояние до 2400 км);

– *воздушные шары* (высота полета – до 24 км, дальность полета – до 9600 км, полезная нагрузка – до 200 кг, сброс груза на высоте – 9000 м);

– плавающие водонепроницаемые *контейнеры* из дерева, бамбука, пластика, стекла, целлофана для применения на океанах, морях, озерах, реках;

– *агенты, диверсионные группы*, штатные сотрудники подразделений MISO и др.

Листовки также могут оставляться на местности отступающими войсками.

В последние годы на вооружение частей MISO приняты современные авиационные средства распространения печатных информационных мате-

---

[1] *Почепцов Г. Г.* Психологические войны. М., 2000. С. 445.

[2] *Феденко Н. Ф.* Буржуазная военная психология на службе психологической войны империализма. М., 1981. С. 87.

риалов. Так, в войска поступило более семидесяти грузовых беспилотных летательных аппаратов планерного типа CQ-IOA WSADS. Этот аппарат, по мнению экспертов, создан с учетом самых строгих требований к выполнению специальных психологических операций (залистование районов, десантирование груза с высокой точностью, ведение наблюдения в интересах разведки, перевозка грузов). Он способен запускаться с самолетов С-130 и С-17, с помощью машины высокой проходимости HMMWV (от англ. *High Mobility Multipurpose Wheeled Vehicle*) или автоприцепа-платформы.

Продолжается совершенствоваться агитационная бомба М129Е 1/Е 2, парашюты с дистанционным управлением, пневматические системы со сжатым газом, ускоряющие выброс информационно-пропагандистских материалов из самолета.

В регионах, в которых имеются акватории (моря, озера, реки и т.д.), для распространения листовок и других информационно-психологических материалов используются *лодки, плавающие контейнеры, листовки из плавающих материалов.*

2. ***Радио*** и ***телевидение*** являются важными средствами MISO. Сюда относятся стационарные и подвижные (автомобильные, самолетные, корабельные) радио- и телецентры (штатные, захваченные у противника, арендованные у местных властей) с соответствующими программами вещания. Роль этих средств MISO особенно возрастает в регионах, насыщенных радио- и телеприемниками, а также при вещании на малограмотное население.

3. ***Кино***-, ***видеофильмы***, ***аудиоматериалы*** и другие носители видео- и аудиоинформации, рассчитанные как на убеждающее, так и на внушающее воздействие.

Американские специалисты MISO широко используют в своей работе видеопродукцию, прежде всего видеофильмы. При этом в дело идут как ранее созданные и прошедшие «кинопрокат» актуальные по тематике фильмы, так специально снятые целевые видеопродукты. Например, они сняли документальный пропагандистский фильм «Почему мы здесь», в котором разъясняется, почему войска США вторглись в Афганистан. В фильме показываются события 9/11[1]. Рассказывается о том, что арабская террористическая организация «Аль-Каида» запустила при поддержке талибов самолеты, которые атаковали высотные задания в США, в которых работали тысячи мирных граждан, в том числе мусульман. В связи с этим американское руководство послало своих солдат и специалистов, чтобы помочь афганскому народу бороться с «Аль-Каидой» и ее сторонниками посредством обучения национальной армии и полиции, экономической помощи, позволяющей гражданам стать на ноги и поверить в себя. В Афганистане и Ираке демонстрируются специально снятые фильмы, в которых показаны теракты талибов, в результате которых погибли мирные жители.

Для того чтобы эти и другие фильмы были просмотрены целевой аудиторией, органами MISO в 2011 г. только в восточной части Афгани-

[1] События 9/11 — терротистические акты, произошедшие в США 11 сентября 2001 г.

стана распространили среди деревенского и городского населения более 1200 портативных DVD плееров и тысячи DVD-дисков[1]. С 2003 г. CD и DVD активно распространялось на территории Ирака, где проигрывающие их устройства были в достаточном количестве. Учитывая, что население Афганистана и отдельных районов Ирака в значительной своей части неграмотно, видеопропаганда является весьма эффективным средством влияния на население.

В последнее время популярным средством информационно-психологического воздействия становятся ***мультипликационные фильмы***. Они отличаются эмоциональной насыщенностью и, следовательно, способны вызвать интерес у зрителей. В мультиках отсутствуют очевидные аргументы и назидательность. Чаще всего они насыщены юмором и сарказмом, что скрывает от зрителей сам эффект воздействия. В этом виде воздействия срабатывает следующая закономерность: если зритель смеется над героями мультиков и их поступками, следовательно, он смеется над их реальными прототипами.

4. Разговор «лицом к лицу», в том числе усиленный с помощью средств ***звуковещания***, является одним из самых эффективных средств информационно-психологического воздействия на противника. Оно осуществляется с помощью звуковещательных станций и других средств усиления голоса, в том числе переносных, смонтированных на джипах, грузовиках, танках, БТР, вертолетах, самолетах. Громкоговорители на грузовиках используют преимущественно в тыловых районах, на танках — для сопровождения наступления, переносные и на малых машинах — для позиционного вещания.

5. Результаты информационно-психологического противоборства в ходе боевых действий по принуждению Грузии к миру (2008), события в Египте, Ливии, Сирии и ряде других государств арабского мира свидетельствуют о возрастающей роли ***компьютерных средств***, ***мобильных средств коммуникации*** глобальной компьютерной информационной сети Интернет, социальных сетей в качестве средства влияния на людей. В Интернете ежедневно появлялись десятки информационно-пропагандистских материалов (сообщений, листовок, видеороликов, мультфильмов и т.п.).

Специалисты MISO используют возрастающую мощь и реальные возможности социальных сетей для того, чтобы предсказать политическое волнение, распространять сообщения, обнаруживать появляющееся террористические группы, предсказывать стихийные бедствия[2]. Для этого они попытаются усилить и поставить под контроль уже существующие и популярные гражданские социальные сети.

Наряду с этим апробируются совершенно новые проекты использования социальных сетей в интересах MISO. Например, разработано основанное на голосе социальное сетевое приложение — смесь радио и Твиттера. Это приложение специалисты определяют как «производимое самим поль-

---

[1] *Friedman H. A.* PSYOP dissemination. URL: http://www.psywarrior.com/dissemination.html (дата обращения: 07.02.2016).

[2] *Shachtman N.* Special Forces Get Social in New Psychological Operation Plan. 2012, January 20. URL: http://www.w54.biz/archive/index.php/t-1863.html (дата обращения: 07.02.2016).

зователем социальное медийное радиоприложение, приводимое в действие человеческим голосом, доступное на PC, Mac, Андроиде, *iPhone* и *Nokia* смартфонах, которое позволяет пользователям делиться своими мыслями и событиями»[1]. Данный сервис SOCOM (англ. *United States Special Operations Command* — Командование специальными операциями США) называет инструментом операций по информационной поддержке войск, ориентированным на формирование социальных установок.

SOCOM придерживается позиции о том, что сегодня «сотовое устройство должно служить и радиовышкой, и кабиной ди-джея/ведущего, и радиоприемником». В связи с этим накануне каждого нового года оно формирует своеобразный *wishlist*, в котором перечисляет гаджеты и программы, которые хотело бы иметь в новом году. К примеру, в 2012 г. пожелания командования сил спецопераций включали: красители для пометки и отслеживания ничего не подозревающих лиц; хакерские инструменты для «просачивания и забора информации» и различные устройства, призванные «поколебать сердца и умы, включая это социальное приложение СМИ»[2].

Так как силы специальных операций США имеют тенденцию работать в тех частях мира, где технологическая информационная инфраструктура слабо развита, SOCOM планирует скупать большое количество разбрасываемых с воздуха электронных средств», которые могут распространяться на самых отдаленных полях сражений: AM/FM радиовещательные передатчики; миниатюризированные громкоговорители; устройства для развлечения; технологии игровых устройств; «говорящие» и музыкальные поздравительные открытки.

SOCOM целенаправленно разыскивает по всему миру и заказывает устройства, основывающиеся на инновационных технологиях, включающие самые новейшие методы распространения информации через компьютеры и смартфоны и позволяющие:

— слушателям комментировать или взаимодействовать с американским руководством в виртуальной среде, которая колеблется от ограниченного индивидуального соединения до значительно большей аудитории;

— пользователям создавать их собственные полноценные радиошоу, позвонив по свободному телефонному номеру; «принимать гостей» на своем собственном ток-шоу, используя лучшие методы промышленности, или только слушать других, выражающих свое мнение свободно, без страха «перед слежкой»;

— специалистам MISO получать мгновенную обратную связь от различных аудиторий через телевидение, радиопередачи и Интернет в виртуальном мире[3].

6. Как показывает практика, весьма эффективным средством информационно-психологического воздействия, в первую очередь на население в зоне боевых действий, служат ***предметы повседневного обихода***, про-

---

[1] *Shachtman N.* Special Forces Get Social in New Psychological Operation Plan.

[2] Ibid.

[3] См.: Ibid.

дукты питания, игрушки, спортивные принадлежности, иглы, мешочки риса и т.п. с соответствующим информационным сопровождением. Так, в 1945 г. над Германией сбрасывались зажигалки с инструкциями о поджогах, в Корее распространялись взрывающиеся карандаши и ручки, во Вьетнаме — одночастотные транзисторные приемники, в Гаити — бейсболки, спортивные майки, футбольные мячи, в регионе Персидского залива — майки, аудиокассеты и т.п.

7. Стремясь более эффективно использовать в информационно-психологических целях такое обширное и свободное пространство, как небо, специалисты обращаются к технологиям создания ***голографических объектов***. Голография — лазерная технология создания изображения трехмерных объектов в пространстве.

С помощью средств генерирования голографических объектов планируется создавать над боевыми порядками противника объекты, способные вызывать у него ужас, мистический трепет, сомнения и другие астенические чувства и состояния. В настоящее время решается вопрос с разработкой мощных мобильных источников энергии.

8. ***Проекции на облака***, ***стены зданий***, ***возвышенности***, ***берега рек*** и т.п. являются полноправным средством информационно-психологического воздействия. Неожиданное созерцание образов святых, чудовищ (драконов, ящеров, мутантов и т.д.) или иных незнакомых явлений может оказать сильное психологическое воздействие на людей, причем как мобилизующего, так и деморализующего порядка.

9. *Видеоигры* являются относительно новой, но уже широко используемой формой воздействия на людей с целью трансформации в нужном направлении их настроений, чувств, воли, внедрения в сознание необходимых идеологических и социальных установок, формирования определенных стереотипов мышления и поведения. Огромный потенциал видеоигр как формы внушения определил их место в информационной и психологической борьбе. Сегодня компьютерные игры стали одним из самых действенных инструментов распространения государственной идеологии, формирования национального самосознания граждан, создания благоприятного образа страны и ее вооруженных сил в мире и т.д.[1]

Видеоигра, по нашему мнению, — это универсальное средство информационно-психологического воздействия на человека. Программисты, инженеры и ученые создают совершенные компьютерные программы передачи информации и принципиально новую систему обратной связи, максимально и целенаправленно усиливающие воздействие на эмоционально-чувственную сферу психики человека и создающие эффект полного погружения в атмосферу игры. Это всевозможные шлемы со стереоскопическими дисплеями и видеофонами, специальные перчатки, костюмы и т.д. Они позволяют игроку не только видеть трехмерное пространство и слышать любые стереозвуки (шаги с учетом поверхности, треск электричества, шум вертолетов, лязг железа при перезарядке оружия, отчетливые

---

[1] *Макаренкова В.* Видеоигры в информационной и психологической борьбе. URL: http://psyfactor.org/lib/psywar39.htm (дата обращения: 12.02.2016).

звуки выстрелов, характерные шлепки при попадании пули в цель и т.п.), но и чувствовать прикосновения (например, форму и вес предмета, похлопывание по плечу или конвульсии задушенного человека). В настоящее время отрабатывается также технология передачи запахов[1]. В последние годы в играх все активнее используется технология создания виртуальной реальности.

10. В ходе осуществления психологических операций часто используется такое мощное средство подрыва морального духа противника, как ***вспомогательная деятельность*** или ***деятельность по рефлексивному управлению противником***.

Рефлексивно управлять противником — это значит создавать у его командиров и солдат иллюзии восприятия, мышления и антиципации. Другими словами — это значит искажать восприятие ими боевой обстановки (ее качественно-количественных, пространственно-временных, событийных характеристик), нарушать процесс мышления и принятия боевых решений, делать неправильные выводы, побуждать совершать невыгодные для себя действия, отвлекать силы и средства на проблемы, не связанные с решением боевых задач.

Средствами рефлексивного управления противником являются: военная хитрость и маскировка; демонстрация силы; повышение степени готовности войск или их переброска в «кризисные» районы; инициация гражданского неповиновения, митингов, демонстраций, мятежей, оппозиционных, повстанческих и партизанских движений в «стане» противника; программы гражданских действий; программы в области образования, сельского хозяйства, медицины на территории противника; некоторые способы боевых действий; средства вхождения в боевые радиосети противника с целью сбора необходимой информации, передачи дезинформации, распространения панических слухов и настроений; действие спецподразделений, военизированных и полувоенизированных групп (агентств типа *Black Water*) по стравливанию гражданского населения с силовыми структурами, имитация неприемлемых, социально осуждаемых и антисоциальных действий военнослужащих, полиции, сил безопасности.

В определенной мере к вспомогательной деятельности можно отнести ***терроризм***, который все более и более приобретает очертания элемента непрекращающегося информационно-психологического противоборства между силовыми полюсами современного мира.

Технологии информационно-психологического воздействия, используемые специалистами в настоящее время, основываются на перечисленных теоретических положениях.

1. Технология «***Симулякр***» (симулякр — изображение без оригинала, репрезентация того, что на самом деле не существует) состоит в том, что с помощью СМИ создается виртуальный образ события (факта, объекта, процесса), которого не было и нет в реальной жизни или которое было совершенно иным. По существу, творится «СМИ-реальность» события, которое не имеет ничего общего с реальной жизнью. Это не просто иска-

[1] *Макаренкова В.* Видеоигры в информационной и психологической борьбе.

жение события, а такая его трансформация, когда оно становится иным по смыслу, происходит в иное время, с другими последствиями. После своего рождения симулякр может жить богатой социальной жизнью.

К числу симулякр-технологий можно отнести видеоролики о взятии повстанцами ливийской столицы Триполи, которые были сфабрикованы из видеосюжетов, отражавших события «арабской весны» в других городах и странах и показаны раньше, чем произошел реальный захват Триполи. Картины поверженной столицы сломили волю многих сторонников руководителя Ливии.

В декабре 2013 г. в мировых СМИ появилась информация о том, что «не менее 22 человек, в том числе 14 детей, погибли при авиаударе по сирийскому городу Алеппо, который провели самолеты ВВС Сирии». Источником информации стало «Агентство Франс Пресс», которое ссылалось на правозащитную организацию Сирийский центр мониторинга за соблюдением прав человека. Позже выяснилось, что симулякром является не только изложенное в информационном сообщении событие, но и первоисточник информации. МИД России установило, что в так называемом OSDH работают всего два человека (руководитель и секретарь-переводчик). Возглавляющий «агентство» Рами Абдурахман не имеет полного среднего образования, проживает в Лондоне, где держит закусочную.

Симулякр может функционировать по технологии «Карусель».

2. Технология «***Карусель***» состоит в последовательном продвижении сфабрикованной информации (симулякра) по этапам «предположение — цитирование — утверждение — тиражирование». Практическое использование этой технологии можно отчетливо проследить в информационно-психологических акциях руководства Украины. Так, министр обороны Украины высказывает предположение о том, что российские боевые подразделения сосредоточились на границе для вторжения в Украину («предположение»). Госдепартамент США заявляет о том, что «по данным» МО Украины российские войска изготовились для вторжения («цитирование»). Затем представители политического руководства Украины утверждают, что по данным американских спецслужб, готовится вторжение российских войск в Украину («утверждение»). Наконец, СМИ подхватывают эту утку и пересказывают ее в самых невероятных контекстах, впоследствии ссылаясь друг на друга («тиражирование»).

3. Технология «***Гаджет***» состоит в том, что информация передается с помощью современных коммуникативных технологий, доступных для широко внедрившихся в повседневную жизнь граждан коммуникативных устройств: по социальным сетям и на персональные электронные адреса через компьютеры, интернет-планшеты *i-Pad*, мини *i-Pad*, смартфоны; посредством SMS- и MMS-сообщений через сотовые телефоны, смартфоны; по телевизионным каналам через телесети; через видео- и аудиозаписи с использованием видео- и аудиоплееров.

С помощью гаджет-технологий управлялись многие процессы в ходе демонстрации «Марш миллионов» на Болотной площади (6 мая 2012 г.), государственного переворота на Украине и событий на Майдане незалежности (2013—2014).

В рамках рассматриваемой технологии может использоваться технология ***«Youtube»*** («Технология сотворения кумира»), которая состоит в том, что популярному у пользователей интернет-сервису *Youtube* приписывается статус объективного и авторитетного источника информации и конкретная видеоинформация из него признается как информация, заслуживающая доверия.

Эффективность этой технологии состоит в том, что за данным интернет-сервисом стоит огромное количество участников и поклонников, многие из которых начинают каждый свой день с просмотра этого портала.

4. Технология ***«Блогер»*** основывается на описанных выше коммуникативных свойствах лидера мнений. Ее суть состоит в том, что на первом этапе формируется привлекательный имидж ряда интернет-блогов и блогеров, всемерно повышается их социальный статус в различных сетевых аудиториях. На втором этапе блогеры начинают распространять определенную информацию, формировать позицию своей аудитории, а в случае наступления кризисных событий дают четкие инструкции по порядку действий.

5. Технология ***«Psacing»*** («технология Джен Псаки» или «Я у мамы дурочка») основывается на специфике восприятия людьми информации, связанной с готовностью большинства людей быстрее воспринимать упрощенную информацию о сложных событиях, чем сложные, интеллектуально насыщенные сообщения. Выбор на роль официального представителя Госдепартамента США простоватой и недалекой (но, вполне возможно, играющей такую роль) Дженнифер Псаки — не случаен. Он дает несколько информационных эффектов:

— практически снимает ответственность с официального источника информации (Госдеп) и перекладывает ее на обаятельную простушку, не знающую элементарной географии, истории и политологии;

— неточности, глупости, высказанные таким источником, вне контекста их последующего разоблачения, легко воспринимаются массовой аудиторией;

— части аудитории, близкой Псаки по интеллектуальному развитию, кажется, что въедливые корреспонденты предвзято относятся к ней. Это порождает чувство жалости, способствует одобрению ее позиции, делает ее лидером мнения.

6. Технология ***«Эбола»*** (геморрагическая лихорадка) основывается на механизме рефлекторного закрепления совпадающих по времени стимулов и законах построения ассоциаций.

Президент США Барак Обама, поставивший перед собой цель — уничтожить Россию как независимое государство, выступая на различных форумах, называет среди наиболее опасных угроз человечеству Эболу, терроризм и Россию. По закону ассоциации у части аудитории формирует образ России как чрезвычайной и смертельной угрозы, с которой необходимо бороться всеми имеющимися способами.

7. Технология ***«Только глупец не видит»*** основана на фундаментальной потребности каждого человека иметь положительную самооценку и механизме конформизма (подчинение групповому давлению). Суть ее состоит

в том, что аудитории показывается замысловатая фотография, на которой изображены тонкие, толстые и прерывистые линии, кружочки, квадраты и стрелки и сообщается, что этот снимок сделан из космоса. Далее «эксперт», показывая на элементы фотографии, говорит о том, что лишь глупец (слепец) не увидит здесь российских ракет, наносящих удары по украинским войскам. Относить себя к категории глупцов и слепцов не хочется никому, легче поверить в то, что действительно сквозь хитрую вязь линий (возможно, выкройки платья) просматривают ракетные установки, инверсионные следы от запущенных ракет и облака от их разрывов.

8. Технология «***Black water***» состоит в том, что в стан противника засылаются негосударственные военизированные группы, главная цель которых — стравить гражданское население с силовыми структурами и властью, породить конфликт, противоборство, войну, революцию. Снайперы из таких групп могут одновременно поражать как военнослужащих, так и гражданских лиц, порождая у них взаимную агрессию и ненависть.

12.3. Пути и методы защиты военнослужащих от информационно-психологических акций противника

Новые тенденции в области информационно-психологического противоборства, безусловно, требуют всестороннего осмысления. Однако уже сегодня можно определить основные пути защиты военнослужащих от психологических операций противника. Важнейшими из них являются: 1) прогнозирование тематики, каналов и методов осуществления информационно-психологического воздействия; 2) профилактика ПсО; 3) срыв информационно-психологических акций; 4) ликвидация последствий негативного информационно-психологического воздействия на военнослужащих.

Прогнозирование MISO противника предполагает предварительную оценку масштабов, силы, вида, каналов и времени психологической акции противника. Прежде всего, необходимо *выявить силы* MISO, находящиеся в распоряжении противника, которые могут быть привлечены для осуществления информационно-психологических акций, и *их возможности*.

В основу такой оценки должны быть также положены уставные нормативы и данные разведки. В зависимости от количества тактических команд MISO (ПсО), действующих перед фронтом соединения (воинской части), будут определяться возможности сил MISO. При этом следует учитывать, что по американским тактическим нормативам дивизии придается рота MISO, бригаде — отряд MISO, батальону — тактическая команда MISO. Последняя способна вести звуковещание по всему фронту обороны нашего батальона на глубину его первого эшелона, а также плотно залистовывать район обороны батальона листовками и другими печатными материалами.

Важным этапом прогнозирования MISO является *определение возможных каналов информационно-психологического воздействия* на личный состав наших частей и подразделений. При этом следует учитывать, что войска, находящиеся в пунктах постоянной дислокации, в исходных райо-

нах и в обороне могут быть подвергнуты воздействию всех известных информационно-психологических средств. Наступающие части и подразделения, видимо, могут подвергаться радиовоздействию посредством вхождения противника в сети боевого управления наших войск, встретиться с листовками, оставляемыми противником на покидаемых позициях, видео- и аудиоэффектами в атмосфере, подвергнуться воздействию оружия несмертельного действия (в частности, психотропного). В ходе совершения марша наиболее эффективными каналами подрывного воздействия противника могут стать: его вхождение в радиосети наших войск в целях их дезинформации, дезориентации, распространения панических слухов; залистование районов привалов, мест нахождения комендантских служб, населенных пунктов, районов сосредоточения; создание видеоэффектов в атмосфере; подстрекание населения в районе выполнения боевой задачи на перекрытие маршрутов выдвижения войск, блокирование отдельных воинских подразделений и частей, захват отдельных военнослужащих, членов семей и др.

Следующий этап прогнозирования и оценки предполагает *определение возможных объектов* MISO противника. Как показывает практика, специалисты подрывных акций подходят дифференцированно к аудиториям, на которые осуществляется их влияние. Как правило, выделяются критически важные объекты (целевые аудитории), воздействие на которые способно быстро и масштабно изменить морально-психологическое состояние и поведение военнослужащих и населения.

Опыт свидетельствует о том, что в войсках, как правило, выделяются следующие самостоятельные объекты: солдаты и сержанты; военнослужащие-женщины; офицеры; генералы; этнические, политические и конфессиональные группы; военнослужащие из пополнения и те, кто длительное время участвует в боевых событиях; лица, работающие на средствах связи и информации, и др.

Важнейшим этапом прогнозирования является предвосхищение *основной тематики* MISO *противника*. В основе такого прогноза должно лежать глубокое знание реального положения дел в своих частях и подразделениях, текущего уровня морально-психологического состояния личного состава. Вместе с тем можно заранее предположить, что специалисты MISO не упустят возможности идеологически и психологически обыграть такие события и факты, как: поражения и большие потери наших войск; недостатки в их материально-техническом обеспечении; наличие в частях неопытных командиров; неблагоприятные события и процессы в стране; принудительное вовлечение в боевые действия политических диссидентов, этнических меньшинств; низкий уровень подготовки войск; просчеты в информировании личного состава; факты дезертирства, предательства; национальные и иные противоречия и др.

Профилактика психологических операций противника. Профилактика MISO предполагает осуществление ряда мероприятий по снижению восприимчивости и подверженности военнослужащих информационно-психологическому воздействию противника.

Главным здесь является глубокое *разъяснение* военнослужащим истинных целей, способов, возможных последствий подрывных акций противника и психологических механизмов деформации личности военнослужащего под воздействием враждебной пропаганды. Практика показывает, что если в экстремальной обстановке внезапно наступает событие, по отношению к которому у человека нет опыта реагирования, его поведение становится непредсказуемым.

О том, с какими ухищрениями специалистов по информационно-психологическим акциям могут столкнуться наши военнослужащие во время войны, может свидетельствовать листовка, психологическое воздействие которой исследовалось на одном из учений армии США. В ней утверждалось: «Это не листовка, призывающая вас к сдаче в плен. Вас не просят сдаваться — вы сами будете вынуждены в течение часа прибежать к американцам за помощью. Этот простой кусочек бумаги радиоактивен. Пока вы читаете эти строки, через ваши пальцы пройдет достаточное количество рентгеновских лучей, чтобы создать в теле смертоносную дозу радиации. Листовка специально обработана для того, чтобы умертвить вас в течение нескольких часов, если вы не перейдете к нам и не обратитесь к нам за помощью. Мы гарантируем вам спасение». Ясно, что влияние этой информации на психологически неподготовленного военнослужащего может быть шокирующим. Знание же о самой возможности подобной провокации существенно снизит психологический эффект ее воздействия. Чем больше будет знать воин о возможных методах и средствах информационно-психологического воздействия противника (в том числе о системах оружия несмертельного действия, генераторах лазерных проекций и т.д.), тем менее восприимчивым к ним окажется в бою.

Военнослужащие должны быть обязательно предупреждены о принципах подрывной пропаганды противника. Опыт показывает, что противник будет стремиться первым сообщать обо всех событиях, чтобы достичь психологического эффекта «первичности», т.е. более прочного закрепления первой информации о происшедшем. В традициях специалистов MISO в информационном воздействии на противника — перемешивать правдивую информацию с дезинформацией, повышать авторитет своих акций за счет оперирования знакомыми военнослужащим фамилиями, названиями городов, улиц, датами, фактами, путем привлечения мнений известных лиц (политиков, спортсменов, деятелей искусства и культуры и т.д.). Испытанным приемом MISO является приписывание ответственности за общие неудачи, просчеты, неурядицы конкретным людям (командирам, органам, государственным деятелям и т.д.) в целях их дискредитации.

В ходе контрпропаганды используется *набор приемов*, условно обозначаемых словами, отражающими физическую характеристику этих действий:

— «зонтик» — прием, при котором вражеские сообщения не достигают целевой аудитории — типа глушения радиостанций;

— «воронка» — сообщение нейтрализуется суммарным действием других сообщений;

— «колесо» — сообщение заменяется в массовом сознании другим из-за введения сообщения с более важными приоритетами;

— «замена» — опровержение строится на основании акцентуирования других блоков схемы коммуникации (типа отсылки «сам дурак», когда сомнению подвергается не само сообщение, а, например, говорящий)[1].

Важнейшим профилактическим мероприятием считается перекрытие возможных каналов информационно-психологического воздействия на личный состав частей и подразделений. Нет сомнений в том, что в боевой обстановке в личном распоряжении военнослужащих не могут находиться многочастотные радио- и телеприемники, аудиомагнитофоны, индивидуальные средства связи и информации. Подобные устройства должны выявляться и изыматься. Вместе с тем, как показывает практика, в боевых условиях в подразделениях целесообразно иметь несколько малогабаритных приемников в прочном корпусе, настроенных на радиопередатчик группировки своих войск.

Не менее важным является и глубокое разъяснение военнослужащим их личной ответственности за хранение и распространение печатных и иных материалов (вещей, предметов обихода и т.д.), содержащих дезинформацию, инструкции к совершению действий во вред своим войскам, за несанкционированные и неконтролируемые контакты с гражданским населением и др.

Опыт боевых действий свидетельствует о том, что необходимо тщательно подходить к подбору лиц для работы на средствах связи и управления. Среди них не должно быть людей психически неуравновешенных, невыдержанных, с демонстративной акцентуацией характера, трусливых. Их повседневная деятельность должна быть взята под строгий контроль командиров, заместителей по работе с личным составом, непосредственных начальников. Эти люди должны хорошо представлять, что окружающие могут интерпретировать те или иные их реакции, настроения, высказывания как прямое следствие обладания соответствующей информацией.

Во время боевых действий на руку противнику могут неосознанно играть некоторые СМИ своей страны. Поэтому командирам, их заместителям по работе с личным составом, психологам необходимо предусмотреть комплекс мероприятий по общению с представителями СМИ (порядок предоставления им информации; организация контактов с военнослужащими; распространение среди военнослужащих печатных изданий и др.).

Профилактика слухов. *Борьба со слухами* включает мероприятия профилактического и контрдейственного характера.

1. Прогнозирование потенциальных и изучение процессуальных и эмоциональных составляющих распространения слухов. Специалисты, изучающие слухи, должны получить ответы на вопросы: «Среди каких социальных групп распространяются слухи? Каковы виды и содержание слухов? Какие чувства отражают слухи?»

2. Индоктринация («прививка от слухов») наиболее вероятных объектов — мишеней воздействия предполагает первоначальное представле-

---

[1] *Почепцов Г. Г.* Психологические войны. С. 50.

ние аудитории малой порции информации о событии, «переваривание» ее людьми, выработку ими определенной позиции принятия или непринятия с последующим предъявлением основного массива информации.

Важное профилактическое значение имеет оперативное информирование «группы риска» по темам возможной дезинформации, т.е. превентивные опровергающие действия.

3. Завоевание доверия аудитории официальными источниками информации за счет использования психологических механизмов: «первичность сообщения», «авторитетный коммуникатор», «голос пророка» и др.

4. Обеспечение доступности информации. Необходимо налаживать в боевой обстановке действенную и оперативную систему информирования военнослужащих. Чем сложнее складывается боевая обстановка, тем интенсивнее должно быть информационно-психологическое влияние командования на своих починенных.

5. Поддержание эффективного руководства на всех уровнях, повышение авторитета руководителей и доверия к ним.

Пресечение слухов предполагает осуществление разноплановых мероприятий, направленных на снижение заразительности, распространяемости и живучести. Прежде всего это:

1. Игнорирование неправдоподобных слухов (технология «*Бойкот*») с одновременной демонстрацией опровергающих фактов.

2. Активное разоблачение слухов с использованием технологий «*Контраргументация*», «*Таблица слухов*», «*Клиника слухов*». «*Таблица слухов*» оформляется таким образом, чтобы в ней в одной колонке были перечислены «бродившие» некоторое время слухи, а в другой — реально наступившие события. Такая таблица может публиковаться в СМИ и К, отражаться в настенной информации. Слухи могут проигрываться «в лицах» с элементами психодрамы.

3. Развенчание источников (распространителей) враждебных слухов. В некоторых случаях (война, социальные конфликты, чрезвычайное положение, трагические последствия) виновники распространения слухов (особенно агрессивных и разобщающих) должны нести суровое наказание.

Срыв и ликвидация последствий информационно-психологического воздействия противника. *Срыв* MISO предполагает быстрое выявление средств информационно-психологического воздействия противника, их немедленное подавление и уничтожение. Понимая высокую эффективность «психологического оружия», командиры должны придавать объектам MISO приоритетное значение при планировании огневого поражения противника, разведывательно-диверсионных действий, мероприятий радио-электронной борьбы и др.

Реализуемые подрывные акции подлежат немедленному и квалифицированному анализу, выявлению их целей, возможной динамики, степени действенности. Ни одна из них не должна оставаться без соответствующего контрпропагандистского ответа.

При этом командирам, офицерам структур по работе с личным составом необходимо помнить о том, что сейчас уже недостаточно назвать врага «зверем», «негодяем», «бандитом», «лжецом» и т.п. Сегодня требуется более

обоснованное подтверждение подобных заявлений. Это особенно важно при участии войск в локальных военных конфликтах и миротворческих акциях, когда им приходится иметь дело с противником-«хамелеоном» (днем — это миролюбивый крестьянин, а ночью — жестокий враг).

Опыт организации противодействия информационно-подрывным действиям противника в годы Великой Отечественной войны, во время боевых действий в Афганистане и Чечне показывает, что в частях целесообразно иметь специальные команды для оперативного сбора и уничтожения листовок, плакатов и других, содержащих враждебную информацию, материалов.

Не менее важным является решительное пресечение командирами любых проявлений слухов, распространения панических настроений, провокационных действий. Части и подразделения, подвергшиеся деморализации, должны надежно изолироваться от войск до момента полного восстановления в них организации, дисциплины и порядка.

Для оказания психологической помощи военнослужащим, подвергшимся психотравматизации, необходимо активно использовать пункты психологической помощи и реабилитации.

Ликвидация последствий MISO противника предполагает:

— анализ и оценку ее результатов, причин эффективности, наиболее слабых мест в системе информационно-психологической защиты войск;

— проведение психореабилитационных мероприятий с пострадавшими воинами;

— восстановление организованности и боеспособности дезорганизованных воинских подразделений и частей;

— применение соответствующих санкций к виновникам, паникерам, предателям, дезертирам, определение мер по оптимизации всей системы противодействия MISO противника и др.

Таким образом, противодействие и защита войск от MISO является важной составной частью морально-психологического обеспечения боевых действий частей и соединений. Оно осуществляется на протяжении всего времени подготовки и ведения боевых действий. Эффективность информационно-психологического противодействия выше тогда, когда оно планируется и осуществляется с учетом особенностей MISO противника, реального морально-психологического состояния войск и складывающейся обстановки; ведется непрерывно и комплексно; учитывает психологические закономерности восприятия человеком информации и др.

Рекомендуемая литература

Гриняев, С. Н. Военное противоборство в современных условиях: новейший опыт, оценки, тенденции / С. Н. Гриняев, Р. В. Арзуманян, Е. И. Карп ; под общ. ред. А. Б. Михайловского. — М. : Центр стратегических оценок и прогнозов, 2014.

Караяни, А. Г. Информационно-психологическое противоборство в войне: история, методология, практика / А. Г. Караяни, Ю. П. Зинченко. — М. : Изд-во МГУ, 2007.

Караяни, А. Г. Информационно-психологическое противоборство в современной войне / А. Г. Караяни. — М., 1997.

Караяни, А. Г. Психологические операции в современной войне: сущность, содержание, пути взаимодействия / А. Г. Караяни. — Самара, 1997.

Макаренкова, В. Видеоигры в информационной и психологической борьбе / В. Макаренкова // Пси-фактор [Электронный ресурс]. — URL: http://psyfactor.org/lib/psywar39.htm (дата обращения: 12.02.2016).

Почепцов, Г. Г. Психологические войны / Г. Г. Поцепцов. — М. : Рэфл-бук. 2000.

Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. — М. : Изд-во ВУ, 2005.

AJP-3.10.1. Allied Joint Doctrine for Psychological Operations. NATO standardization office (NSO), 2014.

Joint publication 3—13.2. Military Information Support Operations. 2010, 2011.

ГЛАВА 13
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАДАПТАЦИЯ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Война оказывает мощное, нередко запредельное, физическое, психологическое, духовное давление на военнослужащих. Для того чтобы выжить в условиях этого тотального давления, военнослужащий мобилизует все имеющиеся у него силы и резервы и создает внутренне напряжение (напряжение воли, мотивов, тела), кардинально перестраивает режим функционирования психики и нервной системы под динамику боевой жизни (боевой стресс). Можно сказать, что психика бойца «военизируется», решительно разворачивается в сторону боя, подчиняется задаче достижения победы над врагом и выживания. Изменения, происходящие в психологических качествах и личности человека на войне, столь значительны, что можно говорить о том, что в боевой обстановке рождается новый человек — «человек воюющий», боец. Эти изменения носят глубокий и пролонгированный характер, сохраняются надолго после прекращения участия военнослужащего в боевых действиях.

Если человека с «психологией бойца» быстро, без подготовки переместить в мирные условия жизнедеятельности, это может быть чревато самыми неблагоприятными последствиями как для самого военнослужащего, так и для окружающего его социума. Если водолаза, находившегося длительное время на большой глубине под сильным давлением, быстро поднять на поверхность, у него возникает кессонная (декомпрессионная) болезнь, «вскипает кровь». Точно также может разрушиться личность ветерана боевых действий, быстро перемещенного с поля боя в мирный социум. Как и в случае с водолазом, участников боевых действий необходимо извлекать из-под давления боевых стресс-факторов постепенно, осторожно, отслеживая происходящие с ним изменения, предупреждая социальную и психологическую «декомпрессию». Этой задаче и посвящен такой компонент психологического обеспечения боевых действий, как социально-психологическая реадаптация (переадаптация) военнослужащих.

13.1. Пролонгированное и отсроченное влияние боевого стресса на жизнь ветеранов боевых действий

В социальном сознании и практике зафиксировано несколько, в корне отличающихся друг от друга, ***критериев окончания войны***. Первый заключается в подписании мирного договора между воевавшими сторонами. Этот наиболее конкретный и доступный для восприятия и понимания акт

решает вопрос о прекращении войны *юридически*. Иногда для определения реального завершения войны применяют *духовно-нравственный критерий*. В соответствии с ним война завершается тогда, когда тело последнего погибшего на поле боя солдата будет предано земле. Видимо, вполне правомерно использовать и психологический критерий, гласящий, что *«война оканчивается тогда, когда последний солдат психологически вернется с нее домой»*.

Многочисленные исследования отечественных и зарубежных психологов показывают, что физическое перемещение солдата с поля боя в мирную обстановку далеко не всегда означает интеллектуальное, эмоциональное, «ощущенческое» возвращение в обстановку повседневных связей и отношений.

Почему же физическое возвращение с войны не совпадает с психологическим, почему одни ветераны совершают этот переход практически безболезненно, а другие болезненно, переживая драматический кризис? Для ответа на этот вопрос необходимо, во-первых, обратиться к общей концепции адаптации. Сегодня известно, что в силу своих генетических, наследственных, приобретенных свойств нервной системы, сформированных параметров психологической устойчивости личности к неблагоприятным факторам жизнедеятельности, примерно 15—20% людей в неблагоприятной обстановке сохраняют способность критически мыслить и активно действовать, столько же (15—20%) утрачивают самообладание и способность управлять своим поведением надолго, остальным 60—70% необходимо определенное время, чтобы осмыслить ситуацию, собраться с силами и противостоять возникшим трудностям (рис. 13.1). В эту закономерность укладываются практически все статистические выкладки, касающиеся поведения военнослужащих в боевой обстановке. Вспомним, лишь 15% воинов ведут прицельный огонь по противнику (С. Л. А. Маршалл), только 15% американских солдат способны стрелять в человека (Д. Гроссман), порядка 10—20% участников боевых действий страдает ПТСР (Р. Л. Компрайз, Ш. К. Геллер, М. Е. Компрайз) и т.д.

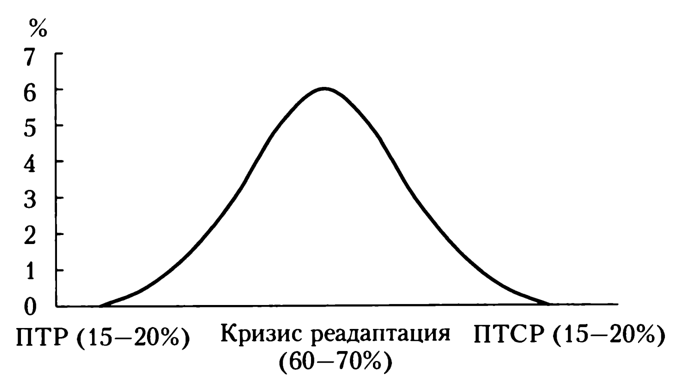

Рис. 13.1. **Особенности социально-психологической реадаптации участников боевых действий к мирным условиям**

Эту закономерность М. Мэтью распространяет на процесс социально-психологической реадаптации ветеранов войны к мирным условиям жизнедеятельности[1].

Во-вторых, необходимо отметить, что описанная выше закономерность характерна для спонтанного реагирования людей на стресс-факторы экстремальной обстановки. Если людей специально психологически готовить к действию в конкретной неблагоприятной обстановке, если они будут «фильтровать» внешние воздействия, активно отреагировать травматические ситуации, получать целенаправленную психологическую поддержку, то процент военнослужащих, способных быстро адаптироваться к изменяющимся условиям обстановки, возрастет. Выше было показано, что за счет более сильной мотивации, коллективизма в российской и британских армиях процент лиц с ПТСР в три-пять раз ниже, чем в американской армии.

Приведенная статистика свидетельствует о том, что более 85% военнослужащих способны эффективно адаптироваться к трудным и экстремальным ситуациям, что ПТСР — совсем не обязательное следствие участия в боевых действиях, что воин — не заложник своего военного прошлого, что процент лиц, страдающих психологическими проблемами, связанными с войной, может быть существенно сокращен.

Человеческое существо весьма уязвимо перед психотравмирующими факторами боя. Но все же их негативное влияние на участников боевых действий не столь фатально и масштабно, как его описывают в англо-саксонской военно-психологической литературе. Например, это изречения типа: «История показывает, что как бы хорошо ни были подготовлены войска, какими бы слаженными ни были их действия, какими бы умелыми и знающими ни были их командиры, многие солдаты не выдерживают тех психологических нагрузок, которые наваливаются на них в ужасе боя». Другой пример: «Находясь длительное время на поле боя, невозможно не страдать от различных психологических расстройств»[2]. Подобные высказывания скорее гиперболы, чем реальность.

В-третьих, не менее важно понимание того факта, что процесс адаптации к резко изменяющимся условиям жизнедеятельности требует определенного, довольно пролонгированного времени. Как правило, исследователи указывают на шестимесячный срок, необходимый для полноценного приспособления к новым обстоятельствам жизни. В связи с этим любые диагностические данные, полученные в пределах этого и даже большего срока, отражают лишь адаптационную динамику, а не уровень психического здоровья военнослужащего.

В-четвертых, для понимания психологических последствий участия военнослужащих в боевых действиях, необходимо разобраться, что же считается нормальными и ненормальными последствиями. Выше говорилось о том, что в боевой обстановке в процессе приспособительной активности психика воина радикально перестраивается, «военизируется», приобретает

---

[1] См.: *Matthews M. D.* Head strong: How Psychology revolutionizing War. N. Y., 2014.

[2] См.: *Габриэль Р.* Героев больше нет. Нью-Йорк, 1983.

свойства «сверхчувствительности», «сверхреактивности», «сверхпонимания» и др. Эти трансформации происходят на психофизиологическом, психологическом, социально-психологическом уровнях и порой доходят до паранормальных уровней. У человека как бы формируется специальный психологический «орган», позволяющий мгновенно понимать логику движений элементов зрительного поля, звуковых стимулов, значение слов, жестов, поступков других людей. Из системы его отношений с сослуживцами быстро вымываются условности, различного рода «косметические» средства коммуникации. Отношения с окружающими становятся предельно конкретными, простыми, чрезвычайно чувствительными к фальши, неискренности, эгоизму, шкурничеству. Этот орган «оттачивает» свою работу и становится мощным регулятором поведения воина.

За короткое время пребывания на войне человек проходит социализацию, на которую в обычных условиях потребовались бы годы. Человек, ушедший на войну юнцом, возвращается зрелым мужем со сложившейся системой ценностей, богатым житейским опытом и опытом интенсивного социального взаимодействия. Если добавить сюда закалку здоровья, тренировку механизмов экстренной стрессовой мобилизации, то можно было бы говорить о заметном *личностном росте* военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях.

К сожалению, военный и гражданский миры настолько различны, что позитивные личностные новообразования, сформировавшиеся под воздействием стресс-факторов боевой обстановки, оказываются бесполезными, а порой вредными и опасными в мирной жизни.

Можно привести такую аналогию. Житель средней полосы России полгода прожил у своего друга в одной из южных стран. Он неплохо овладел местным языком общения, традициями и так проникся культурой этого народа, что принял его религию и даже внешне стал походить на одного из его представителей. Он прочитал священные книги, много общался с местными мудрецами и ощущал, что духовно вырос. Он думал о том, что когда вернется домой, жизнь его обретет новый смысл и качество. Когда же он вернулся в свою деревню, у него неожиданно возникли серьезные проблемы в отношениях с односельчанами. Им не нравилось, что он стал разговаривать громко, близко подходя к собеседнику и прикасаясь к нему руками, по нескольку раз в день совершал молитву, перестал употреблять спиртное. Постепенно односельчане стали сторониться его, считать «странным», неудобным, чужим. Разве такая ситуация кажется фантастической?

Так вот, культурные различия между представителями разных рас и этносов бледнеют перед теми различиями, которые могут возникнуть между ветераном боевых действий и мирным социумом.

Участие людей в деятельности, протекающей в опасных, экстремальных условиях, способно в значительной мере изменять их внутреннюю картину мира, жизненные смыслы, трансформировать ранее сложившуюся систему ценностей. Чтобы выжить среди ужасов и хаоса войны, участникам боевых действий необходимо перестроить свою психическую структуру, перевести психику на «военный режим» функционирования, адаптироваться к наиболее грозным стресс-факторам. С первых дней участия в боевых действиях

(а часто и раньше начала) у воинов запускаются механизмы краткосрочной и долгосрочной адаптации, выработки специфических копинг-стратегий, навыков повседневного выживания.

По замечанию Р. Дрейлинга, факторы боя, «действуя постоянно и непрерывно... постепенно видоизменяют характер реакции бойца на окружающий мир, вызывают новые реакции, создают ряд условных рефлексов, словом, производят ряд изменений, которые в конечном счете дают картину видоизмененной психики, присущей бойцу по сравнению с обывателем»[1].

В табл. 13.1 показано как жизненно важные преобразования, свершившиеся с воином в боевой обстановке, оцениваются окружающими в качестве отклонения от нормы, симптомы ПТСР.

Таблица 13.1

Оценка результатов адаптации воина мирным социумом

Навыки, необходимые для выживания. Результаты адаптации	Симптомы ПТСР
Бдительность, боевая настороженность, страх, гиперактивация внимания	Бессонница, гипербдительность, вздрагивание
Готовность к импульсивному (быстрому) отреагированию в форме агрессии, уничтожения источника опасности, бегства, укрытия; способность к моментальной полной мобилизации сил с последующей быстрой релаксацией	Гипермобилизованность, агрессивность
Проигрывание в уме боевых эпизодов, собственных действий	Повторяющиеся воспоминания, образы, мысли о событии, изменчивость настроения («интрузия»)
Избегание мыслей о потерях, неудачах, просчетах	Избегание символов, ассоциируемых с событием, диссоциация
Сужение эмоционального диапазона, стремление к «уходу» от реальности и оценки ряда нравственных проблем	Оскуднение чувств (*numbing*)
Горевание о недавно погибшем товарище; отношения ответственной зависимости	Чувство вины выжившего
Адаптация к ритму боевой жизни, принятию решений, бесхитростному общению, коллективная индукция	Повышенное чувство справедливости, раздражительность, конфликтность, дезадаптированность

Диагностика, проведенная с использованием самых совершенных методик, может показать наличие ПТСР у ветерана боевых действий, который не успел перестроить свою психику на «мирный режим» функционирования.

Безусловно, война оставляет в сердцах ветеранов не только памятные следы, но кровоточащие раны. Война, если можно так выразиться, больше «специализируется» на том, чтобы ломать, а не созидать.

[1] *Дрейлинг Р.* Военная психология как наука // Душа армии: русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. С. 160.

В-пятых, диагностика психологических последствий участия воинов в боевых действиях, проведенная более чем через шесть месяцев после возвращения воина с войны, включает уже множество их реакций не на свое военное прошлое, а на процесс и результат социально-психологической интеграции в мирный социум.

Важно отметить, что война также обостряет у военнослужащих естественные человеческие потребности, связанные с принятием в социум. Как правило, у них заметно проявляются потребности:

— *быть понятым* обществом, ближайшим окружением в отношении мотивов, двигавших им на войне, аргументов, объясняющих необходимость, социальную значимость участия в жестоком насилии;

— *быть принятым* в систему социальных связей и отношений с возвысившимся статусом, статусом защитника Родины, человека-воина;

— *быть признанным* как человек, честно и добросовестно выполнивший свой гражданский и воинский долг;

— *потребность быть выслушанным* и снять неактуальную психическую напряженность, накопившуюся на войне.

Неудовлетворенность перечисленных потребностей лишает ветеранов смысла участия в боевых действиях — важнейшего регулятора ценностного отношения к миру, другим людям, себе самому. В результате у них может возникнуть неуверенность, беспокойство, чувство вины, негативное отношение к социуму.

Наконец, в-шестых, у некоторых военнослужащих психические травмы войны и сбои в реадаптации порождают действительно серьезные психологические проблемы, многие из которых формируют или существенно усиливают симптомы, входящие в структуру ПТСР (см. гл. 4). Повторные переживания травматического опыта в форме навязчивых образов, мыслей, воспоминаний, ночных кошмаров, негативный фон эмоций и настроений, избегание всего, что хотя бы символически напоминает о неприятном военном опыте, чрезвычайно высокий уровень внутренней мобилизованности — все это может проявляться у отдельных ветеранов боевых действий. Перечисленные симптомы способны снижать эффективность профессионального и социального функционирования ветеранов, дезадаптировать их в социальной среде, толкать их «в объятия» алкоголя и наркотиков.

Даже достойная уважения привычка открытого, бесхитростного, простого поведения и общения на войне ведет к тому, что механизмы психологической защиты в своем бездействии детренируются и человек оказывается как бы без «психологической кожи». Вернуть такого «психологически обнаженного» человека в мирную жизнь без предварительной психологической подготовки — значит создать условия для его ***вторичной психологической травматизации***. И эта психическая травма, вызванная неподготовленным столкновением ветерана со ставшим непонятным, дискомфортным и чужим мирным обществом может быть сильнее, чем боевая психическая травма.

Кроме того, реакции ветерана на непонимание и неприятие его обществом могут иметь драматические последствия для его социального окружения.

В этих условиях перед армией и государством остро встают три проблемы:

— во-первых, каким образом вернуть в социум полноценных в психологическом и нравственном отношении граждан и, одновременно, защитить общество от агрессии и неконтролируемой спонтанной воинственности;

— во-вторых, как уберечь ветеранов войны, по существу с «обнаженной», незащищенной психикой, от травмирующего воздействия жестокой мирной жизни;

— в-третьих, как завершить войну не только юридически, нравственно, но и психологически.

Ответы на эти вопросы могут быть найдены на путях создания организованного постепенного нетравмирующего психологического возвращения участников боевых действий в мирные условия жизнедеятельности и встраивания их в систему социальных связей и отношений мирного времени или их ***социально-психологической реадаптации***.

На уровне современных представлений социально-психологическая реадаптация участников боевых действий должна включать три взаимосвязанных компонента:

— организацию специального периода жизнедеятельности ветеранов боевых действий — психологического «карантина»;

— формирование вокруг ветеранов реадаптирующей среды и создание условий для посттравматического роста;

— психологическую реабилитацию лиц с симптомами ПТСР.

Рассмотрим перечисленные компоненты.

13.2. Задачи «психологического карантина»

Вопрос о необходимости выделения специального периода времени для организации «психологического карантина»[1] участников боевых действий — порождение войн конца XX в. Он связан с появлением войн нового типа — войн малой интенсивности или, как их называют на Западе, войн «трех кварталов». На примере боев в Дамаске видно, что, когда в одном квартале города идут ожесточенные бои, в других кварталах может продолжаться вполне нормальная мирная жизнь (дети ходят в школу, влюбленные женятся и празднуют свадьбы, работают рестораны и кафе, отпускники отправляются на отдых и т.д.). В этих условиях солдат в течение дня может несколько раз оказываться то в боевых, то в мирных условиях. Происходит сшибка идентичностей, постоянная перенастройка психики, деформация мотивации.

Быстрое, неподготовленное возвращение участников современных войн в мирные условия жизни порождает ряд психологических проблем. Современный боец может утром участвовать в жестоком и кровопролитном бою в зоне боевых действий, в обед его может сменить прибывший

---

[1] См.: *Попов В. Е.* Психологическая реабилитация военнослужащих после экстремальных воздействий (на материале землетрясения в Ленинакане, межнационального конфликта в Фергане и боевых действий в Афганистане) : дис. ... канд. психол. наук. М., 1992.

на замену военнослужащий, а к вечеру, еще не остывший от возбуждения боя, не смывший с себя крови (своей и противника), он может оказаться на улицах мирного города. Здесь его может случайно толкнуть прохожий, резко окрикнуть полицейский, грубо ответить кассир в билетной кассе. Последствия подобных ситуаций предсказать трудно.

Раньше (после Первой и Второй мировых войн) участники боевых действий возвращались на родину на поездах, кораблях, повозках, пешком, в течение многих недель и месяцев. Сотни раз они делились друг с другом своими воспоминаниями, сомнениями, страхами, чувствами. Каждый из них десятки раз выступал для товарищей «терапевтом», «консультантом», понимающим слушателем. В ходе этих задушевных бесед срабатывали психологические механизмы *отреагирования, когнитивно-смысловой переработки травматического опыта в условиях действенной эмоциональной поддержки, интеграции этого опыта в личностную историю и актуальное бытие.*

Сегодняшнее скоропалительное, психологически неотреагированное возвращение участников боевых действий сродни кессонной болезни («вскипание крови» в результате быстрого подъема водолаза из глубины). Ветеран с «военизированной психикой», оказавшийся в мирном обществе, подобен *человеку без кожи* (знаменитого фрейдовского «защитного слоя» личности). Любое прикосновение к нему вызывает боль.

В связи с этим в советское время в нашей армии проводились месячные реадаптационные мероприятия с военными моряками после длительных плаваний, однако они практически не содержали психологического аспекта. Необходимость искусственного замедления возвращения воинов с войны в мирную жизнь отчетливо осознали американские, британские, канадские, австралийские военные психологи. Они разработали стратегию организованного психологического возвращения участников войны в мирное общество. В среднем они отводят от трех до пяти дней на «психологический карантин» — специальный период жизнедеятельности военнослужащих, завершающих участие в боевых действиях, в ходе которого они постепенно психологически и физически интегрируются в мирный социум.

В некоторых армиях мира период реинтеграции ветеранов боевых действий не заканчивается «психологическим карантином», а продолжается еще минимум 90 дней в форме контрольных обследований, оценки состояния здоровья, психологических консультаций воинов.

В ходе «психологического карантина» решаются следующие ***задачи***:

— когнитивно-смысловая переработка, структурирование травматического и субтравматического боевого опыта, отреагирование травматических ситуаций (живое общение с сослуживцами, командирами, психологами);

— удовлетворение специфических потребностей ветеранов (тщательный разбор боевых действий личного состава, по возможности — положительная оценка вклада каждого военнослужащего в решение боевых задач; награждение боевыми наградами, памятными знаками, грамотами, благодарственными письмами и т.д.);

— психологическая подготовка ветеранов к типовым травматогенным ситуациям мирной жизни (тренинги, кейс-стади, разбор и обсуждение конкретных ситуаций);

— постепенный перевод психики с военного на мирный режим функционирования (уровень бдительности, психического напряжения, готовности к импульсивным действиям, реактивности и т.д.);

— снятие боевого напряжения (вовлечение военнослужащих в динамичную, нескучную, несложную деятельность: фотографирование с командирами и сослуживцами на фоне боевого знамени воинской части, оформление памятных фотоальбомов; подготовка военной формы; спортивные и культурно-художественные мероприятия; помощь местным жителям в решении житейских проблем и т.д.);

— выявления военнослужащих, получивших боевые психические травмы, и оказания им психологической помощи;

— постепенное, поэтапное вовлечение людей с «невоенизированной» психикой в контакты с ветеранами боевых действий; постепенное предоставление воинам информации, по-разному оценивающей их участие в боевых действиях.

Таким образом, карантин должен помочь воинам «остыть» от боевого накала, перевести свою психику с военного на обычный режим функционирования и подготовить к типовым конфликтным ситуациям мирного социума.

13.3. Создание реадаптационного социума

Социально-психологическая реадаптация — это протяженный по времени процесс. Он не ограничивается тремя-пятью днями «психологического карантина». За столь короткое время нельзя полностью перестроить психику и изменившуюся систему ценностей ветерана адекватно требования мирного социального окружения. Да и масштаб стоящих в этом отношении задач не позволяет решить их исключительно силами командиров и психологов. В связи с этим остро встает задача формирования вокруг ветеранов боевых действий ***реадаптирующей социальной среды*** — среды понимающей, принимающей, помогающей, мобилизующей, побуждающей.

Проявившаяся кое-где после Великой Отечественной войны тенденция *пожалеть* ветеранов, дать им заслуженный *пролонгированный отдых*, *не грузить излишними заботами* привела к тому, что некоторые из них испытали на себе власть «*вторичной выгоды*» от своего положения, утратили социальную активность, увлеклись спиртным и, по существу, выпали из социальной жизни. Поэтому лозунгом социального окружения ветеранов должно быть: «Хочешь сделать человека инвалидом — пожалей, хочешь сделать его борцом — помоги!»

Социальную среду ветерана боевых действий составляют его родные и близкие, сослуживцы, командиры, военные психологи. ***Задачами*** социальной среды, ориентированной на скорейшую социально-психологическую реадаптацию ветеранов, являются:

— удовлетворение специфических потребностей ветеранов (достойная встреча участников боевых действий; публичное признание социальной значимости их участия в боевых действиях, их нового, более высокого

социального статуса; понимание специфических ценностей боевого братства, особенностей психических реакций и поведения ветеранов);

– когнитивно-смысловая переработка травматической информации и отреагирование травматических ситуаций (вовлечение ветеранов в активную общественную работу, организация их выступлений перед военнослужащими, различными категориями граждан);

– создание системы социальной поддержки ветерана (благоприятной психологической атмосферы в семье, в коллективе; раннее выявление, быстрое и позитивное разрешение межличностных конфликтов с участием ветеранов; создание условий для общения ветеранов);

– постепенное «стирание» социальной стратификации по критерию участия в боевых действиях.

Независимо от того, вернулся ли солдат домой победителем или побежденным, его должны достойно встретить страна, сослуживцы, члены семьи, знакомые. Желательно, чтобы встречающие хорошо понимали специфические проявления психики и поведения ветеранов, были обучены элементарным приемам оказания психологической поддержки. Однако ни в коем случае нельзя допустить того, чтобы участники событий воспринимались как «ненормальные», «психи», «травматики». Отношение к ним командиров, сослуживцев, членов семей должно всемерно способствовать разрядке накопившихся психических напряжений, предупреждению дополнительной психотравматизации.

Безусловно, особая роль в социально-психологической реадаптации ветеранов боевых действий принадлежит их семьям. К сожалению, как раз именно семья нередко выступает фактором социальной дезадаптации и вторичной психотравматизации ветеранов. Это происходит по целому ряду объективных и субъективных причин. Если срок участия военнослужащего в боевых действиях превышает шесть месяцев, успевают произойти весьма значимые адаптационные процессы не только у воина, но и у членов его семьи. Каковы эти процессы?

Например, супруга военнослужащего, оставшись одна, вынуждена активно и целенаправленно заниматься многими делами по обеспечению жизнедеятельности семьи, уходу за домом, решением других многочисленных проблем, которыми раньше занимался супруг (от забивания гвоздя до ремонта велосипеда сыну). Она сама принимает многие решения, например, на что потратить деньги. В результате у нее формируется новая идентичность человека, способного организовывать свою жизнедеятельность самостоятельно, ощущение самодостаточности, чувства «я за собой, как за каменной стеной».

Некоторые супруги вынуждены поступить на работу (возможно, впервые) или сменить ее. В результате у них образуется новый режим жизнедеятельности, новый круг общения.

Женщина, находящаяся одна на протяжении длительного времени, вызывает интерес окружающих мужчин. Ей чаще, чем обычно, делают комплименты. Она начинает лучше следить за собой. У нее может возникнуть ощущение, что другие ее любят больше, чем супруг, или что ее только тогда и любят, когда супруга нет.

Ребенок, в первую очередь сын, в отсутствии отца часто слышит от окружающих: «Ты уже взрослый. Ты — мужчина в семье. Ты несешь ответственность за семью» и т.д. Он стремится добросовестно выполнять роль мужчины. В результате у него формируется идентичность мужчины в семье, защитника, «главного».

Когда ветеран возвращается с войны домой, он нередко застает другую семью. У супруги другая работа, новый круг общения, новая одежда, духи, новые увлечения, повышенная самостоятельность. Ветерану кажется, что жена стала уделять ему значительно меньше внимания. Возникает вопрос: «Уж не завела ли себе кого?» Появляются подозрения, упреки, конфликты. Превращение мужа в источник напряжения и конфликтов побуждает жену больше времени проводить на работе, чаще встречаться с подругами.

Сын конкурирует с отцом за роль «главного» мужчины в семье, проявляет недостаточную послушность, уважение. Попытки, как раньше, использовать в «воспитательных целях» ремень или оплеуху, встречают решительное сопротивление. Ветеран чувствует, что попал в чужой и некомфортный мир, где его не понимают, не любят, не дают ему состояться в важнейших социальных ролях «мужа» и «отца». Семья в данном случае не может удовлетворить описанные выше важнейшие социальные потребности ветерана.

Исходы подобной ситуации могут быть самыми различными: уход из семьи, развод, выяснение отношений и тюрьма, самоубийство, убийство родных и близких. Напомним статистику: около 90% американских ветеранов, страдающих ПТСР, разводились со своими супругами хотя бы раз. В России такую статистику обнаружить сложно, но, по-видимому, больших поводов для оптимизма здесь быть не может.

Для того чтобы предупредить развитие в семье описанного выше драматического сценария, необходима серьезная психологическая работа, как с ветераном боевых действий, так и с членами его семьи. Необходимо рассказать им о причинах и признаках неблагоприятных тенденций в развитии семьи, показать, где находятся самые критические точки семейных отношений, подсказать, как лучше справляться с подозрениями, сомнениями, гневом, как терпеть и вытерпеть ради будущего семейного счастья и т.д. Члены семьи должны четко уяснить, что их ветеран не стал хуже, не заболел, а просто нуждается во времени и поддержке, чтобы вернуться в нормальную жизнь. Психологу следует отслеживать динамику отношений в семьях ветеранов, организовывать «группы встреч», на которых обсуждать опыт других семей в стабилизации семейных отношений.

Таким образом, в осуществлении социально-психологической реадаптации участников войны не меньшее, а, может быть, и большее значение имеет работа с обществом, готовящимся к встрече ветеранов. Именно от его готовности и способности принять и ассимилировать людей с «обнаженной психикой» в значительной степени зависит, разовьются отдельные психологические последствия участия в войне в посттравматическое стрессовое расстройство или нет, будет ли ветеран счастливым семьянином или одиноким «волком войны».

13.4. Методы психологической работы с симптомами посттравматического стрессового расстройства

Прежде чем обратиться к методам психологической помощи участникам боевых действий, необходимо сделать ряд предварительных замечаний.

В процессе разработки нового диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам Американской психиатрической ассоциации DSM-5 (*Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*, 2013) возникли серьезные дискуссии относительно целесообразности выделения такой диагностической категории, как «посттравматическое стрессовое расстройство», о высоком потенциале стигматизации, который содержится в данном термине, о масштабах распространенности феноменологии ПТСР и т.д. Британская психологическая ассоциация выступила по этому вопросу с особым мнением. Американские военные психологи требовали заменить термин «ПТСР» на термин «психологическое ранение».

Многие специалисты сегодня признают слабость официальной концепции ПТСР, указывают на проблемы в дефиниции, оценке иерархии симптомов и эпидемиологии расстройства. Сомнения усилились в связи с громким скандалом в армейском медицинском центре *Madigan* (США). Выяснилось, что здесь психиатры и судебные психологи целенаправленно снижали результаты тестов обследуемых ветеранов, так как те, якобы, «симулировали» их, чтобы получить льготы. Эти специалисты решили «освободить» государство от значительной финансовой нагрузки (на одного ветерана с ПТСР государство затрачивает 1,5 млн долл., а ежегодно в США на реабилитацию ветеранов войн затрачивается более 6,5 млрд долл.). Однако специальная комиссия Пентагона, как отмечалось в СМИ, уже отменила сотни диагнозов. Но главное, видимо, впереди.

В США делались попытки выявить связи ученых, участвовавших в разработке концепции ПТСР (и психических расстройств в целом), и производителями медикаментозных и немедикаментозных средств медицинской реабилитации ветеранов боевых действий.

По-видимому, с категорией ПТСР необходимо разобраться более тщательно. Действительно, встретить развернутые формы ПТСР у ветеранов войны и даже у инвалидов боевых действий можно не часто. Однако объективным фактом является наличие у многих ветеранов порой достаточно выраженных отдельных симптомов ПТСР. В связи с этим вопрос о психологической помощи людям с такими симптомами приобретает конкретное практическое значение.

Рассмотрим методы работы с отдельными, наиболее часто проявляющимися у ветеранов симптомами ПТСР.

Методы психологической работы с ночными кошмарами. Для избавления от ночных кошмаров в практике психологической помощи пострадавшим используются приемы «Рисунок сна», «Рассказ о сне», «Диалог со сном», «Модификация сна», «Завершение сна» и др.

Главным корректирующим механизмом в этих приемах является инсайт — выход на понимание «функции» (как правило, предупредитель-

ной, охранительной, оберегающей, поддерживающей) сна, его признание, принятие и прощание с ним.

Практика подтверждает высокую эффективность психотехник «Диалог со сном» и «Завершение сна».

Психотехника «Диалог со сном» выполняется по схеме использования «гештальт-стульев». Ветерану, страдающему ночным кошмаром, предлагается занять один из стульев, сесть удобно, закрыть глаза и представить на стуле, расположенном напротив, свой сон. Когда образ сна станет ярким, ветеран дает психологу знак легким движением большого пальца. Психолог предлагает поприветствовать сон и задать ему вопрос. Ветеран выполняет задание. Психолог просит ветерана открыть глаза и пересесть на другой стул, где, закрыв глаза, представить себя самого своим сном и «вчувствоваться» в него. Когда ветеран вошел в свой сон и подал знак психологу, тот просит его ответить на вопрос, заданный ветераном. «Сон» отвечает. Психолог просит ветерана открыть глаза, выйти из роли сна, пересесть на второй стул, осмыслить ответ «сна» и задать уточняющий вопрос. Процесс смены ролей и стульев длится до тех пор, пока ветеран не задаст главный вопрос: «Зачем ты мне снишься?» («Почему ты преследуешь меня»? «Что ты от меня хочешь?» и т.д.), а «сон» не даст ему удовлетворяющий его ответ по типу «хочу предупредить тебя о...», «хочу напомнить тебе о...», «хочу защитить тебя от...» и т.д.

Получив такой ответ, ветеран благодарит «сон» за заботу и прощается с ним.

Прием «Завершение сна» предполагает такое его мысленное окончание, которое коренным образом меняет смысл сна, лишает его травматического содержания и разрешает психологическую проблему. Главная трудность здесь состоит в том, что завершить сон нужно, находясь в просоночном состоянии, то есть сначала нужно научиться, увидев сон, не открывать глаза, остаться в этом состоянии на несколько секунд и «досмотреть» его по своему сценарию.

Пример применения техники

Офицеру, воевавшему в Афганистане, часто снился ночной кошмар о том, что он, однажды вернувшись с совещания из вышестоящего штаба, прибыл на место расположения своего батальона, а батальона нет. Он убыл в Советский Союз. Остался только мусор на местах, где раньше стояли лагерные палатки. И тут появлялись афганцы. Они шарили по помещению бывшего штаба, ковырялись в оставленном хламе. Офицер прятался в кусты и бежал в сторону границы с СССР (200 км!). В каждом сне сюжет движения в сторону границы разный, но всегда полон драматизма. Внезапно появлялись враги; автомат не стрелял, а плевался пулями, спусковой курок безвольно болтался, ствол автомата становился резиновым и висел как «сосиска». Заканчивался сон примерно одинаково. Проделав большой путь, офицер добирался до пограничного города Герат. И тут его «загоняли» в подвал одного из домов, где в глаза ему резко бил свет фонарей преследователей. Он просыпался в холодном поту и затем в течение нескольких дней находился под гнетущим впечатлением от сна.

Завершение этого сна было осуществлено по новому сценарию. Офицер забивается в темный угол подвала. Преследователи настигают его и светят на него ярким светом фонаря. Офицер открывает глаза и видит, что перед ним стоит боль-

шая группа людей с кинокамерами, софитами, цветами. Звучит команда режиссера: «Стоп! Снято!» Таким образом, вся полная ужаса «одиссея» офицера, оказывается, была съемкой фильма об Афганистане.

Высокоэффективными в отношении модификации и купирования ночных кошмаров являются широко известные техники нейролингвистического программирования: «Шестишаговый рефрейминг», «Наложение якорей», «Взмах».

Методы психологической работы с фобиями. Одной из наиболее часто встречающихся и тяжело переживаемых форм избегания является *фобия*. В практике оказания психологической помощи пострадавшим в трудных ситуациях встречаются: болезненная боязнь вещей, связанных с травматической ситуацией, клаустрофобия (боязнь закрытых помещений), агорафобия (боязнь открытых пространств), гипсофобия (страх высоты), нозофобия (страх болезней), социофобия (страх убить, покончить с собой и т.д.), никтофобия (страх темноты).

Высокую эффективность в психологической помощи лицам, страдающим симптомами избегания, показывают методы, такие как: систематическая десенсибилизация, иммерсия, парадоксальная интенция, рациональная психотерапия, аутогенное отреагирование, аутогенная вербализация.

Метод систематической десенсибилизации (МСД) основывается на поведенческом принципе противообусловливания, утверждающего, что субъект может преодолеть дезадаптивное поведение, вызванное ситуацией или предметом, путем постепенного приближения к вызывающим страх ситуациям, нивелируя возникающую при этом тревогу состоянием релаксации. Страх, тревога могут быть подавлены, если объединить во времени стимулы, вызывающие страх, и стимулы, антагонистичные страху, например, релаксацию.

Выделяется три этапа процедуры:

— овладение методикой мышечной релаксации (по Джекобсону);

— составление иерархии ситуаций, вызывающих страх (человеком, перенесшим стресс, составляется список ситуаций от самых легких до наиболее тяжелых);

— собственно десенсибилизация (соединение представлений о психотравмирующей ситуации с релаксацией). На данном этапе обсуждается методика обратной связи — информирование человеком психолога о наличии или отсутствии у него страха в момент представления ситуации. Например, об отсутствии тревоги сообщается поднятием указательного пальца правой руки, о наличии ее — поднятием пальца левой руки. Человек воображает ситуацию 5—7 с, затем устраняет возникшую тревогу путем усиления релаксации. Период длится до 20 с. В течение одного занятия отрабатывается три-четыре ситуации из списка[1].

Метод иммерсии (затухания, угасания, погружения) — метод поведенческой психотерапии, основанный на демонстрации пациенту объектов, вызывающих страх, без расслабления, но в присутствии психотерапевта.

---

[1] См.: *Карвасарский Б. Д.* Психотерапевтическая энциклопедия. М., 2002.

Главной техникой является систематическая экспозиция (демонстрация, предъявление) объекта страха.

Практический опыт

Представляет интерес конкретный случай смешанного применения МСД и метода иммерсии для помощи офицеру, у которого сформировалась фобия на буханку хлеба.

Офицер проходил службу в Афганистане за 16 лет до встречи с психологом. Однажды после боя офицеры сидели в палатке и обедали. Закончился хлеб, и кто-то попросил повара принести его. Когда повар заглянул в палатку с нарезанной буханкой хлеба, раздался взрыв. Почти все, кто там был, погибли. Офицер был тяжело ранен и провел несколько месяцев в госпиталях. С тех пор, когда он видел буханку хлеба, он падал на пол и бился в истерическом припадке.

Психолог обучил офицера экспресс-приему «Релаксация» (см. гл. 11). Затем они выстроили иерархию страха офицера (определили, на каком удалении от буханки страх будет нулевым, на каком 100-процентным, где 20-, 40-, 60- и 80%-м. На полу мелом нарисовали полосы и обозначили соответствующий процент страха. Затем, по команде психолога, офицер шагнул с нулевого на 20%-й уровень страха. Все было нормально. Когда он переместился на 40%-й страх, его «затрясло», он хотел двинуться назад, но был остановлен психологом, который предложил ему выполнить прием «Релаксация». Затем офицер продвинулся на 60%-ную ступень страха, но здесь «не устоял». Релаксация помогала слабо, и сеанс, после успокоения офицера, был прекращен. На следующий день, после одной задержки, офицер прошел по лестнице страха до конца, взял буханку хлеба, которая лежала на столе, разломал и растоптал ее. Шестнадцатилетний ужас закончился.

К иммерсивным методикам относится также ***метод парадоксальной интенции*** – метод В. Франкла, основанный на осуществлении пациентом того, чего он боится, с чувством юмора. Метод применяется при фобии – страхе ожидания повторения симптома.

Юмор дает возможность занять дистанцию по отношению к самому себе, своему страху и тем самым обрести над собой полный контроль. Парадоксальное предложение формулируется в юмористической форме. При использовании данного метода важно, чтобы человек сам захотел осуществить то, чего он боится сделать.

В отличие от метода систематической десенсибилизации, в методах иммерсии и парадоксальной интенции не используется состояние релаксации, поэтому они могут быть применены для работы с психическими травмами малой интенсивности и невротическими страхами.

Рациональная психотерапия является одним из наиболее эффективных и вместе с тем доступных для широкого освоения методов психологической реабилитации (см. гл. 11).

Для психологической помощи лицам, страдающим гиперактивностью, гиперреактивностью, гипермобилизацией, показаны следующие методы.

Аутотренинг (по И. Шульцу). Активным методом психотерапии, психопрофилактики и психогигиены, направленным на восстановление динамического равновесия системы гомеостатических саморегулирующих механизмов организма человека, нарушенного в результате воздействия психотравмирующего стресса, является аутогенная тренировка.

Аутогенная тренировка (АТ) (от греч. *Auto* — сам, *genos* — происхождение) — самовнушение в состоянии релаксации (низшая ступень) и гипнотического транса (высшая ступень).

Как лечебный метод, АТ была предложена для лечения неврозов Шульцем в 1932 г. Воздействие АТ на организм сопровождается снижением общей тревожности и развитием антистрессовых тенденций.

Выделяют две ступени АТ (по Шульцу): 1) низшая ступень (АТ-1) — обучение релаксации с помощью упражнений, направленных на вызывание ощущения тяжести, тепла, на овладение ритмом сердечной деятельности и дыхания; 2) высшая ступень (АТ-2) — аутогенная медитация — создание трансовых состояний различного уровня.

Низшую ступень составляют шесть стандартных упражнений, которые выполняются в одной из трех поз: 1) «позе кучера» — сидя на стуле, слегка опустить вперед голову, кисти и предплечья положить свободно на переднюю поверхность бедер, ноги свободно расставить; 2) положении лежа на спине, голова на низкой подушке, руки несколько согнуты в локтевом суставе, свободно лежат вдоль туловища ладонями вниз; 3) полулежа — облокотившись на спинку кресла, руки положить на переднюю поверхность бедер или на подлокотники, ноги свободно расставить. Во всех трех положениях достигается полная расслабленность, для лучшей сосредоточенности глаза закрыты.

Упражнения выполняются путем мысленного повторения (пять-шесть раз) соответствующих формул самовнушения. Каждое из упражнений заканчивается формулой-целью: «Я совершенно спокоен».

Данные упражнения вызывают ощущение тяжести и тепла в руках и ногах; регулируют ритм сердечных сокращений; нормализуют и регулируют дыхательный ритм; вызывают ощущение тепла в брюшной полости, прохлады в области лба в целях предотвращения и расслабления головных болей.

Показателем усвоения очередного упражнения является генерализация ощущений. Например, упражнение по внушению тепла в конечностях считается усвоенным тогда, когда тепло начинает разливаться по всему телу.

На проработку каждого упражнения уходит две недели. Весь курс АТ-1 длится около трех месяцев. Занятия проводятся в группах один-два раза в неделю под руководством психотерапевта; продолжительность занятия — 15—20 мин. Самостоятельные тренировки пациентов проводятся дважды в день (утром, перед тем как встать, и вечером, перед сном).

В аутогенном погружении пациент приступает к направленному против определенных психотравмирующих переживаний самовнушению.

Выделяют пять типов *формул-намерений*:

— нейтрализующие, использующие вариант самовнушения «все равно», например: «Потеря работы — все равно» (при переживании увольнения);

— усиливающие, например: «Я знаю, что проснусь, когда начнутся кошмары»;

— абстинентно-направленные, например: «Я знаю, что не приму ни одной капли алкоголя, ни в какой форме, ни в какое время, ни при каких обстоятельствах»;

— парадоксальные, например: «Я хочу думать о своей психотравме как можно чаще» (при вторжении психотравмирующих воспоминаний);

— поддерживающие, например: «Я знаю, что не завишу от полученной психотравмы» (при сильной актуализации переживаний в повседневной деятельности человека).

Упражнения низшей ступени воздействуют по преимуществу на вегетативные функции. В целях оптимизации высших психических функций Шульц разработал высшую ступень аутогенной тренировки (АТ-2), упражнения которой должны научить вызывать сложные переживания, приводящие к излечению через «аутогенную нейтрализацию» и «самоочищение» (катарсис). Стандартные упражнения АТ-1 считаются лишь подготовкой к основному лечению. К высшей ступени аутогенной тренировки относят упражнения, цель которых заключается в тренировке процессов воображения (со способностью к *визуализации* представлений) и *нейтрализации* психотравмирующих переживаний.

Экспресс-методы психической саморегуляции. Выбор метода психической саморегуляции в решающей степени обусловливается особенностями ситуации переживания стресса. В работе с ветеранами боевых действий, не терпящими длительных процедур, достаточно эффективными могут оказаться экспресс-методы психической саморегуляции. Они отличаются следующими особенностями: просты в овладении и выполнении, не требуют много времени на выполнение процедур (1—3 мин), эффективны (результат обнаруживается уже в процессе выполнения приемов), не влекут негативных побочных явлений (например, сонливости) и др.

Наиболее эффективными из экспресс-методов являются следующие:

— дыхательные приемы;

— приемы управления тонусом скелетной мускулатуры;

— воздействие на биологически активные точки и другие приемы.

В процессе реабилитации очень важным моментом является решение отдельных психологических проблем инвалидов войны, например купирование актуальных болевых ощущений, избавление от ночных кошмаров и др. Для решения этих проблем также подходят экспресс-психотехники.

Итак, физическое возвращение участников боевых действий в мирную жизнь не совпадает с его психологическим встраиванием в систему социальных связей и отношений мирного времени. Второе — более сложное, продолжительное, менее выраженное, чем физическая травма, поэтому — неочевидное.

Для того чтобы защитить «психологически обнаженного», лишенного «психологической кожи» ветерана от жестокого и бескомпромиссного мирного социума, а общество — от людей с «военизированной» психикой, необходим процесс социально-психологической реадаптации ветеранов. Суть этого процесса состоит в когнитивно-смысловой переработке травматической информации и опыта, отреагировании травматического материала в условиях эмоциональной поддержки, в решении личностных проблем ветеранов и устранении симптомов ПТСР. В русле системно-ресурсного подхода социально-психологическая реадаптация представляет собой процесс восстановления у участников боевых действий психологического

ресурса, необходимого для полноценной жизни и активного социального функционирования в условиях мирной жизни.

Рекомендуемая литература

Габриэль, Р. Героев больше нет / Р. Габриэль. — Нью-Йорк, 1987.

Дрейлинг, Р. Военная психология как наука / Р. Дрейлинг // Душа армии: русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. — М. : Изд-во ВУ, 1997.

Караяни, А. Г. Прикладная военная психология / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — М., 2006.

Караяни, А. Г. Психологическая помощь в экстремальных ситуациях / А. Г. Караяни, П. А. Корчемный. — М. : Изд-во ВУ, 2010.

Тарабрина, Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н. В. Тарабрина. — СПб. : Питер, 2001.

ГЛАВА 14
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗБЕГАНИЯ ПЛЕНА, СОХРАНЕНИЯ БОЕСПОСОБНОСТИ В ПЛЕНУ И СОВЕРШЕНИЯ ПОБЕГА

Для того чтобы дать психологическую характеристику такому явлению, как плен, необходимо выявить основные причины пленения военнослужащих; раскрыть факторы и специфику психических состояний, сущность личностных трансформаций, имеющих место у военнопленного; показать психологическую специфику условий его жизнедеятельности; определить меры по психологической подготовке военнослужащих к избеганию плена, сохранению боеспособности в плену, совершению побега; наметить пути психологической реабилитации лиц, переживших плен.

14.1. Психологическая характеристика плена

Война — это эпидемия жестокости, убийств, безумного, всепоглащающего животного страха, массового сумасшествия, тяжелых утрат, боли ранений и травм, нечеловеческой усталости, крушения ценностей и всеобщего хаоса. Война создает множество сложнейших комбинаций, когда возможности человека оказываются на пределе. Но, пожалуй, самым худшим исходом войны для отдельного ее участника, а иногда и многих тысяч воинов, является плен.

Плен — ограничение свободы лица, принимавшего участие в военных (боевых) действиях, с целью недопущения его к дальнейшему участию в них. Взятые в плен в ходе боевых действий военнослужащие именуются военнопленными.

Плен, хотим мы этого или нет, входит ли представление о нем в идеологические установки и военные доктрины государств или отсутствует в них, является неизбежным спутником каждой войны.

Признание того, что солдаты любой, в том числе и своей, армии могут быть пленены, требует не просто трезвого взгляда на войну, но и определенного мужества. В нашей армии, к сожалению, на протяжении многих лет такая объективная реальность войны, как плен, просто игнорировалась. Представление о плене практически полностью перекрывалось понятиями «предательство», «переход на сторону противника», «сдача в плен противнику». Такой подход, в конце концов, унижал нашего воина, само государство, где

«предательство» приобретало значительные масштабы. Между тем процент за все годы Великой Отечественной войны перебежчиков на сторону противника не превысил 15 человек на 1000 военнопленных. Это значит, что «быть пленным», «попасть в плен» и «сдаться в плен» — явления совершенно разные с нравственной, поведенческой, психологической и юридической точек зрения, а термины «предатель», «изменник», «пленный» отражают разный правовой, социальный, нравственный и психологический статус людей.

С психологической точки зрения понятия «сдача в плен» и «пленение противником» отличаются наличием или отсутствием в действиях военнослужащего намерения (интенции). *Сдача в плен противнику* предполагает наличие у военнослужащего осознанного решения нарушить воинскую присягу, прекратить выполнение своего воинского долга, перестать быть воином — вооруженным защитником своей Родины. Добровольная сдача в плен — это разновидность предательства. Нарушение военной присяги карается законом и презрением народа. В отличие от этого, *захват военнослужащего в плен* обусловлен такими причинами, в силу действия которых воин объективно лишен возможности бороться.

Причины попадания военнослужащего в плен. Долг настоящего солдата — сражаться или погибнуть. Однако в пылу горячей боевой работы могут возникать ситуации, когда самые преданные Родине воины в силу разных обстоятельств временно лишаются возможности выполнить свой долг.

Пленение военнослужащего противником может произойти по военным, медицинским, физиологическим и психологическим причинам[1].

1. *Военные причины пленения* составляют такие обстоятельства боевой обстановки, которые объективно лишают военнослужащего возможности к сопротивлению (отсутствие оружия, боеприпасов, руководства, невозможность сопротивляться врагу, не нанеся вреда своей армии, и др.). Современная война предполагает ведение высокодинамичных боевых действий с широким использованием войсковой разведки, сил специального назначения, авиации, снайперов, мелких боевых групп, отсутствием четко выраженной линии фронта и т.д. Все это создает условия для того, что военнослужащие могут оказываться в тылу противника в состоянии, когда становится невозможным не только ведение активных боевых действий, но даже и геройская смерть.

2. *Психофизиологические причины пленения* — это специфические функциональные состояния, препятствующие или не позволяющие военнослужащему активно сопротивляться противнику (голод, жажда, депривация сна, нечеловеческая усталость, лишающие человека физических сил противостоять противнику).

Возможности человеческого организма таковы, что в течение относительно непродолжительного времени он может выдерживать значительные физические и психологические нагрузки. Но когда наступает предел выносливости, и человек переступает этот рубеж, может произойти все, что угодно. В экспериментах, проводимых в США в годы Второй мировой войны с японцами, переселяемыми на восточное побережье страны, было установлено, что

---

[1] См.: *Караяни А. Г., Сыромятников И. В.* Введение в профессию военного психолога. М., 1997.

на третьи сутки голодания люди утрачивают любую иную мотивацию, кроме как желание добыть еды. В других исследованиях, проведенных на выборке американских, английских, норвежских военнослужащих, показано, что трое суток, проведенных без сна, лишают человека способности продуктивно мыслить, создавать волевое усилие, совершать простейшие действия.

В истории человечества трудно отыскать войну, где воинам противоборствующих армий удавалось вволю поесть, вдоволь поспать и отдохнуть. Как правило, объекты тыла, пути тылового обеспечения становятся первоочередными объектами поражения. В результате голод, жажда, холод, задолженность сна, хроническая усталость истощают физические и психические силы бойцов, а порой ведут к утрате ими боеспособности. Как следствие, отходят на задний план такие важные для воинов ценности, как ненависть к врагу, патриотизм, воинский долг и т.д. Они уже не в силах отличить добро от зла, просто не в состоянии разумно мыслить.

3. *Психологические причины пленения* — совокупность эмоциональных переживаний, боевых установок, психического здоровья, парализующих волю военнослужащих к активным боевым действиям (внезапность действий противника, позволяющая застать военнослужащих врасплох; изощренная вражеская пропаганда, деморализующие слухи и массовая паника; утрата военнослужащими способности адекватно мыслить вследствие тотального голода, травматической депривации сна; психогенные расстройства, связанные с функциональной слепотой, параличом и т.д.).

4. К *медицинским причинам пленения* относятся ранения, травмы, болезни, препятствующие военнослужащему продолжать борьбу.

Однако, несмотря на причины попадания в плен, долг настоящего воина продолжать оставаться бойцом, оказывать посильное сопротивление противнику и, при первой же возможности, совершить побег. Примером верности воинскому долгу являются генерал-лейтенант Д. М. Карбышев, захваченный в бессознательном состоянии фашистами, прошедший семь концлагерей, отказавшийся от всех предложений сотрудничать с фашистами, возглавивший антифашистское движение заключенных и заживо замороженный палачами. В годы Великой Отечественной войны из вражеского плена бежали шесть советских генералов, десятки тысяч офицеров и солдат, большинство из которых продолжило борьбу против врага.

Психологическая феноменология плена. По силе и глубине травматического воздействия на психику военнослужащего плен является наиболее тяжелым и драматическим исходом боевых действий. Эта особая психологическая травматогенность плена связана с тем, что военнопленный подвергается одновременному воздействию самых мощных из известных стресс-факторов (новизна обстановки; внезапность наступления событий; опасность для жизни и здоровья; страх за родных и близких; неизвестность; изоляция; монотония, скука и тоска; дефицит сна, пищи, воды; физическая усталость; отсутствие доверительного общения; невозможность соблюдать личную гигиену, грязь, вши, болезни; боль и др.).

Многие из перечисленных факторов выходят далеко за пределы персонального человеческого опыта, проявляются на гране возможностей совладания с ними и, в силу этого, обладают травматогенностью.

Фактор новизны основывается на механизме «чего не знаю, того боюсь». Подавляющее большинство воинов не имеет опыта заключения, пыток, жизнедеятельности в обстановке постоянного страха, всеобщей подозрительности и антисанитарии. Поэтому столкновение с миром военного плена приводит человека в состояние шока, являющегося фазой адаптационной реакции. Шоковое состояние может длиться продолжительное время, истощая человека энергетически и психологически.

Фактор опасности порождает тревогу (неопредмеченный страх) неизвестности ближайшего и отдаленного будущего; страх за свою жизнь; страх прослыть предателем у своих боевых товарищей, страх перед возможной болью и т.д.

В военных событиях XXI в., в которых участвовала наша страна, у противников нередко существовала возможность нанести *ущерб родным и близким* военнопленных. Эта возможность акцентируется неприятелем. В результате у плененного военнослужащего может появляться страх за родных и близких, порождающий сильнейший внутриличностный конфликт: сохранить верность присяге или обезопасить дорогих людей.

Фактор изоляции, ограничения свободы выбора, действий, перемещения и т.д. ведет к ощущению собственного бессилия.

Фактор дефицита в удовлетворении важнейших физиологических потребностей (в сне, пище, воде, двигательной активности) способен лишить человека воли к сопротивлению, энергии, необходимой для жизни.

Факторы скуки, тоски, антисанитарии могут привести к деперсонализации человека, утрате личностной идентичности, когда собственное имя, личная история, судьба родных и близких перестают быть ценностью. Находясь в одиночестве в замкнутом пространстве крошечной камеры, пленник может «уйти в себя» и утратить ощущение внешнего мира. Одиночество и скука даже в общих камерах порой становится нестерпимой, так как взаимное недоверие, подозрительность, возможность соприсутствия «подсадных уток», «сексотов» заставляют заключенных уходить в себя, ограничивать контакты. В таких условиях нарастающая монотония, скука, информационная истощенность социума, взаимная подозрительность, недоверие, разобщенность пленных, постепенно превращаются в чудовищное психическое напряжение, беспокойство, дистресс, психическое расстройство, которые могут толкать пленного на контакт даже с охранниками и следователями.

Безусловно, сильнейшим фактором, определяющим психологическое состояние пленных, являются пытки. *Пытка* — совокупность методов подрыва психики пленного с целью его деморализации и получения от него необходимых сведений. В арсенале спецслужб армий вероятного противника собрано большое количество разнообразных способов слома человеческой воли и их список постоянно расширяется. В литературе[1] описываются следующие техники «выбивания» данных у военнопленных.

---

[1] *Ибатуллин Т. Г.* Война и плен // Проблемы военной психологии : хрестоматия. Минск, 2003. С. 552—553: *Караяни А. Г., Сыромятников И. В.* Введение в профессию военного психолога: *Ронин Р.* Своя разведка: способы вербовки агентуры, методы проникновения в психику, форсированное воздействие на личность, технические средства скрытого наблюдения и съемка информации. Минск, 2002.

1. Болевое воздействие на пленного (непрекращающиеся побои периодически сменяющими друг друга охранниками; использование специальных приспособлений для повреждения пальцев рук и ног; прижигание тела раскаленным металлом, сигаретами; использование армейских телефонных аппаратов для воздействия электрическим напряжением на слизистые оболочки и половые органы и др.).

2. Применение удушающих техник (удушение с помощью веревки; опускание головой в воду; привязывание пленного к доске вниз головой и поливание лица водой; обматывание головы мокрым полотенцем, которое высыхая, вызывает удушье и др.). Против использования таких методов допроса пленных афганцев, иракцев и граждан других стран американскими спецслужбами в тюрьме Гуантанамо выступили даже конгрессмены США.

3. Лишение пленного сна в течение нескольких суток подряд (допросы меняющимися следователями с использованием источника сильного, иногда стробоскопического света, направляемого в глаза допрашиваемому).

4. Помещение пленного в клаустрофобные и чрезвычайно тесные помещения (клетки, ящики, гробы). Иногда пленный помещается в тесное помещение вместе с трупом.

5. Воздействие на пленного чрезвычайно сильными звуками на протяжении нескольких часов и последующее помещение его в полностью изолированное от звука помещение. Среди звуков, воздействующих на пленного, есть женский и детский плач; крики мужчины, подвергающегося побоям; кошачий визг; сильные низкие и высокие звуки; музыка типа *Eminem* и др.

6. Воздействие нестерпимыми запахами (помещение в яму, дно которой посыпано хлоркой, и др.).

7. Воздействие чрезвычайно высокими и низкими температурами.

8. Оскорбления и сексуальное насилие. Весной 2004 г. СМИ всех стран рассказали о пытках иракских военнопленных американскими солдатами 372-й роты в тюрьме «Абу Граиб». На фотографиях и видеосъемках содержатся свидетельства того, как пленных оскорбляют и избивают. Тюремщицы-женщины, угрожая собаками, раздевают пленных мужчин донага, оскорбляют их личное достоинство, заставляют вступать друг с другом в интимные отношения. Сексуальное насилие все чаще применяется в качестве средства «выбивания данных» и слома воли военнопленных.

9. Инсценировка расстрелов и повешений.

10. Моральное насилие (например, запрещение пленным талибам ношения бород и головных уборов, что взывает у них ощущение перманентного греха; демонстративные надругательства над религиозными святынями и др.).

Исследователи из Лондонского университета изучили мнение 279 заложников о том, что им труднее всего приходилось переживать в заточении. Оценивая ответы бывших узников по шкале от 0 до 4 баллов, они установили, что наиболее мощным психотравмирующим фактором для опрашиваемых было сексуальное насилие (3,5 балла). На втором месте по силе негативного воздействия на психику заключенных находились телесные пытки (3,4 балла), на третьем — психологическое манипу-

лирование (3,3 балла), на четвертом — жестокое обращение и удерживание в определенном положении (3,0 балла), на пятом — боль и невозможность удовлетворить базовые потребности (2,8 балла)[1].

Специалисты западных спецслужб постоянно совершенствуют технологии допросов и пыток. Для этого они привлекают известных специалистов в области психологии и поведенческих наук. Так, в начале XXI в. в США разгорелся скандал, связанный с возможным участием крупнейших американских психологов в обсуждении психологических проблем допросов и пыток. Среди тех, с кем специалисты ЦРУ (в том числе известные психологи, такие как К. Хаббард) и представители власти вступали в контакты по этому вопросу, называют действующих и бывших президентов Американской психологической ассоциаци Ж. Матараццо (1989), М. Селигмана (1998), Ф. Зимбардо (2002), Р. Стернберга (2003), а также таких известных психологов, как Дж. Митчелл, М. Гравиц, С. Брэндон и др.[2] Специалисты по допросам и пыткам активно используют результаты знаменитого стэндфордского «тюремного эксперимента», теории «выученной беспомощности», других научных исследований и концепций.

В настоящее время сформировалась своеобразная система принципов эффективных пыток пленных. Известный британский авторитет в области теории и практики специальных операций К. Макнаб[3] описывает «психологическую траекторию» пыток следующим образом:

— муки постепенно и неуклонно возрастают, поддерживая в пленном состояние нарастающего ужаса в ожидании следующего «сеанса» пыток;

— пленный скрупулезно информируется о том, что с ним произошло во время пытки и что планируется на следующий «сеанс» (например, сообщается, что в следующий раз ему отрежут пальцы и во что превратится его жизнь, если он не пойдет на уступки);

— причинение боли сопровождается возбуждением панических настроений;

— узнику постоянно напоминается о том, что его муки мгновенно прекратятся, если он сообщит необходимые сведения;

— у пленного постепенно формируется условный рефлекс, объединяющий признание со снижением физического насилия.

Итак, в ходе высокодинамичных боевых действий, ведущихся на больших пространствах с широким использованием противоборствующими сторонами сил специального назначения, авиации, специалистов с высокой «пленоопасностью», плен может стать реальностью для отдельных военнослужащих. С психологической стороны плен характеризуется действием

---

[1] *Сайдс Х.* Как пережить 947 дней в плену. URL: http://gorillas.com.ua/blog/?p=1805 (дата обращения: 13.02.2016).

[2] В связи с этим в 2015 г. был подготовлен обширный (более чем в 500 страниц) доклад специальному комитету правления дирекции Американской психологической ассоциации «Независимый обзор, связанный с Руководством АПА по этике, допросами и пытками национальной службы безопасности». См.: Report to the special committee of the board of directors of THE American psychological association: Independent review relating to APA ethics guidelines, national security interrogations, and torture. Washington, 2015.

[3] См.: *Макнаб К.* Психологическая подготовка подразделений специального назначения.

мощнейших объективных и «рукотворных» стресс-факторов. Вследствие действия этих факторов у военнопленного могут развиваться страх, тревога, тоска, неуверенность в себе, фрустрация, депрессия, чувство вины, ощущение безысходности и укороченного будущего, апатия и др. Перечисленные психические состояния, достигая определенного уровня, способны сломить волю военнослужащего к сопротивлению и привести к утрате им идентичности бойца.

14.2. Методы психологической подготовки военнослужащих к избеганию плена, сохранению боеспособности в плену и организации побега

Необходимость специальной, «антипленовой» подготовки военнослужащих, по крайней мере «пленоопасных» специальностей, обусловливается:

— во-первых, большим объемом военнослужащих, попадающих в плен противника в войнах XX—XXI вв. Так, во время Второй мировой войны только в армиях СССР, Германии, Англии, Франции и Австрии попали в плен около 10 млн военнослужащих! Среди тех, кто стал военнопленным, нередко попадаются военнослужащие — носители военных секретов, уникальных военных знаний, сообщение которых противнику может поставить под срыв реализацию военных замыслов и принятых боевых решений. В последние годы, в связи с беспрецедентным усилением информационно-психологического противоборства, сопровождающего любое военное событие, военнопленные все чаще становятся своеобразным информационно-психологическим оружием. Один психологически «сломавшийся» и принявший информационно-психологическую игру противника военнослужащий может нанести серьезный моральный ущерб ВС, целям вооруженной борьбы, морально-психологическому состоянию военнослужащих. В связи с этим возникает острая необходимость в формировании у военнослужащих четких «антипленовых» установок, стремления во что бы то ни стало избегать плена;

— во-вторых, доминированием принципа гуманизма в подготовке военнослужащих, требующего формировать у воинов психологический ресурс, позволяющий им избегать пленения, выживать в сложнейших природно-географических, погодно-климатических, боевых и социальных условиях, сохранять боеспособность и продолжать оказывать сопротивление противнику в случае пленения, готовить свое освобождение и совершать успешный побег из вражеского плена.

Методы «антипленовой» психологической подготовки военнослужащих. Важнейшими методами создания у военнослужащих «антипленовой» установки являются следующие.

1. Формирование у них:

— широких социальных мотивов участия в боевых действиях (патриотизма, чувства воинского долга, веры в дело своей страны, в справедливость борьбы, религиозных чувств), мужества и самоотверженности;

— чувства гордости за принадлежность к своему роду войск, виду вооруженных сил, конкретной воинской части;

— отношений коллективизма, ответственной зависимости, взаимопомощи и взаимовыручки.

2. Знакомство военнослужащих с историей жизни российских воинов, не сдавшихся врагу в самых драматических обстоятельствах боевой обстановки.

3. Информирование военнослужащих о сущности физических, нравственных и психологических явлений и последствиях плена.

4. Доведение до военнослужащих положений российских законов об уголовной ответственности за разглашение военной тайны.

5. Разработка и принятие военнослужащими «пленоопасных» специальностей Кодекса поведения воина, содержащего клятву боевым товарищам в том, что они до последних сил будут избегать попадания в плен, а в случае захвата противником, останутся верными присяге, будут предпринимать все возможное, чтобы как можно скорее освободиться и продолжить борьбу с врагом.

Условия избегания плена (и успешного побега). Кроме решимости не попасть во вражеский плен у каждого военнослужащего должны быть сформированы знания, умения и навыки, позволяющие ему избегать пленения в самых сложных боевых ситуациях, выживать в обстановке нехватки воды, еды, сна, информации, отсутствия элементарных укрытий.

В основе успешного избегания плена при действиях в тылу противника или успешного побега из вражеского плена, лежит принцип ***«семь НЕ»***, включающий такие требования к военнослужащему, как неустанность, невидимость, неслышность, непахучесть, неприхотливость, неординарность, неустрашимость.

Требования *неустанности* связано с необходимостью постоянного и неуклонного движения, поддержания оптимального режима питания (поддержание энергетического статуса) и водопотребления (поддержание необходимого водно-солевого баланса и предупреждения обезвоживания). Военнослужащий, избегающий преследующего его противника, должен понимать, что если ему удастся перемещаться в сторону от опасности в течение часа со скоростью 8 км/час, это создает круг поиска радиусом 8 км, площадь которого составляет 201 км^2. Если время непрерывного движения составляет два часа при той же скорости, радиус в 16 км создает площадь поиска уже в 812 км^2! Противник будет вынужден искать лишь на одном-двух направлениях, остальная площадь останется бесконтрольной[1]. В этом случае шансы на избегание плена существенно возрастают.

Важным условием избегания плена является обеспечение *невидимости* военнослужащего для противника. Для этого следует, по возможности, перемещаться в вечернее и ночное время, используя естественные укрытия (низины, ущелья, подножья холмов), находясь в глубокой тени от объектов (деревьев, холмов), где тень наиболее «густая», не маячить

[1] См.: *Макнаб К.* Психологическая подготовка подразделений специального назначения.

выше линии горизонта, пригибаться как можно ниже к земле при преодолении открытых пространств, а там где надо — переползать их и т.д. Критически важным для выживания военнослужащего в современной войне является навык индивидуальной маскировки, включающей камуфляж, мимикрию, использование естественных укрытий и масок и т.д. Целесообразно используя маскировочный крем, древесный уголь или темную грязь, покрыть выступающие части лица (лоб, нос, скулы, подбородок), носки и металлические части ботинок, оружия, знаки различия. Более светлым цветом камуфлируются впадины лица (глазные впадины, щеки), шея. Древесным углем можно уменьшить белизну и блеск зубов. Если используются очки, их стекла целесообразно покрыть тонким слоем пыли. Для деформации хорошо различаемого силуэта человека используются ветки деревьев (ломаются в стороне от пути следования, по возможности без оставления заметных следов), полоски материи под цвет доминирующей местности[1].

Неслышность военнослужащего для противника обеспечивается за счет перемещения «бесшумным шагом» по «бесшумным» участкам местности (лишенных гравийного покрытия, сухих веток и т.д.), прочного закрепления элементов снаряжения на разгрузочных жилетах, обматывания тряпками металлических элементов амуниции (оружия), принятие экстренных мер против звуковых эффектов, сопровождающих физические процессы (чихание, кашель, сморкание и т.д.). Не менее важной является способность своевременного обнаружения и грамотного преодоления специальных «шумовых» заграждений противника (начиная с «киношных» консервных банок и заканчивая современными электронными охранными периметрами).

Полностью избежать излучения запахов в боевой обстановке практически невозможно. Тем не менее издавать минимальный запах для военнослужащего, избегающего пленения, — это вопрос его жизни или смерти, свободы или неволи. В распоряжении противника, осуществляющего преследование, может оказаться такое уникальное средство обнаружения запахов, как собака. Чувствительность обонятельной системы собаки в 10 тыс. раз выше, чем у человека.

Быть «непахучим» — значит пахнуть запахами естественного фона местности (костром, травой, сеном, землей), употреблять в пищу лишь те продукты, которые не издают сильного запаха до или после употребления человеком; применять средства снижения потоотделения телом; отправлять естественные надобности в складках местности и надежно укрывать (закапывать) испражнения; во время отдыха и сна дышать в землю; использовать средства, нарушающие функционирование обонятельной системы собаки и т.д. В случае длительного нахождения в тылу противника целесообразно (в том числе в целях соблюдения личной гигиены и предупреждения заболеваний) ежедневно стирать носки и нижнее белье, используя стиральные средства без запаха или импровизированные стиральные средства (зола, песок, глина и т.д.), чистить зубы, полоскать рот после еды, мыть

[1] Field Manual FM 3—05.70. Survival. Washington, 2002.

подмышечные впадины и промежность. Для снижения запаха, выделяющегося при дыхании, можно использовать жевание мяты или хвои.

Неприхотливость военнослужащего понимается здесь как способность полноценно отдыхать в построенных из подручных материалах укрытиях (если в них есть крайняя необходимость, связанная с погодой и др.); высыпаться в течение короткого времени, используя психологические приемы быстрого засыпания; употреблять «подножную» пищу, позволяющую эффективно восполнять энергетические затраты организма; находить, обеззараживать и рационально употреблять воду, поддерживая необходимый водно-солевой баланс в организме и избегая обезвоживания.

Неординарность действий военнослужащего заключается в избегании очевидных, диктуемых тактической обстановкой и рельефом местности действий, способности вводить противника в заблуждение относительно своих замыслов. Например, в ходе движения в сторону своих войск, как бы это ни было затратно по времени, сделать одну-две петли на маршруте, с оставлением следов (следов ног, сломанных кустов, «оброненных вещей» и т.д.) в отклоняющихся направлениях.

Неустрашимость воина заключается в его способности реализовать свой план до конца, регулируя уровень страха в пределах, обеспечивающих необходимую энергетику организма и бдительности.

Психологическая подготовка военнослужащего по избеганию плена направляется на формирование у военнослужащих:

— высокого боевого мастерства, навыков мастерского владения своим оружием и боевой техникой, оружием и техникой противника, физической силы, выносливости, ловкости, навыков рукопашного боя, ориентирования на незнакомой местности, маскировки, выживания в условиях конкретных природно-географических и погодно-климатических условиях, в условиях дефицита пищи, воды, сна и в случае заболевания;

— знания тактики действий противника, ее сильных и слабых сторон, наличие разрывов и брешей в его боевых порядках, уязвимых мест и цикличности в режиме жизнедеятельности;

— знания этнопсихологических, культурологических, религиозных особенностей населения района боевых действий, основы уважительного отношения, простейшие выражения вежливости, важнейшие исторические и конфессиональные даты, «смертельные» табу;

— артистических навыков, способности подстраиваться под поведение военнослужащих противника, местного населения, беженцев, физически и психически больных людей.

Методы сохранения боеспособности в плену. Остаться солдатом в плену, сохранить свою боеспособность для продолжения борьбы — это значит совершить подвиг, достичь победы над собой, над своими страхами, неизвестными ранее слабостями, предательскими сомнениями и искушениями. Цена этому подвигу — ощущение права называть себя воином, признание этого права боевыми товарищами, членами семьи, своим народом. Совершить такой подвиг не просто. Рецептов его не существует. Однако есть опыт настоящих бойцов, которые попали в плен, продолжили борьбу с врагом, совершили побег и сражались до победы.

Сохранение боеспособности военнослужащего в плену предполагает минимизацию и купирование описанных выше негативных психологических факторов плена.

Главным методом преодоления страха, новизны, неизвестности, скуки, тоски является формирование и укрепление *мотивации выживания*. Так, Ф. Ницше говорил: «Тот, у кого есть “ради чего” жить, может перенести любое “как”». Известный австрийский психолог, переживший опыт фашистских концлагерей, В. Франкл превратил эту цитату в формулу: отчаяние человека есть разность между страданием и смыслом. Из этой формулы следует, что чем выше смысл (в данном случае выживания в плену, побега), тем больше отчаяние стремится к нулю, несмотря на величину страдания. Предельно высокий смысл способен уравновесить любые страдания и аннигилировать любое отчаяние. Наиболее весомым смыслом наделены понятия «Родина», «воинский долг», «боевое братство», «семья», «вера». Военнослужащему, попавшему в плен, необходимо вспомнить о своей Родине, о воинском долге и военной присяге, о боевых товарищах, о родных и близких и утвердиться в мысли, что они достойны, чтобы ради них перенести любые страдания, выжить и вернуться с гордо поднятой головой. Для кого-то своеобразным маяком, ведущим к спасению, может стать неудовлетворенное чувство мести за погибших товарищей, для кого-то — неприемлемость самой возможности закончить войну в качестве пленного. Каждый день пленный должен задавать себе вопрос «Ради чего я терплю это?» и находить конкретный ответ.

Данная мотивация будет постоянно укрепляться, если будет поддерживаться конкретными практическими мерами по сохранению и накоплению физических и психических сил, необходимых для борьбы.

Опыт военнослужащих, успешно переживших плен, свидетельствует о том, что в меньшей степени морально и физически деградируют те воины, которые, пересиливая отчаяние, ежедневно занимаются физическими упражнениями, закаляют тело, соблюдают правила личной гигиены. Верность народной мудрости «в здоровом теле здоровый дух» проявляется в кризисных условиях человеческой жизни со всей очевидностью. Повседневное выполнение физических упражнений является ежедневным подтверждением желания выжить, накопить силы, спастись, продолжить борьбу, позволяет сохранить нервно-психическое равновесие.

Для того чтобы победить скуку, тоску и безысходность, отвлечься от атакующих мыслей о смерти и боли, необходимо активно загружать свое сознание конкретной работой. Например, В. Франкл в этих целях на протяжении всего времени заточения в концлагерях мысленно писал научный труд о смысле жизни и методе психотерапии людей, в основе которого лежит обретение смысла — логотерапии, представлял, как он выступает с лекциями, с изложением своих идей, мнимых оппонентов, с которыми вел бесконечные дискуссии и, прежде всего, свою супругу, которая для него была мерилом ценности жизни.

Кому-то из узников помогало выжить мысленное написание романов, стихов, строительство будущей семьи, изучение иностранных языков (языка противника или кого-то из сокамерников), наблюдение

за событиями в лагере (камере) и их психологическое портретирование, наблюдение за насекомыми и т.д. Так, один из нацистских лидеров, попавший в плен в самом начале войны, Герман Гесс, находясь в течение нескольких десятков лет в тюрьме Шпандау, занялся изучением насекомых и даже сделал несколько серьезных научных открытий.

Во всех случаях полезным является ведение счета дней пребывания в заточении и календаря.

Военнослужащему целесообразно вспомнить все отрабатываемые в процессе психологической подготовки приемы психической саморегуляции и довести их выполнение до совершенства, до максимально свернутых форм. Это позволит мгновенно купировать негативные психические состояния и болевые ощущения.

Выживанию в плену поможет четкое *знание международного военного права войны и правовое положение военнопленного.*

1. Обращение с военнопленными регулируется Третьей Женевской конвенцией 1949 г. Международный Комитет Красного Креста посещает военнопленных и следит за условиями содержания и обращения с ними.

Правовое положение военнопленных обусловливается тремя признаками:

— они не преступники;

— они — враги, сохраняющие свое подданство;

— они — военнослужащие.

Поэтому они имеют право на обращение и содержание, соответствующие тому положению, которое они занимали в своих вооруженных силах; принуждение их к участию в военных действиях против их отечества в какой-бы то ни было форме недопустимо.

2. Каждый военнопленный обязан на поставленный ему вопрос объявить свое настоящее имя и чин, и в случае нарушения этого правила, он подвергается ограничению тех преимуществ, которые предоставлены военнопленным его разряда.

3. Военнопленные подчиняются законам, уставам и распоряжениям, действующим в армии государства, во власти коего они находятся. Всякое неповиновение с их стороны дает право на применение к ним необходимых мер строгости.

4. Лица, бежавшие из плена и задержанные ранее, чем успеют присоединиться к своей армии, или ранее, чем покинут территорию, занятую армией, взявшей их в плен, подлежат дисциплинарным взысканиям.

Военнопленные, удачно совершившие побег и вновь взятые в плен, не подлежат никакому взысканию за свой прежний побег.

5. Государство противника может привлекать военнопленных к работам сообразно с их чином и способностями, за исключением офицеров. Работы эти не должны быть слишком обременительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям.

Знание этих и других правил позволяет пленному соизмерять свою активность как бойца и возможности как человека.

Важным для выживания в плену является *поддержание постоянной бдительности в контактах и высказываниях.*

Китайские специалисты по работе с военнопленными после Корейской войны предложили своеобразную формулу «пяти процентов», которая была принята на вооружение военными специалистами многих стран. Наблюдая поведение больших групп американских пленных, они установили, что если выявить и изолировать зачинщиков беспорядков (самых энергичных, лидеров) и держать их под усиленным надзором, то всех остальных пленных можно вообще не охранять. Считается, что количество «лидеров» всегда постоянно для каждой группы пленных и всегда составляет пять процентов от общего их числа[1]. Поэтому охранники будут всячески стремиться выявить пленных, представляющих опасность. Для этого могут использоваться средства скрытого контактного (через скрытые окошечки) и неконтактного (с помощью видеокамер и подслушивающих устройств) наблюдения, подсадка в камеры сексотов, предателей, провокаторов.

Практика показывает, что в плену целесообразно осуществлять нейтральный стиль отношений с персоналом лагеря (по возможности избегать контактов, стараться быть незаметным, не вступать в конфликты, не смотреть в глаза).

Каждый военнослужащий, относящийся к пленоопасным специальностям, должен иметь хорошо проработанную легенду относительно специфики своей военной службы, каскад блоков информации, которую он может последовательно «вспоминать» и выдавать противнику. В книге британского спецназовца Э. Макнаба «Браво-два-ноль» описывается британская система психологической подготовки специалистов пленоопасного профиля. Сам Макнаб, действовавший в составе разведовательно-диверсионной группы по обнаружению и уничтожению иракских ракет «Скат» в ходе операции «Буря в пустыне» и взятый в плен иракскими спецслужбами, на практике реализовал эту систему. Во-первых, он заявил, что является медицинским специалистом, учитывая, что к медикам на войне относятся несколько более лояльно, чем к представителям боевых специальностей (он на всякий случай был обучен основам медицинской помощи). Во-вторых, он представил противнику легенду о своей жизни, которая не позволяла каким-то образом воздействовать на его родственников. В-третьих, он постепенно «выдавливал» из себя порции информации о тактической обстановке, которая была верной на момент его пленения и мгновенно изменилась командованием спецназа при попадании разведгруппы в плен. Кроме этого, Макнаб описывает наиболее безопасные позиции, которые целесообразно принимать при избиении, методы немедикаментозного обезболивания и др. Интересно и то, что британский спецназовец, попавший в плен, знает, что его невыход на связь в установленное время означает для командования, что он попал в плен, и запускает многие процессы обеспечения безопасности (смена боевых позиций, радиочастот, паролей и т.д.). Все это дает возможность пленному сообщать противнику информацию, которая до недавнего времени была секретной. Это особенно важно в связи с тем, что сегодня существуют различные препараты из серии «сыворотка правды», средства аппаратурной детекции лжи,

[1] *Ибатуллин Т. Г.* Война и плен. С. 552—553.

которые способны помимо воли пленного получить от него необходимую информацию.

Помочь военнослужащим, находящимся в плену, остаться гражданами и солдатами своей страны может позиция государства, выраженная в том, что оно признает всех своих военнослужащих, захваченных противником в плен и сохраняющим верность присяге, сражающимися бойцами, будет предпринимать исчерпывающие меры по их скорейшему освобождению, оказывать посильную помощь их родным и близким.

Методы подготовки к побегу. Решение о побеге возможно лишь после всесторонней оценки обстановки и определении ее как благоприятной. В противном случае, попытка побега может повлечь за собой гибель боевых товарищей, массовые репрессии по отношению ко всем заключенным, ужесточение режима охраны.

В связи с этим, необходимо предусмотреть ряд мероприятий:

— изучение местности, окружающей лагерь (наблюдение при выполнении различного рода работ; общение с местным населением и пленными из числа местных);

— изучение режима жизнедеятельности охранного персонала (суточный, сезонный, праздничный);

— изучение системы охраны (периодичность смены и проверки постов, временных колебаний в бдительности охранников; наличие технических средств охраны, камер видеонаблюдения, сторожевых собак), характерологических особенностей охранников (недобросовестность, безответственность, алчность);

— выбор соратников, их испытание (необходимо исключить попадание в группу «сексотов» и «подсадных уток»), установление системы конспирации и коммуникации между ними;

— всесторонняя подготовка к побегу (накопление физических сил; подготовка ресурсов для побега и выживания);

— выбор способа, времени и места побега.

Методы и правила совершения побега. Выбор конкретного метода побега диктуется большим количеством обстоятельств, связанных как с состоянием системы охраны (нарушение в работе технических средств; отсутствие собак; уменьшение численности или низкий уровень бдительности охранников; погода, снижающая возможности охранников и т.д.), так и с состоянием лиц, совершающих побег (ясность ситуации; физическое здоровье; готовность необходимых средств и т.д.).

В истории побегов из заключения применялись методы подкопа; прорыва сквозь колючую проволоку; выпрыгивание с движущихся транспортных средств; захват и угон транспортных средств (бронетранспортеров, автомобилей, самолетов); побег во время совершения пешего марша и др. Более успешными были побеги, предпринимаемые до прибытия в лагерь военнопленных, во время эвакуации из зоны боевых действий. Здесь на руку военнослужащим играли такие факторы, как близкое нахождение к позициям своих войск, низкая специальная («охранная») подготовка военнослужащих передовых частей противника по сравнению с личным

составом конвойных подразделений, небольшая охрана колонны военнопленных, артобстрел или налет авиации во время движения.

При совершении побега считается целесообразным исключение убийства охранников или сторожевых собак с целью предотвращения формирования у противника мотивов личной мести.

В ходе самого побега необходимо строго придерживаться соблюдения описанного выше принципа «семи НЕ», т.е. быть неутомимым, невидимым, неслышимым, непахучим, неприхотливым, неординарным, неустрашимым.

Движение осуществляется по наиболее безопасному маршруту, исключающему встречи с противником и гражданскими лицами; мест, на фоне которых будет виден силуэт бегущего; командных участков местности, используемых врагом; рек, мостов и зданий (особенно ферм, так как на них обычно есть сторожевые собаки). Перемещаться следует быстро, преимущественно ночью, от одного укрытия к другому, применяя приемы введения противника в заблуждение (петляние; преодоление под различными углами водных и иных препятствий; движение на отдельных участках задом наперед, движение по каменистым поверхностям). В светлое время суток следует прятаться в найденных или построенных и хорошо замаскированных укрытиях. В укрытиях целесообразно свести жизнедеятельность до минимума, совершать меньше движений, лежа лицом вниз. Это снижает уровень запаха, исходящего от убежища, уменьшает возможность обнаружения его собаками-ищейками противника[1].

Комплексные методы «антипленовой» психологической подготовки. В армиях ряда государств, прежде всего в странах САКА (США, Англия, Канада, Австралия), осуществляется комплексная психологическая подготовка военнослужащих с высоким риском попадания в плен по избеганию пленения, выживанию, сопротивлению и освобождению.

Как указывалось выше, во время войны в Корее (1951—1953) порядка 40% из более чем 7000 пленных американцев погибли в плену, а 21 военнослужащий перешел на сторону противника. В связи с этим в 1961 г. военнослужащими, выжившими в плену, были созданы «Школы выживания», первоначально в военно-воздушных силах, военно-морском флоте (1962), в армии (1963), морской пехоте (1963) В 1970 г. во флоте была разработана первая современная программа тренинга *Survival, Evasion, Resistance, Escape* (SERE; Выживание, Избегание, Сопротивление, Побег). В 1972 г. программа SERE-тренинга была стандартизирована для всех видов вооруженных сил, и было создано Объединенное агентство восстановления персонала. В 1982 г. военно-воздушные силы были назначены координатором проведения Тренинга[2].

Продолжительность Тренинга варьируется от 12 до 21 дня. Это связано с особенностями проведения тренинга в видах вооруженных сил и уровнями проведения тренинга с различными специалистами.

---

[1] См.: *Макнаб К.* Психологическая подготовка подразделений специального назначения.

[2] См.: *Doran A. P., Hoyt G., Morgan III C. A.* Survival, Evasion, Resistance, and Escape (SERE) Training: Preparing Military Members for the Demands of Captivity // Military psychology: Clinical and Operational Applications. N. Y. ; L., 2006.

SERE-*тренинг* может проводиться на ***трех уровнях***.

Уровень А проводится со всеми военнослужащими армии США при поступлении на службу, обучении или вступлении в должность. Он состоит в обязательном изучении Кодекса поведения.

Уровень В проводится с теми, кто действует или готовится действовать впереди своих войск, от задней границы и до передовой линии собственных войск (экипажи армейских самолетов, воздушных сил, морского флота и морской пехоты).

Уровень В сосредотачивается на формировании знаний и навыков выживания, избегания пленения, сопротивления противнику способами, характерными для начала пленения (непризнание себя противником, попытка действовать по легенде). На этом уровне формируются навыки ориентирования на незнакомой местности, нахождения питьевой воды, охоты и ловли мелких животных, распознавания съедобной и ядовитой пищи, построения простейших укрытий, поведения в состоянии голода, жажды, усталости, уныния, заболевания, в условиях экстремальных температур окружающей среды, депривации сна и т.д.

Уровень С предназначен для войск с высоким риском пленения и чье положение (звание или старшинство) делают их наиболее уязвимыми.

Уровень С сосредотачивается на сопротивлении способами, характерными для лагерей для военнопленных. Военнослужащие обучаются техникам увиливания на допросах, знакомятся с методами допросов, включающих пытки утоплением, экстремальными температурами, сильным шумом, голодом, депривацией сна, заключением в ограниченные («клаустрофобные») пространства, осквернением святынь и символов, сексуальными домогательствами, унижением (принуждение к манипуляции с калом, мочой, содержанием мусорных баков), принуждением употреблять неприятную пищу (еда насекомых, змей, животных, сбитых автомобилем), физическим воздействием и т.д.

План тренинга может быть разделен на три части.

1. *Тренинг избегания и выживания* (ориентирование, выживание в климате региона, оказание первой помощи, приемы маскировки и избегания обнаружения противником, коммуникация, создание импровизированных устройств, инструментов).

2. *Сопротивление и побег.* В соответствии с одной из программ тренинга военнослужащие по 20—30 чел. помещаются в условиях лагеря в грязный бункер, находящийся наполовину под землей. Некоторые из них помещаются в клетки, пол которых залит зловонными помоями. С обучающимися по данной программе отрабатываются темы «Техника увиливания во время допросов», «Борьба с усталостью», «Здоровая фантастика в условиях полной изоляции», «Натравливание людей друг на друга», «Питание во время бегства», «Оказание первой помощи и самопомощи», «Контакты с охранниками» и т.д. Обучаемых «допрашивают», подвергают различным мерам физического и морального воздействия, приучают к питанию неудобоваримыми продуктами, например, бабочками, кузнечиками и др.[1]

---

[1] Современная буржуазная военная психология. С. 187—188.

Кроме этого, следует особо практически отрабатывать вопросы «Термальная закалка», «Немедикаментозное обезболивание», «Тренинг одиночества», «Тренинг допроса (что можно рассказать, как рассказывать)», «Тренинг побега и выживания»

3. *Выживание на воде.* Военнослужащие тренируются выживанию в акваториях разных широт, длительному нахождению на воде в индивидуальных и групповых средствах спасения, длительному погружению под воду и т.д.

14.3. Психологическая реабилитация военнослужащих, переживших плен

Для того чтобы выжить в условиях плена, человеческое существо перестраивает функционирование своего организма на специальный режим, обеспечивающий сопротивление мощным психологическим стрессорам. Адаптация к обстоятельствам плена происходит с большим напряжением адаптационных механизмов и расходованием энергетических ресурсов. В плену человек реально испытывает страх смерти, нередко наблюдает смерть и реагирует на эти события выраженной беспомощностью. Таким образом, можно утверждать, что у значительного числа военнопленных складываются предпосылки для их психологической травматизации.

Свидетельство очевидца

Бывший узником нескольких концлагерей В. Франкл описывает последствия пребывания в плену следующим образом.

«Что касается людей, возвратившихся из концлагерей, то у них... обнаруживались многообразные симптомы: беспокойство, чувство усталости, возбудимость, непоседливость, ослабление памяти и способности к концентрации, раздражительность, вегетативные симптомы, депрессии и головные боли. 78% жаловались на ночные кошмары в образе концлагеря. В целом ряде случаев проходило шесть и более месяцев, пока не проявлялись эти многочисленные симптомы, которые затем нередко демонстрировали замедленное протекание, в некоторых случаях без тенденции к выздоровлению. Так, многие еще через четыре года после возвращения домой страдали от последствий пребывания в концлагере, а у 44% это приняло хронические формы»[1].

«Наблюдавшееся явление в разных странах получило различные названия: "невроз возвращения из концлагеря" — в Австрии, "синдром концлагеря" — в Дании, "астенический синдром депортированных" — во Франции. Но, несмотря на разницу названий, многие ученые сходились во мнении, что язык психиатрии слишком беден, чтобы выразить в понятиях все то, что наблюдает эксперт при обследовании этих людей. Особенно опасным, мне кажется, с помощью расплывчатого понятия "невроз" давать официальным инстанциям видимость научного диагноза»[2].

В настоящее время для обозначения психологических последствий плена чаще используется термин «синдром колючей проволоки».

[1] *Франкл В.* Человек в поисках смысла. С. 147.

[2] Там же. С. 150.

Синдром колючей поволоки (СКП) — комплексное психическое нарушение, возникающие у лиц, длительное время находящихся в заключении (в плену, концентрационных лагерях) и подвергшихся воздействию специфической констелляции стресс-факторов.

Симптомами СКП являются депрессия, ипохондрические проявления, повышенная возбудимость, слабость, утомляемость, головная боль и головокружение, снижение памяти, затруднение концентрации внимания, утрата инициативы, затруднения в межличностных контактах, нарушение сна — устрашающие сновидения, в которых репродуцируется пережитое, чувство тревоги, плаксивость, боязнь высоты, непереносимость по отношению к громким звукам, повышенная потливость, неустойчивость к алкоголизму. Отмечаются явления своеобразной эмоциональной анестезии вследствие длительных моральных и физических страданий у части узников концлагерей. Проявлениями его являются деструкция личности, сужение круга интересов, преобладание примитивных ценностей.

Вариантами СКП являются: синдром Минковского, синдром лагерей уничтожения Траутмана, болезнь колючей проволоки Вишера.

Бывший военнопленный Л. Самутин дал описание психического состояния людей, находящихся за колючей проволокой. Он отмечал, что в психике пленных происходили заметные сдвиги в сторону инфантильности. В отношениях друг с другом «они вели себя по-детски: ссорились из-за пустяков, плакали, если сосед забирал у них какую-нибудь ничтожную тряпку или щепку; обессиленными, вялыми руками пытались бить друг друга, не причиняя один другому ни малейшего вреда. Так же по-детски, беззлобно и естественно, мирились, не помня недавней ссоры...» Освободители, вступавшие в лагеря, отмечали у пленных «в глазах животный страх. Иногда пустота. Некоторые не в состоянии выразить радости по поводу освобождения. Может, они уже ничего не понимают. Безучастно сидят на корточках на полу бараков. Порой у них нет сил двигаться. Трудно поверить в то, что это люди»[1].

Очевидно, что военнослужащие, пережившие длительное нахождение во вражеском плену, нуждаются в психологической помощи. Вывод В. Франкла однозначен: «И освобожденный заключенный еще нуждается в психологической помощи. Само освобождение, внезапное снятие душевного гнета опасно в психологическом отношении. Эта опасность с характерологической точки зрения представляет собой не что иное, как психологический эквивалент кессонной болезни»[2].

Объем и содержание этой помощи зависит от поведения в плену и от способа освобождения военнослужащего (побег; специальная операция по освобождению; освобождение наступающими войсками; отпуск администрацией противника), позволяющего или не позволяющего военнослужащему чувствовать себя воином, выполнившим свой долг. Не в меньшей

[1] См.: *Казаринов О. И.* Неизвестные лики войны: между жизнью и смертью. М., 2005.

[2] *Франкл В.* Человек в поисках смысла. С. 145.

мере характер психологической помощи бывшим военнопленным будет определяться продолжительностью их пребывания в плену, степенью подверженности их пыткам и другим неблагоприятным факторам плена.

Тем не менее общая логика психологической помощи бывшим военнопленным должна осуществляться по траектории социально-психологической реабилитации и включать все ее элементы (психологический карантин, создание реадаптирующей среды, выявление и психологическая реабилитация лиц, страдающих ПТСР).

В ходе *психологического карантина* осуществляются мероприятия, нацеленные на изучение и оценку психического состояния бывших военнопленных, постепенное, не травмирующее введение их в социум; предоставление возможности для отреагирования травматических эпизодов в процессе индивидуальной или групповой психологической работы в форме вербализации, пара- и экстровербалики, экспрессивно-эмоциональных реакций и т.д., рациональной психотерапии, направленной на разъяснение психологического состояния военнослужащего как «нормальной реакции на ненормальную ситуацию», его транзиторности и излечимости.

Вернувшиеся из плена военнослужащие должны вспомнить и обновить навыки поведения по правилам и нормам «не пленного» социума. Те из них, кто честно выполнил свой воинский долг, должны обрести уверенность в своей абсолютной «полноценности». Так как одновременно с психологическим карантином будут осуществляться различные оперативные мероприятия, такие военнослужащие будут получать все более положительную обратную связь, способствующую разрешению внутриличностного, нравственно-этического конфликта.

Большая работа по социально-психологической реадаптации бывших военнопленных должна быть проделана в направлении *создания для них реадаптирующей социальной среды* по месту прежней службы и в семье. Их сослуживцам, членам семей необходимо разъяснить, что плен — это не подвиг, но и не позор, а военнослужащий, честно переживший плен, достоин такого же уважения, как сражающийся солдат. Члены семьи должны быть готовыми к тому, что вернувшиеся из плена близкие люди некоторое время могут казаться странными, эмоционально холодными, утратившими интерес ко многим аспектам привычной жизни или, напротив, чрезвычайно возбудимыми, агрессивными, конфликтными. Необходимо объяснить им, что это временное явление и при надлежащей помощи с их стороны люди, вернувшиеся из плена, восстановятся и избавятся от «странностей».

Итак, плен как нежелательный, но возможный исход участия в боевых действиях является экстремальной жизненной ситуацией, ставящей военнослужащего на грань жизни и смерти, лишающей его многих естественных возможностей преодолевать неблагоприятные обстоятельства.

Избежать попадания в плен, остаться верным военной присяге, сохранить боеспособность и совершить побег при попадании в плен поможет специальная психологическая подготовка военнослужащих «пленоопасных» боевых специальностей.

У многих военнослужащих, находящихся в плену, под воздействием специфических стресс-факторов развивается комплексное психологическое

нарушение — «синдром колючей проволоки», проявляющееся в форме хронического стресса и посттравматического стрессового расстройства. Такие военнослужащие после освобождения нуждаются в психологической подготовке, а все, возвращающиеся из плена, должны включаться в организованный процесс социально-психологической реадаптации.

Рекомендуемая литература

Ибатуллин, Т. Г. Война и плен / Т. Г. Ибатуллин // Проблемы военной психологии : хрестоматия / сост. К. Сельченок. — Минск : Харвест, 2003.

Караяни, А. Г. Введение в профессию военного психолога / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — М. : Академия, 2007.

Макнаб, Э. Браво-два-ноль / Э. Макнаб. — М. : Эксмо, 2007.

Макнаб, К. Психологическая подготовка подразделений специального назначения / К. Макнаб. — М., 2002.

Army Regulation 350—30. Training Code of Conduct, Survival, Evasion, Resistance, and Escape (SERE) // Headquarters Department of the Army Washington. DC 10 December. 1985.

Doran, A. P. Survival, Evasion, Resistance, and Escape (SERE) Training: Preparing Military Members for the Demands of Captivity / A. P. Doran, G. Hoyt, C. A. Morgan III // Military psychology: Clinical and Operational Applications / ed. by C. H. Kennedy, T. A. Zillmer. N. Y. ; L. : The Guilford press, 2006.

Field Manual FM 3—05.70. Survival. Washington, 2002.

Раздел IV
СОДЕРЖАНИЕ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ В МИРНОЕ ВРЕМЯ

ГЛАВА 15
ЗАДАЧИ, СИЛЫ, СРЕДСТВА И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Военная психология как отрасль науки, профессия и область специальной практики ориентирована на войну и бой. Ее главная миссия состоит в том, чтобы максимально расширить психологические возможности воина, сделать его эффективным бойцом и помочь ему сохранить свою жизнь и здоровье. Вместе с тем война и бой — лишь фрагмент жизни военнослужащего, нередко — высшая точка его профессиональной судьбы. Всю остальную жизнь он готовится, чтобы с честью выполнить свой воинский долг. Без этой предварительной подготовки военнослужащему крайне трудно, практически невозможно состояться как воину. Дело в том, что основная часть воинского мастерства, морального духа, психологического ресурса воина созидается в ходе мирных учебно-боевых будней, психологической подготовки, в процессе бытия в укладе армейской жизни.

Важнейшим средством «сотворения» бойца является психологическая работа в воинской части (соединении), которая повседневно, кирпичик за кирпичиком, выстраивает бдительность, ответственность, дисциплину, организованность, психологическую совместимость, сплоченность, укрепляет психическое здоровье, развивает морально-боевые качества воина. Психологическая работа является наиболее зримым и действенным воплощением теоретических положений военной психологии в практике строительства ВС, в учебно-боевой и боевой деятельности частей и соединений.

15.1. Задачи и методы психологической работы в воинской части (соединении)

Под ***психологической работой*** в ВС понимается целенаправленная деятельность командования, органов по работе с личным составом, должностных лиц воинских частей по отбору, изучению, формированию, поддержанию, сопровождению, восстановлению у личного состава ВС индивидуальных и групповых явлений, способствующих выполнению войсками (силами) учебно-боевых (боевых) задач по предназначению.

Научно-теоретической основой организации и проведения психологической работы является *военная психология*.

Психологическая работа, проводимая в ВС РФ и других силовых ведомствах, является важнейшим элементом в системе всестороннего обеспече-

ния жизнедеятельности военнослужащих. Ее организационное оформление происходило постепенно, отражая достигнутый уровень развития психологической науки и изменения в практике военного дела (появление регулярных массовых армий, новых военных профессий, усложнение оружия и боевой техники и т.п.).

С 1991 г. кардинально переработана нормативно-правовая база по работе с личным составом в ВС РФ, определен курс на создание полноценной психологической службы.

В Положении о психологической службе Вооруженных Сил Российской Федерации определены ***основные задачи психологической службы***:

— организация и проведение мероприятий по профессиональному психологическому отбору военнослужащих и граждан в войсках (силах), военно-образовательных организациях МО, а также участие в методическом обеспечении мероприятий по профессиональному психологическому отбору военнослужащих и граждан, проводимых в военных комиссариатах субъектов РФ и пунктах отбора на военную службу по контракту;

— изучение индивидуальных особенностей военнослужащих и лиц гражданского персонала ВС, социально-психологических процессов и явлений в подразделениях и воинских частях, прогнозирование и оптимизация их развития;

— психологическая подготовка и защита личного состава ВС от деструктивных психологических воздействий;

— психологическое сопровождение кадровой работы;

— психологическая профилактика отклоняющегося поведения военнослужащих и лиц гражданского персонала ВС;

— психологическое сопровождение боевой службы;

— психологическое сопровождение боевой подготовки войск;

— психологическая помощь военнослужащим, членам их семей, лицам гражданского персонала ВС и психологическая реабилитация личного состава ВС;

— психологическое просвещение военнослужащих, членов их семей и лиц гражданского персонала ВС;

— методическое обеспечение подготовки специалистов психологической работы;

— организация материально-технического обеспечения психологической работы.

Эффективность психологической работы в значительной степени зависит от соблюдения ***принципов деятельности психологической службы***, к которым относятся:

— научная обоснованность количественных и качественных характеристик организационно-штатного, методического и материально-технического обеспечения психологической работы;

— профессиональная компетентность, правовая и этическая правомочность специалистов психологической работы;

— своевременность, доступность и постоянство психологической помощи военнослужащим, членам их семей и лицам гражданского персонала ВС;

— комплексный подход и координация усилий должностных лиц структурных подразделений психологической службы;

— применение современных аппаратно-программных и технических средств.

Общее руководство психологической работой в ВС РФ осуществляет *Главное управление по работе с личным составом Вооруженных Сил Российской Федерации* (ГУ РЛС ВС РФ). Оно занимается общим планированием, организацией и обобщением результатов психологической работы в войсках, организацией ее научно-методического обеспечения, а также подготовкой и расстановкой кадров психологов.

С 2013 г. в ВС РФ разработана и осуществляется реализация *Концепции развития психологической службы Вооруженных Сил Российской Федерации.* Предусматривается создание в ВС РФ мощной психологической службы, отвечающей потребностям войск во всестороннем психологическом обеспечении их повседневной и боевой деятельности. Концепция разработана в целях эффективного решения задач по укреплению и сохранению психического здоровья военнослужащих, членов их семей и лиц гражданского персонала ВС.

В соответствии с положениями Концепции предусматривается: совершенствование нормативно-правовой базы деятельности специалистов-психологов; создание организационно-штатной структуры психологической службы, соответствующей объему решаемых задач психологической работы; развитие системы подготовки (переподготовки, повышения квалификации) специалистов-психологов; совершенствование технологий психологической работы и материально-технического обеспечения психологической службы на основе современных аппаратно-программных и технических средств.

15.2. Силы и средства психологической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации

Психологическая служба ВС РФ представляет собой систему сил и средств психологической работы.

Силами психологической работы ВС являются:

— органы военного управления, подразделения и должностные лица воинских частей; командиры и начальники, штабы, службы, специалисты-психологи и специалисты по профессиональному психологическому отбору;

— военные образовательные учреждения и научно-исследовательские организации (их структурные подразделения), осуществляющие подготовку (переподготовку, повышение квалификации) специалистов и проведение исследований в интересах психологической работы;

— центры (отделы, группы) психологической работы ВС.

В ВС РФ создана целостная психологическая служба, включающая состоящие в отношениях функциональной связи и подчинения группы психологической работы соединений, объединений, родов войск, центры

психологической работы военных округов (флотов), психологические службы видов ВС, управление психологической работы Главного управления по работе с личным составом МО РФ.

Под ***средствами психологической работы*** ВС понимаются помещения, сооружения, учебное вооружение и техника, оборудование, тренажеры, утвержденные к применению аппаратные средства, диагностические, коррекционно-развивающие материалы и инструментарий, имитаторы ситуаций различного класса сложности, схемы и наглядные пособия, научная и учебно-методическая литература.

Психологическая служба ВС РФ — достаточно сложная и многочисленная организационная структура. Вместе с тем основной объем непосредственной психологической работы осуществляется в воинских частях и подразделениях. Именно здесь находят индивидуализированное выражение и решаются психологические проблемы конкретных военнослужащих. На этом уровне в большей степени востребованы и практические навыки, умения, способности психологов к профессиональному взаимодействию с другими субъектами.

15.3. Компетентностный профиль специалиста психологической работы Вооруженных Сил Российской Федерации

В *Квалификационных требованиях к специалисту психологической работы ВС РФ* определены объекты, виды профессиональной деятельности, компетентностный профиль и основные знания, навыки и умения, которыми должен обладать военный психолог.

Объектами профессиональной деятельности военного психолога являются:

— объединения, соединения, воинские части, военные организации и учреждения, органы военного управления; события и действия, имеющие военное, организаторское и морально-психологическое значение;

— организационные отношения, возникающие в сфере функционирования государственных органов, общественных институтов и органов военного управления по вопросам морально-психологического обеспечения войск (сил);

— офицеры, военнослужащие, проходящие военную службу на должностях сержантов (старшин) и солдат (матросов) по контракту и по призыву, семьи военнослужащих, гражданский персонал.

Виды военно-профессиональной деятельности специалиста психологической работы: военно-управленческая; информационно-аналитическая; психопрофилактическая; психореабилитационная; воспитательная (работа с личным составом); научно-исследовательская.

Компетентностный профиль специалиста психологической работы ВС РФ составляют общепрофессиональные и профессиональные компетенции.

К *общепрофессиональным компетенциям* относятся способности:

— самостоятельно приобретать и использовать новые знания и умения в сфере военно-профессиональной деятельности;

— проводить самостоятельные научные исследования в рамках профессиональной деятельности;

— использовать научные методы и современные достижения науки для обоснования решений, принимаемых в профессиональной деятельности.

Основными *профессиональными компетенциями* являются способности:

— принимать решения, осуществлять планирование, организацию, руководство и контроль при организации психологической работы в соединении (воинской части), оценивать ее эффективность;

— прогнозировать и оценивать психологические условия выполнения боевых и учебно-боевых задач, вырабатывать предложения по психологическому обеспечению различных видов воинской деятельности;

— участвовать в профессиональном психологическом отборе, распределении военнослужащих по должностям и воинским подразделениям, оказывать помощь в их психологической адаптации к условиям военной службы;

— осуществлять психологическую подготовку военнослужащих;

— организовывать и осуществлять изучение индивидуально-психологических качеств военнослужащих, социально-психологических явлений в воинских коллективах, морально-психологического состояния военнослужащих, членов их семей, гражданского персонала;

— осуществлять психологическое сопровождение адаптации военнослужащих к условиям военной службы;

— организовывать психологическое обеспечение боевого дежурства, караульной и внутренней службы, выполнение боевых и учебно-боевых задач;

— своевременно выявлять лиц, склонных к суицидальным поступкам, другим формам девиантного поведения, осуществлять их профилактику и коррекцию;

— эффективно взаимодействовать с медицинской службой в интересах сохранения психического здоровья военнослужащих, членов их семей и гражданского персонала соединений (воинских частей), выявления военнослужащих с признаками нервно-психической неустойчивости и оказания им квалифицированной психологической помощи;

— организовывать и лично осуществлять психологическую реабилитацию участников боевых действий и других экстремальных событий, психологическое консультирование военнослужащих, членов их семей и гражданского персонала объединения, соединения и воинской части;

— осуществлять психологическое просвещение офицерского состава соединения (воинской части) по вопросам психодиагностической, прогностической и коррекционной работы с военнослужащими;

— осуществлять укрепление воинской дисциплины формами и средствами психолого-педагогической работы;

— оценивать реальную потребность в групповой психологической коррекции, планировать, организовывать, проводить, оценивать эффективность различных видов социально-психологического тренинга (коммуникативного тренинга, тренинга лидерских качеств, тренинга сплоченности воинского коллектива, психореабилитационного тренинга).

15.4. Задачи и особенности профессиональной деятельности специалистов психологической работы

Термин «специалист психологической работы» объединяет должностных лиц психологической службы, выполняющих различные функции. Их деятельность имеет существенные отличия от деятельности других офицеров, а также психологов, работающих в гражданской сфере. Данная специфика выражена в решаемых ими задачах, применяемых методах и средствах, а также в условиях их деятельности.

В наиболее обобщенном виде ***задачи специалистов психологической службы*** включают:

— изучение индивидуально-психологических особенностей военнослужащих, социально-психологических процессов и явлений в воинских коллективах и прогнозирование их развития;

— психологическая экспертиза профессиональной пригодности военнослужащих и поступающего пополнения в целях их рационального размещения по военным специальностям, должностям и подразделениям;

— психологический анализ боевой подготовки, учебно-воспитательного процесса, выработка предложений и осуществление мер по повышению их эффективности;

— психологическое обеспечение боевой и мобилизационной готовности, выполнения боевых и учебно-боевых задач, несения боевого дежурства (боевой службы), караульной и внутренней служб;

— психологическая профилактика девиантного поведения военнослужащих, содействие формированию здорового морально-психологического климата в воинских коллективах;

— оказание психологической помощи военнослужащим, членам их семей и гражданскому персоналу, повышение психологической компетентности военных руководителей и военнослужащих;

— участие в работе по противодействию негативному информационно-психологическому воздействию на военнослужащих.

Как следует из данного перечня, имеет место чрезвычайное функциональное разнообразие и сложность задач, предполагающих наличие у специалиста широкого научного кругозора, ориентации во многих отраслях психологии, применения методов и средств как исследовательско-диагностического, так и управляющего характера.

Анализ и учет нормативных документов, войсковой практики организации и проведения психологической работы позволяют выделить и другие ***особенности профессиональной деятельности психолога***, к которым относятся[1]:

— опора на положения современной психологической науки и практики, представляющие теоретическую и эмпирическую основу, необходимую для решения практических проблем;

— обязательность неукоснительного соблюдения психологом этических норм, выраженная ориентация на другого человека как самоценность, пред-

---

[1] См.: *Караяни А. Г., Сыромятников И. В.* Прикладная военная психология.

полагающая адекватное восприятие и оценку психологом своих возможностей и меры воздействия на другого человека;

— жесткая регламентация деятельности психолога различными нормативными актами, сочетаемая с необходимостью постоянного личностного и профессионального самоопределения в виду чрезвычайной сложности самого предмета деятельности психолога — психики человека;

— одновременный учет и ориентация как на интересы и личностные ценности военнослужащего, необходимость сохранения его психического здоровья, так и на необходимость качественного решения задач воинской деятельности, зачастую экстремальных по своему характеру воздействия на психику и личность военнослужащего;

— ограниченность возможностей у психолога для профессионального общения и самосовершенствования, обусловленная значительной удаленностью, обособленностью мест расположения воинских частей;

— необходимость выполнения (помимо осуществления непосредственно профессиональной деятельности) и других служебных обязанностей, порой противоречащих стилю и духу профессионального взаимодействия психолога с клиентом;

— коллективный характер психологической работы, необходимость тесного взаимодействия в интересах дела ее субъектов, что предполагает обмен между ними психологической информацией, полученной в «режиме» откровенного диалога с военнослужащими, трудности использования этой информации в практической деятельности с учетом соблюдения требования ее конфиденциальности;

— зависимость окончательного результата от согласованности совместных действий психолога и других субъектов психологической работы — командиров, штабов, специалистов структур по работе с личным составом.

Необходимо также отметить, что военный психолог, в отличие от его гражданских коллег, всегда на виду у военнослужащих, которые потенциально могут обратиться к нему за решением самых разных проблем. Поэтому психолог своим поведением и деятельностью должен служить примером отношения к служебным обязанностям, соблюдения этических норм.

15.5. Основные виды профессиональной деятельности специалиста психологической работы

Выполняя свои функциональные обязанности, психолог использует разнообразные методы, техники и технологии, объединенные по решаемым задачам и характеру их применения в отдельные виды деятельности. К числу основных видов деятельности военного психолога относятся следующие[1].

1. **Организационно-методическая работа** включает решение задач планирования и подготовки различных мероприятий, обработки получаемой в ходе исследований информации, подготовки и совершенствования материально-технической базы, подготовки документов (справки, обзоры,

[1] См.: *Караяни А. Г., Сыромятников И. В.* Прикладная военная психология.

донесения и т.п.) для представления их должностным лицам, инструктирования и обучения других субъектов психологической работы практике использования психологических знаний, а также непосредственным действиям при проведении мероприятий психологической работы.

2. **Совершенствование профессиональной компетентности** предполагает как самостоятельное, так и специально организованное в различных формах изучение новейших сведений из различных сфер психологической науки и практики, пополнение и освоение необходимых для выполнения профессиональных обязанностей и дальнейшего профессионального роста знаний, навыков и умений.

3. **Психодиагностическая деятельность** представляет собой комплекс проводимых психологом мероприятий по выявлению, измерению и оценке индивидуально-психологических особенностей личности военнослужащего, социально-психологических характеристик деятельности, воинских коллективов в соответствии с установленными нормами и критериями, а также факторов, снижающих эффективность воинской деятельности.

Психодиагностика является основным инструментом психологического изучения военнослужащих. Она осуществляется в целях повышения эффективности учебно-боевой и служебной деятельности, рационального комплектования воинских подразделений, формирования кадрового резерва, оптимизации процесса адаптации военнослужащих к условиям военной службы, профилактики нервно-психических срывов и суицидального поведения. Полученные в диагностике результаты позволяют осуществить прогноз дальнейшего развития объекта обследования; определить эффективные способы работы с ним; разработать конкретные рекомендации для обследуемого, а также для должностных лиц по дальнейшей оптимизации существующих условий жизни и деятельности военнослужащих. Результаты психологического изучения определяют специфику последующей работы психолога с военнослужащими, а также содержание управленческих решений должностных лиц.

В целях психодиагностики психологом используются такие *методы*, как тестирование, опрос, наблюдение, беседа, анализ результатов деятельности. Принято выделять индивидуальную и групповую психодиагностику.

Потребность в психодиагностике возникает в связи:

— с *мероприятиями профессионального психологического отбора и расстановкой военнослужащих* по воинским специальностям и должностям, когда необходимо оценить уровень профессиональной пригодности человека, поступающего на военную службу, выявить лиц с низким уровнем нервно-психической устойчивости, склонных к различным формам девиантного поведения;

— *добровольным обращением военнослужащего* (членов их семей) и гражданского персонала к психологу, когда необходимо выявить причины психологических проблем (затруднений) военнослужащего в профессиональной деятельности и личной жизни и определить пути их преодоления;

— *аттестацией должностных лиц и специалистов*, когда выявляются и оцениваются их психологические качества на предмет соответствия определенной должности или возможности обучения в военном вузе;

— *обследованием*, проводимым по решению командования для получения необходимой информации (например, обследование поступающего молодого пополнения, либо выявление психологических факторов и причин, способствующих совершению проступков, происшествий, аварий и т.п.);

— *необходимостью изучения существующих форм, средств и методов боевой и психологической подготовки* военнослужащих в целях их оптимизации в интересах повышения эффективности воинской деятельности и сохранения психического здоровья личного состава;

— потребностью в получении *заблаговременной объективной информации* относительно уровня психологической готовности и психофизической надежности военнослужащих, заступающих на боевое дежурство (в караул), допущенных к выполнению задач, требующих особой ответственности и длительного автономного функционирования[1].

Полученные данные могут использоваться: а) психологом воинской части для осуществления дальнейшей коррекционной или развивающей работы; б) другими специалистами, например, медицинскими, социальными работниками, психологами; в) должностными лицами для формирования управленческого решения, учета информации в работе с личным составом, при обучении военнослужащих; г) другими людьми (родственниками, представителями воинского коллектива) для воздействия на жизнь обследуемого; д) самим обследуемым в целях саморазвития или коррекции собственного поведения.

Изучение индивидуальных и групповых психологических особенностей военнослужащих позволяет выявить лиц с теми или иными психологическими трудностями, следовательно, нуждающихся в оказании им психологической помощи.

4. **Психологическая помощь** — система мероприятий, направленных на предупреждение, смягчение или преодоление различного рода психологических затруднений у военнослужащих, членов их семей, гражданского персонала при решении психологических проблем, возникающих у отдельного человека или группы людей. Психологическая помощь является наиболее сложным видом деятельности, так как в наименьшей степени регламентирована, включает все вышеперечисленные виды деятельности и требует от психолога интенсивной эмоциональной и интеллектуальной «включенности» в процесс взаимодействия с клиентом.

Психологическая помощь нацеливается на решение следующих ***задач***:

— разрешение кризисных психологических состояний военнослужащих, членов их семей и гражданского персонала воинских частей и соединений, профилактика конфликтных ситуаций в воинских и трудовых коллективах;

— поддержание и восстановление у военнослужащих необходимого уровня психологической готовности к выполнению задач в любых условиях обстановки;

---

[1] См.: *Караяни А. Г., Сыромятников И. В.* Прикладная военная психология; *Их же.* Введение в профессию военного психолога.

— психологическая поддержка военнослужащих в период их адаптации к условиям военной службы;

— психологическая реабилитация военнослужащих, перенесших психические травмы в процессе служебной и боевой деятельности;

— повышение психологической компетентности военных руководителей и военнослужащих;

— создание психологических условий, способствующих благоприятному психологическому самочувствию военнослужащих, сохранению их психического здоровья. Под *психическим здоровьем личного состава* ВС понимается состояние личного состава, характеризующееся душевным благополучием, устойчивостью к влиянию психотравмирующих факторов.

Объектом психологической помощи являются военнослужащие, испытывающие проблемы и трудности личностного роста, преодоления трудных ситуаций и расстройства психического здоровья. Воинская деятельность сопровождается значительными психическими и физическими нагрузками. Жестко регламентированный режим жизнедеятельности, «витринность» проживания, повышенная ответственность, непривычные природно-географические условия — все это предъявляет повышенные требования к состоянию психического и физического здоровья людей. Боевая обстановка создает еще более экстремальные условия для жизни воинов. Опасность, новизна, неожиданность, внезапность, неопределенность, нехватка, избыток или сшибка информации, высокая ответственность, напряженность, отрыв от родных и близких — эти и другие факторы повышают сложность и экстремальность военной службы, предъявляют повышенные требования к обеспечению адаптации военнослужащих к ним.

Процесс адаптации воина к условиям службы связан с повышенной нервной нагрузкой, связанной с отказом от большинства привычек и склонностей, сложившихся в течение многих лет, подчинения своего поведения новым требованиям. Адаптация протекает сложнее и чаще сопровождается различными нервно-психическими расстройствами у лиц, имеющих отклонения в домашнем воспитании, низкую нервно-психическую устойчивость, имеющих какие-либо дефекты строения тела или внешнего вида. Последние могут становиться объектами насмешек со стороны сослуживцев.

Негативное влияние на процесс адаптации воинов может оказывать отсутствие внимания и дефицит уважительного отношения со стороны командиров.

Основными видами психологической помощи являются психопрофилактика и психогигиена, психологическое консультирование, психологическое обучение и просвещение, психотерапия, психокоррекция и психореабилитация[1].

Психопрофилактика и психогигиена — это система психолого-педагогических и организационных мероприятий, способствующих *предупреждению* разнообразных психологических проблем, созданию нормальных условий для их жизнедеятельности и направленных на сохранение психического здоровья военнослужащих.

---

[1] См.: *Караяни А. Г., Сыромятников И. В.* Прикладная военная психология; *Их же.* Введение в профессию военного психолога.

Психопрофилактические мероприятия по сохранению психического здоровья военнослужащих проводятся психологом в тесной взаимосвязи с другими должностными лицами воинской части и специалистами (медицинскими, социальными работниками, юристом и др.). Психопрофилактика и психогигиена предполагают:

— превентивное выявление таких индивидуальных особенностей военнослужащего, которые могут привести к определенным сложностям, отклонениям в его психическом развитии, в его поведении, отношениях, деятельности;

— раннее выявление и учет возможных осложнений и психических расстройств, связанных с возрастными и социализационными кризисами;

— мониторинг, оценку и контроль соблюдения условий жизнедеятельности, необходимых для нормального психического развития людей (психогигиеническая оценка комфортности среды, анализ режимов деятельности и отдыха, выявление ситуаций и условий воинской деятельности, вызывающих чрезмерное психофизиологическое напряжение, психологические перегрузки и негативные переживания) и т.д.

Психологическое консультирование представляет собой вид психологической помощи, создающий условия для понимания человеком его психологических трудностей, снятия неактуального психического напряжения, повышения его социально-психологической компетентности, решения личностных проблем, профилактики и преодоления кризисных ситуаций, коррекции неадаптивных схем поведения.

К числу *основных задач психологического консультирования* относятся:

— оценка уровня психического здоровья военнослужащего и определение показаний к другим видам психологической помощи;

— оказание эмоциональной поддержки и профессиональной помощи в решении заявленной проблемы;

— информирование военнослужащего о его психологических особенностях с целью наиболее полного использования своих психологических особенностей и возможностей;

— изменение отношения к проблеме, мобилизация скрытых психологических ресурсов клиента, обеспечивающих самостоятельное решение проблемы;

— повышение общей психологической грамотности военнослужащих;

— коррекция нарушений адаптации и личностных дисгармоний;

— выявление основных направлений дальнейшего развития личности;

— повышение стрессоустойчивости личности.

Психологическое консультирование проводится в форме специально организованной беседы психолога с военнослужащим (индивидуальное консультирование) или группой военнослужащих (групповое консультирование), а также путем организации почты или телефонов доверия в рамках воинской части.

Удельный вес консультирования в общем бюджете затрачиваемого служебного времени составляет у различных психологов (по стажу деятельности и уровню квалификации) от 10% до 25%. Наиболее «популярными» темами обращения военнослужащих за консультацией к психологу явля-

ются проблемы семейных взаимоотношений, взаимоотношений между различными должностными лицами, сбои в адаптации к условиям воинской службы. Обращение военнослужащих к психологу чаще всего вызывают тревога, уныние, потрясение, сомнение, неуверенность, поиск участия и т.п.

Примерно 30% случаев, связанных с оказанием психологической помощи военнослужащим, инициированы третьими лицами (в основном командованием части, подразделений и самим психологом). Это обусловлено особым характером воинского труда и условий службы, связанных с повышенными требованиями и ответственностью за жизнь и безопасность военнослужащих.

Психологическое просвещение и обучение — это комплекс мероприятий по формированию представлений о закономерностях функционирования человеческой психики, механизмах возникновения негативных психических состояний, развитию навыков психолого-педагогической и управленческой деятельности, а также навыков психической саморегуляции и эффективной коммуникации.

Задачами психологического просвещения являются:

— ознакомление военнослужащих с основными закономерностями и условиями благоприятного психического развития человека;

— популяризация и разъяснение результатов новейших психологических исследований;

— формирование потребности в психологических знаниях, желания использовать их в работе с людьми или в интересах развития собственной личности;

— достижение понимания необходимости практической психологии и работы психолога, специфики его деятельности, возможностей и ограничений в его работе и др.

Психологическое просвещение и обучение реализуются в системе общественно-государственной, командирской и боевой подготовки, а также в процессе повседневной жизнедеятельности: в ходе бесед, лекций, проведения демонстрационных психологических практикумов, тренингов, группового психологического консультирования лиц, обратившихся по поводу тех или иных проблем. Формами психологического просвещения могут быть также выставки, подборка литературы, показ учебных и художественных кино- и видеофильмов, оформление сменных тематических стендов по актуальным проблемам социальной, возрастной и педагогической психологии.

Психокоррекция — система мероприятий, направленных на исправление недостатков психики или поведения человека с помощью специальных средств психологического воздействия. Психокоррекции подвергаются недостатки, не имеющие органической основы и не представляющие собой такие устойчивые качества, которые формируются довольно рано и в дальнейшем практически не изменяются. Основанием для психокоррекции является выявление негативных отклонений от *нормы* в развитии и функционировании психики конкретного человека.

Психотерапия (от греч. ψυχή — душа, θεραπεία — лечение) представляет собой деятельность, направленную на обеспечение личностного роста воен-

нослужащих, воссоздание гармоничных отношений с окружающей средой, ослабление действия психотравмирующих факторов, формирование и развитие качеств, необходимых для их профессиональной деятельности, а также оптимизацию социально-психологического климата в воинском коллективе.

Специалисты выделяют в психотерапии *медицинское направление*, охватывающее лечение психологическими средствами нервно-психических, психосоматических болезней и расстройств человека, и *немедицинское*, ориентированное на здорового человека и занимающееся преодолением его психологических трудностей, оказанием помощи в его личностном развитии.

Отличие психокоррекции от воздействий, направленных на психологическое развитие человека, заключается в том, что психокоррекция имеет дело с уже сформированными качествами личности или видами поведения и направлена на их переделку, в то время как основная задача развития состоит в том, чтобы при отсутствии или недостаточном развитии сформировать у человека нужные психологические качества. Различие между психотерапией и психокоррекцией заключается и в том, что психотерапия имеет дело с различного рода нарушениями у людей, страдающих соматическими или психическими заболеваниями (расстройствами).

Психологическая реабилитация, используя преимущественно методы психотерапии, характеризуется как деятельность, направленная на восстановление психических функций и личностного статуса человека, нарушенных вследствие действия психотравмирующих факторов.

Перечисленные виды деятельности военного психолога образуют ***целостную систему***, обеспечивающую решение задач оптимизации условий жизнедеятельности военнослужащих, эффективное выполнение ими военно-профессиональных обязанностей и сохранение их психического здоровья. При этом каждый из выделенных видов деятельности (если за критерий их сравнения брать *отношение к норме*, рассматриваемой как оптимальное состояние объекта) выполняет свою специфическую функцию[1]:

— психодиагностика — как деятельность по определению актуального состояния объекта изучения с точки зрения нормы и прогнозирование его будущего состояния;

— психологическое консультирование и просвещение — как деятельность, направленная на осознание военнослужащими (членами их семей) феноменологических проявлений нормы в жизнедеятельности людей и собственном поведении;

— психотерапия, психокоррекция и психореабилитация — как психологическое воздействие на объект, находящийся в состоянии отклонения от нормы, в целях возвращения его в нормальное состояние;

— психопрофилактика и психогигиена — как воздействие на объект, находящийся в нормальном состоянии, с целью предупредить возможные последующие отклонения.

---

[1] См.: *Караяни А. Г., Сыромятников И. В.* Прикладная военная психология; *Их же.* Введение в профессию военного психолога.

Итак, в ВС РФ создана и функционирует целостная психологическая служба, включающая иерархически выстроенную систему сил и средств, всестороннее научно-методическое и материально-техническое обеспечение. Функциональное поле деятельности специалистов психологической работы перекрывает все потребности военнослужащих в различных видах психологической практики.

Рекомендуемая литература

Караяни, А. Г. Введение в профессию военного психолога / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — М. : Академия, 2007.

Караяни, А. Г. Прикладная военная психология / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — СПб. : Питер, 2006.

Психология и педагогика профессиональной деятельности офицера / Б. П. Бархаев [и др.]. — М. : Воениздат, 2006.

Сыромятников, И. В. Организация психологической работы в воинской части в мирное время / И. В. Сыромятников. — М., 2000.

Сыромятников, И. В. Становление профессиональной деятельности психолога воинской части сухопутных войск / И. В. Сыромятников. — М., 1997.

ГЛАВА 16
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОТБОР ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

«Выполнить боевую задачу и сохранить свою жизнь на поле боя» — девиз эффективного бойца. Эта индивидуальная эффективность воина зависит от множества разнокачественных факторов: от его способности видеть и слышать бой, быстро обнаруживать опасные тенденции в калейдоскопическом хаосе боевых событий, рассредоточивать свое внимание, охватывая широкое поле обзора и, напротив, сосредоточивая и удерживая его на критически важных объектах, устанавливать логические связи между явлениями, сохранять устойчивость в обстановке действия боевых стресс-факторов, проявлять целеустремленность, решительность, выдержку, настойчивость при преодолении сложных боевых, природно-географических, погодно-климатических, социальных обстоятельств и т.д.

Для того чтобы стать настоящим бойцом, надо родиться бойцом, воспитываться бойцом, жить бойцом, состояться бойцом. Не менее важно целесообразно, с максимальной эффективностью распорядиться тем психологическим ресурсом, который получен с рождения и по крупицам собирался, впитывался с опытом преодоления различных жизненных обстоятельств. Будет ли этот ресурс живой, питательной энергией и силой военнослужащего или станет «мертвым грузом», непригодным для самых главных мгновений его профессиональной судьбы — мгновений боя, во многом зависит от качества профессионального психологического отбора и последующего профессионально-психологического сопровождения военнослужащего — важнейшего компонента психологического обеспечения боевых действий.

16.1. Профессионально важные качества и профессиональная пригодность к военной службе как объект профессионального психологического отбора

В соответствии с системным видением субъекта боевой деятельности в качестве такового мы рассматриваем не отдельного воина, воинский коллектив и деятельность, а систему «военнослужащий — среда — деятельность». В связи с этим становится очевидно, что эффективность воинской, прежде всего боевой, деятельности может быть достигнута лишь тогда, когда будет в максимальной степени обеспечено взаимное соответствие требований деятельности, психологических и личностных качеств военнослужащих и социально-психологических параметров воинского коллек-

тива. Другими словами, военнослужащий должен обладать достаточным психологическим ресурсом для осуществления конкретной воинской деятельности.

В интересах обеспечения такого соответствия в ВС РФ создана целостная система профессионального психологического отбора, включающая силы, средства, систему научно-методического обеспечения профессионального психологического отбора и подразделения подготовки специалистов профессионального психологического отбора. Общая логика профессионального психологического отбора отражена на рис. 16.1.

Анализ военных угроз, научная оценка тенденций в военном искусстве, прогнозирование характера войн и локальных военных конфликтов, определение «профессионального» облика будущих ВС РФ
↓
Изучение требований воинских специальностей и отдельных видов воинской деятельности к психологическим качествам военнослужащих — потенциальным субъектам этой деятельности и составление психологической классификации воинских должностей
↓
Разработка профессиограмм и психограмм (психологических паспортов) специальностей, компетентностных профилей специалистов (военная профессиография)
↓
Изучение тенденций на рынке труда, демографической ситуации в стране. Информирование граждан о вакантных военных специальностях и требованиях к индивидуально-психологическим и личностным качествам их потенциальных субъектов (профессионально-психологическая ориентация граждан)
↓
Изучение уровня соответствия (пригодности) индивидуально-психологических и личностных качеств кандидатов требованиям какой-либо из военных специальностей (подбор) или конкретной военной специальности, деятельности (отбор) (профессиональный психологический отбор)
↓
Распределение военнослужащих по воинским специальностям, видам деятельности, подразделениям, должностям
↓
Профессионально-психологическое сопровождение воинской деятельности военнослужащих

Рис. 16.1. **Система военного профессионального психологического отбора**

Главной миссией представленной системы военного профессионального психологического отбора является обеспечение максимального взаимного соответствия военной специальности и военного специалиста.

Видный российский психолог Е. А. Климов сформулировал «золотое правило» психологии труда и, одновременно, центральную проблему человековедческих областей знания, обслуживающих решение этой задачи,

состоящие в установлении наилучшего взаимного соответствия (взаимосообразности) человека как субъекта труда, с одной стороны, и объективных требований социально фиксированного трудового поста — с другой[1].

В отечественной военной профессиологии сложилось ясное представление о том, что проблема соответствия личности и профессии может быть адекватно решена только в том случае, если учитывается весь комплекс требований: требования личности к деятельности и, наоборот, требования профессиональной деятельности к личности. Реализация данного подхода на практике — важное условие и предпосылка совершенствования всей системы профессиональной подготовки высококвалифицированных военных специалистов[2].

В научной и практикоориентированной литературе, документах по вопросам профессионального психологического отбора используется несколько терминов для описания различных сторон взаимного соответствия личности и деятельности: «профессиональная пригодность», «профессиональная подготовленность», «профессиональная готовность» (рис. 16.2).

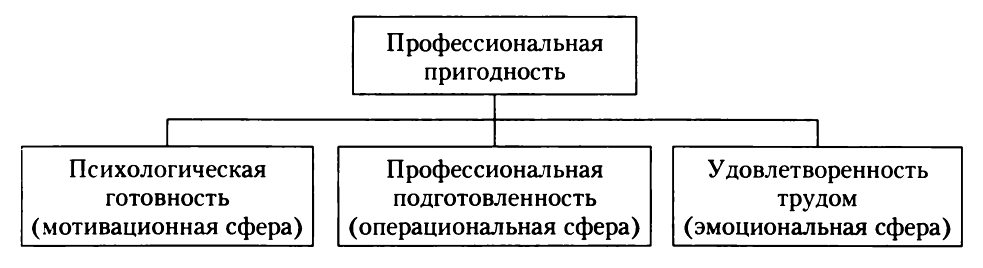

Рис. 16.2. **Структура профессиональной пригодности**

В отечественной психологической литературе под *психологической готовностью* к труду обычно понимается установка на труд, состояние мобилизации всех психологических и психофизиологических систем человека, обеспечивающих эффективное (и при необходимости экстренное) выполнение определенных действий (мотивационная сфера профессиональной деятельности). *Профессиональная подготовленность* традиционно рассматривается как совокупность специальных знаний, умений, навыков, обусловливающих способность человека выполнять определенную профессиональную деятельность с тем или иным качеством (операциональная сфера профессиональной деятельности). *Удовлетворенность трудом* — эмоционально-оценочное отношение личности к выполняемой работе и условиям ее протекания (эмоциональная сфера деятельности). Совокупность перечисленных качеств и состояний военнослужащего характеризуют его *профессиональную пригодность*.

Чаще всего под «профессиональной пригодностью» подразумевают «степень соответствия свойств конкретного человека требованиям профес-

---

[1] *Климов Е. А.* Введение в психологию труда : учебник для вузов. М., 1998. С. 91.

[2] См.: Военная профессиология : учебник / под общ. ред. А. Г. Караяни, Ю. Г. Сулимова. М., 2004.

сии, конкретного трудового поста». При этом подчеркивается, что высокая степень пригодности проявляется в высокой производительности и качестве выполняемых работником трудовых функций (или высокой эффективности труда). Успешность выполнения круга порученных обязанностей, пригодность работника могут зависеть от ряда его качеств (наличие способности к профессиональному развитию, хорошей обучаемости в данной профессиональной области, коммуникативности, лояльности работника к организации, дисциплинированности, честности, устойчивости неблагоприятным факторам и т.д.), а также предполагают позитивное отношение работника к профессии, к выполняемым обязанностям, профессиональной среде[1].

Из приведенного определения видно, что в понятие профессиональной пригодности, наряду с соответствием свойств конкретного человека требованиям конкретной профессии, включаются отношение человека к профессии, удовлетворенность человека процессом труда и оценкой его результатов. Следовательно, профессиональная пригодность оценивается как по *объективному* критерию — степени успешности овладения профессией, так и по *субъективному* — степени удовлетворенности трудом, отношению к своей профессиональной деятельности. Она захватывает операциональную, мотивационную и эмоциональную сферы труда. Таким образом, ***профессионально пригодным*** можно считать военнослужащего, успешно овладевающего и реализующего возложенные на него обязанности, связанные с профессиональной деятельностью, положительно оценивающего свою профессию (специальность, деятельность) и удовлетворенного процессом и результатами этой деятельности.

Вопрос о профессиональной пригодности, по мнению известного советского психолога Н. Д. Левитова, становится актуальным: 1) при подборе и отборе кадров (определении пригодности кандидата к данной работе); 2) при выборе профессии (определении, к какой профессии человек наиболее пригоден); 3) при обучении профессии (формировании пригодности человека к той или другой работе)[2].

Левитов выделяет ***факторы профпригодности***, т.е. некоторые особенности личности, необходимые для выполнения профессиональной деятельности:

1) способности или предрасположения к той или иной работе. Эти способности могут быть чисто физическими или психическими (память, реакция, внимание, общая одаренность и др.). Качества, определяемые этими способностями, называют профессионально важными (значимыми) качествами;

2) знания, умения и навыки, необходимые для выполнения данной работы, т.е. необходимая профессиональная подготовленность;

3) склонность и желание работать, т.е. определенный волевой настрой на работу. Большое значение здесь имеет также и мотивация, предопреде-

---

[1] Психология труда, инженерная психология и эргономика : учебник / под ред. Е. А. Климова, О. Г. Носковой, Г. Н. Солнцевой. М., 2015. С. 260.

[2] *Левитов Н. Д.* Психология труда. М., 1963. С. 167.

ляющая желание работать. При этом мотивы могут быть как внутреннего (интерес, чувство ответственности, стремление к мастерству), так и внешнего характера (заработная плата, конкуренция и др.)[1].

Для оценки субъектных компонентов профессиональной пригодности применяется специальная матрица «ГОДЕН» (табл. 16.1).

Таблица 16.1

Субъектные компоненты профессиональной пригодности[2]

Обозначение	Название	Примеры
Г	Гражданские качества	Просоциальная направленность личности, честность, ответственность и пр.
О	Отношение к профессии	Положительное эмоциональное отношение к профессии, профессиональные склонности, интересы
Д	Дееспособность	Здоровье (соматическое и психическое), общая трудоспособность, профессиональная работоспособность
Е	Единичные (профессиональные) и общие способности	Профессиональные способности: развитая психомоторика (гибкость, физическая сила, координация движений и т.д.); музыкальные способности; общительность; технический интеллект и т.д. Сюда относятся также свойства индивидные (пол, возраст и пр.)
Н	Навыки, умения, знания	Обладание требуемым уровнем общего образования, воспитания и профессиональной квалификации, умение выполнять профессиональные задачи на требуемом уровне; обучаемость в определенной области

Речь идет не о том, чтобы разделить людей на лучших и худших, а о том, чтобы создать условия для выбора военнослужащим того вида профессиональной деятельности, в которой его индивидуально-психологические и личностные качества могут реализоваться оптимально как для него самого, так и для воинского подразделения (части). При этом учитывается принцип «презумпции» пригодности специалиста: кандидат считается пригодным к деятельности до тех пор, пока не будет доказано иное.

Однажды оцененный уровень профессиональной пригодности не является мандатом, свидетельствующим о вечном соответствии человека и профессии или штампом о его постоянной непригодности к конкретной деятельности. Дело в том, что индивидуально-психологические и личностные качества человека, содержание профессиональной деятельности, критерии ее эффективности — феномены развивающиеся. Сегодня несоответствующие качества военнослужащего могут быть развиты или, напротив, утрачены. Требования со стороны воинской специальности к нему могут меняться. Оценочные шкалы, отражающие степень профессиональной пригодности человека, могут корректироваться. Профпригодность лич-

---

[1] Психология труда, инженерная психология и эргономика. С. 262.

[2] См.: Там же. С. 260.

ности и требования профессии могут оказывать влияние друг на друга. Сформировавшаяся профпригодность отражается на внешнем облике, психомоторике, стереотипах речи и мышления, установках и ценностных ориентациях личности.

В связи с этим считается, что делать окончательный вывод о профессиональной пригодности человека к деятельности до того, как он начал заниматься ею, весьма сложно или невозможно. В этом случае целесообразно говорить о прогнозировании профессиональной пригодности.

Таким образом, целесообразно рассматривать профессиональную пригодность не как простое соответствие некоторых свойств организма определенным требованиям профессии, а результат некоторого процесса, в ходе которого психологические качества человека, сталкиваясь с препятствиями, выдвигаемыми профессией, претерпевают ряд изменений, так или иначе формирующих профессиональный тип; если профпригодность рассматривать как категорию динамическую, то она оказывается близка к понятию профприспособляемость[1].

Однако возможности формирования профессиональной пригодности не всегда безграничны. Формирование профпригодности происходит по-разному у различных людей в зависимости от их возможностей компенсации, от пластичности способностей. В связи с этим мы вправе говорить о профпригодности только конкретного человека, в конкретное время, в конкретной специальности.

Так, Е. А. Климов выделяет ***четыре степени выраженности профессиональной пригодности***[2].

1. Непригодность к профессии — временная или практически непреодолимая, когда имеются отклонения в состоянии здоровья, несовместимые с точки зрения медицины с работой в данной области.

2. Годность к профессии (или группе профессий) — в этом случае говорят: нет противопоказаний, но нет и показаний.

3. Соответствие данной области деятельности — противопоказаний к профессии нет, присутствуют некоторые личностные качества и интересы, способности.

4. Призвание — налицо явные признаки соответствия человека всем основным требованиям профессии. В этом случае говорят: «В этой и именно в этой области деятельности ты будешь наиболее нужным людям».

Как показывает практика, не каждый человек может овладеть некоторыми профессиями, даже при обеспечении высокого уровня подготовки и мотивации. Профессиональная пригодность к таким профессиям может сформироваться лишь при наличии определенных природных данных, являющихся профессионально важными.

Специалисты в области психологии труда предлагают модель принятия кадровых решений по результатам оценочных процедур в ходе отбора

---

[1] См.: *Геллерштейн С. Г.* К вопросу о профессиональной типологии // История советской психологии труда / под ред. В. П. Зинченко, В. М. Мунипова, О. Г. Носковой. М., 1983. С. 124.

[2] См.: Военная профессиология : учебник. С. 170.

кадров, которая вполне подходит для процедур отбора кандидатов на контрактную службу в ВС РФ (табл. 16.2).

Таблица 16.2

Модель четырех грейдов — четырехступенчатая модель принятия кадровых решений по результатам оценочных процедур в ходе отбора кадров[1]

Оценочная категория	Словесная интерпретация	Управленческое решение
A	Безусловно пригоден	Допуск к работе (испытательному сроку) после минимального инструктажа
B	Условно пригоден	Допуск к испытательному сроку под наблюдением или производственному обучению
C	Условно не пригоден	Сохранение контакта на случай резкого повышения спроса в кадрах
D	Безусловно не пригоден	Удаление из базы данных (или сохранение исключительно в исследовательских целях)

Следует отметить, что при отборе военнослужащих на контрактную службу целесообразно в полной мере использовать солидные наработки в области психологии кадрового менеджмента[2].

В некоторых профессиях требования к профпригодности велики, так как имеют место некоторые абсолютные противопоказания к профессии. Например, профессия водителя всех видов транспорта абсолютно противопоказана людям с повышенной сонливостью в монотонной обстановке. Людям неуравновешенным, забывчивым противопоказаны профессии, требующие самообладания, такие как профессии учителя, пилота, хирурга, пожарного, спасателя и др. Абсолютные противопоказания чаще присутствуют в тех профессиях, где могут возникнуть неожиданные ситуации, требующие срочных решений, связанных с ответственностью за жизнь и безопасность людей, за большие материальные ценности. Для определения соответствия людей требованиям подобных групп профессий используется профессиональный отбор. Это в полной мере относится к профессиям и специальностям, связанным с воинской деятельностью. Большинство же видов профессионального труда может осуществляться при относительной профпригодности, т.е. при менее жестком перечне необходимых психических качеств и свойств[3].

В ВС РФ вопросы профессиональной пригодности находят практическое воплощение в процессе военно-профессиональной ориентации граждан, профессионального отбора граждан на военную службу по призыву и по контракту и профессионально-психологического сопровождения боевой подготовки.

---

[1] Психология труда, инженерная психология и эргономика. С. 277.

[2] См.: *Базаров Т. Ю.* Психология управления персоналом. М., 2014.

[3] Военная профессиология : учебник. С. 170.

16.2. Методы профессионального психологического отбора военнослужащих

Профессиональный психологический отбор в ВС является одним из видов профессионального отбора (социальный, медицинский или военно-врачебная экспертиза, профессиональный психологический, образовательный — по общей и профессиональной подготовленности, отбор по физической подготовленности) и представляет собой комплекс мероприятий, направленных на достижение качественного комплектования воинских должностей на основе обеспечения соответствия профессионально важных социально-психологических и психофизиологических качеств граждан, призываемых или добровольно поступающих на военную службу, и военнослужащих требованиям военно-профессиональной деятельности.

Видный российский ученый М. М. Решетников составил своеобразный «паспорт» профессионального психологического отбора[1], содержащий слебующие сведения:

— *цель* — рациональное распределение по способностям;

— *задачи* — определение способности и склонности к деятельности по конкретным специальностям;

— *методический подход* — психологический;

— *методологический базис* — теория способностей;

— *методы исследования* — тесты для исследования общих и специальных способностей;

— *содержание итогового заключения* — группа пригодности к обучению и (или) деятельности по конкретным группам сходных специальностей.

Руководством по профессиональному психологическому отбору в ВС РФ определены ***задачи профессионального психологического отбора***.

1. Военно-профессиональная ориентация граждан и военнослужащих на овладение воинскими специальностями, обучение в военно-образовательных организациях по соответствующим специальностям и поступление на военную службу по контракту.

2. Определение профессиональной пригодности граждан и военнослужащих к подготовке (обучению) по воинским специальностям, военной службе на воинских должностях, обучению в образовательных организациях МО РФ, поступлению на военную службу по контракту и выработка рекомендаций по их отбору для подготовки (обучения) по специальностям и распределения по воинским должностям.

3. Профессионально-психологическое сопровождение боевой подготовки в воинских частях и образовательного процесса в образовательных учреждениях.

Наиболее остро проблема отбора стоит для тех военных специальностей, где даже незначительная ошибка, связанная с психическими особенностями военнослужащего, может привести к серьезной аварии или

---

[1] См.: *Решетников М. И.* Психология войны: от локальной до ядерной: прогнозирование состояния, поведения и деятельности людей. СПб., 2011.

катастрофе. Примеры таких профессий: военный летчик, ракетчик, авиадиспетчер, капитан корабля, оператор, разведчик, командир и т.д.

Система профессионального психологического отбора включает в себя ряд этапов[1].

1. На первом этапе (см. рис. 16.1) проводится *анализ трудового процесса*, физиолого-гигиенических и психологических *особенностей трудовой деятельности*. Его цель — выявить требования, которые предъявляет деятельность *к профессионально важным качествам личности* и составить профессиограмму — детальное описание профессии.

На основании анализа деятельности, выявления типовых трудных ситуаций, определяются требования к кандидату на данную специальность, которые объединяются в следующие *группы*:

— медицинские требования: состояние здоровья, общие медицинские показания и противопоказания к данному виду деятельности;

— образовательные требования, т.е. требования к уровню общей и специальной подготовки, которую должен иметь кандидат к моменту прохождения отбора;

— общие характерологические требования — чувство долга, идейная убежденность, мировоззрение, мотивация к данному виду деятельности;

— психологические и психофизиологические требования, т.е. требования к памяти, вниманию, скорости реакции, эмоциональной устойчивости, свойствам центральной нервной системы и т.д.;

— требования к физической подготовленности: ловкость, быстрота, сила[2].

Сформулированные требования к кандидату на военную службу позволяют выделить признаки профессиональной пригодности (непригодности) или профессионально важные качества (ПВК) для данного вида деятельности.

В литературе приводятся профессионально важные качества оператора-радиотелеграфиста[3] (табл. 16.3).

Из табл. 16.3 следует, что ПВК закономерно вытекают из психологической характеристики профессиональной деятельности.

2. Второй этап профессионального отбора свзязан с отбором и разработкой методических средств и способов оценки профессионально важных качеств личности.

Мероприятия по профессиональному психологическому отбору проводятся с использованием методов:

— социально-психологического изучения;

— психологического и психофизиологического обследования.

---

[1] *Жильцов В. А.* Сущность и содержание мероприятий по профессиональному психологическому отбору // Военная профессиология : учебник. С. 173—184.

[2] В соответствии с рассмотренными группами требований различают: медицинский, образовательный, социальный и профессиональный психологический отбор, отбор по физической подготовленности.

[3] *Жильцов В. А.* Сущность и содержание мероприятий по профессиональному психологическому отбору. С. 174.

Таблица 16.3

Профессионально важные качества оператора-радиотелеграфиста

Психологическая особенность деятельности	Профессионально важное качество	Психофизиологический признак	
		профессиональной пригодности	профессиональной непригодности
Сложность техники	Техническая грамотность	Нормальное состояние двигательного аппарата; положительная мотивация к данной деятельности	Наличие заболеваний и травм; низкий уровень работоспособности; отсутствие положительной мотивации
Обработка информации нескольких типов	Объем, интенсивность, концентрация, переключение и устойчивость внимания; наглядно-действенное и абстрактно-логическое мышление — скорость и точность репродуктивных операций; длительное сохранение и скорость воспроизведения информации (долговременная память); скорость и точность запоминания, воспроизведения информации (оперативная память); объем, скорость и точность воспроизведения материала и сведений в условиях дефицита времени	Нормальная острота слуха; хорошая слуховая память; устойчивая концентрация и распределение внимания	Пониженный слух; плохая слуховая память
Дефицит времени, необходимость точных и быстрых действий	Восприятие длительности — оценка и «чувство времени»; простое и сложное сенсомоторное действие; скорость простой и скорость и точность сложной сенсомоторной реакции; эмоциональная устойчивость	Высокая пропускная способность анализаторов; нормальное состояние двигательного аппарата; положительная мотивация к данной деятельности	Низкий уровень работоспособности; отсутствие положительной мотивации

Для оценки уровня развития ПВК применяются все основные методы, известные в психологической практике: наблюдение, опрос (устный или письменный), анализ документов, тестирование.

Новые методические средства оценки ПВК, если в них возникает необходимость, разрабатываются на основе профессиограммы. При этом учитываются требования информативности (прогностическая способность) и надежности (стабильность результатов одного и того же испытуемого при повторных испытаниях) и показатели качества профессиональной деятельности, объединенные понятием «внешний критерий» (показатели качества, эффективности выполнения военнослужащим ключевых элементов трудового процесса).

3. Третий этап профессионального отбора состоит в проверке информативности и надежности отобранных или разработанных методик оценки ПВК, их стандартизация и адаптация с опорой на внешний критерий.

4. Четвертый этап профессионального отбора — собственно проведение профотбора с использованием выбранных и проверенных методик. Отбор может проводиться в индивидуальной (например, беседа с кандидатом в целях выяснения его общих характерологических качеств) или групповой (исследование с помощью бланковых тестов, письменное анкетирование) формах.

Сущность профессионального психологического отбора состоит в оценке индивидуальных психологических особенностей военнослужащих и призывников в целях установления степени их соответствия (профессиональной пригодности) требованиям конкретной специальности или группы сходных специальностей.

В настоящее время в российской армии осуществляется переход от практики отбора на отдельные специальности к ***системе рационального распределения призывников и военнослужащих по группам сходных специальностей***. Теперь пригодность кандидата прогнозируется не к одной, а к нескольким основным группам военных специальностей.

Различают *отбор по подготовленности* (по уровню развития личности на данный момент времени) и *отбор по способностям* (табл. 16.4).

Таблица 16.4

Сравнительная характеристика способов отбора по подготовленности и по способностям

Способ отбора	Преимущества	Недостатки
По подготовленности	Данный вид отбора более прост, экономичен и не требует больших временных затрат на его проведение по сравнению с отбором по способностям; позволяет получить готового специалиста, сэкономить время и деньги на его профессиональное обучение	Менее достоверен, так как на его основе можно предсказать лишь «ближнюю» зону успехов; целесообразен, когда не ставится задача определить перспективы всей жизни (например, для отбора военнослужащих по призыву)

Способ отбора	Преимущества	Недостатки
По способностям к данному виду деятельности	Данный вид отбора показан, если речь идет о выборе профессии на всю жизнь; отобрать людей с учетом перспективы развития у них требуемых качеств; выявить задатки, способности; позволяет видеть дальше, предсказывать на многие годы вперед	Более сложный способ, требующий временных затрат

Из табл. 16.4 следует, что способы отбора по подготовленности и по способностям к конкретному виду деятельности имеют свои преимущества и ограничения, поэтому при выборе конкретного способа необходимо учесть все действующие обстоятельства.

Опыт показывает, что успехи в овладении специальностью связаны с совокупностью, которая объединяет три группы качеств:

— социально-психологические, включающие убеждения, потребности, склонности, идеалы, патриотизм и другие качества, связанные с направленностью и характером человека;

— качества психологической надежности;

— особенности памяти и мышления, специальные способности.

Оценка профессиональной пригодности требует правильного суммарного учета перечисленных особенностей[1].

По результатам профессионального психологического отбора выносится одно из следующих ***заключений о профессиональной пригодности*** граждан и военнослужащих к подготовке (обучению) по военно-учетным специальностям и военной службе на конкретных воинских должностях (далее — профессиональная пригодность)[2]:

1) рекомендуется в первую очередь — первая категория. Относимые к этой категории граждане и военнослужащие по уровню развития профессионально важных качеств полностью соответствуют требованиям воинской должности (воинских должностей), что позволяет им в установленные сроки овладеть военно-учетной специальностью, иметь по результатам инспекторских, итоговых, контрольных проверок и выпускных экзаменов преимущественно отличные оценки, получить классную квалификацию;

2) рекомендуется — вторая категория. Относимые к этой категории граждане и военнослужащие по уровню развития профессионально важных качеств в основном соответствуют требованиям воинской должности (воинских должностей), что позволяет им в установленные сроки овладеть военно-учетной специальностью, иметь по результатам инспекторских, итоговых, контрольных проверок и выпускных экзаменов преимущественно хорошие оценки;

---

[1] *Жильцов В. А.* Сущность и содержание мероприятий по профессиональному психологическому отбору. С. 174.

[2] Приказ Министра обороны РФ от 26.01.2000 № 50 «Об утверждении Руководства по профессиональному психологическому отбору в Вооруженных Силах Российской Федерации».

3) рекомендуется условно — третья категория. Относимые к этой категории граждане и военнослужащие по уровню развития профессионально важных качеств минимально соответствуют требованиям воинской должности (воинских должностей), с трудом овладевают военно-учетной специальностью в установленные сроки, имеют по результатам инспекторских, итоговых, контрольных проверок и выпускных экзаменов преимущественно удовлетворительные оценки. Допускаются к обучению или профессиональной деятельности при недостатке кандидатов;

4) не рекомендуется — четвертая категория. Относимые к этой категории граждане и военнослужащие по уровню развития профессионально важных качеств не соответствуют требованиям воинской должности (воинских должностей). Они не могут быть направлены в учебные воинские части, в военные образовательные организации, приняты на военную службу по контракту, а назначаются на воинские должности, не требующие особых ПВК.

При вынесении заключения о профессиональной пригодности военнослужащих оценивается их ***нервно-психическая устойчивость*** по четырем уровням: высокая, хорошая, удовлетворительная, неудовлетворительная нервно-психическая устойчивость (нервно-психическая неустойчивость — НПН). Военнослужащие с НПН относятся только к четвертой категории профессиональной пригодности.

Результаты социально-психологического изучения, психологического и психофизиологического обследования, заключения о профессиональной пригодности военнослужащего и другие данные заносятся в Карту профессионального психологического отбора, которая хранится в личных делах военнослужащих с момента прохождения ими отбора в военном комиссариате до окончания военной службы.

По итогам оценки профессиональной пригодности военнослужащие относятся к одной из групп воинских специальностей: командного профиля, исполнительского, гуманитарного, операторского, инженерного, оперативно-штабного, обеспечивающего.

16.3. Пути оптимизации профессионального психологического отбора

Профессиональный психологический отбор считается наиболее быстрым и экономным средством, позволяющим обеспечить наиболее короткий путь к подготовке эффективных воинов. Чтобы он оправдал возлагаемые на него надежды, необходимо соблюдение ряда принципов.

1. *Принцип необходимости и обоснованности.* Потребность в профессиональном психологическом отборе возникает лишь тогда, когда:

— велика боевая, экономическая, социальная, моральная и психологическая «цена» ошибок, возникающих из-за профессиональной непригодности военнослужащего;

— значителен процент лиц, не справляющихся с должностными обязанностями после обучения;

— количество претендентов превышает число вакансий;

— стоимость профессионального обучения значительно превышает стоимость процедур отбора.

Профессиональный психологический отбор лишается смысла в случаях, когда:

— перечень ПВК по специальностям предельно широк;

— оцениваемые ПВК предельно просты и носят общий характер для всех специальностей;

— методики оценки ПВК доступны для потенциальных кандидатов;

— выводы по результатам отбора не учитываются в последующей профессиональной деятельности военнослужащих.

2. *Принцип достаточности.* Отбор нецелесообразен в случае отсутствия достаточного количества методических средств диагностики, специалистов-отборщиков, времени на проведение отбора.

3. *Принцип ограниченности.* Система отбора не может существовать в обстановке, когда диагностические методики, ключи к ним и интерпретации результатов находятся в неограниченном доступе. В 1990-е гг. профотборческие методики были «выброшены» в Интернет и открытую литературу. В такой ситуации, на самом деле, диагностируется либо уровень мотивации («достать методику и потренироваться»), либо память (способность запомнить последовательность правильных ответов).

Диагностические методики должны быть в доступе лишь для узкого круга специалистов и применяться преимущественно в компьютеризированной форме.

4. *Принцип активности и адаптивности методик.* Методики не могут быть статичными в своей структуре, иметь всегда одну и ту же последовательность вопросов, так как сотрудники системы профессионального психологического отбора могут «натаскивать» кандидатов на службу. Компьютеризированные диагностические программы должны быть активными, т.е. функционировать на основе случайного выбора вопросов и заданий одновременно из нескольких синхронизированных диагностических методик. Не секрет, что в используемых для профессионального отбора методиках, в частности в методиках «МЛО[1] Адаптивность», «Прогноз», «НПН» и ряде других, имеется немало повторяющихся вопросов. Эти вопросы можно задавать один раз, одновременно для всех используемых методик. Методики не могут быть многочисленными, дублирующими друг друга, неоправданно затратными по времени и предпринимаемым усилиям.

Одновременно методики должны быть адаптивными или «самонастраивающимися». После грубой оценки блоков всех качеств обследуемого, они должны «углубляться» лишь в те группы, которые представляют интерес для конкретных специальностей, должностей, ситуаций. И эти главные ПВК должны прорабатываться со всей тщательностью.

5. *Принцип ситуативности.* Методики не могут подразумевать возможность распространения выявленных характеристик военнослужащего на различные (или все возможные) ситуации профессиональной деятель-

[1] МЛО — Многоуровневый личностный опросник.

ности. Человеческая личность тотально ситуативна. По существу, каждая жизненно важная ситуация актуализирует конкретные психологические качества человека. Человек может коренным образом меняться в зависимости: 1) от социальной роли, которую исполняет; 2) места, в котором действует; 3) социума, который его окружает; 4) состояния, в котором он находится, и т.д.

Эксперимент

Это блестяще доказали в своих классических экспериментах Ф. Зимбардо, С. Милграм и другие психологи. Вспомним стэндфордский «тюремный» эксперимент. Из сотен желающих принять участие в эксперименте психологи — специалисты высокого класса с помощью хитроумных методик отобрали 24 человека, отличающихся отсутствием агрессивных установок, не имеющих опыта асоциального поведения и судимых родственников. В общем, это были достаточно добрые, законопослушные граждане США. Затем методом случайного выбора их разделили на две группы, и, наконец, вновь методом случайного выбора назвали одну группу «заключенные», а другую — «надзиратели». «Заключенных» демонстративно арестовали и посадили в смоделированную в подвале стэндфордского университета тюрьму, напичканную видеокамерами. Участникам эксперимента предложили выполнять свои обязанности. Эксперимент был рассчитан на две недели. Однако его вынуждены были прервать через неделю, так как экспериментируемые зашли слишком далеко в выполнении своих ролей. Издевательства над «заключенными» были столь изощренными и агрессивными, а их поведение столь безропотным, что это стало просто опасным.

Получается, что проведенная предварительная диагностика экспериментальной группы не выполнила своих функций? Или все же люди способны быстро меняться в зависимости от исполняемых ими ролей? Скорее всего, последнее. Это было еще более отчетливо показано Милграмом в его классическом эксперименте по обучению с помощью ударов электрическим током.

Профессионально-психологические испытания должны быть нацелены на выявление качеств человека, которые он преимущественно проявляет в ситуациях определенного типа. Поэтому они должны включать в том числе задания кейсового и поведенческого типа.

Вряд ли можно считать оправданным оценку, например, нервно-психической устойчивости в тиши теплых аудиторий, в состоянии абсолютного покоя. В XXI в. для военного профессионального психологического отбора целесообразно активно использовать современные тренажеры, аппаратуру создания виртуальной реальности, социотехнологии, объективирующие потенциальные социальные условия, в которых ожидается проявление оцениваемого качества, медикаментозные средства, приводящие организм обследуемого в состояние, характерное для типовой ситуации профессиональной деятельности, и т.д.

Например, системы создания 5D-виртуальной реальности позволяют с высокой реалистичностью создавать обстановку различных видов профессиональной деятельности, вызывать психические состояния, адекватные этой обстановке, и проверять характер проявления когнитивных, мотивационных, эмоциональных качеств в этих условиях.

Итак, осуществление мероприятий профессионального психологического отбора и распределения по специальностям позволяет выявить

степень взаимного соответствия военнослужащих и воинских специальностей, оптимизировать комплектование соединений (частей), военных образовательных организаций военнослужащими, сократить число ошибочных кадровых решений, существенно снизить финансовые, материальные и психологические затраты, сроки обучения подготовки и тренировки, уровень профессиональной патологии, травматизма и аварийности, повысить боеспособность подразделений, укомплектованных с учетом психологических параметров.

Рекомендуемая литература

Базаров, Т. Ю. Психология управления персоналом : учебник / Т. Ю. Базаров. — М. : Юрайт, 2014.

Военная профессиология : учебник / под общ. ред. А. Г. Караяни, Ю. Г. Сулимова. — М. : Изд-во ВУ, 2004.

Основы военного профессионального психологического отбора. — М. : Воениздат, 2005.

Приказ Министра обороны РФ от 26 января 2000 г. № 50 «Об утверждении Руководства по профессиональному психологическому отбору в Вооруженных Силах Российской Федерации».

Психология труда, инженерная психология и эргономика : учебник / под ред. Е. А. Климова, О. Г. Носковой, Г. Н. Солнцевой. — М. : Юрайт, 2015.

Решетников, М. М. Психология войны: от локальной до ядерной: прогнозирование состояния, поведения и деятельности людей / М. И. Решетников. — СПб., 2011.

Заключение

Военная психология вступила в XXI в. в расцвете своих возможностей. Сегодня она органично выступает в трех ипостасях: как отрасль науки, как направление специальной практики и как профессия.

Вбирая идеи военно-психологического искусства величайших воителей древности, впитывая военно-психологическую мудрость полководцев-психологов, интегрируя достижения военной науки и психологии, военная психология выполняет важнейшую миссию — предоставить в распоряжение бойца такой психологический ресурс, который позволит ему эффективно решать сложнейшие боевые задачи и выживать среди ужасов боя.

Наметившийся в начале нового века в военных доктринах ведущих государств переход от традиционных войн к войнам гибридным, многократно усиливает роль военной психологии. Войны нового века ведутся в четвертом — психологическом измерении. Психологическими являются цели, средства, методы, последствия войны. В психологических войнах побеждает тот, у кого крепче нервы. Победа в современном бою в решающей степени зависит от того, насколько быстро противник будет обнаружен, застигнут врасплох, удивлен, ошарашен, устрашен, обманут, истощен. В этой связи существенно возрастает значение психологических знаний всех категорий военнослужащих, связанных со способностью быстро мобилизовать свои физические и психологические силы, преодолевать стресс-факторы современного боя, подчиняться воинской дисциплине, действовать в составе боевого коллектива, восстанавливать психологический ресурс. Военная психология должна предоставить в распоряжение солдат и командиров такие знания.

В настоящее время в российской армии создается мощная, многофункциональная психологическая служба. Она активно ищет свое предназначение, стиль функционирования, обретает опыт практической работы. В этой связи перед военной психологией встает задача разработки теоретико-методологической основы деятельности психологической службы, предоставления в ее распоряжение эффективных технологий психологической подготовки, помощи, реабилитации и социально-психологической реадаптации военнослужащих, исполняющих свой воинский долг по защите Отчества.

В новом веке ведущим трендом в мировой психологии становится активное обращение к когнитивным наукам, углубление интереса к нейропсихологии, психофизиологии. В различных отраслях психологической практики энергично внедряются цифровые технологии, многофункциональные тренажеры, системы виртуальной реальности, современные коммуникативные и «гаджет»-технологии. Они применяются для отбора, психологической подготовки, психологической реабилитации специалистов

различного профиля. Перед военной психологией остро встает судьбоносный вызов — не просто войти в этот мировой тренд, а возглавить научные исследования по самым перспективным направлениям познания человеческой психики и поведения.

Многие отрасли «человеко-ориентированной» практики к сегодняшнему дню наработали интересные, в чем-то прорывные, идеи и технологии. Например, в сфере оказания медицинской помощи инвалидам и больным созданы уникальные протезы и ортезы, сложные экзоскелетоны, позволяющие вести активную жизнь даже парализованным, тотально обездвиженным людям. Наличие таких средств, их широкое внедрение в практику оказания медицинской помощи и психологическое сопровождение этой работы позволит во многом решить вопрос с деструктивным влиянием страха на участников боевых действий.

Военная психология должна активно сканировать пространство научных исследований, изобретений, рационализаторской деятельности, интегрировать и осваивать все, что может составить психологический ресурс воина. Идея о том, что «военная психология лишь тогда станет наукой, полезной командиру, когда укажет ему пути повышения психологической силы своих войск и понижения психологической силы противника», должна стать ее главным девизом, гимном.

Сегодня российская военная психология получила реальный шанс претворить в практику этот, наполненный смыслом, лозунг.

Список источников и литературы

На русском языке

Бархаев, Б. П. Психология и педагогика профессиональной деятельности офицера / Б. П. Бархаев, А. Г. Караяни, В. Ф. Перевалов, И. В. Сыромятников. — М. : Воениздат, 2006.

Военная профессиология / под ред. А. Г. Караяни, Ю. Г. Сулимова. — М., 2005.

Военная психология / под ред. А. Г. Маклакова. — СПб. : Питер, 2004.

Дьяченко, М. И. История отечественной военной психологии : учебник / М. И. Дьяченко, С. Л. Кандыбович, А. Г. Караяни. — М., 2009.

Кандыбович, Л. А. Военно-психологический словарь-справочник / Л. А. Кандыбович, С. Л. Кандыбович, А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — М., 2010.

Караяни, А. Г. Введение в профессию военного психолога / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — М. : Академия, 2007.

Караяни, А. Г. Информационно-психологическое противоборство в войне: история, методология, практика / А. Г. Караяни, Ю. П. Зинченко. — М. : Изд-во МГУ, 2007.

Караяни, А. Г. Прикладная военная психология / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников. — М., 2006.

Караяни, А. Г. Психологическая подготовка боевых действий / А. Г. Караяни, П. А. Корчемный, В. И. Марченков. — М. : Изд-во ВУ, 2011.

Караяни, А. Г. Психологическая помощь в экстремальных ситуациях / А. Г. Караяни, П. А. Корчемный. — М. : Изд-во ВУ, 2010.

Караяни, А. Г. Психология отклоняющегося поведения военнослужащих в боевой обстановке / А. Г. Караяни, С. Л. Евенко. — М. : Изд-во ВУ, 2006.

Караяни, А. Г. Социально-психологическая интеграция в российское общество инвалидов боевых действий / А. Г. Караяни, Ю. М. Волобуева, В. Ф. Дубяга. — М., 2007.

Китаев-Смык, Л. А. Стресс войны: наблюдения врача-психолога / Л. А. Китаев-Смык. — М., 2001.

Лешан, Л. Если завтра война? Психология войны / Л. Лешан ; пер. с англ. Е. О. Рычковой. — М. : Астрель ; АСТ, 2004.

Литвинцев, С. В. Боевая психическая травма / С. В. Литвинцев, Е. В. Снедков, А. М. Резник. — М. : Медицина, 2005.

Макнаб, К. Психологическая подготовка подразделений специального назначения / К. Макнаб. — М., 2002.

Проблемы военной психологии / под общ. ред. А. Е. Тараса. — Минск : Харвест, 2003.

Психология и война / под ред. А. Г. Караяни, Э. П. Утлика. — М. : Изд-во ВУ, 2003.

Решетников, М. М. Психология войны: от локальной до ядерной: прогнозирование состояния, поведения и деятельности людей / М. М. Решетников. — СПб., 2011.

Современная военная психология. — Минск : Харвест, 2003.

Тарабрина, Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н. В. Тарабрина. — М., 2001.

Утлик, Э. П. Психология личности (личность в общей и военной психологии) / Э. П. Утлик. — М. : Изд-во ВУ, 2006.

Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. С. Месснера. — М. : Изд-во ВУ, 2005.

Зарубежная литература

AJP-3.10.1. Allied Joint Doctrine for Psychological Operations. — NATO standardization office (NSO), 2014.

Field Manual FM 6—22.5. Combat and operational stress control manual for leaders and soldiers. — Washington, 2009.

Hoge, Ch. W. Once a warrior always warrior: Navigating the Transition from Combat to Home Including Combat Stress, PTSD, and mTBI. — Guilford, Connecticut : Lyons Press, 2010.

Hughes, J. H. Battle Against Stigma / J. H. Hughes, M. Neville. — Barcelona : Grafos, 2014.

Joint publication 3—13.2. Military Information Support Operations. 2010, 2011.

Matthews, M. D. Head strong: How Psychology revolutionizing War / M. D. Matthews. — N. Y. : Oxford university press, 2014.

Military psychology: Clinical and Operational Applications / ed. by C. H. Kennedy, T. A. Zillmer. — N. Y. ; L. : The Guilford press, 2006.

The Oxford Handbook of Military psychology / ed. by J. H. Laurence, M. D. Matthews. — N. Y. : Oxford university press, 2012.

Периодика

Психологический журнал.

Российский психологический журнал.

Национальный психологический журнал.

Юридическая психология.

Наши книги можно приобрести:

Учебным заведениям и библиотекам:
в отделе по работе с вузами
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: vuz@urait.ru

Частным лицам:
список магазинов смотрите на сайте urait.ru
в разделе «Частным лицам»

Магазинам и корпоративным клиентам:
в отделе продаж
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru

Отзывы об издании присылайте в редакцию
e-mail: gred@urait.ru

Новые издания и дополнительные материалы доступны на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru, а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Практическое издание

Караяни Александр Григорьевич

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ВОЕННОГО ПСИХОЛОГА

Практическое пособие

Формат 70×100 1/16.
Гарнитура «Charter». Печать цифровая.
Усл. печ. л. 25,76

ООО «Издательство Юрайт»
111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а.
Тел.: (495) 744-00-12. E-mail: izdat@urait.ru, www.urait.ru

КАРАЯНИ Александр Григорьевич
доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой психологии военно-психологического факультета Военного университета Министерства обороны Российской Федерации.

Данное практическое пособие является уникальным собранием военно-психологического опыта выдающихся воителей Древности и новейших достижений мировой военной психологии.

Лейтмотив книги – формирование эффективного бойца, обладающего сверхчеловеческими способностями видения и понимания боя, мобилизации глубинных ресурсов своего тела и психики, эффективного использования энергетики боевого стресса, создания собственного «психологического бронежилета». В ней раскрываются секреты боевой сплоченности и необоримости воинского коллектива, эффективности боевого руководства.

По обширности проблематики издание не имеет аналогов в России и за рубежом. В нем раскрыты психологические природа войны и боя, модель боевых действий, пружины боевого поведения воинов.

FURY

ISBN 978-5-534-00263-8
9 785534 002638